

Демонология и знания о дьяволе, Том 2

Монкюр Дэниел Конвей

DEMONOLOGY AND DEVIL-LORE VOLUME 2

MONCURE DANIEL CONWAY

Global Grey ebooks

ДЕМОНОЛОГИЯ И ЗНАНИЯ О ДЬЯВОЛЕ

ТОМ 2

АВТОР : МОНКЮР ДЭНИЕЛ КОНВЕЙ

1879

Содержание

ЧАСТЬ 4. ДЬЯВОЛ

Глава 1. Дьяволизм

Глава 2. Второй лучший

Глава 3. Ариман: Божественный дьявол

Глава 4. Вишвамित्रа: Теократический дьявол

Глава 5. Элохим и Иегова

Глава 6. Всепожирающий огонь

Глава 7. Рай и Змей

Глава 8. Ева

Глава 9. Лилит

Глава 10. Война на небесах

Глава 11. Война на Земле

Глава 12. Борьба

Глава 13. Варварская аристократия

Глава 14. Иов и Разделитель

Глава 15. Сатана

Глава 16. Религиозный деспотизм

Глава 17. Князь мира сего

Глава 18. Испытание Великих

Глава 19. Человек греха

Глава 20. Святой Дух

Глава 21. Антихрист

Глава 22. Гордость жизни

Глава 23. Проклятие знаний

Глава 24. Колдовство

Глава 25. Фауст и Мефистофель

Глава 26. Дикий охотник

Глава 27. Le Bon Diable

Глава 28. Анимализм

Глава 29. Мысли и интерпретации

ЧАСТЬ 4. ДЬЯВОЛ

Глава 1. Дьяволизм

Различение дракона и дьявола—Крылья Дракона—Война на Небесах—Изгнание Змей—Уничтожение Дракона—Теологическое происхождение дьявола—Идеальное и актуальное—Догма дьявола—Унижение идеальных личностей—Переселение призраков.

‘Все мы - не что иное, как Воля’, - говорит святой Августин; и он добавляет, что у добрых и злых ангелов природа одна, а воля разная. В согласии с этим Джон Бомонт говорит: “Благое желание ума - это благой Бог”.¹ К чему вся мифология Зла добавляет, что дурное желание ума - это дьявол. Каждое олицетворение злой Воли смотрит за пределы внешних явлений боли и представляет сердце, которое любит зло, дух, который способствует злу. В этот момент появляется совершенно новый элемент. Физическая боль, случайно представленная Демоном, обобщенная и организованная в принцип вредоносности в Драконе, теперь начинает проходить под тенью, отбрасываемой восходящим светом нравственной природы человека. Человек начинает осознавать моральные и духовные страдания: они все еще могут быть воображаемо связаны с телесными муками, но они выпадают из непосредственного представления, исчезают в отдаленном будущем и даже заменяются представлением о зле, символизируемом удовольствием.

Фундаментальная разница между Демоном или Драконом и Дьяволом может быть распознана в следующем: мы никогда не видим, чтобы первый добровольно даровал физическое удовольствие или счастье человеку, тогда как главной частью представления о Дьяволе является то, что он часто оказывает земные блага, чтобы развратить нравственную природу.

Действительно, существуют очевидные исключения из этой теоремы, представленные в агатодраконах, которые уже рассматривались в нашей главе о Василиске; но читатель заметит, что в таких мифах нет намека на какую-либо зловещую скрытую цель в добрых предзнаменованиях, приносимых этими исключительными чудовищами, и что на самом деле они представляют собой формы злобной силы, чье пагубное намерение, как предполагается, было побеждено превосходящей мощью героев или святых, во славу которых они неохотно вынуждены служить.

Несомненно, Дракон очень далеко продвинулся в этом моральном и религиозном развитии внутренней природы человека и до сих пор занимает по отношению к нему подчиненное положение, будучи одновременно узником и тюремщиком в подземном мире. В ходе длительного процесса он претерпел определенные трансформации, и, в частности, его атрибут крыльев, если и не вытекающий из представления о его борьбе со святыми существами, то, по-видимому, в значительной степени усиленный таким образом. Исключительные крылья, которыми наделялись змеи в греческом искусстве, те, например, которые изображают Деметру и Персефону в их колеснице, ничтожны по сравнению с полностью развитыми крыльями нашего традиционного Дракона христианской эпохи. Такие крылья могли появиться случайно, чтобы обозначить летящее облако, огнедышащую бурю или объяснить, как какому-то Раху удалось преследовать солнце и луну и временно проглотить их во время явления затмения. Но эти крылья выросли до более важных размеров, когда были подхвачены семитской концепцией крылатых гениев и ангелов-разрушителей и ассоциировались с амбициозным нападением на небеса и их божественных или ангельских обитателей.

‘На небесах была война’, - говорится в апокалипсисе. Традиционные описания этой войны довольно точно, в драматических деталях, повторяют другие, более древние сражения, которые отражают столкновения человека с невзгодами природы. В этих столкновениях человек воображал, что боги спускаются на землю, чтобы смешаться в схватке; но даже там, где борьба достигает наивысшего накала, декорации в основном земные, и речь идет о месте и силе, о господстве видимого Света, установленного над Тьмой, или о сравнительно цивилизованной расе над дикой. Войны между Дэвами и Асурами в Индии, Дэвами и Ахурами в Персии, Буддой и Нагами на Цейлоне, Гарурой и людьми-Змеями на севере Индии, богами и Ледяными великанами в Скандинавии все еще касаются отношения человека к плодам земли, к теплу и морозу, к темноте или буре и солнечному свету.

Но некоторые из них, в конце концов, находят версии, которые обнаруживают их тенденцию к одухотворению. Отличия, представленные одной из этих легенд, дошедшей до нас почти в своей древней форме, от той же, которая сохранилась в частично мистической форме, проиллюстрируют переходную фазу. Таким образом, Гарура, изгоняющий змей из своего царства в Индии, не является святой легендой; говорят, что этот истребитель змей заставлял расу рептилий ежедневно присылать ему одну из них, чтобы он мог ее есть, и рационализированная традиция интерпретирует это как каннибализм принца. Изгнание нагов, или змей, Буддой с Цейлона для того, чтобы он мог посвятить этот остров святому закону, отмечает благочестивое подчеркивание этой басни. Изгнание змей из Ирландии святым Патриком - это легенда, задуманная в духе проклятия, наложенного на змея в Эдеме, но в данном случае современный миф более примитивен в моральном отношении и более близко отражает подвиг Гаруры. Святой Патрик изгоняет змей, чтобы физически превратить Ирландию в рай, и утвердить свою репутацию апостола, выполняя знамения того, кого назвал Христос;² и в

этом конкретном случае он немного возвышается над индуистской историей. В случае со змеем, проклятым в Эдеме, показана дальнейшая морализация конфликта. Змей присутствует в Эдеме, как в царствах Гарура и Святого Патрика, не для причинения физического опустошения или боли, а для того, чтобы доставить удовольствие человеку с целью достижения успеха в дальнейших отношениях между ним и божеством. Однако в этом эдемском мифе древнее сражение еще недостаточно одухотворено; поскольку исход все еще связан, как и в поединке между Дэвами и Асурами, с обладанием волшебным плодом, который никоим образом не дарует святости. В апокалиптической легенде о войне на небесах,³ легенда стала довольно одухотворенной. Проблема больше не земная, она больше не направлена просто на власть; Дракон ополчился против женщины и ребенка и против духовного 'спасения' человечества, 'обвинителем' и 'обманщиком' которого он является.

Конечно, никто не мог быть "введен в заблуждение" "огромным огненно-красным Драконом с семью головами и десятью рогами"! В этом видении Дракон вытеснен настолько, насколько это возможно в плане символизации зла. Пожирать ребенка - его законная работа, но как "обвинитель братьев перед Богом днем и ночью" чудовищный облик, безусловно, был неуместен ни в одной мифологической аналогии; и вряд ли можно было представить такую физиономию, способную обмануть 'весь мир'. Поэтому нет ничего удивительного в том, что присутствие Дракона на небесах упоминается только в связи с его падением оттуда. Знаменательно, что крылья потеряны при этом падении; ибо, хотя его "ангельское" родство предполагает наличие предыдущих крыльев, женщина способна спастись от поверженного чудовища с помощью двух данных ей крыльев.⁴ Теперь бескрылый, 'старый змей' снова, облик монстра не приспособлен к моральной и религиозной борьбе, которая должна последовать. Ибо его форма - это метод, и он означает совершенство грубой силы. Это, действительно, также остается продолжением этого великолепного мифа. Как в легенде о Гидре две головы вырастают на месте той, что падает, так и в этой христианской легенде из поверженного чудовища, отныне скрывающего себя, по его вдохновению возникают две — семиглавый десятирогий Зверь, который продолжает дело гнева и боли; но также и Зверь, подобный ягненку, только с двумя рогами (гораздо менее ужасный), и способный обманывать своими чудесами, ибо он даже способен вызывать огонь с небес. Древний Змей-дракон, выражение естественной боли, таким образом, распадается на куски. Его старшая часть остается творить зло и обижать; и раздаётся крик: 'Веселитесь, вы, небеса, и вы, эта скиния на них: горе земле и морю! ибо дьявол сошел к вам в великом гневе, потому что он знает, что у него мало времени'.⁵ Но в нем также есть агнцеобразная часть, и его отношение к Дракону известно только по его голосу.

Это тонкое приспособление символа внешней боли к изображению моральной борьбы, при котором враждебная сила может принимать обманчивые формы красоты и удовольствия, является лишь одной впечатляющей иллюстрацией переноса человеческих представлений о зле с внешней природы на внутреннюю. Происходит переход от злонамеренного, фатального принципа вредности для тела к злонамеренному, фатальному принципу зла для совести. Демон был естественным; Дракон был одновременно физическим и метафизическим; дьявол был и остается теологическим. В примитивной зороастрийской теологии, где Дьявол впервые появляется в четком определении, он является противником Доброго Разума, и битва между ними, Ормуздом и Ариманом, является одухотворением битвы между Светом и Тьмой, Болью и Счастьем во внешнем мире. Предполагалось, что эти видимые антагонисты точно

уравновешены друг с другом, так же как и их духовные аналоги. Два Разума описываются как близнецы.

‘Эти древние Духи, которые являются близнецами, показали, что такое добро и что такое зло в мыслях, словах и поступках. Те, кто добр, проводят различие между этими двумя понятиями; не так обстоит дело с теми, кто творит зло.

Когда эти два Духа сошлись вместе, они сначала сотворили жизнь и смерть, так что, наконец, должна была наступить самая жалкая жизнь для плохих, но для хороших - блаженство.

"Из этих двух Духов злой выбрал худшие поступки; добрый Дух, тот, чьим одеянием является неподвижное небо, выбрал то, что правильно".⁶

Эта метафизическая теория близко следует примитивным научным наблюдениям, на которых она основана; это холод из холодов, мрак из тьмы, жало смерти, переведенное в некоторый порядок для интеллекта, который, пройдя через Дракона, мы находим проявляющимся в этом персидском Дьяволе; и на фоне его черноты слава личности, от которой исходят все хорошие вещи, сияет в великолепии, больше не омраченном ассоциацией со злой стороной природы. Ормузд прославляется как "отец *чистого* мира", который поддерживает "землю и облака, чтобы они не падали", и "сотворил *добрый* свет и тьму, добрый сон и пробуждение";⁷ на каждом шагу предлагается отец *нечистого* мира, *недобро*го света, тьмы или сна.

Экстаз, сопровождавший первое видение человеком идеальной жизни, бросал вызов противоречивым фактам внешней и внутренней природы. Как только он увидел более чистый образ самого себя, возвышающийся над своим собственным анимализмом, он должен рассматривать этот анимализм не только как наущение дьявола, но и как нечто подобное ему в природе; и эта концепция будет продолжаться *pari passus* созданием чистых божеств по образу этого высшего "я". Тогда еще не существовало философии, требующей единства Космоса или запрещающей человеку считать проклятым многое в природе, что явно не соответствовало его идеалам.

М-р Эдвард Б. Тайлор проследил рост анимизма по тени человека и его дыханию; сэр Джон Лаббок проследил влияние сновидений на формирование вокруг него призрачного мира; м-р Герберт Спенсер дал анализ вероятных процессов, посредством которых эта невидимая среда формировалась для ментального зачатия в соответствии с семейными и социальными условиями. Но необходимо, чтобы мы здесь распознали тень, бродившую по нравственной природе, дыхание религиозных устремлений и сны, посещавшие человека, чье нравственное чувство так часто расходилось с его животными желаниями. Кодекс, установленный для общего блага, хотя и обязательно имеющий отношение к совести каждого отдельного человека, является ограничением индивидуальной свободы. Конфликт между эгоизмом и долгом, таким образом, начинается; он продолжается в борьбе между "законом в членах и законом в духе", которая побудила Павла избивать свое тело (ὑποτάξομαι), чтобы держать его в подчинении; он переходит от латинского поэта к англичанину, который превращает свой опыт в руну —

Я вижу правильное решение и тоже одобряю его;

Осуждайте неправильное, и все же неправильное преследуйте.

Как ни интенсивен был отбрасываемый им свет, столь же интенсивной была тень, которую он отбрасывал под всем, сквозь что не мог проникнуть. Какой бы страстной ни была любовь самого святого человека к добру, столь же страстной была любовь его духовного врага ко злу. Как ни высок был лазурный свод, сливавшийся с его мечтами о чистоте, так глубока была бездна под его низшей природой. Поверхностное соответствие явлений, болезненных и приятных, его животной природе придало форму, в которую должны были быть отлиты его теории о внутренних и моральных феноменах; и таким образом человек — в величественный момент — подчинился ужасной концепции высшего Принципа Зла: где бы ни было добро, там стоял его противник; где бы ни была истина, там был и ее отрицатель; ни один свет не сиял без присутствия тьмы, которая могла бы его погасить; у невинности был свой официальный обвинитель, у добродетели — опытный искушитель, у мира — нарушитель, у веры — возмутительница спокойствия и насмешница. Более того, к этому олицетворению добавилась последняя черта дьявольщины, натуры, которая находила свое высшее удовлетворение в том, чтобы в конечном счете мучить людей за грехи, спровоцированные им самим.

Остается открытым вопрос, насколько далеко среднестатистический представитель человечества действительно продвинулся в понимании этой теологической догмы. Как ни легко это выразить ясным словесным заявлением; как ни легко аналогии с природой приводят аргументы и иллюстрации баланса между моральным светом и тьмой, любовью и ненавистью; тем не менее, человек ограничен в субъективных представлениях своими собственными возможностями, и можно почти сказать, что для того, чтобы искренне верить в абсолютного Дьявола, человек должен был бы сам потенциально быть им. Но любое человеческое существо, движимое беспричинным и бесцельным желанием причинять боль другим, повсеместно считалось бы безумным, а тем более тем, кто без всяких мотивов развращает и причиняет страдания.

Даже теологические утверждения о личности Зла и о том, что это подразумевает, встречаются редко. Нижеследующее достаточно смело, чтобы быть занесенным в протокол, помимо его наводящего на размышления характера.

"Нельзя отрицать, что, поскольку существует вдохновение святой любви, существует и вдохновение ненависти или безумного удовольствия, с которым люди отдаются импульсам разрушения; и когда популярный язык говорит об имуществе сатаны, о воплощенных дьяволах, в основе этого лежит суровая истина, что люди, продолжая грешить, могут перейти обычную границу между человеческой и дьявольской порочностью и открыть в себе глубокую пропасть ненависти, которая, без какой-либо примеси корысти, находит свое удовлетворение в опустошении и горе".⁸

По этому поводу можно сказать, что популярный комментарий к случаям подобного рода содержится в самой упомянутой фразе 'одержимость' — подразумевается, что такая бескорыстная порочность никоим образом не возможна в пределах простого человеческого опыта, — и в наше время с "одержимостью" обращаются в приютах. Болезненные состояния, однако, бывают такой разной степени, что, вероятно, многие представляли Себе Существо, в котором их худшие импульсы не поддаются сдерживанию, и, таким образом, было достаточно популярных приближений к образному представлению о дьяволе, чтобы позволить выжить теологической догме, которую мало кто может проанализировать.

Однако не следует предполагать, что моральные и духовные идеалы, на которые только что был сделан намек, обычно представлены в различных Дьяволах, которых нам предстоит рассмотреть. Характерной чертой персонификаций, будь то небесных или inferнальных, является постепенное вытеснение идей, из которых они проистекают. Как и в басне об Агни, который, как говорят, пожрал своих родителей при рождении, метафоре огня, пожирающего две палочки, из которых он получается, религиозная история показывает как божеств, так и дьяволов, пламенем личной преданности или ненависти, которое они порождают, сжигающих идеи, которые их порождают. Когда вместо бессознательных сил и неодушевленных законов, приводящих к результатам, называемым добром и злом, люди видят великие личные Воли, вовлеченные в личный конфликт, вселенная становится правительством битвы; звезды небесные, ангелы и бесы, мужчины и женщины, сами растения и животные вовлечены в битву, чтобы встать на ту или иную сторону; и в военном духе и ярости борьбы духовные идеалы становятся столь же незначительными по сравнению с сонмом фантомов, которые они вызвали, как фиалки и маргаритки, которые армия топчет на своем марше. В конце концов, нет большой разницы между моральными характеристиками соответствующих армий Ормузда и Аримана, Михаила и сатаны; их стратегия и свирепость одинаковы.⁹ Везде, где концепция вселенной разделена на враждебные лагеря, разжигаются соответствующие страсти, и в гуще битвы, где встретились Жестокость и Мягкость, наконец-то можно увидеть рогатого Зверя, которому противостоит рогатый Ягненок.¹⁰ С обеих сторон - воздевание рога.

Нам нужно только взглянуть на исход кроткого и смиренного Иисуса сквозь призму требований воинствующей церкви, чтобы увидеть, насколько могущественны такие силы. Хотя христиане-миряне с обычным образованием привыкли рационализировать свои догмы настолько, насколько это возможно, и останавливаться на любящих и терпеливых качествах Иисуса, рога, которые были прикреплены ко лбу того, кто сказал: 'Любите врагов ваших' веками христианской войны, все еще остаются в Христе Теологии, и от них по-прежнему зависит внушение благоговения "грешнику". В православной семье, с которой я был немного знаком, маленькому мальчику, который неприлично выражал негодование по отношению к товарищу по играм, было сделано замечание, что он должен быть больше похож на Христа, 'который никогда не причинял никакого вреда своим врагам'. "Нет, - ответил разгневанный ребенок, - но он собирается это сделать".

Поскольку в демонологии мы прослеживаем борьбу человека с внешними препятствиями и фантазии, в которых они отражались до тех пор, пока не были поняты или преодолены, теперь мы должны рассмотреть формы, которые сообщают о человеческом прогрессе на более высоком плане - плане социальной, моральной и религиозной эволюции. Порождения грубой Теологии, пытающейся истолковать моральное чувство, дьяволы, на которых мы сейчас обращаем наше внимание, умножились по мере того, как различные интересы человечества вступили в связь с их совестью. Каждая ступень восхождения нравственной природы была отмечена бесчисленными новыми тенями, отбрасываемыми на разум и жизнь человека. За каждым новым небом идей следует новая земля, но прежде чем произойдет это соответствие вещей мыслям, должна произойти борьба, и старые демоны будут призваны для нового служения. Со временем все новое устаревает; свежие проблемы исчезают, поля их сражений остывают; тогда выводок суеверий должен улетучиться на следующее поле, где водится падаль. Какими бы грязными и отталкивающими ни были эти стервятники разума — организмы моральных отбросов, — каждый из них является свидетелем побед человечества над злом,

которое они порождают, и неуклонного освоения новой земли, которая не предоставляет им никакой среды обитания, кроме страницы археолога.

Глава 2. Второй лучший

Уважение к дьяволу—Примитивный атеизм—Идеализация—Рождение новых богов—
Превращение новых богов в дьяволов—Компромисс между новыми богами и старыми —
Деградация чужеземных божеств —Их использование.

Одна дама, проживающая в Хэмпшире, Англия, недавно сказала подруге настоящего автора, обе матери: 'Вы заставляете своих детей склонять головы всякий раз, когда они упоминают имя Дьявола? Я верю, — добавила она торжественно, - я думаю, так безопаснее.

Этот пример почитания имени Дьявола, встречающийся в уважаемой английской семье, может вызвать улыбку; но если мой читатель внимательно прочитал третью и четвертую главы (часть I.) этого труда, в которых было необходимо изложить определенные факты и принципы, лежащие в основе явлений деградации как в демонологии, так и в учении о дьяволе, он уже будет знать высокое значение почти всех имен, которыми были облечены персонификации зла; и он не удивится, обнаружив, что их первоначальная святость, хотя и приниженная, иногда сохраняется в таких воображаемых формах после сражений, в которых они были убиты. побежденные утратили всякий современный интерес. Если бы, например, вместо Дьявола, имя которого с уважением произносят в семье Хэмпширцев, там упоминалось какое-нибудь богословское пугало нашего времени, например "Атеист", вряд ли к нему отнеслись бы с таким вниманием.

Две только что упомянутые главы предвосхищают многое из того, что следует рассмотреть на данном этапе нашего исследования. Здесь необходимо лишь дополнить их кратким изложением и, в некоторой степени, повторением процессов, посредством которых деградировавшие божества сохраняются для продолжения структурного развития и выполнения необходимой роли в каждой теологической схеме, включающей концепцию вечного различия между добром и злом.

Каждое олицетворение, когда оно появляется впервые, выражает более высокий и масштабный взгляд. Когда божества, представляющие физические потребности человечества, не в состоянии, как это неизбежно должно быть, удовлетворить эти потребности, следует атеизм, хотя он долгое время не может найти философского выражения. Это, так сказать, атеизм *ad hoc*, который работает за счет унижения конкретных богов, а не за счет построения антитеистических теорий. Таким образом возникают и процветают сменяющие друг друга династии божеств, каждая из которых представляет собой менее произвольное отношение к природе — опасность подстерегает в этом направлении — и более высокий моральный и духовный идеал, поскольку это оплот божеств. Очевидно, что гораздо легче поддерживать

теорию о том, что божество слышит молитвы и отвечает на них, если эти молитвы ограничены духовными просьбами, чем когда это прошения о внешних благах. Отдавая жестокие и безжалостные силы природы дьяволу, — *то есть* тому или иному их олицетворению, к которым, как к богам, тщетно взывали, чтобы смягчить эти силы, — более духовный бог, который следует за ними, приобретает в безопасности, а также красоте то, от чего он отказывается в виде империи и всемогущества. Этот закон, проиллюстрированный в нашей главе о Судьбе, оказывает огромное влияние на условия, при которых древнее сражение становится одухотворенным.

Красноречивый проповедник сказал: "Прекрасная фантазия Хоторна о юноше, который приписал героические качества каменному лицу на выступе скалы, превратив таким образом скалистый профиль в человека, и, размышляя над ним с восхищенным трепетом, фактически перенес на себя моральные элементы, которым он поклонялся, тысячу раз становилась реальностью, становится реальностью каждый день благодаря искренним духам, которые преданным стремлением превращают свои видения в истину и получают живые ответы на свои просьбы к теням".¹¹

Какими бы воображаемыми ни были благословения, которые верующий извлекает таким образом из своего изображения, они наиболее реальны, поскольку способствуют славе и силе изображения. Самое грубое олицетворение, собирающее святыни поколений, связанное с самыми святыми надеждами, лучшими эмоциями, глубочайшими устремлениями человеческой природы, в конце концов может быть настолько отождествлено с этими чувствами, что все они кажутся абсолютно зависимыми от образа, который они вкладывают. Тогда любая критика такой персонификации кажется ударом, направленным против моральных законов. Если в христианском мире все еще встречаются образованные люди, обсуждающие, сможет ли мораль пережить свержение таких олицетворений и стоило ли жить без них, мы можем легко понять, как во времена, когда социальных, этических и психологических наук вообще не существовало, все, что ценили люди, казалось, было обречено выстоять или пасть вместе с Человеком, который считался их единственным краеугольным камнем.

Но ни одна Личность, каким бы высокопоставленным она ни была, не может остановить солнце и луну, или разум и жизнь человечества. С каждым улучшением физических или социальных условий необходимо влиять на моральные элементы; каждая новая комбинация предполагает пересмотр опыта, а в настоящее время и убеждений. Отныне обожествленный образ может оставаться только тираном над сердцем и мозгом, которые его создали, —

Creatura a un tempo

E tiranno de l'uom, da cui soltanto

Ebbe nomi ed aspetti e regno e altari.¹²

Это олицетворение, таким образом, 'одновременно создание человека и его тиран', объективно является именем. Но поскольку он был облечен всем самым священным, неизбежно, что любое имя, поднятое против него, будет в равной степени ассоциироваться со всем, что считалось самым низменным. Это также должно быть персонифицировано по той же причине, по которой персонифицируется добро; и поскольку имена в основном передаются по наследству, довольно часто случается, что титул какого-нибудь падшего и дискредитированного божества выдвигается для получения новой анафемы. Но что еще он получает? Новые идеи, растущие

идеалы и свежий энтузиазм ассоциируются с некой фантастической формой с преданным анафеме названием, вызванным из прошлого, и таким образом достигается зловещая ситуация. Поклоняющиеся новому образу не примут дурную славу и связанные с ней низменные ассоциации; они даже становятся достаточно сильными, чтобы претендовать на имя и алтари существующего порядка и сражаться за то же самое. Затем происходит деморализация, в буквальном смысле слова, старой теологии. Олицетворение, сведенное к борьбе за свое существование, больше не может делать акцент на моральных принципах, которые оно воплощало, поскольку ими в равной степени обладают их противники; более того, его сторонники умудряются ассоциировать со своим святым Именем столько фанатизма и жестокости, что новаторы в конце концов готовы отказаться от него. Личная лояльность, которая, как выясняется, сохраняется и после того, как верность принципам прекратилась, продолжает принижать добродетели, некогда почитавшиеся, когда обнаруживается, что они связаны с именем соперника. 'Он изгоняет бесов с помощью Вельзевула' - это очень древний клич. Это было услышано снова, когда Тертуллиан сказал: "Сатана - это Божья обезьяна". Святой Августин признает сходство между обрядами христиан и язычников как доказательство тонкого подражания дьяволу; упомянутые явления рассматриваются в другом месте, но в данной связи можно отметить, что эта готовность считать одно и то же таинство в высшей степени святым или в высшей степени дьявольским, поскольку оно совершается в честь того или иного имени, тесно согласуется с почитанием или отвращением к вещам более важным, чем таинства, независимо от того, являются они или нет., освящается тем, что каждая теология считает официальной санкцией. Когда секты говорят о 'простой морали', мы можем распознать в этой фразе последний слабый боевой клич бога, от которого ушел духовный идеал, и даже имя которого может сохраниться только благодаря союзу с новым претендентом на его алтари. В то время как новых богов называли дьяволами, старые становились таковыми.

Победа нового идеала превращает старый в идола. Но мы рассматриваем ту фазу развития мира, когда суеверие должно облекать как новое, так и старое, хотя и в более слабой степени. Новая религиозная система преобладает главным образом благодаря своему моральному превосходству над той, которую она вытесняет; некогда она приходит на смену храмам и алтарям, посвященным предыдущим божествам, когда пыл битвы утихает и примирение становится не только добродетелью, но и политикой, к старому идолу, вероятно, будут относиться с уважением, и, возможно, его удастся установить дружеские отношения с его победоносным противником. Он может занять свое место 'второго по силе', по выражению Гете, и ему будет поручена какая-то функция в новом теологическом режиме. Таким образом, за простотой леди из Хэмпшира, наставляющей своих детей кланяться при упоминании имени дьявола, скрываются столетия, на протяжении которых христианские богословы так же горячо защищали существование сатаны, как и самого Бога. И на то есть достаточная причина: это адское существо, некогда "обезьяна" и соперник Бога, неизбежно развилось до своего нынешнего положения и должности агента и палача при божественном правительстве. Он — второй По значимости Человек; и это странная галлюцинация - воображать, что в век мирных исследований какое-либо божественное воплощение может существовать без этого терпеливого Козла, который несет вину за все недостатки природы и который избавляет божественную Любовь от гнусности, порождая страх, который является матерью благочестия, - по крайней мере, в миллионах нелогичных глаз, в которые священники все еще могут смотреть без смеха.

Таково, вкратце, было взаимодействие моральных и интеллектуальных сил, действующих в рамках установленных систем, и наций, управляемых ими. Но есть дополнительные факторы, усиливающие силы с каждой стороны, когда чужеземцы вступают в соперничество и столкновение с национальными божествами. В таком соревновании, помимо моральных и духовных чувств и бытовых святынь, которые переплелись с внутренними божествами, задействуются также национальная гордость и патриотизм. Но с другой стороны, привлекается очарование новизны и сознание своей вины и сбоя в домашней системе. Каждая система, импортируемая в чужую страну, оставляет позади свои практические недостатки, выдвигает вперед свои лучшие качества, а именно теоретические, и имеет то преимущество, что предлагает способ вырваться из существующей рутины, которая стала угнетающей. Наполеон I сказал, что ни один народ, глубоко привязанный к институтам своей страны, не может быть покорен; но какие люди привязаны к стоящей над ними священнической системе? То внутреннее недовольство, которое в светском правительстве приветствуется лихим корсиканцем или принцем Оранским, стало средством введения многих чуждых религий и предоставления многим пророкам чести, в которой им отказано в его собственной стране. Будда был индусом, но торжество его религии произошло не в Индии; Зороастр был персом, но в Персии нет парсов; христианство вряд ли можно назвать колониством даже на родине Христа.

Эти объединения и изменения не обошлись без ожесточенных споров, жестоких войн или преследований, а также появления множества дьяволов. Нет ничего более нормального в древних системах, чем вера в то, что боги других народов - дьяволы. Убийство жрецов Ваала соответствует превращению их бога в Вельзевула. Пропорционально успеху Олафа в сокрушении почитателей Одина, их божество неуклонно трансформируется в дьявольского Дикого Охотника. Но и здесь проявляются силы частичного восстановления, которые, как мы видели, действуют в результате внутренней реформы; побежденное и на время объявленное вне закона божество во многих случаях впоследствии примиряется и получает низшую и, хотя и ненавистную, полезную должность в новом порядке. Действительно, иногда, как в случае с индуистским разрушителем Шивой, оказывается необходимым поставить бога, преданного анафеме вне всякой возможности обеления, в один ряд с самым добродетельным божеством. Политические силы и требования пропаганды творят множество чудес подобного рода, с которыми мы столкнемся на дальнейших этапах нашего исследования.

Каждый вытесненный бог, который выживает в подчинении другому, почти наверняка превратится в Дьявола. Эвфемизм может рассказывать о нем приятные басни, жречество может счесть полезным увековечивать веру в его существование, но все зло вселенной, которое трудно объяснить, постепенно ложится на него и низвергает его, пока от его былой славы не останется ничего, кроме сияющего имени.

Глава 3. Ариман: Божественный дьявол

Олицетворение мистером Ирвингом суеверия—Революция против благочестивых привилегий—Доктрина "заслуг" —Безнравственность святых в Индии—Пантеон, превратившийся в Ад—Зендавеста о добре и зле—Мифология парсов —Битва Аримана с Ормуздом—Оптимизм—Эсхатология Парсов —Окончательное восстановление Аримана.

Любой, кто был свидетелем научного и виртуозного воплощения мистером Генри Ирвингом характера Людовика XI. у него была возможность распознать ту фазу суеверия, которую, к счастью, теперь было трудно обнаружить вне сцены. Ничто не могло сравниться с тонким реализмом, с которым этот художник представил зрителю совершенный тип мнимой религии, из которой все моральные черты были устранены такими медленными процессами, что окончательный успех достигается бессознательно, и ужасный результат кажется неподконтрольным даже какой-либо аффектации действительной добродетели. Мы видим, как король при звуке колокола прерывает свои инструкции по предательскому убийству, чтобы пробормотать молитвы, а затем мгновенно возвращается к злодеям, над чьим предполагаемым успехом он злорадствует. В тайне его покоев маска не спадает, ибо маски нет; лицо суеверия и порока, на которое мы смотрим, - это истинное лицо, которое века фанатизма передали ему.

Такое лицо чаще было лицом нации, чем отдельного человека, ибо здоровые жизненные силы действуют в домах и сердцах человечества задолго до того, как их теории достигают понимания и оказывают на них влияние. Именно против такого лица поднялся моральный бунт, носящий имя Зороастра, который увидел в нем физиономию Злого Разума, назвал его Ариманом и от имени совести нанес ему удар, который все еще ощущается сквозь века.

Гениальные теоретики объяснили иранскую философию всеобщей войны между Ормуздом (Ахурамаздой) Добрым и Ариманом (Ангромайнюсом) Злым обширными и ужасными климатическими изменениями, включающими экстремальные перепады температуры и холода, следы которых геологи находят в Старом Иране, откуда колония арийцев мигрировала в Новый Иран, или Персию. Но хотя физические условия такого характера, возможно, послужили источником многих метафор, с помощью которых конфликт между Добром и Злом описывается в Авесте, существуют и другие характеристики этого древнего писания, которые делают более вероятным, что ранняя колонизация Персии, как и Новой Англии, была результатом религиозной борьбы. Некоторые из богов, наиболее почитаемых в Индии, вновь появляются как проклятые демоны в религии Зороастра; индуистское слово, обозначающее бога, - это парсийское слово, обозначающее дьявола. Эти противоречия носят не просто словесный характер; в Авесте они сопровождаются самыми яростными обличениями теологических оппонентов, которых нетрудно идентифицировать со священниками и приверженцами религии брахманов.

Дух ранних священных писаний Индии не оставляет места для сомнений относительно того, с чего началась эта революция. Она была направлена против привилегий благочестия. Святая иерархия Индии была кастой, совершенно безответственной по отношению к моральным законам. Древние боги, расплывчатые названия сил природы, были строго ограничены в своих полномочиях распоряжениями своих жрецов;¹³ а поскольку для этих жрецов главными потребностями были обильные подношения, жертвоприношения и выполнение церемониальных предписаний, в которых выражалась их власть, то это были действия, вознаграждаемые взаимным признанием власти. В соответствии с образом этого политического режима теология, всегда поверхностная, приспособила предписания богов.

Моральный закон может жить, только будучи высшим; а поскольку он не был высшим в индуистском пантеоне, он умер из него. Доктрина 'заслуг', изобретенная священниками исключительно ради их собственной власти, не включала в себя ничего достойного, с человеческой точки зрения; заслуги состояли из дорогостоящих жертвоприношений, богатых пожертвований храмам, огромных епитимий за вымышленные грехи, искусно придуманных для усиления епитимий, маскирующих власть, и длительных аскез, которые богатые могли бы с комфортом заменить. Когда эта доктрина получила всеобщее признание и была представлена соответствующим ей земным правительством, боги неизбежно подчинились ей. Это означало бы только, что силы природы были послушны "заслугам" привилегированных святых; и из этого следует очевидный вывод, что они освобождены от моральных законов, обязательных для простолудинов.

Легенды, представляющие этот этап жреческого владычества, любопытным образом смешаны. Похоже, что в соответствии с доктриной "заслуг" старые боги пришли в упадок. Таков, по-видимому, намек историй, в которых сообщается о бедствии богов из-за силы святых людей. Раджа Равана приобрел такую власть, что, как говорили, он остановил солнце и луну и так угнетал богов, что они временно превратились в обезьян, чтобы уничтожить его. Хотя Вишвамित्रа убивает святого, его заслуги таковы, что боги очень встревожены, как бы они не стали его слугами; и полнота, с которой моральные соображения не учитываются в борьбе с обеих сторон, раскрывается в статье о том, что боги поручили нимфе соблазнить святого убийцу и таким образом немного уменьшить силу его аскезы. Следует помнить, что древняя борьба Дэвов и Асуров была вызвана не какими-либо моральными различиями, а предполагаемым несправедливым распределением амброзии, произведенной их совместными трудами по вспениванию океана. Предполагалось, что тот факт, что боги обманули демонов в том случае, никак не повлияет на превосходство, которое они приобрели благодаря предательству; и поэтому не могло вызвать скандала, когда более поздние легенды сообщали, что демоны иногда могли брать богов в плен, применяя эти чудесные 'заслуги', которые были настолько независимы от морали. Говорят, что один Асура обрел таким образом такую власть, что подчинил себе богов и так наказал их, что Шива, который изначально наделил этого демона, призвал к жизни Сканду, бога войны, чтобы защитить замученных божеств. Самая нелепая часть всего этого заключается в том, что сами боги постепенно были доведены до необходимости соперничать наравне с другими за эти огромные силы; таким образом, в Бхагават-пуране утверждается, что Брахма получил возможность создать вселенную, предварительно претерпев аскезу в течение шестнадцати тысяч лет.

Легенды, о которых только что говорилось, являются пураническими и, следовательно, относятся к гораздо более позднему периоду, чем революция, прослеживаемая в иранской религии; но эти более поздние легенды являются нормальным продолжением ведических корней. Таковы были принципы древнего богословия и основа священнического правления. Принимая во внимание их, нам не нужно удивляться, что индуистская теология не изобрела никакого особого дьявола; почти любой из ее богов мог бы соответствовать целям одного из них. Не стоит также удивляться, что у него не было особого ада; любое общество, организованное с санкции религии, но безответственное к своим моральным законам, сделало бы ненужным далекие поиски ада.

От этого космологического хаоса, конечно, были освобождены более разумные индусы; но степень, до которой внушающее страх воспитание развратило моральные устои тех, кто был

подвергнут ему, проявилась в голом принципе их философов, что суеверие должно по-прежнему навязываться простолюдинам, в то время как ученые могут превратить всех богов в научную терминологию.

Первый ясный и правдивый взгляд, коснувшийся этой системы, превратил бы ее из Рая в Ад. Так она изменилась под взглядом Зороастра. Тот древний пантеон, который стал прибежищем для всей лжи известного мира; чьи боги были лжецами, а их сторонники — лжецами; теперь превратился в царство организованного беспорядка, систематизированного зла; обширное творение зла, в центре которого восседал его создатель и вдохновитель, безнравственный бог, божественный дьявол -Ариман.

Действительно, невозможно установить, в какой степени восстание против старой брахманической системы носило политический характер. Конечно, крайне маловероятно, чтобы какая-либо чисто умозрительная система вызвала революцию; но в то же время следует помнить, что в ранние времена обычно придавалось значение даже абстрактным мнениям, которые мы все еще находим среди суеверных людей, считающих атеистическое чувство хуже воровства. Как бы то ни было, Авеста не оставляет нам никаких сомнений относительно главного факта, а именно, что в определенное время и в определенном месте человек дошел до того, что ему пришлось столкнуться с антагонизмом к фундаментальным моральным принципам, и что он обнаружил, что так называемые боги настроены против него. Устанавливая эти принципы, священники осознали свое собственное упразднение. Также становится ясно, каковы были те моральные законы, которые стали необходимыми обществу. 'Мы поклоняемся Чистому, Господу Чистоты!' 'Мы чтим доброго духа, доброе царство, добрый закон - все, что есть добра'. 'Злая доктрина больше не разрушит мир'. 'Хороша мысль, хорошо слово, хорошо дело чистого Заратустры'. 'В начале двое небесных говорили — Добро Злу — так: наши души, учения, слова, дела не соединяются вместе'. Эти предложения взяты из древнейших гатх Авесты.

Ниже приводится очень древняя Гата: 'Все ваши Дэвы (индуистские 'боги') - всего лишь разнообразные дети Злого Разума и великого, Который поклоняется Саоме лжи и обманов; помимо вероломных деяний, которыми вы печально известны в Семи Регионах земли. Ты выдумал все зло, которое говорят и делают люди, которое действительно приятно Дэвам и лишено всякого добра, а потому погибает перед постижением истины мудрых. Таким образом, вы лишаете людей их доброго разума и бессмертия своим злым разумом — как разумом Дэвов, так и разумом Злого Духа — посредством злых дел и злых слов, в результате чего сила лжецов растет.

1. Подойди ближе и послушай мудрые изречения всеведущего, песни во славу Живого и молитвы Доброго Духа, славные истины, происхождение которых видно в пламени.

'2. Поэтому прислушайтесь к духу Земли — Смотрите на пламя с благоговением. Каждого человека, мужчину и женщину, следует отличать в соответствии с его верой. Вы, древние Силы, смотрите и будьте с нами!

'3. С самого начала было два Духа, каждый из которых действовал сам по себе. Они хороши и плохи в мыслях, словах и поступках. Выбирайте между ними: творите добро, а не зло!

'4. И эти два Духа встречаются и создают первое существование, земное, то, что есть, и то, чего нет, и последнее, духовное. Худшее существование - для лжецов, лучшее - для правдивых.

‘5. Из этих двух духов выбирайте вы одного, либо лживого, творящего Зло, либо истинно святого духа. Тот, кто выбирает первое, выбирает самую тяжелую судьбу; тот, кто выбирает последнее, почитает Ахурамазду в вере и истине своими делами.

‘6. Вы не можете служить этим двоим сразу. Злой дух, которого мы уничтожим, удивляет тех, кто обдумывает, говоря: "Выбирайте злой Разум!" Затем эти духи собираются в отряды, чтобы напасть на две жизни, о которых пророчествуют пророки.

‘7. И в эту земную жизнь пришла Армаити с земной силой, чтобы помочь истине и добрым нравом: она, Вечная, создала материальный мир, но Дух с тобой, о Мудрая! первое из творений во времени.

8. Когда какое-либо зло обрушивается на дух, ты, о Мудрый, даруешь временное имущество и доброе расположение; но того, чьи обещания ложь, а не истина, ты наказываешь.

Вокруг гимнов Авесты постепенно выросли теология и мифология, которым было суждено оказать мощное влияние на мир. Они содержатся в Бундехеше.¹⁴ Предшественником всем вещам и всем существам был Зеруан-Акрене (‘Безграничное время’), настолько возвышенный, что ему можно поклоняться только в молчании. От него произошли два Феруэра, духовных типа, которые приняли форму двух существ, Ормузда и Аримана. Они были одинаково чисты; но Ариман стал ревновать к своему брату-первенцу, Ормузду. Чтобы наказать Аримана за его злые чувства, Высшее Существо приговорило его к 12 000 годам тюремного заключения в империи беспросветной Тьмы. В течение этого периода должен бушевать конфликт между Светом и Тьмой, Добром и Злом. Как у Ормузда был свой предсуществующий тип, или Феруэр, так и с помощью подобной силы — во многом такой же, как у платоновского Логоса, или Слова, — он создал чистый, или духовный мир, посредством которого империя Аримана должна была быть свергнута. На земле (все еще духовной) он воздвиг чрезвычайно высокую гору Альбордж, Эльбурз (снежная гора),¹⁵ на вершине которой он установил свой трон; откуда он протянул мост Чиневат, который, проходя прямо над Дужаком, бездной Аримана (или ада), достигает портала Городмана, или рая. Все это было всего лишь более Суровым миром — прототипом материального мира. В ожидании своего включения в материальное творение Ормузд (посредством эманаций) создал по своему образу и подобию шесть Амшаспанд, или агентов, обоих полов, чтобы они были образцами совершенства для низших духов — и для человечества, когда они будут созданы, — и возносил их молитвы к себе. Второй серией эманаций были изеды, благожелательные гении и хранители мира, числом двадцать восемь, из которых главным является Митра, Посредник. Третья серия эманаций была бесчисленными Очистителями вещей и людей, ибо у каждого должна быть своя душа, которая очистит их в день воскресения. В противовес всему этому Ариман создал точно такое же множество темных и злых сил. Эти Дэвы восходят, ранг за рангом, к своим Верховным Дэвам — каждый из которых прикован к своей планете — и их главой является Аш—Мог, "двуногий змей лжи", который, по видимому, соответствует Митре, божественному Посреднику.

После 3000-летнего правления Ормузд приступил к работе по реализации своих духовных эманаций в материальной вселенной. Он создал солнце как главнокомандующего, луну как своего заместителя, планеты как капитанов великого воинства — звезд, которые были солдатами в его войне против Аримана. Пса Сириуса он поставил сторожить у моста Чиневат (Млечный Путь), чтобы с его помощью Ариман не взобрался на небеса. Затем Ормузд создал землю и воду, чему Ариман не пытался помешать, зная, что им присуща тьма. Но он нанес удар,

когда зародилась жизнь. Оно было в форме Быка, и Ариман вошел в него, и оно погибло; но при его уничтожении из его левого плеча вышло семя всех чистых и нежных животных, а из его правого плеча — Человек.

До сих пор Ариман соответствовал каждому творению; но создать человека было выше его сил, и у него не было иного выхода, кроме как уничтожить его. Однако, когда первоначальный человек был уничтожен, из его тела выросло дерево, которое породило первую человеческую пару, которых Ариман, однако, развратил описанным в другом месте способом.

Очень примечательной характеристикой этой иранской теологии является то, что, хотя силы добра и зла сосуществуют и формально сбалансированы, по своей мощи они не совсем равны. Баланс сил лишь немного на стороне Доброго Духа. И это преимущество проявляется в человеке. Зороастр сказал: "Ни один земной человек, обладающий стократной силой, не совершает столько зла, сколько Митра, обладающий небесной силой, творит добро"; и эта мысль вновь появляется в вере парсов в то, что одна часть райской чистоты, которую человек сохранил после своего падения, уравнивает девяносто девять частей, завоеванных Ариманом, и в конце концов искупит его. Ибо этот единственный сохраненный божественный луч позволяет ему принимать Авесту и повиноваться ей, а также подниматься на небеса по лестнице из трех огромных ступеней — чистой мысли, чистого слова, чистого дела. Оптимистическая суть мифологии далее проявляется в вере в то, что каждое разрушительное усилие Аримана приводило к большему благу, чем то, которое создал Ормузд. Бык (Жизнь) уничтожен, возникли человек и животное; человек уничтожен, появились мужчина и женщина. И так далее до конца. В последней четверти из 12000 лет, на которые был осужден Ариман, он достигает даже большей власти, чем Ормузд, и, наконец, он огненной кометой предаст видимую вселенную огню; но пока этот план приближается к завершению, Ормузд пошлет своего святого Пророка Сосиоха, который обратит человечество к истинному закону,¹⁶ так что, когда комета Аримана поглотит землю, он действительно очистит ее. Через огромный поток расплавленных металлов и минералов пройдут праведники, и для них это будет как ванна из теплого молока: нечестивые, пытающиеся пройти, будут сметены в бездну Дужака; затем, выстрадав три дня и ночи, они будут подняты Ормуздом очищенными. Сам Дужак будет очищен этим огнем, и в последнюю очередь сам Ариман вознесется к своей изначальной чистоте и счастью. Тогда из пепла прежнего мира расцветет рай, который останется навсегда.

Примечательно, что в этой системе мы находим чудовищного змея из ведической мифологии, Ахи, преобразованного в адскую область, Дужак. Дракон, будучи разновидностью физического страдания, исчезает в иранской, как и в более поздней семитской мифологии, перед новой формой, которая олицетворяет угрызения совести, хотя это может быть ниже внешнего удовольствия. Следовательно, в этом отношении Ариман соответствует уже данному определению дьявола. В Авесте он выполняет также другое условие, необходимое для дьявола, — любовь ко злу самому по себе. Но в более поздней теологии будет замечено, что зло в Аримане не является органическим.

Когда война закончилась и ее ярость миновала, враждебный вождь предстает не таким мрачным, каким его рисовали; возникает убеждение, что на самом деле он не любит тьму и зло. Он был брошен в них в наказание за свою ревность, гордыню и разрушительные амбиции.

И поскольку это темное царство было наказанием — следовательно, неподходящим — в конце концов (прошедшая опасность) оно было признано дисциплинарным. Растущая вера в

реальное превосходство Добра обнаруживает, что безнравственный бог - преувеличенный антропоморфный эгоист; этот божественный дьявол - эгоцентричный властелин, который пытался подчинить моральный закон и человеческое благополучие своему личному господству. Его судьба вынесла приговор всем амбициям этого персонажа, человечество способно простить отдельного преступника и обрести надежду на то, что Ариман, узнав, что истинное удовлетворение божественной природы не может быть найдено в простой силе, оторванной от праведности, наконец-то войдет в гармонию любви и верности.

Глава 4. Вишвамित्रа: Теократический дьявол

Жречество и пессимизм—Ариец Тецель и его лягушки—Брахманы—Эволюция священного Святого—Вишвамित्रа, Обвинитель добродетели—Тамильская страсть-пьеса "Харищандра"—Испытание гоблинами—Мученик Истины—Добродетель торжествует над церемониальными "заслугами"—Харищандра и Иов.

Власть священников в правительстве означает пессимизм в вероучении и отчаяние в сердце. При священническом правлении в Индии казалось достаточным раем покинуть этот мир, и единственным адом, которого боялись, было возвращение в него. 'Дважды рожденный человек,' говорит Ману, 'который без перерыва проведет время своего ученичества, вознесется после смерти в самую возвышенную из областей и больше не родится снова в этом низшем мире'. Какой-то пункт был необходим, чтобы удержать дважды рожденного человека от самоубийства. Будда изобрел план самоубийства при жизни в сочетании с уничтожением богов, который был изгнан из Индии, потому что он внедрил в умы людей философию школ. Мысли можно было доверять только среди классов, заинтересованных в ее сокрытии.

Сила и авторитет священства могут поддерживаться только на доктрине о том, что человек 'спасается' действиями церемониального закона; любое общее убеждение в том, что мораль более приемлема для богов, чем церемонии, должно быть фатальным для тех оккультных и фиктивных добродетелей, которые окружают каждого благочестивого самозванца. Жреческая власть в Индии зависела от тщательно культивируемых суеверий относительно мистических свойств стимулирующего сока (сомы), литаний, призывов и благословений священников; от жертвоприношений богам, включая их священнослужителей, аскез, епитимий, паломничеств и тому подобного; одна характерная черта, пронизывающая все представления, - их полная бесполезность для любого существа во вселенной, кроме священника. Искусственная система такого рода должна создавать свои собственные материалы и привлекать силы эволюции из многих областей природы. Этот процесс требует гораздо большего, чем мудрость змеи и ее вредность; и есть доля иронии природы в том факте, что, когда Брахман-риши обрел верховенство, Кобре также поклонялись как принадлежащей точно к той же касте и святости.

Есть следы долгой и ожесточенной борьбы, предшествовавшей этому завершению. Даже в ведический век — на самой заре религиозной истории — появляется Тецель со своими

индальгенциями, и Лютер противостоит ему. Имена, которые они носили в древней Индии, были Вишвамित्रа и Васиштха. Оба они были среди семи могущественных риши, которые составляли иерархию Индии в самую раннюю известную нам эпоху. Оба были составителями некоторых из главных гимнов Вед, и их соответствующие гимны несут на себе печать жреческих и антижреческих партий, которые соперничали до того, как власть жрецов достигла своего полного триумфа. Вишвамित्रа был защитником партии верховного жречества и ее политических притязаний. В Ригведе есть сорок гимнов, приписываемых ему и его семье, почти все из которых прославляют божественные свойства сока Сомы и жертвоприношения Сомы. Как возвышение касты священников в Израиле было связано с чудом, в результате которого Иордан перестал течь до тех пор, пока не был перенесен ковчег, так и реки Сатледж и Рея, как говорили, сошли со своего русла, когда Вишвамित्रа захотел пересечь их в поисках Сомы. Этот Риши навсегда отождествился в сознании индусов с политическим священничеством. С другой стороны, Васиштха стал в равной степени известен своей враждебностью к этой силе, а также своим глубоко религиозным характером — лучшие гимны Вед о нравственных чувствах написаны под его именем. Анти-жреческий дух Васиштхи особенно ярко проявляется в странном сатирическом гимне, в котором он высмеивает церемониальных брахманов под видом панегирика лягушкам. В этом сочинении встречаются такие стихи, как эти:—

Подобно брахманам во время жертвоприношения Сомы в Атиратре, сидящим вокруг полного воды пруда и беседующим, вы, о лягушки, празднуете этот день в году, когда начинается сезон дождей.

‘Эти брахманы с их Сомой сказали свое слово, совершив ежегодный обряд. Эти адхварью, обливаясь потом, пока несут горячие кастрюли, выскакивают наружу, как отшельники.

"Они всегда соблюдали порядок богов, которым следует поклоняться в течение двенадцати месяцев; эти люди не пренебрегают своим временем года

‘Коровий шум дал, Козий шум дал, Коричневый дал, а Зеленый дал нам сокровища. Лягушки, которые дают нам сотни коров, продлили нашу жизнь богатой осенью".¹⁷

Вишвамित्रа и Васиштха, по-видимому, были могущественными соперниками в стремлении добиться доверия царя Суда, и из-за разницы в их судьбе между ними возникла огромная вражда, которая играет столь важную роль в традициях Индии. Оба мужчины были священниками, как и современные ритуалисты и приверженцы широкой церкви. Поток мифологической эволюции перенес их в репрезентативные регионы, сильно отличающиеся от тех, которые они могли себе представить. Васиштха, облагороженный вековыми моральными чувствами, предстает как гений истины и справедливости, считая их более "достойными", чем любые церемониальные совершенства. Брахманы, которых он когда-то высмеивал, в конце концов были рады сделать его своим святым покровителем, хотя и не столь чтит его принципы. С другой стороны, Вишвамित्रа стал прообразом того безнравственного божества, которое получило свою иранскую анафему в Аримане. Убийство, которое он совершает, ничего не значит для персонажа, празднование Сомы которого подняло его так высоко над тривиальностями морали.

Легко понять, каким должно быть дальнейшее развитие такого типа, как Вишвамित्रа, когда он перейдет от охраняемых страниц пуранической традиции к ужасающей простоте фольклора. Святой, чье величие зиждется на "заслугах", которые не имеют никакого отношения к тому, что

смиранные считают добродетелями, естественно, относится к таким добродетелям с циничным презрением; естественно также, что он возмущается, если кто-то осмеливается предположить, что высота, которой он достиг благодаря дорогостоящим и длительным обрядам, может быть достигнута бедными и простыми людьми посредством практики добродетели. Следующий шаг не менее необходим. Поскольку трудно опровергнуть факты человеческой природы, Васиштха почти уверен, что его еретическая теория о священстве, представляющем добродетель, получит сильную, хотя иногда и молчаливую поддержку; следовательно, Вишвамित्रа в конце концов будет вынужден отрицать существование добродетели и станет Обвинителем тех, кому приписываются добродетели. Наконец, переход от Обвинителя к Искушителю неизбежен. Публичный Обвинитель должен попытаться доказать свою правоту, и если факты не подтверждают ее, он должен создать другие факты, которые будут подтверждать это, иначе на нем будет последнее клеймо его племени — Клеветник.

Оставляя вне поля зрения все исторические или вероятные факты, касающиеся Вишвамитры и Васишты, но помня об их духе, давайте прочтем великую восточную пьесу Страстей, в которой их соответствующие роли исполняются снова в соответствии с интерпретацией прошедших веков. Герой этой драмы - древний царь по имени Харишчандра, который, будучи бездетным и, следовательно, неспособным обрести бессмертие, пообещал богу Варуне принести ему в жертву сына, если тот будет ему дарован. После рождения сына отец умоляет Варуну об отсрочке, которая предоставляется снова и снова, но он твердо стоит своего обещания, хотя в конце концов оно смягчается. Отталкивающие черты древней легенды устранены в драме, теперь царю обещана огромная сумма денег, которую он не в состоянии заплатить, но которую Вишвамित्रа соблазнил бы его избежать с помощью технической фикции. Сэр Муту Кумара Свами, переводу которого я следую, представляет множество свидетельств тесной связи этой драмы с религиозной верой людей Южной Индии и некоторых частей Цейлона, где ее представление неизменно привлекает огромные толпы со всех концов округа, в котором оно может происходить, и впечатление, производимое ею, является наиболее глубоким.¹⁸

Мы впервые знакомимся с Харишчандрой, царем Айюдии (Ауде), в его дворце, окруженном всем величием и преданностью его процветающего народа. Его первое слово - это обращение к 'Богу богов'. Его министры выходят вперед и рассказывают о богатстве и благоденствии нации. Первый акт свидетельствует о браке Харишчандры с прекрасной принцессой Чандравати, а завершается рождением сына.

Второй акт переносит нас в присутствие Индры в Обители Богов. Вождь входит в Зал для аудиенций своего дворца, где его ожидало собрание божеств и мудрецов. Эти мудрецы - святые люди, которые приобрели сверхъестественную силу благодаря своим огромным аскезам; и из них самым величественным является Вишвамित्रа. Благодаря размаху своих аскез он обрел силу, превосходящую даже силу Триады, и может обращать миры в пепел. Все боги добиваются его благосклонности. Пока продолжается Совет, Индра обращается к мудрецам— 'Святые люди! будучи одаренными сверхъестественными качествами, вы странствуете по Вселенной с поразительной скоростью, для вас нет места, неизвестного. Мне любопытно узнать, кто в настоящее время является самым добродетельным монархом на земле. Есть ли на свете вождь смертных, который никогдане лгал, который никогда не сворачивал с пути правосудия? Васиштха, могущественный мудрец и семейный жрец Харишчандры, заявляет, что его царственный ученик - именно такой человек. Но более могущественный Вишвамित्रа осуждает Харишчандру как жестокого лжеца. Ссора между двумя риши становится все более

ожесточенной, пока Индра не кладет ей конец, решив провести эксперимент на Харишчандре. Васиштва соглашается, что если удастся доказать, что его ученик сказал ложь, или его можно заставить сказать таковую, то плоды его пожизненных аскез и вся приобретенная таким образом сила будут добавлены к Вишвамित्रе; в то время как последний должен предъявить своему оппоненту половину своих 'заслуг', если Харишчандру не удастся заставить отклониться от истины. Вишвамित्रа должен использовать любые средства, ни Индра, ни кто-либо другой не должен вмешиваться.

Вишвамित्रа приступает к своей задаче - испытать и искушать Харишчандру, сообщив этому царю, что для совершения особо важного жертвоприношения ему нужна горка золота высотой с метательный снаряд, подброшенный человеком, стоящим на спине слона. С требованием столь священного существа Харишчандра без колебаний соглашается и уже собирается отдать золото, когда Вишвамित्रа просит его некоторое время побыть хранителем денег, но выполнить обычную церемонию передачи. Взяв с Харишчандры письменное обещание доставить золото, когда его потребуют, Вишвамित्रа уходит с комплиментами. Затем дикие звери опустошают территорию Харишчандры; когда они изгоняются, отправляется демонический вепрь, но монарх побеждает его. Затем Вишвамित्रа посылает нецеломудренных танцовщиц соблазнить Харишчандру; и когда он приказывает их убрать, Вишвамित्रа возвращается с ними и, изображая ярость, обвиняет его в убийстве невинных животных и жестокости по отношению к девушкам. Он заявляет, что если Харишчандра не уступит девушкам-париям, он сам превратится в раба-парию. Харишчандра предлагает все свое царство и имущество, если требование будет отозвано, категорически отказываясь отступить от своей добродетели. Вишвамित्रа принимает это, провозглашается повелителем Айодии, и царь уходит нищим со своей женой и ребенком. Но теперь, когда они уходят, Вишвамित्रа требует ту горку золота, которая должна была быть выплачена по первому требованию. Напрасно Харишчандра умоляет, что он уже отдал все, что у него есть, включая золото; последняя уступка объявляется не имеющей ничего общего с первой. И все же Вишвамित्रа говорит, что он проявит милосердие; если Харишчандра просто заявит, что он никогда не закладывал золото или, сделав это, не чувствует себя обязанным платить его, он аннулирует этот долг. 'Такого заявления я никогда не смогу сделать', - отвечает Харишчандра. 'Я должен тебе золото, и я заплачу его. Пусть гонец сопровождает меня и не покидает до тех пор, пока я не воздам ему должное'.

С этого времени усилия Вишвамитры направлены на то, чтобы убедить Харишчандру объявить деньги не причитающимися. Среди его убитых горем людей, которые кричат: 'Где боги? Могут ли они это вынести?' — тот, кто только что был величайшим и счастливейшим монархом в мире, странствует по большой дороге со своей Чандравати и их сыном Деваратой, одетыми в самые грубые одежды. Его последнее королевское деяние - возложить корону на голову своего искусителя. Люди и военачальники следуют за ним и умоляют его разрешить убить Вишвамитру, но он упрекает их и советует подчиниться. Вишвамित्रа приказывает посланнику, Накшатре, сопровождать троих несчастных и причинять им самые жестокие страдания, пока золото не будет выплачено, и во время каждого испытания предлагать Харишчандре все его прежние богатство и счастье, если он скажет неправду.

Они приезжают в пустыню, пески которой такие горячие, что жена падает в обморок. Харишчандра несет своего сына на руках, но вдобавок вынужден нести Накшатру (Брахмана и мучителя) на своих плечах. Так они проходят среди змей и скорпионов и получают ужасные

укусы; они проходят через бурю и наводнение, и все же тщетно Накшатра внушает желанную ложь.

Затем следует "Испытание демонами", которое дает интересное представление о тамильской демонологии. Один из компании восклицает— 'Как ужасно они выглядят! Кто сможет противостоять им? Они приходят целыми батальонами, молодые и старые, малые и великие — все приветствуют нас. Они устраивают дикий танец; языки пламени вырываются у них изо рта; их ноги не касаются земли; они парят в воздухе. Посмотрите на окровавленные трупы людей в их руках. Они измельчают их и питаются плотью. Это место представляет собой одну массу крови и грязи. Волки и гиены лают на них; шакалы и собаки следуют за ними. Они близко. Да защитит нас Шива!"

Накшатра. Какой ужас! Харишчандра, что это? Смотри! злые демоны смотрят на меня — я дрожу за свою жизнь. Защити меня сейчас, и я больше не буду просить тебя о золоте.

Hariśchandra. Не бойся, Накшатра. Приди, стань среди нас.

Вождь гоблинов. Люди! маленькие люди! человеческие паразиты! вы вторгаетесь таким образом в мое присутствие? Знайте, что, за исключением только Брахмана, стоящего посреди вас, вы все - моя добыча этой ночью.

Hariśchandra. Гоблин! конечно, ты не злодей, ибо ты исключил этого святого Брахмана. Что касается нас самих, мы знаем, что тела, которые начинают существовать на земле, также должны прекратить свое существование на ней. Какое это имеет значение, когда приходит смерть? Если он пощадит нас сейчас, он прибережет нас только на другой сезон. Хороший, добрый демон! уничтожь нас тогда вместе; здесь мы ждем своей участи.

Накшатра. Hariśchandra! прежде чем ты таким образом бросишь меня, заставь гоблина пообещать тебе, что он не причинит мне вреда.

Hariśchandra. У тебя нет причин для тревоги; ты в безопасности.

Вождь гоблинов. Послушайте! Я нахожу, что вы все четверо очень худые; мне не стоит тратить время на то, чтобы убивать вас. Присмотревшись повнимательнее, я вижу, что молодой брахман упитан, как дикий кабан. Отдайте его мне — остальное мне не нужно.

Накшатра. О Боги! О Hariśchandra! ты великий монарх! Смилуйся надо мной! Спаси меня, спаси меня! Я никогда не буду беспокоить вас из-за золота, но впредь буду относиться к вам бережно.

Hariśchandra. Сэр, ваша жизнь в безопасности, стойте спокойно.

Накшатра. Позвольте мне, господа, подойти к вам поближе и взять вас за руку (*Он пожимает им руки.*)

Hariśchandra. Король гоблинов! Я обращаюсь к тебе со всей искренностью; ты окажешь нам поистине великую милость, быстро отправив нас в Судилище Бога Смерти. Брахманов нельзя трогать; пожри нас.

Гоблин (*скрежеща зубами в великой ярости*). Что! ты смеешь меня ослушаться? Ты не доставишь Брахмана?

Hariśchandra. Нет, мы не можем. Мы одни - твои жертвы.

[*Наступает день, и гоблины исчезают.*]

Устояв таким образом перед любым искушением причинить вред своему врагу или нарушить данное им обещание относиться к нему по-доброму, Харишчандра снова подвергается давлению с требованием золота или лжи, и, все еще сопротивляясь, следует испытание огнем. Веря, что Бог Огня перестанет причинять страдания, если кого-то принесут в жертву, Харишчандра готовится первым войти в огонь, и между ним, его женой и сыном возникает трогательный спор о том, кого принести в жертву. В конце концов Харишчандра врывается внутрь, но не погибает.

Харишчандра надеется добраться до храма Вис Ванат¹⁹ в Каши и призвать его на помощь, чтобы заплатить золотом. В храм он приходит только для того, чтобы тщетно умолять, и Накшатра пытается его с помощью инструментов. Наконец, Харишчандру, его жену и ребенка продают в рабство, чтобы выплатить долг. Но Вишвамित्रа, незримо присутствующий, только удваивает свои преследования. Харишчандра подвергается особому унижению, заключающемуся в необходимости сжигать мертвые тела на кладбище. Чандравати и ее сын подвергаются жестокому обращению. Однажды мальчика отправляют в лес, где его кусает змея, и он умирает. Чандравати выходит ночью, чтобы найти тело. Она возвращается с ним на кладбище. В темноте она не узнает ни своего мужа, сжигателя тел, ни его жену. Он строго пообещал своему хозяину, что все гонорары будут выплачены, и упрекает женщину в том, что она пришла в темноте, чтобы избежать уплаты. Чандравати предлагает в уплату священную цепь, которую Шива накинул ей на шею при рождении, невидимую никому, кроме совершенного мужчины. Только Харишчандра когда-либо видел ее и теперь узнает свою жену. Но даже сейчас он не совершит последние обряды над своим умершим ребенком, если не сможет получить плату, как было обещано. Чандравати уходит в город просить милостыню, оставляя Харишчандру сидеть рядом с мертвым телом Девараты. На улице она спотыкается о труп другого ребенка и поднимает его; оказывается, это был убитый принц-младенец. Чандравати, арестованная и приведенная к королю, в состоянии безумия заявляет, что она убила ребенка. Она приговорена к смерти, и ее муж должен быть ее палачом. Но последнюю сцену следует процитировать почти полностью.

Веракву (*хозяин Харишчандры, ведущий Чандравати*). Рабыня! наш король приговорил эту женщину к немедленной казни. Достань свой меч и отруби ей голову. (*Уходит.*)

Hariśchandra. Я повинуюсь, господин. (*Обнажает меч и приближается к ней.*)

Чандравати (*снова приходя в сознание*). Мой муж! Что! увижу ли я тебя снова? Я приветствую твою решимость, мой господин. Да, позволь мне умереть от твоего меча. Не нервничай, но действуй быстро и непоколебимо выполняя свой долг.

Hariśchandra. Моя любимая жена! дни, отведенные тебе в этом мире, сочтены; ты исчерпала свой срок существования. Поскольку вы осуждены за это преступление, надежды на вашу жизнь нет; я должен немедленно выполнить свои инструкции. Я могу уделить тебе всего несколько секунд; помолись своим божествам-покровителям, приготовься встретить свою судьбу.

Вишвамित्रа (*внезапно появившийся*). Hariśchandra! ты что, собираешься зарезать эту бедную женщину? Злой человек, пощади ее! Солги даже сейчас и вернись в свое прежнее состояние!

Hariśchandra. Я молю, мой господь, не пытайся сбить меня с пути праведности. Ничто не поколеблет моей решимости; даже если бы ты предложил мне трон Индры, я бы не солгал. Не оскверняй свою священную особу, входя в такие нечестивые земли. Уходи! Я не боюсь твоего гнева; я больше не добиваюсь твоего расположения. Уходи. (Вишвамитра*исчезает.*)

Любовь моя! вот я твой палач; приди, нежно положи голову на эту плаху, обратив свое милое лицо к востоку. Чандравати, жена моя, будь тверда, будь счастлива! Наконец наступил последний момент наших страданий; ибо и у страданий бывает счастливый конец. Здесь прекратятся наши беды, наши огорчения, наши радости. Отметьте! еще немного, и ты будешь так же свободен, как стервятники, которые сейчас парят в небесах.

Эта острая сабля выполнит свой долг. Ты мертва, твой муж тоже умрет — этот же меч пронзит мою грудь. Сначала ребенок, затем жена, последним муж - все жертвы гнева мудреца. Я мученик Истины — ты и твой сын мученики за меня, мученика Истины. Да, давайте умрем радостно и безропотно перенесем наши невзгоды. Да; пусть все люди погибнут, пусть все боги прекратят свое существование, пусть звезды, сияющие над головой, померкнут, пусть все моря высохнут, пусть все горы сравняются с землей, пусть бушуют войны, кровь льется потоками, пусть миллионы миллионов Харишчандр подвергаются таким преследованиям; и все же пусть сохраняется Истина — пусть Истина торжествует победу над всеми — пусть Истина будет светом — Истина путеводителем — только Истина является вечным утешением смертных и бессмертных. Тогда умри, о богиня Целомудрия! Умри в этом святилище твоей сестры, богини Истины!

[С огромной силой ударяет по шее Чандравати; меч, вместо того чтобы причинить ей вред, превращается в нитку великолепного жемчуга, которая обвивается вокруг нее: боги небес, все мудрецы и все цари внезапно предстают взору Харишчандры.]

Шива (*первый из богов*). Харишчандра, будь вечно благословен! Вы героически перенесли суровые испытания и доказали всем людям, что добродетель ценнее всей суеты быстротечного мира. Будьте образцом для смертных. Возвращайся на свою землю, восстанови свою власть и управляй своим государством. Деварата, жертва гнева Вишвамитры, восстань! (*Он возвращается к жизни.*)

Восстань и ты, сын царя Каши, в убийстве которого тебя, Чандравати, обвинили благодаря махинациям Вишвамитры. (*Он тоже оживает.*)

Hariśchandra. Все мои несчастья не имеют большого значения, поскольку ты, о Бог богов, соизволил удостоить меня своего божественного присутствия. Я больше не стремлюсь к царству, или власти, или славе. Я не ценю ни детей, ни жен, ни родственников. Твоему служению, твоему поклонению, искуплению моей заблудшей души я посвящаю себя непрерывно отныне. Позволь мне не стать забавой для людей. Раб парии не может стать королем; рабыня брахмана не может стать королевой. Когда однажды молоко вытекло из вымени коровы, ничто не может вернуть ей прежнее молоко. Наша деградация, о Боже, теперь не подлежит искуплению.

Viswámitra. Я молюсь, о Шива, чтобы ты простил мою глупость. Стремясь выиграть пари, заключенное мной перед богами, я самым безжалостным образом мучил этого добродетельного царя; и все же он показал себя самым правдивым из всех земных государей,

победоносно победив меня и мои попытки отвлечь его от постоянства. Харишчандра, царь царей! Я молю тебя о прощении.

Веракву (*сбрасывая свою маскировку*). Царь Харишчандра, не думай, что я Пария, ибо ты видишь во мне даже Яму, Бога Смерти.

Калаканда (*жестокий хозяин Чандравати, сбрасывающий свою маску*). Королева! не успокаивайся на мысли, что ты был рабом брахмана. Тот, кому ты посвятил себя, есть даже Я — Бог Огня, Агни.

Васиштха. Харишчандра, ничто не позорит ни тебя, ни Солнечную расу, несравненной жемчужиной которой ты являешься. Даже это кладбище на самом деле не кладбище: смотри! иллюзия недолговечна, и ты видишь здесь священную рощу, обитель отшельников и подвижников. Подобно золоту, прошедшему через последовательные тигли, лишенному всех примесей, ты, о Царь Айодии, сияешь в большей великолепии, чем даже тот бог света, который сейчас предстает нашему взору на восточных холмах. (*Уже утро.*)

Шива. Харишчандра, пусть мир не узнает, что Добродетель побеждена и что ее враг, Порок, стал победителем. Иди, снова взойди на свой трон — провозгласи всем, что мы, боги, являемся хранителями добра и истины. Индра! повелитель богов, сопровождай этого государя всей своей свитой и восстанови его в правах императора Айодии. Пусть его правление будет долгим — пусть все блаженство ждет его в другом мире!

Сюжет этой драмы, вероятно, выполнял столь же большой и разнообразный долг, как и любой другой в мире. Она распространилась подобно духовному баньяну, ветви которого, пустив корни, разрослись до таких размеров, что теперь трудно сказать, какой из них был первоначальным стволом. Возможно даже, что единственный общий корень, который был у всех них, - это невидимый корень в человеческом сердце, развившийся в его необходимой борьбе среди природы за чистую и совершенную жизнь.

Но ни в Книге Иова, которую нам еще предстоит рассмотреть, ни в какой другой вариации этой темы она не поднимается так высоко, как в этой драме о Харишчандре. В книге Иова это изображает человека, верного своему божеству, среди ужасных страданий, которые это божество допускает; но в Харишчандре это показывает человека, верного моральному принципу, даже вопреки божественным указаниям об обратном. Несмотря на руку лицензиата и жреческие манипуляции, видимые здесь и там — особенно по отношению к близким, — жречество, наконец, сталкивается со своей реакцией и получает свой приговор в радости, с которой индуист видит могущественных риши со всеми их претенциозными "заслугами" и самих богов, преклоняющих колени у ног человека, стоящего за Истину.

Забавно видеть, как морщины священников на протяжении многих веков воплощались в легенде о Харишчандре после того, как он отправился на небеса. Рассказывают, что Нарада побудил его рассказывать о своих действиях с такой неподобающей гордостью, что он был спущен со Сварги (небес) на одну ступень после каждого предложения; но вовремя остановившись и воздав дань уважения богам, он был помещен со своей столицей в воздухе, где глаза, наделенные жреческими способностями, все еще могут видеть воздушный город в определенное время. Доктрина 'заслуг', без сомнения, еще какое-то время сможет обвинять

"добрые дела" в их собственном грехе - гордыне; но, в конце концов, священник должен следовать за людьми достаточно далеко, чтобы признать, что нужно смотреть вверх, чтобы найти мученика Истины. В каком направлении нужно смотреть, чтобы найти своего обвинителя, не требует никаких дополнительных указаний, кроме популярной легенды о Вишвамитре.

Глава 5. Элохим и Иегова

Обожествленная сила—Гиганты и Иегова—Манифест Иеговы—Различные Элохимы—Два Иеговы и две Таблицы—Противоречия—Отделение Элохим от Иеговы.

Священные книги евреев приводят нас в присутствие богов (Элохим), которые, как предполагается, сотворили все вещи из ничего — природу-богов — точно так же, как они находятся на этапе перехода к концепции единой Воли и Личности. Хотя используется множественное число ('боги'), следует глагол единственного числа: уже наметилась тенденция к той концентрации, которая привела к возведению на престол одного верховного владыки — Иеговы. Длительный процесс эволюции, который, должно быть, предшествовал этой концепции, лишь слегка прослеживается в Библии. Однако он написан на лице всего мира, и тот же процесс происходит сейчас в каждой его фазе. Понимаем ли мы с Гезениусом²⁰ значение слова "Элохим" как "почитаемый", или, с Фюрстом,²¹ 'могущественный', не имеет большого значения; факт остается фактом, что это слово применяется в других местах к богам в целом, включая тех, кого евреи впоследствии сочли ложными богами; и еще более важно, что действия, приписываемые Элохимам, сотворившим небеса и землю, в целом отражают могущественные и неморальные силы природы. Дело творения в Книге Бытия (i. и ii. 1-3) - это дело гигантов, лишенных каких бы то ни было моральных качеств. Независимо от того, понимаем ли мы в их очевидном смысле слова: 'Элохим сотворил человека по образу Своему ... мужчину и женщину сотворил он их', не может быть вопроса о значении Быт. vi. 1, 2: 'Сыны Элохима увидели дочерей человеческих, что они прекрасны, и взяли себе в жены, кого избрали'. Когда речь заходит о добре и зле, сразу же появляется имя Иегова²². Элохимы снова появляются в Потопе, ветре, который его унял, предписании плодиться и размножаться, облаке и радуге; и постепенно зародыши морального правления начинают проявляться в том, что они считают насилие человечества причиной потопа, и в завете с Ноем. Но даже после того, как имя Иегова обычно смешивалось с другим или даже вытесняло его, мы находим, что Элохим часто используется там, где речь идет о силе и чудотворении - *например*, "Ты бог, творящий чудеса" (Пс. lxxvii.). "Путь Твой в море, и стезя твоя в великих водах, и следы твои неизвестны".

В противовес примитивным природным божествам была определена личность и ревнивое превосходство Иеговы. Золотой телец, построенный Аароном, назывался Элохим (множественное число, хотя телец был всего один). Соломона осудили за то, что он построил жертвенники тому же самому; и когда Иеровоам построил жертвенники двум тельцам, они до сих пор называются так. Другие соперники — Дагон (Судьи XVI.), Астарот, Чемош, Милком (1 Царств xi.) — названы некогда почитаемым именем. Английская Библия переводится как

"Элохим", Бог; "Иегова", Господь; "Иегова Элохим", Господь Бог; и критически настроенный читатель найдет много важного в разнообразном использовании этих имен. Таким образом (Быт. ххii.) именно Элохим требует принести в жертву Исаака, Иегова вмешивается, чтобы спасти его. В то же время, при редактировании истории явно ощущается недопустимость того, что Авраама следует считать верным какому-либо другому богу, кроме Иеговы; поэтому Иегова принимает жертву как предназначенную для себя, и место, где вместо Исаака был принесен баран, называется Иегова-Ире. Однако, когда мы больше не можем различать две антагонистические концепции под разными названиями, их фактическое несоответствие становится еще более заметным и, как мы увидим, приводит к удивительному результату.

Иегова открывает свое правление манифестом против этих гигантов, Элохимов, особым требованием которых — громко заявленным, когда Аарон построил Золотого Тельца, и продолжающимся как призыв к тому же божеству — было то, что *они* (Элохимы) вывели Израиль из Египта. 'Я, ' восклицает Иегова, ' Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства: да не будет у тебя других богов, кроме меня'; и первые четыре заповеди закона полностью посвящены провозглашению его величия, его силы (приписывающей себе сотворение мира), его ревливой решимости наказать своих противников и вознаградить своих друзей, оправдать малейшее неуважение к его имени. Повествование о Золотом Тельце было явно связано с Синаем, чтобы проиллюстрировать первую заповедь. Наказание верующих в другого божественного освободителя, даже если они еще не получили провозглашения, должно стать сигналом. Иегова настолько разгневан, что по его приказу приносятся человеческие жертвы числом до трех тысяч, и даже после этого, как говорят, Иегова преследовал Израиль из-за их поклонения Элохиму. В том же направлении находится повеление свято соблюдать день субботний, потому что в этот день он почил от работы творения (Быт. хх.), или потому что в тот день он освободил Израиль из Египта (Втор. v.), редакторы, похоже, не помнят точно, что именно, но достаточно сказать и то, и другое, ибо это означает сорвать два сорванных лавра с чела Элохима и возложить их на чело Иеговы. Во всем этом заметно отсутствие каких бы то ни было моральных качеств. С таким же успехом Нерон мог бы приказывать римлянам не иметь перед собой других богов, произносить его имя с благоговением, отдыхать, когда он прекращает работу. В пятой заповеди, произвольно отнесенной к Первой Таблице, мы имеем переход к моральному кодексу; хотя даже там честь родителей ревливо ассоциируется с величием Иеговы ('да продлятся дни твои на земле, которую Иегова Элохим дает тебе'). Боги природы были равны этому, ибо Элохимы породили гигантов, которые были "на земле в те дни".

"Элохим обратился к Моисею и сказал ему: я Иегова; и я явился Аврааму, Исааку и Иакову под (именем) Бога Всемогущего (*Эль-Шаддая*), но под своим именем Иегова я не был известен им" (Исход. vi. 2, 3).

Древние боги — Элохимы — были в процессе поглощения единой великой формой, вместилищем нескольких своих различных сил; и хотя по большей части они носят имена, связанные с силами природы, время от времени они отражают тенденции к очеловечиванию. Таким образом, мы имеем "всевышнего бога" (*Эль-элион*—*например*, Быт. xiv. 18); "вечного бога" (*Эль-элим*, Быт. хxi. 33); "ревнивого бога" (*Эль-кана*, Исход. хх. 5); "могущественного бога и ужасного" (*Эль-гадольиора*, Втор. vii. 21); "живого бога" (*Эль-хи*, Джош. iii. 10); "бог небес" (*Эль-шемм*, Пс. cxlvi. 26); "бог всемогущий" (*Эль-шаддай*,²³ Исход. vi. 2). Эти Элохимы, с каждым из имен которых я привел пример его характерного употребления, стали эпитетами, поскольку

силы, которые они представляли, все больше и больше поглощались растущей личностью Иеговы; но эти эпитеты были также персонажами, и их исторические выражения также должны были пройти процесс медленного и трудного переваривания. Всепожирающее величие Иеговы показывало, чем оно питалось. Не только все почести, но и многие бесчестия первобытных божеств принадлежали государю, правление которого, без сомнения, было положено началом их позору и варварству. Дороговизна славы божественного абсолютизма снова проиллюстрирована эволюцией раннего монотеизма, во главе которого стоял ужасный Иегова, который, как наследник природных богов, стал ответственным за чудовищные проявления племенного демонопоклонства, таким образом, будучи вынужденным одновременно выполнять *роли* демона и законодателя.²⁴

Две скрижали закона — одна написана иеговистской теологией, другая - моральным чувством человечества - приписываемые этому двойственному божеству, на единстве которого так яростно настаивали, можно прочесть в их итогах по всей Библии. Они приведены здесь вкратце, в нескольких примерах, изложенных рядом.

Скрижаль Иеговы I.

Исход. xxxiii. 27. "Убивай каждый брата своего, каждый человека своего товарища и каждый человека своего ближнего".

Число. xv. 32. 'Когда сыны Израилевы были в пустыне, они нашли человека, который собирал хворост в День субботний.... И они поместили его в палату, потому что не было объявлено, что с ним следует сделать. И сказал Господь Моисею: этот человек непременно будет предан смерти; все общество побьет его камнями за пределами стана'. Ни это, ни подобное наказание за богохульство (Лев. xxiv.) не были казнями по существующему закону. О страшном случае убийства, совершенного над невинным и принятого Иеговой в качестве человеческой жертвы, см. 2 Цар. xxi.; а о жестоком убийстве Семьи, которая осудила преступление, повешавшее семерых сыновей Саула "перед Господом", и возмутилась им, см. 1 Царств ii. Но примеров можно привести множество.

В истории Авраама, Сары и Агари (Быт. xvi.), Лота и его дочерей (xix.), представления Авраамом своей жены Авимилеху (xx.), того же, что сделали Исаак (xxvi.), Иуда, Фамарь (xxxviii.), и других случаях, когда Иегова не порицал грубейшие нарушения седьмой заповеди, находясь в постоянном общении с

Скрижаль Иеговы II.

Исход. xx. 13. "Не убивай".

Исход. xx. 14. 'Не прелюбодействуй.

виновными сторонами, мы видим, как мало вторая скрижаль подкреплялась первой.

Вымогательства, мошенничества и кражи Иакова (Быт. ххv., ххvii., ххх.), которые принесли ему несравненные благословения Иеговы; разграбление имущества Навала Давидом и его товарищами-разбойниками; избиение Иеговой ограбленного земледельца и похищение Давидом его вероломной жены (1 Цар. ххv.) - повествования, соответствующие Библии разбойников.

Исход. хх. 15. "Не укради".

Иегова сказал: "Кто обманет?" Ахав?.... И там вышел дух, и стал пред Иеговой, и сказал: я обману его. И сказал Иегова: чем? И он сказал: я выйду и буду духом лжи в устах всех этих твоих пророков. И он сказал: ты обманешь его, а также одержишь верх; иди и сделай это. Итак, Иегова вложил дух лжи в уста всех этих твоих пророков, и Иегова говорил зло о тебе" (1 Царств ххii.). Смотри Иезекииль. хх. 25.

Исход. хх. 16. "Не произноси лжесвидетельства против ближнего твоего".

Втор хх. 10-18 - это полная инструкция по вторжению, убийству, грабежу, поеданию добычи захваченных, забиранию их жен, скота и т.д., всего того, что мог бы провозгласить Верховный Башибузук.

Исход . хх. 17. "Не желай жены ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни его слуги, ни его служанки, ни его вола, ни его осла, ничего, что принадлежит твоему ближнему".

Примеров такого несоответствия может быть значительно больше. Любой, кто интересуется этой темой, может проследить, как на основе могущественного личного Иеговы возникла религия человеческих жертвоприношений, анафем и жреческого деспотизма; в то время как вокруг нравственного правителя и судьи с тем же именем, личность которого все более и более рассеивается в пантеистических атрибуциях, растет общий закон, а затем более нравственный закон справедливости и соответствующие чувства, которые постепенно развивают идею родительского божества.

Очевидно, что чем больше преобладает это второе представление о божестве, тем больше его считают "милосердным", "долготерпеливым", "Богом истины и беззакония, справедливым и прямолинейным", "наслаждающимся не жертвой, но милосердием", "добрым ко всем", чье "нежное милосердие распространяется на все его дела" и которому "не доставляет удовольствия смерть умирающего"; тем меньше будет возможности увидеть в том же самом существе "человека войны", "бога битв", "ревнивца"., ""гневный", "огнедышащий" тот, кто "перекладывает грехи отцов на детей", кто смеется над бедствиями людей и издевается, когда приходит их страх. Структурная необходимость человеческого разума заключается в том, чтобы эти два фактора постепенно отделялись друг от друга. От одного из Иеговы, представленных в

параллельных колонках, произошел "Отец", которого обожал Христос; от другого - Дьявол, которого он ненавидел.

Глава 6. Всепожирающий огонь

Шекина — еврейские идолы — Атрибуты огненного и жестокого Элохима по сравнению с дьявольскими — Силы зла объединены в единую голову — Преемственность — Всепожирающий огонь одухотворен.

В том, что Авраам был огнепоклонником, можно было бы заподозрить, исходя из незапамятных усилий всех семитских авторитетов освободить его от традиционной связи с этим конкретным идолопоклонством. Когда различались силы добра и зла, мы находим, что жгучий и яркий аспекты Огня рассматривались по-разному. Знак завета Иеговы с Авраамом включал в себя оба. 'Было так, что, когда зашло солнце и стало темно, вот дымящаяся печь и горящий светильник, которые проходили между этими частями' (жертвоприношения). В легенде о Моисее мы имеем славу, покоящуюся на Синае, и неопалимый куст, который, как особо отмечается, "не сгорел", что является исключительным обстоятельством в честь Моисея. Им соответствовали урим и Туммим, обозначавшие священника как источник света и суда. В своем благоприятном и обожаемом аспекте Иегова был Сиянием Огня. Это была Шекина. В "Таргуме" Ионафана Бен Узиила "Пророкам" сказано: "Горы трепетали перед Господом; горы Фавор, Хермон, Кармил говорили одна другой: на мне почиет Шекина, и ко мне она придет. Но Шекина покоилась на горе Синай, самой слабой и маленькой из всех гор. Этот Синай дрожал и сотрясался, и дым от него поднимался вверх, как дым из печи, из-за славы Бога Израиля, которая проявила себя на нем". Сияние²⁵ продолжалось, освещая каждое событие, связанное с божественным присутствием в семитской мифологии; это была "слава Господня", сияющая от Вифлеемской звезды и фигуры Преображения.

Всепожирающий Огонь также получил свое развитие. Среди духовных он был одухотворен. 'Кто из нас будет жить с Пожирающим Огнем?' - восклицает Исайя. 'Кто из нас будет жить в Вечном Огне? Тот, кто ходит праведно и говорит прямо; тот, кто презирает наживу от притеснений, кто удерживает свои руки от взяток, кто затыкает свои уши, чтобы не слышать о крови, и закрывает свои глаза, чтобы не видеть зла'. Именно прозаическим путем Всепожирающий Огонь стал обителью нечестивых.

После того, как Иеровоам (1 Царств xiii) построил жертвенники Элохиму в виде Тельцов, из Иудеи вышел пророк, чтобы осудить идолопоклонство. 'И он воззвал к жертвеннику словом Иеговы и сказал: о жертвенник, жертвенник! так говорит Господь: вот, у дома Давидова родится младенец, по имени Иосия; и на тебе он принесет в жертву священников высот, которые возжигают тебе благовония, и человеческие кости будут сожжены на тебе'. Было сочтено настолько важным, чтобы это пророчество исполнилось в письме, когда оно уже не могло

исполниться в реальности, что несколько столетий спустя Иосия выкопал кости элоистических священников и сжег их на их давно разрушенных алтарях (2 Царств ххiii.).

Этот инцидент знаменателен как из-за персонификации пророком алтаря, так и из-за установления в связи с ним своего рода Геены. С течением времени олицетворение и Геенна стали гораздо более полными. Первоначально у евреев не было Дьявола, как, впрочем, и у первых рас; и это по той очевидной причине, что их так называемые боги были вполне равны любому моральному злу, которое следовало объяснить, и, как мы уже видели, они были адекватны для объяснения всего физического зла. Но антагонисты морального Иеговы были распознаны и персонифицированы со все возрастающей ясностью и были вполне готовы к контакту с любым генералом, который теоретически мог быть предложен на пост их лидера. Когда евреи попали под влияние персидской теологии, был избран архидемон, и все Элохимы — Молох, Дагон, Астарта, Чемош и остальные — заняли свои места под его мятежным знаменем.

Описания дьявола в Библии в основном заимствованы из ранних описаний Элохимов и Иеговы в его элоистическом характере.²⁶ В приведенных параллелях я следую принятой английской версии.

Бытие ххii. 1. "Бог искушал Авраама".

Матфея. iv. 1. "Затем Иисус был отведен в пустыню, чтобы подвергнуться искушению дьявола". См. Также 1 Кор. vii. 5, 1 Фес. iii. 5, Иакова 1.13.

Исход. ст. 3. "Я (Иегова) ожесточу сердце фараона"; ст. 13: "Он ожесточил сердце фараона".

Иоанна хiii. 2. "Ныне дьявол вложил в сердце Иуды Искарота, сына Симона, предать его".

1 Царств ххii. 23. "Вот, Господь вложил дух лжи в уста всех этих пророков твоих, и Господь говорил о них зло". Иез. xiv. 9. "Если пророк будет обманут, когда он что-либо скажет, я, Господь, обманул того пророка, и я простру на него руку Мою и истреблю его из среды народа моего".

Иоанна viii. 44. 'Он (дьявол) - лжец' ('как и его отец', - продолжает предложение с правом перевода). 1 Тим. iii. 2, 'клеветники' (дьявольский). 2 Тим. iii. 3, 'лжесвидетели' (диаболо). Также в Книге Тита ii. 3 Фон Тишендорф переводит "клеветники".

Иса. xlv. 7. 'Я заключаю мир и творю зло. Я, Господь, совершаю все это'. Амос iii. 6. "Будет ли зло в городе, и Господь не сотворит этого?" 1 Цар. xvi. 14. "Злой дух от Господа беспокоил его" (Саул).

Мф. хiii. 38. 'Плевелы - это дети нечестивого'. 1 Иоанна iii. 8. "Делающий грех от дьявола; ибо дьявол грешит от начала".

Исход. хii. 29. 'В полночь Господь поразил всех первенцев Египетских'. Ср. 30. 'И был великий вопль в Египте, ибо не было дома, где не было бы ни одного мертвеца'. Исх. хххiii.

Иоанна viii. 44. "Он (дьявол) был убийцей от начала".

27. "Так говорит Господь Бог Израилев: положи каждый меч свой на бок свой, и ходи от ворот до ворот по всему лагерю, и убивай каждый брата своего, и каждый товарища своего, и каждый ближнего своего".

Исход. vi. 9. "Возьми жезл твой и брось его пред фараоном, и он превратится в змея". Ср. 12. "Жезл Аарона поглотил их жезлы". Числ. xxi. 6. "Иегова послал огненных змей (Серафимов) среди народа". Ср. 8. "И сказал Господь Моисею: сделай себе огненного змея и насади его на шест; и будет так, что всякий, кого укусят, погибнет". когда он посмотрит на это, то будет жить". (Этому змею поклонялись до тех пор, пока Езекия не уничтожил его, 2 Царств xviii.) Сравните Иер. viii. 17, Пс. cxlviii: "Хвалите Господа с земли, драконы".

Бытие xix. 24. 'Господь пролил дождем на Содом и Гоморру серу и огонь от Господа с небес'. Втор. iv. 24. 'Господь, Бог твой, - огонь посядающий'. Пс. xi. 6. 'На нечестивых Он прольет дождь из сетей, огня и серы'. Пс. xviii. 8. 'И пошел дым из ноздрей его'. Пс. xcvii. 3. 'Огонь ходит пред ним и сжигает врагов его со всех сторон'. Иез. xxxviii. 19 и далее. 'Ибо в ревности моей и в огне гнева моего я говорил.... Я буду умолять против него моровой язвой и кровью, и я пролью на него дождь... огня и серы'. Ис. xxx. 33. "Тофет устроен издревле; да, для царя приготовлен он: он сделал его глубоким и широким; штабель его - огонь и много дров; дыхание Господне, как поток серы, разжигает его".

Откр. xii. 7 и с. 'На небесах была война: Михаил и ангелы его сражались с драконом.... И был изгнан великий дракон, тот древний змей, называемый Дьяволом и Сатаной, который обманывает весь мир.... Гореобитателям земли и морей! ибо к вам сошел диавол в великом гневе".

Мф. xxv. 41. 'Идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его'. Марк ix. 44. 'Где червь их не умирает, и огонь не угасает'. Откр. xx. 10. 'И дьявол, обольщающий их, был брошен в озеро огненное и серное'. В Откр. ix. Абаддон, или Аполлион, представлен как царь скорпионов-мучителей; а дьявольские кони с жалящими змеиными хвостами описываются как убивающие дымом и серой изо рта.

В дополнение к приведенным выше отрывкам можно привести примечательный отрывок из Послания Павла к Фессалоникийцам (ii. 3). 'Пусть никто не обманывает вас никакими средствами: ибо тот день (Христа) не наступит, если прежде не наступит отпадение и не откроется тот человек греха, сын погибели; который противостоит и превозносит себя выше всего, что называется Богом или чему поклоняются; так что он, как Бог, восседает в храме Божьем, показывая себя, что он есть Бог. Разве вы не помните, что, когда Я был еще с вами, я говорил вам все это? И теперь вы знаете, что удерживает его от того, чтобы он мог открыться в свое время. Ибо тайна беззакония уже действует: только тот, кто сейчас позволяет, будет позволять, пока не будет устранен с пути; и тогда откроется тот Нечестивый, которого Господь

поглотит духом уст Своих и уничтожит сиянием Своего пришествия; даже тот, чье пришествие произойдет после действия сатаны, со всей силой, и знамениями, и лживыми чудесами, и со всем обольщением неправды в погибающих; потому что они не приняли любви истины, чтобы они могли быть спасены. И по этой причине Бог пошлет им сильное заблуждение, чтобы они поверили лжи; чтобы все они были прокляты, кто не верил истине, но получал удовольствие от неправды".

Это замечательное высказывание показывает, насколько сильным было сохранение в сознании Павла старой элоистской веры. Хотя древнее божество, которое обманывало пророков, приводя их к гибели, инасылало лживых духов с их сильными заблуждениями, было свергнуто с престола и объявлено вне закона, он все еще оставался могущественным претендентом на империю, посещая храм и провозглашая себя в нем Богом. Он будет поглощен дыханием Христа, когда наступит день триумфа; но пока что ему не только дарована великая власть на земле, но и используется истинным Богом, который даже настолько сотрудничает с ложью, что насылает на некоторых людей 'сильные заблуждения' ('действие ошибки", - переводит фон Тишендорф), чтобы они поверили лжи и были прокляты. Павел говорит о 'тайне беззакония', но это не так уж и таинственно, если мы рассмотрим предпосылки его идеи. Мрачная проблема происхождения зла и его продолжения во вселенной под властью морального правителя все еще отбрасывала свою непроницаемую тень на человеческий разум. Это была ужасная реальность, проявляющаяся в безразличии или враждебности, с которыми новое Евангелие было встречено культурными и могущественными людьми; и только тогда это можно было объяснить как таинственное временное соглашение, связанное с какой-то божественной целью далеко в глубинах вселенной. Но цитируемый отрывок из Послания к Фессалоникийцам ясно показывает, что все эти ранние предания о божественно обманутых пророках и лживых духах, посланных Иеговой Элохимом, наконец, во времена Павла были подчинены лидеру, личному Человеку Греха; но этот лидер, хотя и противостоит царству Христа, каким-то таинственным образом является уполномоченным Бога.

Мы можем отметить здесь прекрасную непрерывность, благодаря которой сквозь все эти тени ужаса и туманы спекуляций, "затуманивающие сияние небес",²⁷ неуклонно восходит неугасимый идеал от начала до конца.

'Одна или три вещи, ' говорит Талмуд, ' были до этого мира — Вода, Огонь и Ветер. Вода породила Тьму, Огонь породил Свет, а Ветер породил Дух Мудрости.' Это стало рационалистическим переводом грубой науки о первобытных демонах, которые, как когда-то считалось, создали небеса и землю. В процессе мы обнаруживаем силы, объявленные вне закона в своих диких действиях, но становящиеся хором Бога в своих тихих действиях: —

1 Царств хix. 11-13. И сказал Он: выйди и стань на горе пред лицом Господа. И вот, Господь проходил мимо, и сильный ветер раздирал горы и раскалывал на куски скалы пред Господом; но Господа не было в ветре; и после ветра было землетрясение; но Господа не было в землетрясении; и после землетрясения пожар; но Господа не было в огне; и после огня тихий тихий голос. И было так, что, когда Илия услышал это, он закрыл лицо своей мантией".

Но человек должен развиваться не только морально, но и философски: человеческий разум не мог долго выносить эту стихийную анархию. В нем спрашивалось: "Если Господь не пребывает в урагане, землетрясении, вулканическом пламени, то *кто находится там?*" Это ответ Таргума:²⁸

И он сказал: встань и стань на горе пред Господом. И Бог явил себя: и пред ним сонм ангелов ветра, раскалывающих гору и сокрушающих скалы пред Господом; но в сонме ангелов не было Шхины. И вслед за воинством ангелов ветра пришло воинство ангелов волнения; но в воинстве ангелов волнения не было Шхины Господней. И вслед за ангелами смятения пришло воинство огненных ангелов; но в воинстве огненных ангелов не было Шхины Господней. Но после воинства огненных ангелов раздались голоса, поющие в тишине. И когда Илия услышал это, он закрыл лицо своей мантией.

Нравственное чувство делает еще один шаг вперед благодаря неизвестному, но художественному автору Послания к Евреям. Моисей описал Бога как 'огонь поядущий'; и 'вид славы Господней был подобен пожирающему огню на вершине горы в глазах сынов Израилевых' (Исх. xxiv. 17). Когда в следующий раз мы встречаем эту фразу, то именно у этого автора, который стремится заменить то, что создал Моисей (традиционно). 'Чей голос, - говорит он, - тогда потряс землю; но теперь он пообещал, говоря: "Еще раз Я потрясу не только землю, но и небо". И это слово, 'еще раз', означает удаление тех вещей, которые поколеблены, как созданных вещей, чтобы могло остаться то, что не может быть поколеблено.... Ибо наш Бог - всепожирающий огонь".

"Инаш Бог тоже!" - восклицает каждая продвигающаяся великая революция. Его всепожирающий гнев теперь направлен не против человека, а против заблуждений, которые являются единственными врагами человека: молнии нового Синая, озаряя землю, поражают старые небеса человеческой веры и воображения, сморщивая их, как сожженный свиток!

В этом девятнадцатом веке, когда старые небеса, среди которых сиял этот огненный столп, снова сотрясаются, древняя фраза все еще сохраняет свое значение. Русский Тургенев представляет двух друзей, которые в молодости учились вместе, затем расстались, случайно встретившись еще раз на одну ночь. Они сравнивают записи относительно того, чему научили их долгие прошедшие годы; и один подводит итог своему опыту в словах— 'Я сжег то, чему раньше поклонялся, и поклоняюсь тому, что раньше сжигал'. Романист искусно воспроизводит для нашей эпохи фразу, связанную с кризисом в религиозной истории Европы. Хлодвиг, король франков, призвал Бога своей жены Клотильды помочь ему в борьбе с германцами, поклявшись в случае успеха стать христианином; и когда после своей победы он крестился в Реймсе, святой Реми сказал ему— 'Смирненно склони голову, Сикамбриец; сожги то, чему ты поклонялся, и поклоняйся тому, что ты сжег!' Хлодвиг буквально последовал совету епископа, ревностно неся огонь и меч среди своих старых друзей - "язычников". Но наступила эпоха, когда то, что меч Хлодвиг и теология Святого Реми создали для поклонения, в свою очередь уничтожается. Молодежь Тургенева пожирает алтарь, на котором были сожжены их предшественники. И в этом вновь разожженном пламени мир теперь видит сморщивающиеся небеса, когда-то свежие, но теперь отражающие совокупный эгоизм человечества, ады, представляющие их совокупную трусость, и подпитывает свою более благородную веру этим видением вечного огня, который все больше поглощает ложь и облагораживает мир.

Глава 7. Рай и Змей

Геракл и Афина на священном изображении—Значение Эдема для человечества—Загадочная легенда в Книге Бытия—Молчание более поздних книг о нем—Его ведические элементы—Его объяснение—Эпизод Махабхараты—Скандинавский вариант—Имя Адам—История перечитана-Раввинские толкования.

У Монфокона среди его пластин есть одна (XX.), представляющая античный агат, который, как он предполагает, символизирует Зевса и Афину, но который, вероятно, связан с мифом о Геракле и Афине в саду Гесперид. Герой, проникнув в этот сад, убивает дракона, охраняющего его бессмертный плод, но когда он собирает этот плод, Афина забирает его у него, чтобы человек не съел его и не разделил бессмертие богов. В этом дизайне они стоят по обе стороны от дерева, вокруг которого от корней до ветвей обвивается змея. История, которую Монфокон рассказывает об агате, представляет не меньший интерес, чем сам дизайн. Она была найдена в старинном французском соборе, где долгое время хранилась и демонстрировалась как священная картина "Искушение". По-видимому, ранее это также вводило в заблуждение некоторых раввинов, поскольку на границе написано еврейскими иероглифами, гораздо более современными, чем центральные фигуры: "Женщина увидела, что дерево хорошо для еды, и что оно приятно для глаз, и дерево, которое вызывает желание сделать человека мудрым".

Эта мистификация дизайна, относительно происхождения и замысла которого теперь нет никаких сомнений, имеет большое значение. Саму басню о Рае и Змее проследить труднее, так много было рас и религий, которые обрамили ее своими священными текстами и сохранили в своих священных пределах. По своей сути, без сомнения, история вырастает из универсального опыта; в этом аспекте это мистическая роза, говорящая на всех языках. Когда человек впервые появляется, его двойником является сад. Нравственная природа означает порядок. Дикая природа — Элохимы — не возводят оград, не запрещают выращивать фрукты. Они говорят человеку как высшему животному: покоряй землю; каждое дерево и трава будут твоей пищей; каждое животное - твоим рабом; плодись и размножайся. Но из этого конфликта выходит более реальный человек, и его признаком является сад, отгороженный от дикой природы изгородью, и разделение между добром и злом.

Форма, в которой легенда появляется в Книге Бытия, представляет одну сторону, в которой она проста и естественна. Это уже предлагалось (т. i., стр. 330). Но легенда о человеке, защищающем свое убежище от диких зверей, от самых коварных из них здесь перекрыта мифом, в котором она играет наименьшую роль. Разум, который читает его в таком свете, который может быть получен только из библейских источников, вряд ли сможет не испытывать новых затруднений на каждом шагу. Столь многое, действительно, признается в бесконечных и разнообразных теологических теориях, которые вызвала к жизни эта история. Что означает проклятие, наложенное на Змею, что с тех пор она должна вечно ползать? Разве оно не ползало раньше? Почему Древо познания Добра и Зла было запрещено? Почему, когда были вкушены его плоды, Древо Жизни должно было быть впервые запрещено и ревниво охраняться? Эти загадки нигде не разгаданы в Библии и были оставлены на усмотрение причудливых изобретений теологов и изобретательности раввинов. Доктор Адам Кларк думал, что Змей был

обезьяной до своего грехопадения, и многие раввины пришли к выводу, что он имел форму верблюда; но от остальных загадок мы честно отказались.

Древние евреи, те, кто написал и скомпилировал Ветхий Завет, более откровенные, чем их современные потомки и наши всеведущие христиане, молча признавались в своей неспособности что-либо понять из этой змеиной истории. Начиная с третьей главы книги Бытия и заканчивая последним стихом Малахии, на эту историю ни разу не ссылаются! Такое явление было бы невозможно, если бы эта легенда принадлежала еврейской расе. Среди них он явно был валуном, приплывшим из регионов, малоизвестных их более ранним авторам; пролежав обнаженным много веков, он зарос раввинским лишайником и мхом, и в христианскую эпоху, хотя он казался частью еврейского ландшафта, он был достаточно исключительным, чтобы пользоваться особым почитанием как священный камень. То, что это стало краеугольным камнем христианского богословия, может быть в некоторой степени объяснено принципом *omne ignotum pro mirifico*. Но сам валун можно объяснить, только связав его с мифологическим образованием, от которого он откололся.

Как бы парси объяснил проклятие, наложенное на змею, которое обрекло ее на ползание? Он легко предоставил бы нам доказательства того, что в то время, когда было написано большинство еврейских Писаний без упоминания такого Змея, древние персы верили, что Ариман соблазнил первых мужчину и женщину через своего злого посредника, своего помазанного сына Аш-Мога, "двуногого Змея".

Но давайте выйдем за рамки персидской легенды, объединив ее с библейской историей, и обратимся к критике брахмана. Он скажет нам, что этот Ашмогх у парсов - всего лишь древний Ашма-дава из Авесты, который, в свою очередь, является Ахи, великим ведическим Змеем-чудовищем, которого Индра "распростер под ногами" ручья, который он перегородил, — у каждого ручья есть свое божество. Он напомнил бы нам, что Веды описывают первого победителя драконов, Индру, как "сокрушающего голову" своего врага, и что эта фигура бога, наступающего пяткой на голову Змеи, была знакома его расе с незапамятных времен. Затем он советовал нам прочитать "Ригведу", ст. 32, и "Махабхарату", и мы находили все элементы истории, рассказанной в книге Бытия.

В упомянутом гимне мы находим наглядный рассказ о том, как, когда Ахи спал на воде, которую он перегородил, Индра метнул в него свою молнию. В нем говорится, что, когда Индра "уничтожил оружие этого могучего зверя у него (Ахи), был порожден другой, более могущественный, считающий себя единым и непревзойденным", этот "рожденный гневом сын", "ходящий во тьме", сумел завладеть священной Сомой, растением, монополизированным богами, и, выпив этот сок, он дремал и "окутывал мир", а затем "свирепый Индра схватил его", и, предварительно обнаружив "жизненно важную часть того, кто считал себя неуязвимым", он сказал: поразило это воплощение многоформного Ахи, и он был "сделан низшим из всех созданий".

Но тот, кто внимательно прочитал уже приведенную филологическую биографию Ахи, том i, стр. 357, не предположит, что это был его конец. Теперь мы должны более подробно рассмотреть великий эпизод "Махабхараты", на который уже делались ссылки в других разделах.²⁹ Во время Потопа было утрачено самое драгоценное сокровище богов - амрита, амброзия, которая делала их бессмертными, и в поэме рассказывается, как Дэвы и Асуры, иначе боги и змеи, вместе вспенивали океан ради нее. Там были две великие горы — золотая и прекрасная Меру,

украшенная целебными растениями, приятными ручьями и деревьями, неприступная для грешников, охраняемая змеями; Мандар, скалистая, покрытая буйной растительностью, кишася дикими зверями. Первый - обитель богов, последний - демонов. Чтобы найти затопленную Амриту, необходимо было выкорчевать Мандар и использовать его для вспенивания океана. Это было сделано путем призыва Царя Змей Ананты, который призвал на помощь другого великого змея, Васуки, которого использовали как веревку, наматывающуюся и разматывающуюся, чтобы закружить гору. Наконец появилась Амрита. Но со дна океана также поднимался ужасный смрад и яд, который распространился по вселенной, когда Шива проглотил его, чтобы спасти человечество, — наркотик окрасил его горло в синий цвет, отсюда и его эпитет "Синяя шея".

Когда Асуры увидели Амриту, они заявили о своих правах на нее; но один из Дэв, Нарья, принял облик прекрасной женщины и так очаровал их, что они на мгновение забыли об Амрите, которую пили боги. Однако один из асуров, Раху, принял облик бога, или Дэва, и начал пить. Нектар бессмертия не успел проникнуть дальше его горла, когда солнце и луна увидели обман и рассказали о нем Нарае, который отрубил Раху голову. Голова Раху, будучи бессмертной, вознеслась к небу, где ее попытки поглотить солнце и луну, которые предали его, вызывают их затмения. Хвост (Кету) также обладает бессмертием на низшем плане и является роковой планетой, насылающей болезни на человечество. С тех пор ведется яростная война между богами и Асурами. И поскольку Дэвы - самые сильные, неудивительно, что в фольклор всего арийского мира вошло утверждение о том, что воинство зла вечно пытается хитростью вернуть Амриту. Змеи, охраняющие рай Дэвов, не раз, в мифологическом смысле, были вынуждены предать их доверие и проникнуть в божественные пределы, чтобы украсть желанный напиток. Это Квасир³⁰ из скандинавской мифологии, который является источником поэтического вдохновения, песни которого обладают магической силой. Сакраментальным символом Амриты в индуистской теологии является сок Сомы, и в Ригведе (i. 130) говорится, что это растение Индра обнаружил "спрятанным, подобно птичьим птенцам, среди груды камней, окруженных кустарником", где его скрыла драконья Засуха. Индра, приняв облик ястреба, улетел вместе с ним. В прозаической "Эдде" Ледяной великан Суттунг спрятал священный сок, и служанка Гунлаут хранит его в пещере, заросшей кустарником. Браги просверлил в скале дыру. Один в облике червя прокрался через расщелину; затем, вновь приняв свой божественный облик, очаровал служанку, чтобы она разрешила ему выпить один глоток из трех кувшинов; и, не оставив ни капли, в облике орла полетел в Асгард и разлил по кувшинам чудодейственную жидкость. Поэтому поэзию называют добычей Одина и подарком Одина.

Тем, кто внимательно сравнит эти мифы с легендой из книги Бытия, не нужно будет опираться на сомнительную этимологию слова "Адам"³¹, чтобы установить айранское происхождение последнего. Древо познания Добра и Зла, которое сделало человека "одним из нас" (Элохим), - это Сомы в Индии, Хаома в Персии, *квасир* в Скандинавии, которым приписываются разум и могущество богов, а также пылкие мысли их почитателей. Древо Бессмертия - это Амрита, единственная монополия богов. 'Господь Бог сказал: вот, этот человек стал как один из нас, познал добро и зло; и теперь, чтобы он не простер руки своей и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не жил вечно; поэтому Господь Бог послал его из сада Едемского возделывать землю, из которой он был взят. И он изгнал этого человека; и он поставил на востоке Эдемского сада херувимов и пламенный меч, обращающийся во все стороны, чтобы охранять путь к древу жизни".

Этот огненный меч, вращающийся во все стороны, независим от херувима и занимает место змея, который ранее охранял рай Меру, но теперь является врагом, которому больше нельзя доверять.

Если читатель теперь перечитает историю в Книге Бытия с восстановленными старыми именами, он поймет, что ни в одной ее части нет никакой загадки: 'Итак, Раху [потому что он украл и отведал Сому] был хитрее любого полевого зверя, созданного Дэвами, и он сказал Аде Сукти, первой женщине: сказали ли Дэвы, что ты не будешь есть от каждого дерева в саду?" И она сказала Раху: мы можем есть плоды деревьев сада; но Дэвы сказали, что мы не должны есть растение Сомы, которое находится в середине сада, и прикасаться к нему под страхом смерти. Тогда Раху сказал Аде: Ты не умрешь, отведав Сомы [я сделал это и остался жив]: дэвы знают, что в тот день, когда ты отведаешь ее, твои глаза откроются, и ты сравняешься с ними в знании добра и зла ... [и вы сможете сразу узнать, на каком дереве растет плод, который делает вас бессмертными, — Амрита].... Адея взяла Сому и съела, а также дала Адиме, своему мужу, и глаза у них обоих открылись.... И Индра, глава Дэвов, сказал Раху: за то, что ты сделал это, ты проклят превыше всего скота и превыше всех полевых зверей; [ибо они будут переселяться, их души вознесутся через высшие формы, чтобы быть поглощенными Созидательным принципом; но] ты пойдешь на животе [оставаясь прикованным к форме, которую ты принял, чтобы попытаться получить Амриту]; и [вместо амброзии, на которую ты нацелился] ты будешь есть грязь на протяжении всего своего существования.... И Индра сказал: Адима и Адея Сукти [отведали Сомы и] стали как одни из нас, Дэвов, [настолько], что познали добро и зло; и теперь, чтобы человек не простер свою руку [на нашу драгоценную Амриту], и не взял также от древа жизни, и не съел, и не жил вечно [давая нам соперничать с другой расой Асуров или Людей-Змей].... Индра и Дэвы изгнали Адиму из Меру и поставили сторожевых псов к востоку от сада; и [извилистое метающееся пламя, точно соответствующее ныне неизменной форме Раху], пылающий меч, который поворачивался во все стороны, чтобы охранять путь Амриты от Адимы и Асуров".

В то время как боги и змеи взбивали океан для получения Амриты, все беды смертных были на первом месте. Этот океан сжимается в одном регионе до ящика Пандоры, в другом - до плода, съеденного Евой. Насколько чуждо такое представление еврейскому богословию, показывает тот факт, что даже когда проклятия падают от рокового плода на землю и человека, все они, как говорят, исходят исключительно от Иеговы, который, таким образом, призван дополнять работу змея.

Будет видно, что в приведенной выше версии истории из книги Бытия я опустил различные отрывки. Частично это те, которые должны быть более подробно рассмотрены в следующей главе, а частично - семитские мхи, выросшие на арийском валуне. Но даже после небольшого рассмотрения, которое является всем, что я могу посвятить сравнительному изучению мифа в этом аспекте, можно с уверенностью утверждать, что проблемы, которые мы сочли неразрешимыми с помощью еврейских коррелятов, больше не существуют, если предположить арийское происхождение. Мы знаем, почему плод знания был запрещен: потому что он ставил под угрозу дальнейший плод бессмертия. Мы знаем, что Змей мог быть обречен вечно ползать, если не считать абсурда: потому что он принадлежал к змеиной расе, способной принимать высшие формы, способной к переселению душ и окончательному поглощению. Мы знаем, почему поедание этого плода принесло так много бед: за ним последовал поток яда из вспененного океана, который сопровождал Амриту и который уничтожил бы расу как богов, так

и людей, если бы Шива не выпил его. Если что-то и требовалось для подтверждения арийского происхождения басни, то это можно найти в факте, который появится по мере того, как мы продолжим, а именно, что раввины нашей эпохи, объясняя легенду, которую их отцы строго игнорировали, делали это, заимствуя концепции, чуждые первоначальным идеям их расы, — представления о превращении человека в животное и о Змее (которого почитал Моисей), и в основном пародирующие иранский фольклор. Такой контакт с иноземными расами впервые дал евреям ключ к легенде, о которой их патриархи и пророки были вынуждены умолчать.

Глава 8. Ева

Грехопадение человека—Падение богов—Гигантов—Праджапати и Раху—Женщина и Звездный змей в Персии-Месхия и Мешиана—Браманские легенды о сотворении Человека—Сила Женщины—Элохистские и иеговистские творения Человека—Запретный плод—Ева вновь появляется как Сара—Авраам отдает свою жену Иегове—Идея не чувственная—Обрезание Авраама—Злое имя Женщины—Жена Ноя—Искушение Авраама—Раввинские легенды о Еве—Пандора—Чувства народа Миф о Еве.

Незначительность Эдемского змея в схеме и учениях еврейской Библии становится тем более примечательной, если учесть, что в ней полностью представлен пессимистический взгляд на человеческую природу. В самой истории об Искушении, действительно, нет такого обобщения, которое мы находим в современной догме о грехопадении Человека; но элементы этого присутствуют в раннем предположении, что мысли человеческого сердца постоянно направлены ко злу, — что должно быть очевидным фактом повсюду, в то время как доброта отождествляется с вымышленными достоинствами. Существуют также выражения, предполагающие теорию наследственности в высшей степени суеверного характера, согласно которой наследование осуществляется в силу слова или поступка предков и без привязки к врожденным качествам. Внешние достоинства и недостатки передаются в качестве награды и наказания третьему и четвертому поколению; но более здравая точка зрения, по-видимому, постепенно вытеснила это, как выражено в пословице о том, что отцы ели кислый виноград, а у детей были острые зубки.

Объясняя это состояние человеческой природы, популярные среди евреев предания всегда указывали скорее на падение богов, чем на какую-либо подобную катастрофу для человека. 'Сыновья Элохим (богов) увидели дочерей человеческих, что они прекрасны, и взяли себе в жены ту, кого выбрали'. "В те дни на земле были исполины; а также после того, когда сыны Божьи вошли к дочерям человеческим, и они родили им детей, они стали могущественными людьми, которые происходили из знаменитых стариков".³² Эти гиганты были для семитского сознания тем же, чем ахи, вритры, сушны и другие чудовища были для арийского или титанами для греческого сознания. Они были прослежены не до Змея, а до богов дикой природы, Элохимов, и когда появляется Иегова, он ведет войну против них. Сила этой веры проиллюстрирована многочисленными рассказами, приведенными в Ветхом Завете о рефаимах

и их царе Оге, Анакимах и Голиафе, эмимах, замзуммимах и других, все из которых получили полное отражение в еврейском фольклоре. Существование этих враждебных существ объяснялось их падением с ангельского уровня.

Книга Еноха дает то, что, без сомнения, было популярным пониманием падения ангелов и его результатов. Двести ангелов взяли в жены дочерей человеческих, и их потомство было гигантами высотой в три тысячи ярдов. Эти гиганты, поглотив человеческую пищу, начали пожирать людей, чьи крики были доведены до сведения Иеговы его ангелами. Один ангел был послан предупредить Ноя о Потопе; другой - связать Азазеля в темном месте в пустыне до Судного Дня; Гавриил был послан, чтобы заставить гигантов истреблять друг друга; Михаил был послан похоронить павших ангелов под холмами на семьдесят поколений, до Судного Дня, когда они должны были быть отправлены в огненную бездну навсегда. Тогда всякому злему делу должен быть положен конец, и взойдет растение праведности.³³

Такие подвиги и успехи юридического Божества в борьбе с преступниками, хотя они и могут быть воспеты в героических романах, встречаются рядом с теологией, основанной на обратной ситуации. Нет ничего более фундаментального в древней еврейской системе, чем признание внешнего мира, преданного идолопоклонству и нечестию, в то время как евреи являются небольшой колонией детей Израиля и избранных Иеговы. Такая концепция в первобытные времена настолько естественна и, возможно, была настолько существенна для устройства наций, что вряд ли полезно искать параллели. Хотя почти все расы видят в своем традиционном рассвете Золотой век, Счастливый Сад или какое-то соответствующее блаженство, они обычно противопоставляются предшествующему хаосу или окружающей жестокости. У каждого Эдема были свои стражи.

Когда мы переходим к легендам, которые касаются, в частности, того, как было утрачено раннее счастье, многие факты сами собой представляются для сравнительного изучения. А что касается мифов об Эдеме и Еве, то мы можем отметить, что, по-видимому, это был любопытный обмен легендами между евреями и персами. Древние учения Индии и Персии о Происхождении в значительной степени, если не полностью, являются астрономическими. В "Генезисе Индии" мы видим золотое яйцо, плывущее по безбрежному океану; оно разделяется, образуя небо вверху и землю внизу; из него появляется Праджапати, который также разделяется надвое, создавая смертную и бессмертную субстанции; его части снова разделяются, создавая мужчин и женщин на земле, солнце и луну на небе. Это всего лишь одна версия из многих, но все легенды о Праджапати сходятся в том, что он является фигурой индийской астрономии. В Ригведе он - Орион, и вечно лежит с тремя стрелами на поясе, которые Сириус пустил в него из-за его любви к Альдебарану, к которому созвездие простирается. Теперь, в своего рода противоположности этому, злой Раху также разделен надвое, его верхняя и бессмертная часть преследует и пытается затмить солнце и луну, его хвост (Кету) становится 9-й планетой, распространяя злое влияние на человечество.³⁴ Этот хвост, Кету, является вполне независимым чудовищем, и мы встречаемся с ним в персидской планисфере, где он правит первым из шести поместий Аримана и является 'кривым змеем', упомянутым в Книге Иова. Обратившись к т. i, стр. 253, читатель увидит, что этот Звездный змей должен стоять так же близко к женщине с ее ребенком и снопом, как сентябрь стоит к октябрю. Но, несомненно, женщина была помещена туда ради чести, а не позора; со своим ребенком и снопом она олицетворяла плоды года.

В персидской мифологии нет ничего, что указывало бы на то, что женщина предала свой плодородный дом - золотой год — Змею у своих ног. В Бундехеше у нас есть изначальный человек, Кайомартс, который был убит Ариманом, как Праджапати (Орион) был убит Сириусом; из его мертвой формы произошли Мешия и Мешiana, первая человеческая пара. Ариман развращает их, сначала давая им козье молоко - злое влияние Козерога. После того как они таким образом причинили себе вред, он соблазнил их плодом, который отнял у них девяносто девять сотых их счастья. Во всем этом нет никаких указаний на то, что женщина и мужчина по-разному относились к случившемуся бедствию. Но через некоторое время мы находим приписку Парси на этот счет: 'Женщина была первой, кто принес жертву Дэвам'. Это единственный предмет в мифологии парсов, который демонстрирует предвзятое отношение к женщине, и поскольку он не подтверждается предшествующими ему повествованиями, мы можем предположить, что он был получен из какой-то чужой страны.

Этой страной вряд ли могла быть Индия. В отдаленных районах Индии существует легенда, повествующая о том, что первая женщина родилась из распускающегося лотоса на берегу Ганги и была принята в своем раю первым мужчиной (Адимой, или Ману). Отведав Сомы, они были изгнаны после того, как сначала была удовлетворена их молитва о том, чтобы им позволили в последний раз глотнуть из Ганги; действие святой воды заключалось в том, что она полностью предотвратила разложение и обеспечила бессмертие их душам. Но нигде в индийских легендах или фольклоре мы не находим какого-либо особого бесчестия, налагаемого на женщину, подобного тому, которое описано в еврейской истории.

Скорее мы обнаруживаем обратное. В начале прошлого века путешественник Джон Маршалл рассказал истории о сотворении мира, которые, по его словам, были рассказаны ему браминами, а другие - "браминами Персии".³⁵

'Однажды, ' говорили брахманы, ' когда (Бог) пребывал в вечности, ему пришло в голову что-то создать, и сразу же, не успев он подумать о том же, но в ту же минуту прямо перед ним появилась совершенная красивая женщина, которую он назвал Адея Сукти, то есть первая женщина. Затем эта фигура вызвала в его сознании фигуру человека; которую он раньше не представлял себе в своем уме, но которую он также поднял и представил себе перед ним; этого он назвал Манапуисе, то есть первый человек; затем, поразмыслив об этих вещах, он решил далее создать несколько мест для их пребывания, и соответственно, приняв тонкое тело, он вдохнул в минуту всю вселенную и все, что в ней, от наименьшего до величайшего".

Персидские брахманы рассказывают несколько длинных историй о Великане, которого привели в чудеснейший сад, который при определенных условиях должен был принадлежать ему навсегда. Но однажды вечером в прохладной тени к нему пришел один из злых Дэват, или духов, и соблазнил его огромными суммами золота и всеми самыми драгоценными камнями, которые только можно себе представить; но он мужественно устоял перед этим искушением, так как не знал, какой ценности или пользы они представляют; но в конце концов этот злой Дэвата привел к нему красивую женщину, которая так очаровала его, что ради нее он охотно нарушил все свои условия, после чего был изгнан".

В первой из этих двух историй имена, данные мужчине и женщине, являются популярными словами, происходящими из санскрита. Во втором присутствуют персидские иероглифы, как и в использовании деват для обозначения злых сил; но в остальном эта последняя легенда, как мне кажется, определенно заимствована у евреев в том, что касается женщины. Именно они

первыми заметили какую-либо связь между Девой в шестом особняке Ормузда и Пифоном в седьмом и вернули персам их планисферу с новым блеском. Приняв хвост Дракона (Кету) для небольшого предварительного представления, еврейская система полностью отвергает этого звездного змея; ибо она уже развила земного дьявола из своего собственного внутреннего сознания.

Имя этого дьявола - Женщина. Дьяволизация женщины в их теологии и традиции не должна рассматриваться как какой-либо признак того, что евреи издревле держали женщин в бесчестии; скорее, это была дань уважения ее силе обаяния, такой, как написал молодой человек, которого положили под подушку Дарию: "Женщина сильнее". Как Дарий и его совет согласились, что, по правде говоря, женщина сильнее — сильнее вина или царей, так и еврейские басни свидетельствуют о том, что ее красота и гений переплетаются со всем злом мира.

Между элоистским и яхвистским рассказами о сотворении человека есть два очень важных различия. Говорят, что Элохимы *создали* человека по своему образу и подобию, мужчину и женщину, — слово "сотворенный" означает *бара*, буквально означающее *вырезать*. Говорят, что Иегова Элохимы *сформировал* человека, — ничего не говорится ни о его собственном образе, ни о мужчине и женщине, — слово *сформированный* является *цар*. Значение этого слова *цар* в этом месте (Быт. ii. 7) должно быть истолковано следующим образом: говорят, что Иегова создал человека из *афара*, что в английской версии переводится как пыль, но в Септуагинте более правильно *sperma*. Буквальное значение - тонко испаряющееся вещество, и в Числах xxiii. 10 оно используется для обозначения семени Иакова. В иеговистском творении это означает, что человек был сформирован из семенного принципа земли, объединенного с дыханием Иеговы; и легенда очень напоминает рассказ о древнем Сатапата-Брахмане, который показывает созидательную силу сексуального союза с текучим миром для производства яйцеклетки, из которой родилась Праджапати, для разделения на мужчину и женщину.

Следовательно, эти два рассказа, а именно, что в первой, а что во второй главе книги Бытия, следует рассматривать как относящиеся к разным событиям, а не просто как различные мифы об одном и том же событии. Потомками Иеговы были 'живые души' - выражение, не употребляемое в связи с созданными образами исполинов или Элохимов. Пара элоистов свободно бродит по миру, поедая все фрукты и травы, обладая природой в целом, и, как мужчина и женщина, поощряются к росту и размножению; но Иегова тщательно отделяет своих двоих детей от общей природы, помещает их в сад, запрещает определенную пищу и даже ни слова не говорит о сексе, не говоря уже о поощрении его функций.

Адам был создан просто для того, чтобы быть садовником Эдема; никаких других мотивов не указывается. Предлагая создать существо, которое будет его помощником и компаньоном, ничего не говорится о новом поле, — слово, переведенное как "помогающий встретиться" (*эзер*), мужского рода. Адам называет сотворенное существо 'женщиной' (вульг. *Virago*) только потому, что она была создана из мужчины, но секс еще даже не предполагался. Это настолько заметно, что составитель дополнил то, что он считал упущением (стих 24), небольшой лекцией о долге перед женами.

Очевидно, что ревниво охраняемая амброзия арийских богов была здесь приспособлена для обозначения сексуальных отношений. Это плод посреди сада, который зарезервирован. Поедание его немедленно ассоциируется с осознанием наготы и стыда. Проклятие,

наложенное на Еву, уместно. Взяв мужа-человека, она должна быть его рабыней; она родит детей в печали, и их будет много (Быт. 16). Адаму суждено потерять свое положение в саду Иеговы и трудиться на проклятой земле, бесплодной и колючей.

Изгнанное таким образом в пустыню, человеческое потомство по мере своего увеличения вступало в контакт с потомством гиганта, созданным Элохим (Быт. i.). Когда они вступили в брак, Иегова сказал, что тот факт, что человеческая сторона в таком союзе изначально была оживлена его дыханием, теперь не может сделать ее бессмертной, потому что "он (человек) также есть плоть", *т.е.*, подобно созданиям природных богов. После двух великих сражений с этими Титанами, утопив большинство из них, обрушив их башню и рассеяв их, Иегова решился на план огромной важности, который проливает поток света на только что приведенное повествование. Великая цель Иеговы показана в завете Авраама - основать семью на земле, о которой он может сказать: 'Ты мой сын; Я породил тебя'. Ева должна была стать матерью этой семьи, но, поддавшись своей страсти к мужчине, предназначенному только для того, чтобы быть ее спутником, она помешала замыслу Иеговы. Но она снова появляется под именем Сара; и от начала до конца смысл этих записей, хотя и перекрытый более поздними верованиями, заключается в расширении, изменении судьбы и постепенной одухотворенности этого стремления божества к созданию собственной семьи на земле.

Цельс сказал, что в истории о Деве Марии и Святом Духе христиане не нашли бы ничего 'таинственного', если бы имена были Даная и Юпитер. То же самое можно сказать и об истории Сары и Иеговы, из которой история о Марии является теологической пародией. Сара (как ее называли до ее перехода к Иегове, который затем запретил Аврааму называть ее "Мояпринцесса", а только "Принцесса") была выбрана, потому что она была бездетной. Аврааму было выплачено большое вознаграждение за ее капитуляцию, и было предусмотрено, что у него должна быть любовница, а от нее сын. Этот внебрачный сын должен был прославиться и обладать большим состоянием; номинально Авраам должен был быть представлен чудесно зачатым сыном Сары и управлять его состоянием, но кровь новой расы должна была быть чисто божественной по своему происхождению, чтобы каждый потомок Исаака мог принадлежать к семье Иеговы в доме Авраама.

Авраам дважды отдавал свою жену разным царям, которые были ревниво наказаны Иеговой за грехи, которые они едва не совершили бессознательно, в то время как сам Авраам даже не был упрекнут за грех, который он совершил. Запретный плод на этот раз не был съеден; и свидетельство сверхъестественного зачатия Исаака было ясно изложено в словах Сарры— 'Бог рассмешил меня; все слышащие будут смеяться вместе со мной: кто бы сказал Аврааму, что Сарра кормила детей грудью? ибо я родила сына в его преклонном возрасте'.³⁶

Именно страстная натура и красота Женщины до сих пор создавали трудности. Запретный плод был 'приятен для глаз', и Ева съела его; и это был ее 'голос', к которому Адам прислушивался больше, чем к голосу Иеговы (Быт. iii. 17). И, опять же, именно легкомысленность и исключительная красота Сары (Быт. xii. 11, 14) поставили под угрозу новую схему. Раввинские традиции снова очень настойчивы в этом вопросе. Рассказывают, что когда Аврам подошел к границе Египта, он спрятал Сару в сундук и таким образом увозил ее в ту страну. Таможенный инспектор заявил, что в сундуке находились одежды, шелка, золото, жемчуга, и Аврам заплатил за все это; но это только усилило подозрения чиновника, и он заставил Аврама открыть сундук; когда это было сделано и Сара поднялась, вся земля Египта озарилась ее великолепием.³⁷

Нет никаких оснований предполагать, что идеи, лежащие в основе отношений, которые Иегова намеревался установить с Евой и преуспел в установлении с Сарой, носили чисто чувственный характер. Эти мифы относятся к ментальной области поклонения предкам, и фундаментальная концепция заключается в создании семьи, которая будет править всеми другими семьями. Иегова заинтересован скорее в Исааке, чем в Саре, которая после того, как родила этого патриарха, выпадает из истории почти так же полностью, как и Ева. На самом деле эта идея не настолько теологична, какой она стала в иудео-христианской легенде о зачатии Иисуса Марией как супруги Божества; однако, вероятно, она была в значительной степени этнической в случае Евы и национальной в случае Сары.

Поскольку считается чрезвычайно важным, чтобы все, кто претендовал на преимущества в еврейском государстве, присущие только законным, хотя и номинальным 'детям Авраама', действительно имели божественное происхождение, необходимо обеспечить безопасность от того, чтобы у Исаака не было какого-либо полнородного брата. Вполне возможно, что со временем какой-нибудь внебрачный сын Сары мог бы заявить, что он рожден от божественного происхождения, мог бы продолжить еврейское содружество, убить детей Иеговы от Сары и таким образом положить конец божественному роду с той властью, которую он нес. После принятия тщательных мер предосторожности, чтобы Измаил был "непримиримым", есть основания подозревать, что положение Исаака как "единородного сына" Иеговы было обеспечено средствами, на которые неявно намекал обрезание, впервые совершенное Авраамом и ставшее знаком завета. Вряд ли можно сомневаться в том, что обрезание, где бы оно ни сохранилось, является пережитком более ужасной практики варварского аскетизма; на то, что считалось, что первоначальный обряд был тем, с помощью которого Авраам выполнил свой договор с Иеговой, как мне кажется, намекается в различных отрывках повествования, которые пережили редакторскую правку в соответствии с другой точкой зрения. Например, огромные стимулы, предложенные Аврааму, и великий ужас, охвативший патриарха, кажутся труднообъяснимыми с точки зрения теории, согласно которой со стороны Авраама не было допущено ничего, кроме отказа от жены, которую он добровольно отдал земным монархам.

Хотя только что высказанное подозрение относительно природы обрезания Авраама может быть подвергнуто сомнению, не подлежит сомнению тот факт, что обряд обрезания имеет значение в раввинских традициях и еврейских обычаях, что делает его инициацию Авраамом, по крайней мере, символом отказа от брака. Таким образом, обычай ставить в комнате, где совершался обряд обрезания, горшок с пылью был объяснен раввинами как относящийся к пыли, которая, по словам Иеговы, должна быть пищей змея.³⁸ То, что обрезание традиционно должно было ассоциироваться с искушением Евы, является подтверждением интерпретации, которая рассматривает ее (Еву) как прототип Сары, а змея - как сексуальное желание.

Хотя, если первоначальный смысл обрезания Авраама был таким, как предполагалось, при составлении Книги Бытия в ее нынешнем виде он был искажен другими традициями, и этот патриарх описывается как вторично женившийся и родивший других детей, высшая святость сына Сары была сохранена. Действительно, казалось бы, долгое время сохранялась традиция, согласно которой линия Авраама и завет должны были осуществляться только 'семенем женщины' и отцовством Иеговы. Как и Сарра, Ревекка бесплодна, а после нее и Рахиль; рождение Иакова и Исава от одной и Иосифа и Вениамина от другой произошло благодаря вмешательству Иеговы.

Великая сила женщины в добрых или злых делах и тот факт, что она часто использовалась с изощренностью — естественное оружие слабых в борьбе с сильными — замечательно проиллюстрированы легендами об этих женских фигурах, которые появляются в связи с божественными планами в Книге Бытия. Но еще больше опасностей, связанных с женской красотой, проиллюстрировано, особенно в Еве и Саре. Существовали особые и очевидные причины, по которым эти представительные женщины не могли быть унижены или дьяволизированы в своих собственных именах или истории, даже если их увлечение имело тенденцию противоречить планам Иеговы. Готовность, с которой Сара поощряла проституцию своего мужа и соглашалась на свою собственную, предательство Ревекки своему сыну Исаву, все же не могли побудить еврейскую ортодоксальность давать порочные имена мадоннам их расы; но сделанный вывод был выражен в других формах и названиях. Это стало устоявшимся суеверием, что везде, где творится зло, у истоков его стоит Женщина. Жены Потифара, Иезавель, Вашти и Далила, были среди многих козел отпущения, на которых были возложены проступки их августейших официальных предшественников, которые "не могли сделать ничего плохого". Даже после того, как сатана появился на сцене и начал искушать Иова, похоже, считалось необходимым, чтобы рядом с обеспокоенным человеком у него был агент в лице жены, которая велела ему "проклясть Бога и умереть".

Невозможно сказать, в какой именно период раввины сделали свое гениальное открытие, что дьявол и Женщина вошли в мир одновременно, — он вышел из отверстия, оставшегося после удаления ребра у Адама до того, как оно было закрыто. Это они нашли раскрытым в том факте, что именно в Книге Бытия iii. 21, описывающей сотворение Женщины, впервые появляется *Самех* — змеиная буква S (в *Ваджисгоре*).³⁹ Но среди них было много легенд подобного рода, которые не оставляют сомнений в существовании праздника благодарения, который учил мальчиков, что они не были созданы женщинами, как бы сильно кого-то ни возмущало его продолжение в наши дни. Только в соответствии с этой теорией о Женщине позже была разработана женщина-помощница дьявола в другом замысле сорвать планы Иеговы, в библейском повествовании о котором женская роль опущена. В библейской легенде о Ное его жена едва упоминается, и ее имя не приводится, но с раннего периода ходили смутные слухи о ее дискредитации, и они соединились в гностическую легенду о том, что именно через нее сатане удалось проникнуть на борт Ковчега, как рассказывается в другом месте (Часть IV. глава xxvii.), и это позволило возродить допотопное насилие в "пьяных проклятиях Ноя". Сатана сделал это, воспользовавшись любопытством и ревностью Нораиты, так звали жену Ноя.

Было необходимо подробно изложить сравнительный взгляд на миф об Эдеме, чтобы читатель мог оценить основания, на которых основывается теория, которая была представлена после долгих колебаний относительно ее смысла. 'Фаллическая' теория, с помощью которой стало модным толковать столь многие из этих старых басен, кажется мне загубленной; и все же я не могу прийти ни к какому иному выводу относительно легенды о Еве, кроме того, что она олицетворяет ту страстную природу Женщины, которая до того, как ее подвергли таким жестким ограничениям, легко могла быть расценена как слабость любого племени, желающего держаться отдельно от других племен. Клятва, данная Авраамом своему слуге в том, что он должен искать жену среди своего народа, а не среди хананеянок, является одним из многих примеров этого чувства, которое, действительно, сохранилось среди евреев и по сей день. Такое чувство могло бы лежать в основе историй Евы и Сары — одна смешивала кровь семьи Иеговы с простой человеческой плотью, другая почти путала ее с инопланетянами. По мере того как идея святости и обособленности племени укреплялась в результате дальнейшего развития

теократического правления, такие мифы приобретали формы, олицетворяющие ревность Иеговы в защите своей семейной линии от злых сил, которые стремились запутать или уничтожить ее. Одна из таких попыток, по-видимому, лежит в основе истории о предполагаемом жертвоприношении Исаака. Хотя имеющийся у нас отчет об этом событии в Библии был написан в то время, когда партии элохистов и яхвистов в некоторой степени пошли на компромисс в своем соперничестве, и наводит на мысль, что Иегова сам приказал принести жертву, чтобы испытать веру Авраама, в повествовании сохранилось достаточно примитивной традиции, чтобы сделать вероятным, что его первоначальным намерением было рассказать, как один из вытесненных Элохим пытался соблазнить Авраама принести в жертву единственного сына Сары и таким образом подорвать цель Иеговы по сохранению своего семени. Бог, который 'искушал Авраама', во всем резко отличается от Иеговы, который послал своего ангела предотвратить жертвоприношение и заменить Исаака животным.

Хотя, как мы видели, Сара была избавлена от деградации в дьяволицу в последующих мифах, потому что ее тело сохранилось нетронутым, несмотря на ее распущенность ума, в случае с Евой этого не было. Молчание о ней, сохранявшееся на протяжении всей Библии после того, как говорится о ее падении, было нарушено древними раввинами, и возникло множество легенд, в которых подробно сообщается о ее близости с дьяволами. Ее первый ребенок, Каин, обычно считался сыном одного из дьяволов (Самаэля), который общался с ней, и, как говорили, мир был населен гномами и демонами, которых она произвела на свет в течение тех 130 лет, в конце которых утверждается, что Адам родил сына по своему образу и подобию и нарек ему имя Сиф (Быт. ст. 3). Предполагалось, что предыдущие дети были не в чисто человеческом обличье и не принадлежали к отцовству Адама. Все это время Адам отказывался иметь детей, зная, что вырастит только обитателей ада.

Легенда об Эдеме обошла весь мир, выполняя различные обязанности, но почти всегда связанные с внедрением в мир морального зла. В Латеранском музее в Риме есть замечательный барельеф, изображающий обнаженного мужчину и женщину, приносящих жертву перед змеей, обвинившейся вокруг дерева, в то время как ангел опрокидывает алтарь своей ногой. Вероятно, это было задумано как бросок в офитов, и очень интересно как пережиток древнего арийского значения слова "Змей". Но с тех пор, как миф был адаптирован семитской расой, в нем обычно подчеркивалось Древо Познания Добра и Зла, а не Древо Бессмертия (Амрита), которое является главной достопримечательностью арийского мифа. В нем действительно есть следы конфликта со знанием и скептицизма, которые нам придется рассмотреть позже. Основная популярная ассоциация с ним, представление миру всех бед, которым подвержена плоть, полностью согласуется со смыслом, который приписывался его ранней еврейской форме; ибо это включает в себя стремление к материнству, его искушения и его боли, а также печали и грехи, которые, очевидно, связаны с ним.

Несколько лет назад, когда в Париже разыгрывалась захватывающая драма 'Рай', Искушение было произведено с помощью зеркала. Сатана скользнул за дерево в образе змеи, а затем появился в образе красивого мужчины и, наговорив комплиментов, которых она не могла понять, подарил Еве маленькое овальное зеркальце, которое все объяснило. Mlle. Эбингдон в роли Евы продемонстрировала непревзойденное искусство в выражении пробуждающегося восхищения собой, стремления к восхищению со стороны мужчины, стоящего перед ней, и различных стадий самосознания, благодаря которым она попадает во власть Искусителя. Эта идея зеркала, без сомнения, была заимствована из соответствующей басни о Пандоре. На вазе

(этрусской) из коллекции Гамильтона есть замечательное изображение Пандоры, открывающей свой ящик, из которого ускользает все зло. Она сидит под деревом, вокруг которого обвилась змея. Среди вещей, доставшихся из коробки, есть то самое маленькое овальное зеркальце. В этом варианте Надежда, выходящая последней, соответствует пророчеству о том, что семя женщины поразит голову змея. Древняя этруская версия и современная парижская версия the mirror тонко связаны с сексуальным смыслом легенды.

Теологическая интерпретация прекрасного мифа об Эдеме представляет собой своего рода духовную вивисекцию; однако даже как догма эта история сохраняет высокое свидетельство: когда женщина падает, человеческий род падает вместе с ней; когда мужчина поднимается над своей внутренней или внешней деградацией и вновь обретает свой Рай, это происходит потому, что его природа очищается чистотой женщины, а его дом услаждается ее сердцем. Существует широко распространенное суеверие, что каждая Змея выберет женщину из любого числа людей для своего нападения. Таким смутным образом ощущается, как она мягко задевает рептильную сущность мужчины. Неудивительно, что женщина исключена из тех сфер жизни, где политика мужчины по-прежнему сводится к ползанию, поеданию пыли и кусанию за пятку.

Я полагаю, что это древняя Тайна Творения, которая оставила Ковентри легенду о Доброй Еве (Годива, чье имя написано 'добрая ева' в монастырском стихотворении 1494 года), чья нагота должна была принести пользу человеку, подобно тому как нагота первой Евы принесла ему зло. Фиговый лист Евы, сорванный, без сомнения, с дерева, запретный плод которого она съела, постепенно стал таким большим, что скрыл ее разум и дух, а также ее форму. Ее работа по-прежнему должна быть в основном работой духа, скрытого и пристыженного. Ее страсти подавлены, в ее гений не верят, ее влияние вынуждено искать скрытые и часто незаконные каналы. Женщина теперь внешне представляет собой творение мужчины, созданное для его собственного удобства. Но Змей также сильно изменился со времен Евы, и теперь, будучи Разумом, обнаружил человека в его раю для дураков, где он флегматично утверждает, что, за немногими исключениями, человеку*is*, когда он один. Но хорошие женщины вспоминают Годиву и понимают, что очарование, которое иногда унижало мужчину или дорого ему обходилось, может стать его спасением. Так будет, когда Женщина сможет с ясными глазами и чистотой взглянуть в лицо всем фактам природы, сможет сбросить ментальные и моральные покровы, переданные из Эдема, и приложить все свои силы для блага человечества, — Добрая Ева, которую Ковентри Томс может назвать обнаженной, но которая 'не стыдится' одеяния Невинности и Истины.

Глава 9. Лилит

Мадонна — первая жена Адама — Ее бегство и гибель — Сотворение дьяволов — Лилит выходит замуж за Самаэля — Древо жизни — Роль Лилит в Искушении — Ее локоны — Ламия — Бодейма — Мешия и Мешиа́на — Амазонки — Материнство — Ребро-теория женщины — Кали и Дурга — Пленение женщины.

Попытка составителей Книги Бытия объединить легенды элохистов и иеговистов, игнорируя моральную пропасть, зияющую между ними, привела к некоторым достаточно любопытным результатам. Одну из них, возможно, будет достаточно рассмотреть здесь, поскольку, хотя она и более поздняя по форме, чем некоторые другие легенды, которые еще предстоит рассмотреть, она тесно связана по духу с древним мифом об Эдеме и иллюстрирует его.

Различия между двумя творениями мужчины и женщины, критически рассмотренные в предыдущей главе, были полностью признаны древними раввинами, и их рассуждения на эту тему заложили основу для дальнейшей легенды о том, что женщина, сотворенная (Быт. i.) одновременно с Адамом, и поэтому, возможно, женщина, созданная из его ребра, не была первой женой, которая оказалась неудачной.

Этой первой жене Адама было вполне естественно присвоить имя одной из многих древних богинь, которые были низведены до демонниц. Ибо история Мариолатрии на Севере Европы была много раз предвосхищена: материнская нежность и самоотверженность, первая улыбка любви над социальным хаосом помогли дать каждой расе свою Мадонну, популярность которой привлекла к ней роковые благосклонности священнослужителей, в конце концов превратив ее в разновидность развращения. Даже семитские племена с их суровыми божествами мужского рода, похоже, когда-то поклонялись Алилату, чье имя сохранилось в Элохиме и Аллахе. Среди этих деградировавших мадонн была Лилит, чье имя было найдено в халдейской надписи, которая гласит: "Когда в стране мир, Лилит (Лилату) нет перед ними". Название происходит от ассир. *лай'ла*, иврит *Лил*(ночь), что уже на аккадском означало 'колдовство'. Вероятно, поначалу оно олицетворяло темноту, которая убаюкивала детей; и хотя слово *Колыбельная* было скорее изобретательным, чем точным, заимствовано из *Лилит Аби*, теория может подсказать путь, по которому мягкая южная ночь стала означать ночной призрак.

Единственное место, где в Библии встречается имя Лилит, - это Исаия. xxxiv. 14, где в английской версии оно переводится как "сова-визгун". В Вульгате оно переведено как "Ламия", а в Библии Лютера - как "Кобольд"; Гезениус объясняет это как "ноктюрна, ночное привидение, призрак".

Раввинские мифы о Лилит, часто воспринимаемые как ребяческие фантазии, кажутся мне исполненными значения и красоты. Так, Авраам Экчеленсис, излагая плохую арабскую версию легенды, говорит: "Эта басня была передана арабам из еврейских источников некоторыми обращенными Магометом из каббалистики и раввинизма, которые передали все еврейские глупости арабам".⁴⁰ Но раввинская легенда развивалась очень медленно и связана с принципами и фактами социальной эволюции, сила и значение которых еще не исчерпаны.

Исходя из того, что легенда здесь собрана по кусочкам в основном от Айзенменгера,⁴¹ который при каждом упоминании предмета дает множество ссылок на раввинские авторитеты, я перескажу ее без дальнейших собственных ссылок.

Говорили, что Лилит была создана в то же время и тем же способом, что и Адам; и когда эти двое встретились, они немедленно поссорились из-за главенства, на которое претендовали оба. Адам начал первый разговор с утверждения, что он должен быть ее хозяином. Лилит ответила, что у нее есть равные права быть вождем. По настоянию Адама Лилит произнесла определенное заклинание под названием *Схем-хаммфораиш*, впоследствии доверенное падшим ангелом одной из "дочерей человеческих", с которой у него была интрижка, и известное в

еврейском фольклоре, результатом которого стало обретение крыльев. Затем Лилит вылетела из Эдема и скрылась из виду.⁴² Тогда Адам в отчаянии воскликнул— ‘Владыка мира, женщина, которую ты дал мне, улетела’. Затем Создатель послал трех ангелов найти Лилит и убедить ее вернуться в сад; но она заявила, что для нее это не может быть раем, если она будет слугой человека. Она продолжала парить над Красным морем, где ее нашли ангелы, в то время как они вернулись с ее непреклонной решимостью. И она не уступила даже после того, как ангелы были посланы снова, чтобы передать ей, в качестве альтернативы невозвращению, обреченность на то, что она родит много детей, но все они умрут в младенчестве.

Это наказание было настолько ужасным, что Лилит собиралась покончить с собой, утопившись в море, когда три ангела, тронутые ее страданиями, согласились, что в качестве компенсации она получит обладание полной властью над всеми детьми после рождения вплоть до их восьмого дня; на что она пообещала, что никогда не потревожит младенцев, находящихся под их (ангелов) защитой. Следовательно, амулет (Камея) против Лилит, который вешали на шеи еврейских детей, носил имена этих трех ангелов — Сеной, Сансеной и Саммангелоф. Лилит обладает особой властью над всеми внебрачными детьми, за которыми она присматривает, одетая в лучшие одежды; и она обладает особой властью в первый день месяца и в субботний вечер. Когда маленький ребенок смеялся во сне, считалось, что с ним Лилит, и младенца нужно было трижды ударить по носу, трижды повторив слова— ‘Прочь, проклятая Лилит! тебе здесь не место!’

Когда развод между Лилит и Адамом был завершен, теперь была сформирована вторая Ева (*т.е.* Мать), и на этот раз из ребра Адама, чтобы не могло быть вопроса о ее зависимости и чтобы смущающий вопрос о правах женщины никогда больше не поднимался.

Но примерно в это же время были созданы и Дьяволы. Эти существа были последними из шестидневного творения, но они были созданы так поздно, что не было дневного света, при котором можно было бы создать для них тела. Творец как раз откладывал их, пообещав, что он сотворит им тела на следующий день, когда - о чудо! суббота, которая долгое время была олицетворением этого дня, пришла и села перед ним, олицетворяя множество зол, которые могли возникнуть в результате прецедента, который он создаст, если хотя бы немного поработает в день, святость которого уже была провозглашена. В этих обстоятельствах Творец сказал Дьяволам, что они должны рассеяться и попытаться заполучить тела, какие только смогут найти. По этой причине с тех пор они были вынуждены искать плотских наслаждений, гнездясь в сердцах людей и пользуясь человеческими чувствами и страстями.

Эти сотворенные Дьяволы были эфирными духами; они имели определенные атмосферные формы, но чувствовали, что с ними плохо обошлись из-за того, что им не дали плоти и крови, и они завидовали плотским удовольствиям, которыми могли наслаждаться человеческие существа. До тех пор, пока мужчина и женщина оставались чистыми, дьяволы не могли завладеть их телами и наслаждаться подобными удовольствиями, и поэтому для них было очень важно, чтобы первая человеческая пара была развращена. Во главе этих Дьяволов теперь стоял падший ангел - Самаэль. Об этом архидемоне больше сказано в другом месте; сейчас нужно только сказать, что он был идеальным огненным Змеем, лидером Серафимов. Он уже сгорал от вожделения и зависти, когда стал свидетелем удовольствий Адама и Евы в Эдеме, когда нашел прекрасную Лилит, оплакивающую свои обиды в одиночестве.

Она стала его женой. Имя Самаэль в одной интерпретации означает 'Левый'; и мы можем предположить, что Лилит сочла его радикальным в вопросе о женском равенстве, который она подняла в Эдеме. Он подарил ей великолепное королевство, где ее сопровождали 480 солдат; но все это не могло компенсировать ей потерю Эдема — она, кажется, никогда не сожалела о расставании с Адамом — и потерю своих детей. Она оставалась Леди Скорби. Ее великим врагом был Махалат, который командовал 478 войсками и который вечно танцевал, как Лилит вечно вздыхала и плакала. Долгое время считалось, что в определенное время в воздухе можно было услышать голос скорби Лилит.

Самаэль нашел в Лилит добровольную заговорщицу против Иеговы в своих планах относительно мужчины и женщины. Развращение этих двоих означало для войск Самаэля низведение их тел на уровень, где в них могли войти они сами (Дьяволы), не говоря уже о множестве других мотивов, которыми они руководствовались. Можно также отметить, что в раввинских традициях, после их арийского оплодотворения, есть следы желания Дьяволов достичь Древа Жизни.

Поистине чудесное Дерево! Вокруг него, на его месте к востоку от Эдема, пели радостные гимны шестьсот тысяч прекрасных ангелов, и оно прославляло огромный сад. Он обладал пятьюстами тысячами различных вкусов и благоуханий, которые разносились на четыре стороны света зефирами из семи блестящих облаков, образующих его полог. Под ним сидели ученики Мудрости на великолепных сиденьях, укрытые от сияния солнца, луны и облаков, скрытые от могущества звезд (ночи не было); и внутри были радости, упомянутые в стихе (Притч. viii. 21), "Чтобы Я мог сделать так, чтобы любящие меня унаследовали богатство; и я наполню их сокровища".

Рис. 1. Лилит и Ева (Средневековый молитвенник).

Если бы существовал орден женщин-раввинов, история Лилит могла бы претерпеть очевидные изменения, и она могла бы предстать как героиня, стремящаяся спасти свой пол от рабства у мужчины. Поскольку с незапамятных времен мужчина имел право возлагать всю вину на женщину, которая была частью наследственного потомства Адама, неудивительно, что Лилит в свое время была возложена ответственность за искушение Евы. Предполагалось, что она обольстила Змея, охранявшего врата Эдема, чтобы он одолжил ей на время свой облик, после чего, по этой теории, проклятие на змее могло означать, что Лилит навсегда останется в этом обличье. По-видимому, это породило идею, упомянутую в Коместоре (Hist. Schol., 12 век.), о том, что, когда змей был еще выпрямлен, у него была голова девственницы. Прилагаемый пример взят из очень раннего молитвенника, находящегося во владении сэра Джозефа Хукера, дату или историю которого я не смог выяснить, но теория прослеживается в восьмом веке. На этой картине мы видим ранний пример тех, которые с тех пор стали известны по старым Библиям. Пьетро д'Орвието изобразил эту женщину-змею на своей лучшей фреске в Пизе. Пожалуй, ни на одной другой картине гений Микеланджело не проявился так ярко, как на потолке Сикстинской капеллы, где изображена Лилит. На этой картине (рис. 2) изумительная красота его первой жены, по-видимому, пробудила энтузиазм Адама; и, действительно, это вполне согласуется с более ранним мифом о том, что Лилит должна быть более красивой, чем Ева.

Рис. 2. Искушение и изгнание (Микеланджело, Сикстинская капелла).

Художник и поэт нашего времени (Россетти) в обоих своих произведениях воспел роковую красоту Лилит. Его Лилит, приносящая "мягкий сон", предшествует, как мне кажется, прекрасному дьяволу раввинов, но также является средневековой ведьмой, от красивых локонов которой Мефистофель предостерегает Фауста, когда она появляется на оргии Вальпургиевой ночи.

Роза и мак - ее цветы; ибо где

Разве не найден тот, о Лилит, кто источает запах

И нежные поцелуи и нежный сон заманят тебя в ловушку?

Lo! когда глаза того юноши горели при взгляде на тебя, так и пошло

Твое заклинание пронзило его насквозь и согнуло его прямую шею,

И вокруг его сердца один душащий золотой волосок.

Сила локонов Лилит, вероятно, берет свое начало в волосатой природе, приписываемой раввинами всем демонам (*шедим*) и полностью представленной у Исава. Возможно, змеиные локоны Медузы имели аналогичное происхождение. Более того, у Данте есть предположение, что эти локоны Медузы, возможно, когда-то изображали скорее очаровательных, чем ужасных змей. Когда она приближается, Вирджил встревожен за своего брата-поэта:

"Повернись назад и держи свой взор скрытым;

Ибо, если Горгона покажется, а затем узрит,

Все это будет в порядке, когда ты вернешься наверх.

Так сказал учитель; и он сам

Обратили меня, а в мои собственные руки не доверили,

Но и этим он должен прикрыть меня.

О вы, обладающие здравым смыслом,

Обратите внимание на учение, изложенное здесь

Скрывается "под завесой странных стихов".⁴³

Если это означает, что защита от зла заключается в том, чтобы закрывать от него глаза, то предупреждение Вергилия было бы направлено против прекрасного соблазнителя, аналогично предупреждению, данному Мефистофелем Фаусту против роковых чар Лилит. Поскольку, однако, даже во времена Гомера Горгона была популярным символом ужасов, возможность сохранения в сознании Данте какой-либо более примитивной ассоциации с Медузой сомнительна. Доктрина Павла о том, что слава женщины - это ее волосы, без сомнения, имела важные предпосылки: такая слава могла быть легко принижена, и каждый волосок превратился в роковое 'связующее', подобное золотой нити Лилит вокруг сердца ее жертвы; или же он мог заманить в ловушку свою владелицу. В Трирском соборе есть любопытная старинная картина, изображающая женщину, которую уносят в ад за ее прекрасные волосы; один дьявол тянет ее за них, другой садится ей на спину и управляет ее прядями как уздечкой.

В более позднем развитии мифа о Лилит у арабов она была превращена в Упыря, но в раввинской легенде на нее, по-видимому, повлияла история Ламии, чье имя заменено именем Лилит в Вульгате. Как и у Лилит, у Ламии отняли ее детей, и отчаяние заставило ее отомстить за себя всем детям.⁴⁴ Именем Ламии долгое время пугали итальянских детей, как именем Лилит пугали еврейских нянек.

Возможно, что роль, отведенная Лилит в "Искушении Евы", была подсказана древнеегипетскими скульптурами, которые изображают Древо Жизни в Аменти (Раю), охраняемое богиней-Змеей Ну. Одна из них в Британском музее изображает Осирианина в его путешествии на небеса и его душу в виде птицы с головой человека, пьющих воду Жизни, изливаемую им из кувшина богиней, которая обвиняется вокруг священного платана, ее женский бюст и лицо появляются среди ветвей, очень похожие на Лилит на наших старых картинах.

У сингалов также есть разновидность Лилит или Ламии, которую они называют Бодрима, хотя ее боятся не столько из-за детей, сколько из-за ее мстительных чувств по отношению к мужчинам. Это призрак женщины, умершей при родах в страшных муках. Говорят, что по ночам можно услышать ее стенания, и если она встретит какого-нибудь мужчину, то задушит его до смерти. Когда раздается ее плач, мужчины стараются оставаться в дверях, но женщины выходят с метлами в руках и оскорбляют Бодриму эпитетами. Она боится женщин, особенно когда у них в руках метлы. Но женщины также испытывают некоторое сострадание к этому бедному призраку и часто оставляют лампу и немного листьев бетеля, чтобы она могла получить от них немного тепла и утешения. Если по Бодриме будет открыт огонь, то утром рядом с этим местом, возможно, найдут мертвую ящерицу.

Как первомученицу женской независимости, Лилит постигла участь, мало чем отличающаяся от участи ее сестер и преемниц в наше время, которые обжаловали легендарное решение, принятое в Эдеме: она стала прототипом 'сильной духом' и 'хладнокровной' женщины и олицетворением фатального очарования бесстрастия. Ее особое отношение к детям

постепенно расширилось, и ее считали опасной соблазнительницей молодых людей, каждая из ее жертв погибала от безответной страсти. Она была вечно молода и всегда очень красиво одевалась. Похоже, что проклятие, наложенное на нее за то, что она оставила Адама — что ее дети должны умереть в младенчестве, — было снято в случае с детьми, которых она родила от Самаэля. Она была почти такой же плодovитой, как Ехидна. Во всех последних раввинских преданиях повторяется: "Самаэль - огненный змей, Лилит - кривая змея", и от их союза произошли Левиафан, Асмодей и, действительно, большинство известных дьяволов.

Существует древняя персидская легенда о первых мужчине и женщине, Мешии и Мещиане, о том, что они долгое время счастливо жили вместе: они вместе охотились, и открыли огонь, и сделали топор, и с его помощью построили себе хижину. Но как только они таким образом наладили домашнее хозяйство, они ужасно поссорились и, ранив друг друга, расстались. Не говорится, кто остался хозяином хижины, но мы узнаем, что после пятидесяти лет развода они воссоединились.

Эти легенды показывают, что в древности вопрос равенства полов стоял очень серьезно. История Месхии и Месхианы справедливо представляет первобытного человека, живущего охотой; история Эдема показывает человека, приступающего к земледелию. Ни в одной из этих профессий не было бы никакой причины, по которой женщина должна быть настолько неравноправной, чтобы приводить в движение силы, которые уменьшили ее физический рост и унизили ее положение. Женщины все еще могут охотиться и ловить рыбу, и они вполне равны мужчинам в возделывании земли.⁴⁵

Во всей сексуальной мифологии есть намеки на то, что женщин брали в плен. Провозглашение подчинения женщины содержится не только в легенде о сотворении Евы из ребра мужчины, но и в том акценте, с которым утверждается, что ее имя было дано ей потому, что она была Матерью всего живущего. В различных значимых легендах об амазонках говорится, что они выжигали себе грудь, чтобы иметь возможность пользоваться луком: в истории современных амазонок — таких, как ареои женского пола из Полинезии — легенда интерпретируется как систематическое истребление их детей. На охоте Месхия могла бы получать помощь от Месхианы во многих отношениях; при возделывании сада Адам мог бы найти Лилит или Еву 'помощницами' в этой работе; но в жестоком режиме войны ребенок делает женщину инвалидом, а материнская привязанность делает ее мужчину неполноценным в мясорубке. Геракл завоевывает великую славу, убивая Ипполиту; но легенды о ее более поздних появлениях — в роли Либуссы в Праге и т. Д. — Следуют менее мифологичной истории об амазонках, приведенной Геродотом (IV. 112), который представляет скифов как постепенно разоружающих их, посылающих своих юношей встретить их флиртом, а не оружием. Юноши ушли со своими пленными похитителями, и из их союза произошли савроматы, среди которых мужчины и женщины одевались одинаково, сражались и охотились вместе. Но о реальных результатах этого перемирия и союза Теннисон может рассказать нам больше, чем Геродот: в его "Принцессе" мы видим женщину, которую породили материнство и война, ее независимость выдавала нежность натуры. Капитуляция, однажды обеспеченная, стала постоянной на века благодаря чувствам и симпатиям, рожденным призывом ребенка к состраданию.

В первобытные века ребенок, должно быть, во многих случаях был обузой даже для человека в борьбе за существование; вопрос о численности населения вряд ли мог не сказаться на важности его для людей, как это происходит даже для некоторых животных; и для человека

было бы особенно интересно, чтобы его хижина не была наводнена чужим потомством, чтобы он не превращал свой честный труд в тяжелую работу ради их пропитания и, таким образом, не проклинал за себя землю. Таким образом, в то время как полиандрия порождала очевидные осложнения, при которых она должна была в конечном счете исчезнуть, было бы естественно изобрести дьяволов похоти, чтобы обуздать материнский инстинкт. Но со временем дочери Евы приняли бы историю ее падения и невзгод слишком близко к сердцу. Муки и опасности родов были вездесущими наставниками, предупреждениям которых можно было следовать слишком внимательно. Ранние еврейские законы несут отчетливые следы возникшей необходимости настаивать на заповеди плодиться. При этих изменившихся обстоятельствах было бы естественно, что возникла история о непокорной и бесстрастной Еве, которая понесла наказание, которому подверглась Лилит, — необходимость вынашивать в плену многочисленное потомство против своей воли только для того, чтобы снова потерять его и тосковать по человеческим детям, которых она не произвела на свет и не могла лелеять. Слишком страстная и бесстрастная женщина последовательно предупреждаются в "происхождении и исходе мифа".⁴⁶

Наводящий на размышления факт заключается в том, что потомки Адама должны вести свою историю грехопадения не от независимой Лилит, которая отстаивала свое равенство ценой того, что стала невестой дьявола, а от явно покорной Евы, которая осталась в саду. Змей обнаружил охраняемую и сдержанную женщину, а также свободную и непокорную, и с гораздо более грозными результатами. Ибо хитрость — единственное оружие слабого против сильного. Покорность пленницы, должно быть, долгое время была только внешней. Когда Адам оказался среди терний и шиповника, он, возможно, усомнился бы, многого ли добился, назвав Еву своим ребром, когда, в конце концов, она действительно была женщиной, и приготовился отнять у Змея свои интеллектуальные права, если ей будет отказано законным путем. Этот вопрос, действительно, едва ли устарел, поскольку женский гений вынужден действовать тонко и вынужден слишком часто оказывать свое влияние с помощью интриг.

Примечательно, что нечто похожее на историю с двумя женами Адама мы находим и в индуистской мифологии. Кали и Дурга имеют одинаковое происхождение: первая изображена танцующей на распростертом теле своего 'господа и повелительницы', и она становится демонессой насилия, матерью дьявольских "Калас" сингальского демонопоклонства. Дурга пожертвовала собой ради чести своего мужа, и теперь ее обожают. Аналогом поклонения Дурге является система Зенана. В странах, где система Зенана не сохранилась, но для женщины была обретена некоторая свобода, вполне вероятно, что в настоящее время о Кали не будут думать как о том, что она обязательно попирает мужчину, а Лилит не будут считать женой дьявола, потому что она не согласится быть рабыней мужчины. Когда мужчина сможет создать для себя дом и сад, которые не будут тюрьмой, и в которых знание будет непрошеным плодом, Лилит не придется добиваться своей свободы революцией против своего общества, а Еве — своей — интригами; непригодность к сотрудничеству со свирепостью природы оставит ей помощника в воспитании детей, а также в восстановлении и культуре каждого сада, будь то внутри или вне мужчины, который сейчас утверждает над женщиной неестественную и несправедливую власть.

Глава 10. Война на небесах

"Другой" —Тиамат, Боху, "Бездна"—Ра и Апофис—Хаторы—Битва Бела—Восстание на Небесах—Лилит—Миф о дьяволе при сотворении Света.

Ни в одном из древних писаний мы не возвращаемся к какой-либо теории или объяснению происхождения зла или врагов богов. В персидском тексте из Персеполя, посвященном Дарию I. Ариман просто назван "Другим" (*Анья*) и "Ненавистником" (*Duvisañt, Zendthāisat*), и это примерно все, что нам на самом деле говорят о дьяволах любой расы. Их существование считается само собой разумеющимся. Легенды о восстании на небесах и о низверженных ангелах, превратившихся в дьяволов, могут дать простое объяснение нашим современным теологам, но когда мы проследим их происхождение, мы обнаружим, что для древних они не имели такого значения. Ангелы были низвергнуты в Ямы, приготовленные для них от основания мира и до него, и когда они пали, то попали в руки уже существующих врагов, жаждущих мучить их. Тем не менее эти рассказы о мятежных духах на небесах имеют огромное значение и заслуживают нашего тщательного рассмотрения.

Примечательно, что Библия начинается с намека на существование этого "Иного". Во втором стихе говорится о некоей 'тьме на лице бездны'. Здесь используется слово *Боху*, которое отождествляется с ассирийским *Баху*, царицей Гадеса. В надписи Салманасара это слово используется для обозначения "бездны хаоса".⁴⁷ *Баху* - это иначе *Гула*, форма *Иштар* или *Аллат*, "Владычицы Дома Смерти", а эпитетом той же женщины-демона является *Нин-сигал*, 'Владычица Могуущественной Земли'. История о нисхождении *Иштар* в *Гадес*, царство *Нин-сигал*, уже была рассказана (стр. 77); в этой версии *Иштар* - это то же самое, что *Астарт*, ассирийская *Венера*. Но, подобно луне, с которой она ассоциировалась, она слабела и приходила в упадок, и красивая легенда о ее нисхождении (подобно *Персефоне*) в *Аид*, похоже, нашла свой вариант в мифе о *Беле* и *Драконе*. Там она является морским чудовищем и называется *Тиамат* (*Талаттх Беросуса*), то есть 'Бездна', над которой покоится тьма, описанная в Книге Бытия i. 2. Процесс, посредством которого луна разделила бы дурную славу *Тиамат*, очевиден. В вавилонской вере суша покоилась на бездне водного хаоса, из которой она была извлечена. Этот подземный океан был закрыт вратами. Они были открыты, когда была создана луна, чтобы править ночью — следовательно, *Князь Тьмы*. Образование *Ану* этого бога Луны (*Уру*) из *Тиамат* могло быть даже предположено по поднятию приливов под его властью. Вавилоняне представляют Луну как сотворенную раньше Солнца, и он возник из 'кипения' в бездне. "В начале месяца, с наступлением ночи, его рога прорываются наружу, чтобы воссиять на небесах".⁴⁸ На одном вавилонском рисунке, печати Британского музея,⁴⁹ который, по-видимому, отсылает к легенде о грехопадении человека, у мужской фигуры есть рога. Возможно, предполагалось, что эта мужская Луна (*Уру*) была испорчена какой-то женской эманацией *Тиамат* и превратилась из "правительницы ночи" в союзницу ночи. Эта женщина-растлительница, которая соответствовала бы *Еве*, могла бы таким образом стать владычицей Луны и в конечном счете отождествиться с ней.

Хотя древние надписи и священные писания предоставляют воображению разгадать причину изначального конфликта между Бездной внизу и Небесами наверху, гипотеза о том, что древний

Хаос рассматривал высших богов как агрессоров в своих владениях в процессе творения, не слишком убедительна. 'Когда вверху, ' гласит вавилонская легенда, - не были воздвигнуты небеса, а внизу, на земле, не выросло растение ... хаос (или вода) Тиамат была матерью-производительницей их всех". "Боги не возникли, ни один из них".⁵⁰ Действительно, в легенде о конфликте между Белом и Драконом, изображенной на вавилонских цилиндрах, кажется, что бог Сар обратился к ней как к жене и сказал: "Дань твоему материнству будет навязана им твоим оружием".⁵¹ Солнце и Луна, естественно, были бы втянуты в любое соперничество между Верхним Миром (со Светом) и Подземным Миром (с Тьмой).

Хотя Тиамат называют Драконом, вавилоняне изображали ее только в виде чудовищного Грифона. В ассирийском описании битвы будет видно, что она названа 'Змеей'. Связь между этими двумя — Грифоном и Змеей - будет обнаружена, я подозреваю, во влиянии Тифона на басню. В гимне Амен-Ра (Солнцу), скопированном примерно в четырнадцатом веке до н.э. с более раннего сочинения, как предполагает его переводчик мистер Гудвин, мы имеем следующее:

Боги радуются его благодати, возвышающей тех, кто низок:

Повелитель лодки и баржи,

Они ведут тебя по небосводу с миром.

Радуются рабы Твои:

Созерцая низвержение нечестивых:

Его конечности пронзены мечом:

Огонь пожирает его:

Его душа и тело уничтожены.

Нака (змей) спасает свои ноги:

Боги ликуют:

Слуги Солнца пребывают в мире.

Намек во второй строке указывает на то, что этот гимн относится к путешествию Ра через Ад и уничтожению Апофиса.

Далее мы можем прочитать аккадскую табличку (стр. 256), в которой говорится о семи хаторах не как о мужчинах и не как о женщинах, а как о рожденных в "Бездне".

В другой аккадской табличке, переведенной мистером Сэйсом, говорится о них как о 'зловещих семи разрушителях'; как о "рожденных на горе заката"; как об инкубах. Многозначительно сказано: 'Среди звезд небесных они не несли стражи своей, наблюдение было их обязанностью'. Вот первобытный признак предательства.⁵²

Затем мы переходим к следующему этапу, представленному в клинописной табличке, которую следует подробно процитировать:

Дни бурь, Сил Зла,
Мятежные духи, родившиеся в нижней части небес,
Они были творцами бедствий.
(Строки с именами и описаниями духов здесь оборваны.)
Третий был похож на леопарда,
Четвертый был похож на змею ...
Пятый был похож на собаку ...
Шестой был врагом небес и их царя.
Седьмая была разрушительной бурей.
Эти семеро - посланцы Ану,⁵³ их царя.
Они переходят с места на место по очереди.
Это темные бури на небесах, которые объединяются в огонь.
Это разрушительные бури, которые в погожий день вызывает внезапная тьма.
Они несутся со штормами и метеоритами.
Их ярость разжигает молнии Им.⁵⁴
Они вылетают из правой руки Громовержца.
На небесном горизонте , как молния , они ...
Против высокого неба, обители царя Ану, они замыслили зло, и некому было противостоять им.
Когда Бел услышал эту новость, он тайно обратился к своему собственному сердцу.
Затем он посоветовался с Хеа, великим Изобретателем (или Мудрецом) богов.
И они поставили Луну, Солнце и Иштар охранять подступы к небесам.
Они рассказали это Ану, правителю небес.
И эти три бога, его дети,
Непрестанно бодрствовать днем и ночью он приказал им.
Когда эти семь злых духов устремились к подножию небес,
И близко перед Луной с выдвинутым вперед огненным оружием,
Тогда благородное Солнце и Я-воин бок о бок стояли твердо.
Но Иштар вместе с царем Ану вошли в возвышенное жилище и скрылись на вершине небес.
Колонка II.

Эти злые духи, посланцы Ану, их царя...

Они замыслили зло ...

С середины неба, подобно метеорам, они обрушились на землю.

Бел, кто такая благородная Луна в затмении

Видел с небес,

Громко позвал Паку своего посланца:

О мой посланник Паку, донеси мои слова до Глубины.⁵⁵

Скажи моему сыну, что Луна на небесах сильно затмилась!

Для Неа в Глубине повторите это!

Паку понял слова своего Господа.

К Хеа в Глубине он быстро направился.

Господу, великому Изобретателю, богу Нукиммуту,

Паку повторил слова своего Господа.

Когда Хиа в Глубине услышал эти слова,

Он закусил губы, и слезы потекли по его лицу.

Затем он послал за своим сыном Мардуком, чтобы тот помог ему.

Иди к моему сыну Мардуку,

Скажи моему сыну, что Луна на небесах сильно затмилась!

Это затмение видели на небесах!

Их семеро, этих злых духов, и смерти они не боятся!

Их семеро, этих злых духов, которые несутся, как ураган,

И падают, как головни, на землю!

Перед яркой Луной с огненным оружием (*они приближаются*);

Но благородное Солнце и Я-воин (*противостоят им*).

[Остальная часть легенды утрачена.]

Нукиммут - это часто встречающееся имя Хеа: он был добрым гением земли, а его сын Мардук был его воплощением - Гераклом или Спасителем. Следует отметить, что Иштар пока еще находится на небесах. Следующая табличка, которая показывает развитие мифа, знакомит нас с самой великой женщиной-драконом Тиамат и ее разрушителем Белом.

... И им он вооружил свою правую руку.

Свой именной меч он поднял в руке.

Он размахивал перед собой своими молниями.

Изогнутый ятаган, который он носил на своем теле.

И он сделал меч, чтобы уничтожить Дракона,

Который поворачивался в четыре стороны, так что никто не мог избежать его стремительных ударов.

Он поворачивал на юг, на север, на восток и на запад.

Рядом со своей саблей он положил лук своего отца Ану.

Он сотворил вращающуюся молнию и молнию с двойным пламенем, которое невозможно погасить.

И четверная стрела, и семеричная стрела, и ... стрела кривого огня.

Он взял сделанные им молнии, и их было семь штук,

Чтобы выстрелить в Дракона, он положил их в свой колчан за спиной.

Затем он поднял свой огромный меч, имя которому было "Повелитель Бури".

Он взошел на свою колесницу, имя которой было "Разрушитель нечестивых".

Он занял свое место и поднял четыре поводья

В его руке.

[Теперь Бел предлагает Дракону решить их ссору единоборством, на что Дракон соглашается. Это согласуется с изображениями боя на вавилонских цилиндрах в книге м-ра Смита "Халдейское бытие", стр. 62 и т.д.]

(Зачем ты так стремишься) раздражать меня богохульствами?

Пусть твоя армия отступит, пусть твои вожди отойдут в сторону,

Тогда я и ты (одни), мы вступим в битву.

Когда Дракон услышал это.

Отойдите! - приказала она и повторила свою команду.

Затем искуситель бдительно вознесся ввысь.

Поворачиваясь и извиваясь, она изменила точку своего стояния,

Она наблюдала за его вспышками, она предусмотрела возможность отступления.

Ангелы-воины вложили свои мечи в ножны.

Затем Дракон напал на справедливого Принца богов.

Решительно они вступили в испытание битвой,
Король обнажил свой меч и наносил быстрые удары,
Затем он взял свою вращающуюся молнию и посмотрел далеко позади и перед собой:
И когда Драконица открыла пасть, чтобы проглотить его,
Он всадил в нее болт, прежде чем она успела сомкнуть губы.
Сверкающая молния ударила в нее изнутри.
Он вырвал ее сердце; он разорвал ей рот;
Он выхватил свой (меч) и вспорол ей живот.
Он разрезал ее изнутри и извлек сердце;
Он отомстил ей и разрушил ее жизнь.
Когда он узнал, что она мертва, он хвастался ею.
После этого Дракон, их предводитель, был убит,
Ее войска обратились в бегство: ее армия была рассеяна за границей,
И ангелы, ее союзники, которые пришли ей на помощь,
Отступил, притих и ушел.
Они бежали оттуда, опасаясь за свои собственные жизни,
И спаслись, улетев в места, недоступные преследованию.
Он последовал за ними, разбив их оружие.
Они лежали разбитые и большими кучами были захвачены в плен.
Толпа последователей, полная изумления,
Его останки подняли наверх и водрузили себе на плечи.
И одиннадцать племен хлынули сюда после битвы
В огромных толпах, приходящих посмотреть,
Посмотрел на чудовищного змея....

В только что процитированном фрагменте мы имеем дело с "пламенеющим мечом, обращавшимся во все стороны" (Быт. 24). Семь различных форм зла лишь смутно упоминаются в семи ударах молнии, нанесенных Белом: теперь все они практически собраны в единую форму, с которой он борется, и, таким образом, находятся на пути к формированию семиглавого дракона Апокалипсиса, где Михаил заменяет Белу.⁵⁶ Ангелы, ее союзники, пришедшие ей на помощь", несомненно, являются той "третьей частью звезд небесных", которую хвост

апокалиптического дракона притянул к земле во время своего падения (Откр. xii. 4). Дракона Бела также называют "Искушителем".

Наконец мы добираемся до краткого, но ясного описания "Восстания на небесах", найденного на клинописной табличке в Британском музее и переведенного мистером Фоксом Тэлботом:⁵⁷—

Божественное Существо произнесло три слова, положив начало псалму.

Бог священных песен, Владыка религии и богослужения

собрали тысячу певцов и музыкантов и создали хоровой оркестр

которые на его гимн должны были откликнуться во множестве....

С громким криком презрения они прервали его священную песнь, испортив, сбив с толку его хвалебный гимн.

Бог светлой короны, желая призвать своих приверженцев, протрубил в трубу, которая разбудила бы мертвых,

который этим мятежным ангелам запретил возвращаться

он прекратил их служение и отправил их к богам, которые были его врагами.

В их комнате он создал человечество.

Первый, кто получил жизнь, пребывал вместе с ним.

Пусть он даст им силу никогда не пренебрегать его словом,

следуя голосу змея, которого сотворили его руки.

И пусть бог божественной речи изгонит из своих пяти тысяч эту нечестивую тысячу

который посреди своей небесной песни выкрикивал злобные богохульства!

Следует заметить, что уже существовали враждебные боги, к которым были посланы эти буйные ангелы. Ясно, что и в египетской, и в ассирийской космогониях высшие боги имели на службе множество свирепых чудовищ. Так, в "Книге Гадеса" Гор обращается к ужасному змею: "Мой Кети, великий огонь, источником которого является это пламя в моем глазу, и складки которого охраняют мои дети, открой свой рот, широко разевай пасть, обрушь свое пламя на врагов моего отца, сожги их тела, поглоти их души!"⁵⁸ Можно привести множество подобных примеров. В этой же книге мы находим великого змея Саа-Сета, 'Стража Земли'. Каждый из двенадцати пилонов Ада увенчан своими змеями—стражами - за исключением одного. Что стало с ним? В предпоследней надписи, процитированной полностью, будет отмечено (третья строка от последней), что *одиннадцать* (ангельских) племен пришли после битвы Бела осмотреть убитого дракона. Двенадцатый восстал. Мы можем предположить, что они прислушались к "голосу змея", упомянутому в последнем процитированном фрагменте.

Таким образом, мы распределили по этим фрагментам все элементы, которые из египетских и ассирийских источников были собраны вокруг легенды о Змее в Эдеме. Древо Познания и Древо Жизни не включены, и я уже приводил в другом месте свои причины полагать, что они

заимствованы из древней арийской легенды о войне между Дэвами и Асурами за бессмертную Амриту.

В последнем процитированном фрагменте мы также встречаем примечательное утверждение о том, что человечество было создано для того, чтобы заполнить места, которые были заняты падшими ангелами. Вполне вероятно, что это представление легло в основу целого класса легенд, к типу которых относится Лилит. Та, чье место была создана занять Ева, была женщиной-змеей, и самое раннее упоминание о ней содержится в уже цитированном заклинании изгнания нечистой силы, найденном в Ниневии. По всей вероятности, она всего лишь другая форма Гулы, падшей Истар и царицы Аида; в этом случае ее заговор со змеем Самаэлем был бы Тьмой, которая была на лице Баху, "Бездны", во втором стихе Библии.

Библия начинается со сцены, когда боги побеждают Дракона Тьмы Светом. Существует раввинская легенда, согласно которой, когда из-под престола Божьего вырвался Свет, Князь Тьмы спросил Творца, зачем он создал Свет? Бог ответил, что это было сделано для того, чтобы он мог быть изгнан обратно в свою обитель тьмы. Лукавый попросил, чтобы ему позволили увидеть это; и, войдя в поток Света, он увидел сквозь время и мир и узрел лицо Мессии. Затем он пал ниц и закричал: "Это тот, кто ляжет на дно, чтобы погубить меня и всех обитателей ада!"

То, что увидел Князь Тьмы, было видением расы: начинающимся словами (Быт. i. 3, 4): 'Сказал Бог: да будет Свет; и был Свет; и увидел Бог Свет, что он хорош; и разделился Бог между Светом и Тьмой'; заканчивающимся Откр. хх. 1, 2: "И я увидел ангела, сходящего с небес с ключом от бездны и большой цепью в руке его". И он схватил дракона, этого древнего змея, который есть Дьявол и сатана, и связал его на тысячу лет".

Глава 11. Война на Земле

Обитель дьяволов—Кетеф—Беспорядок—Талмудические легенды—Беспокойный Дух—Падение Люцифера—Астерия, Геката, Лилит—Триумф Дракона—Цыганская легенда—Поэма Кэдмона о мятежных ангелах—Версия Мильтона—Пуритане и принц Руперт—Бел как союзник Дракона—"Тайна" марионеток—Европейский ад.

Возрадуйтесь, небеса и вы, обитающие на них! Горе земле и морю! ибо дьявол сошел к вам в великом гневе, потому что он знает, что у него мало времени'. Этот отрывок из Книги Откровений является рефреном многих и гораздо более ранних мест Писания. Ассирийские рассказы о войне на небесах, приведенные в предыдущей главе, в целом никоим образом не подтверждают версию о том, что архидрагон был убит Белом. Даже в том, где описывается смерть главного дракона, ее товарищи остаются в живых, и баланс свидетельств в значительной степени в пользу преобладавшей теории, согласно которой мятежные ангелы были просто низвергнуты с небес и отправились пополнять ряды темной и внушающей страх

обители, которая с самого начала была населена врагами богов. Природа этой обители описана в различных отрывках Библии и во многих традициях.

‘С севера зло обрушится на всех жителей этой земли’. Так сказал Иеремия (i. 14), следуя почти универсальным традициям относительно области пространства, в которой обитали демоны и дьяволицы. ‘Ад обнажен перед ним, - говорит Иов (xxvi. 6), - и разрушение не имеет покрова. Он простирает север над пустым местом’. Согласно древнееврейской мифологии, это обиталище демонов было царством вечного холода и полуночи, которое Иегова, создавая мир, намеренно оставил хаотичным; таким образом, оно было уготовано дьяволу и его ангелам при основании мира.

Хотя этот северный ад был регионом беспорядков, что касается народа Иеговы и божественных владений, у них было сильное военное и аристократическое правительство. Это был идеально систематизированный беспорядок. Анархическая атмосфера региона отражается в аномальных сооружениях, приписываемых множеству дьяволов, черты которых знакомы еврейскому и арабскому фольклору, и которые слишком многочисленны, чтобы описывать их здесь. Таким дьяволом, например, является Бедаргон, ‘высотой в руку’, с пятьюдесятью головами и пятьюдесятью шестью сердцами, который не может никого ударить или быть пораженным, что приводит к мгновенной смерти любой из сторон в такой атаке. Более опасным дьяволом является Кетеф, идентифицируемый как ‘ужас из чертогов’, о котором упоминает Иеремия (xxxii. 25), ‘Лютая язва’. Говорят, что его имя происходит от *катаф*, "разрезать", потому что он разделяет течение дня; и тем, кому интересно сравнить еврейские и индуистские мифы, может показаться интересным отметить совпадения между Кетефом и Кету, отрезанным хвостом Раху и источником моря.⁵⁹ Кетеф правит не в темноте и не днем, а между ними обоими; его власть над годом ограничена временем с 17 июня по 9 июля, в течение которого считалось опасным пороть детей или позволять им выходить после четырех часов дня, у Кетефа телячья голова, он состоит из кожи, волос и глаз; он катается, как бочка; у него ужасный рог, но его главный ужас заключается в зловещем глазу, уставленном в его сердце, который никто не может увидеть без мгновенной смерти. У архидемона, правящего адским воинством, много Придворных Дураков - вероятно, метеоров и комет, — которые сбивают людей с пути истинного.

У всех этих дьяволов есть свои правила в их собственных владениях, но, как мы уже говорили, их законы означают беспорядок в той части вселенной, которая принадлежит семье Иеговы. В полетах по миру они ограничены местами, где все еще царит хаос или пустыня. Они часто посещают такие благоприятные места, как скалы и руины, а также частые пустыни, дикие места, темные горы и руины человеческих жилищ. Они могут завладеть блуждающей звездой.

Существует симпатичная талмудическая легенда о дьяволе, который однажды заснул, когда кто-то, конечно, не видя его, вылил ему на уши бочонок вина. Всканивая, дьявол разбил бочку и, будучи судим за это, был приговорен возместить ущерб в определенный срок. По истечении срока, предшествовавшего приносу денег, дьявола спросили о причине задержки. Он ответил, что дьяволам было очень трудно добыть деньги, потому что люди тщательно хранили их запертыми или связанными; и "у нас нет власти, - сказал он, - брать из чего-либо связанного или запечатанного, и мы не можем брать ничего, что измерено или подсчитано; нам позволено брать только то, что является бесплатным или обычным".

Согласно одной легенде, дьяволы были особенно разгневаны, потому что Иегова, когда он сотворил человека, дал ему власть над всем, что находится в море (Быт. i. 28), это было царство

волнений и бурь, которое они считали принадлежащим себе. Им было отказано в контроле над жизнью, обитающей в море, хотя и была разрешена большая степень власти над его водами. Над ветрами они властвовали безраздельно, и только обратив некоторых демонов в рабство, Соломон смог ездить на ветряной колеснице.

Из этих нескольких сфер порядка и беспорядка в природе развились ангелы и дьяволы, которые, как предполагалось, должны были окружать человека. Говорят, что первый человек был подобен ангелу. С момента его сотворения его сопровождали два духа, которых раввины сочли затененными в предложении: 'Иегова-Элохим создал человека из праха земного и вдунул в ноздри его дыхание жизни; и стал человек душою живою' (Быт. ii. 7). Этим "дыханием жизни" был святой дух, стоявший справа от Адама; "живой душой" был беспокойный дух слева от него, который постоянно перемещался вверх и вниз. Когда Адам согрешил, этот беспокойный дух стал дьявольским духом, и он всегда действовал как посредник между человеком и царством анархии.

Уже упоминалось, что в ассирийских легендах о Восстании на Небесах мы не находим адекватного намека на мотив, которым руководствовались мятежники. Говорят, что они прервали небесную песнь, что они вызвали затмение, что они поразили людей болезнями; но почему они сделали все это, не указано. Мотив, побудивший змея искушать Еву, не указан в Книге Бытия. Теория, ставшая столь известной Кэдмону и Мильтону, что драконы стремились соперничать с Иеговой и узурпировать Небесный трон, должна была, однако, быть популярной уже во времена Исайи. В своей рапсодии о падении Вавилона он заимствует свою риторику из истории о Беле и Драконе и превращает легенду, столь же знакомую каждому вавилонянину, как легенда о Святом Георгии и Драконе теперь известна англичанам, в иллюстрацию их собственной гибели. Инвектива направлена против царя Вавилона, следовательно, пол дьявола изменен; но самое замечательное изменение заключается в приписывании Люциферу четкой цели соперничать со Всевышним и захватить небесный трон.

‘Ад снизу сдвинулся для тебя, чтобы встретить тебя при твоём пришествии, он пробуждает (духов) мертвых, даже всех главных (великих козлов) земли: он поднял с их тронов всех царей народов (порожденных демонами пришельцев). Все они скажут тебе: "Неужели и ты стал таким же слабым, как мы?" "Неужели ты стал таким же, как мы?" Твое великолепие низведено в подземный мир, и шум твоих виол: червь распростерт под тобою, и черви покрывают тебя. Как ты пал, о Люцифер (Дневная Звезда), сын утра! как ты повержен до основания, который ослаблял народы! Ибо ты сказал в сердце своем: я взойду на (верхнее) небо, Я вознесу престол мой выше звезд (архангелов) Божьих; Я сяду (царствовать) также на горе собрания (сонма врагов Божьих) по сторонам севера. Я вознесусь выше высот облаков (громового престола Иеговы); я буду подобен Всевышнему. И все же ты будешь низведен в ад, к стенам ямы".⁶⁰

В этом отрывке мы отмечаем арену сражения, перенесенную с небес на землю. Теперь дьяволы нацелились не на небесный престол, а на престол мира. Более того, в каждой строке пророчества содержится признание того, что враг Иеговы узурпировал его трон. Ад восторжествовал, и Люцифер - Князь этого Мира. Небесный успех не был сохранен на земле. Это было бы очевидным фактом для униженных, угнетенных, облагаемых высокими налогами людей, которые считали себя единственной семьей на земле, произошедшей от Иеговы, а своих хозяев - отпрысками демонов. Эта ситуация придавала смутным преданиям о единоборстве между Белом и Драконом, о затмении или бунте, значение, которое они сохраняли до сих пор,

могущественного конфликта на земле между царствами Света и Тьмы, между которыми Элохимы в начале установили пограничную линию (Быт. i. 4).

Похожая ситуация повторилась, когда евреи оказались под властью Рима, и тогда все, что когда-либо говорилось о Вавилоне, было повторено против Рима под именем Эдома. Это повторилось в случае с теми евреями, которые признали Иисуса своим Мессией: в великолепии и славе цезарей они увидели торжество Сил Тьмы, и бремя Исайи против Люцифера было вновь поднято в Апокалипсисе против семиглавого Дракона. Примечательно, что эти авторы упустили из виду миф об Эдеме, поскольку он не принадлежал их расе. Исаяя ничего не говорит даже о змее. В Апокалипсисе ничего не говорится о двухчудесных деревьях, и змей предстает только как Дракон, от которого женщина спасается, который ее нисколько не искушает. Облик дьявола и борьба с ним всегда определялись реальными опасностями и злом, а не археологическими.

Один цыган неподалеку от Эдинбурга изложил мне свою версию битвы между Богом и сатаной следующим образом. 'Когда Бог создал вселенную и все, что в ней есть, сатана попытался создать конкурирующую вселенную. Ему удалось довольно хорошо сочетать все, кроме человека. Там он потерпел неудачу; и Бог, чтобы наказать его за гордыню, поверг его на землю и сковал цепью. Но эта цепь была такой длинной, что сатана мог передвигаться по всему лицу земли!' В голову этого странника попал какой-то фрагмент вавилонской истории, и он смешался с гностическими традициями об Ильдаваофе; но в длинной цепи сатаны было также странное предположение о распространении этой мифической битвы не только по всему миру, но и на протяжении веков.

Первые последователи Христа предстали перед славой язычества с легендой о том, что смиренные должны унаследовать землю. И хотя они быстро сдались правителям мира в Риме и превратились в христианскую аристократию, когда они пришли в Северную Европу, христианам снова пришлось столкнуться со скромной системой - религией тронов и воинов. Святой Гатьен, служивший мессу в пещере на берегу Луары, означал такую же слабость перед язычеством, какую чувствовали гугеноты двенадцать столетий спустя, прячась в подобных пещерах от преемников святого Гатьена-священников.

Бремя Исайи звучит снова, и с реалистической интенсивностью, в седьмом веке и на севере, у нашего патриархального поэта Кэдмона.

У всесильного был

Ангельские племена,

Благодаря мощи рук,

Святой Господь,

Установлено десять,

Которому он полностью доверял

Что они ему служат

Последовал бы,

Исполнять его волю;

Поэтому наделил он их остроумием,
И придал им форму своими руками,
Святой Господь.

Он разместил их так удачно,
Тот, кого он сделал таким могущественным,
Столь могущественный в своих мыслях,
Он позволил ему так сильно влиять на себя,
Наивысший после себя в царстве небесном.

Он сделал его таким красивым,
Так прекрасен был его облик на небесах,
Это пришло к нему от Господа саваофа,
Он был подобен светлым звездам.

Это было его дело - возносить хвалу Господу,
Ему принадлежало дорожить своими радостями на небесах,
И возблагодарить своего Господа
За награду, которую он даровал ему в этом свете;

Тогда он позволил ему долго владеть ею;
Но он превратил это для себя в нечто худшее,
Начали поднимать на него войну,
Против высшего Правителя небес,
Который восседает на святом престоле.

Дорог он был нашему Господу,
Но это могло быть и не скрыто от него
Что его ангел начал
Быть самонадеянным,
Восстал против своего Хозяина,
Искал слова ненависти,
Слова гордости по отношению к нему,
Не стал бы служить Богу,

Сказал , что его тело было

Легкий и прекрасный,

Светлый оттенок:

Он может не найти в своем сознании

Что он хотел бы , Бог

В подчинении,

Своему Господину служи:

Казалось самому себе

Что он обладает властью и напором

Имел большой

Чем святой Бог

Мог бы

Приверженцев.

Было сказано много слов

Ангел самонадеянности:

Думал, благодаря своей собственной силе,

Насколько он сам для себя сильнее

Сиденье могло бы получиться,

Выше на небесах:

Сказал, что его побудил разум,

Что он на западе и севере

Начал бы работать,

Бы подготовить структуры:

Сказанное ему показалось сомнительным

Чтобы он, клянусь Богом ,

Будь вассалом.

- Зачем мне трудиться? - спросил он.

- По-моему, в этом нет ни малейшей необходимости.

Иметь начальника;

Я могу своими руками сколько угодно
Чудеса творятся;
Я обладаю огромной силой
Для формирования
Трон прорицателя,
Выше на небесах.
Почему я должен ради его благосклонности служить,
Склониться перед ним в таком вассалитете?
Я могу быть таким же богом, как он
Поддержите меня, сильные партнеры,
Кто не подведет меня в борьбе,
Герои суровые по настроению,
Они выбрали меня вождем,
Прославленные воины!
С такими можно придумать совет,
С таким захватом его приверженцев;
Они мои ревностные друзья,
Верные в своих мыслях;
Я могу быть их вождем,
Власть в этом царстве:
Таким образом, мне это кажется неправильным
Что я ни в чем не виноват
Нужно съежиться
К Богу за всяким благом;
Я больше не буду его вассалом.
Когда всемогущий он
Все слышали,
Который придумал его ангел
Большая самонадеянность

Восстать против своего Хозяина,
И произносил гордые слова
Безрассудно выступил против своего Господа,
Тогда он должен искупить содеянное,
Разделяй труд войны,
И для его наказания необходимо иметь
Из всех смертельных болезней величайшая.
Так поступает каждый человек
Кто против своего Господа
Готовится к войне,
С преступлением против великого Правителя.
Тогда разгневался Могущественный;
Высший Правитель небес
Сбросил его с высокого сиденья;
Ненависть он приобрел к своему Господину,
Он потерял свою благосклонность,
На него возмутилось все Хорошее, что было у него на уме,
Поэтому он должен искать пропасть
Тяжких адских мук,
За это он воевал с небесным Правителем,
Тогда он лишил его своей благосклонности,
И низвергнуть его в ад,
В самые глубокие уголки,
Где он стал дьяволом:
Дьявол со всеми своими товарищами
Упало тогда с небес,
На протяжении целых трех ночей и дней,
Ангелы с небес в ад;
И всех их Господь превратил в бесов,

Потому что они его дело и слово
Не стал бы благоговеть;
Поэтому их выставляют в худшем свете,
Под землей, внизу,
Всемогущий Бог
Потерпел триумфальное поражение
В смуглом аду;
Там у них поровну,
Неизмеримо долго,
Каждый из всех демонов,
Возобновление огня;
Затем наступает рассвет
Восточный ветер,
Мороз лютый-холодный,
Когда-нибудь стрелял или метал дротики;
Какое -нибудь тяжелое мучение
Они должны были,
Это было сделано для них в наказание,
Их мир изменился:
За их греховный образ жизни
Он заполнил ад
С отступниками.

Рис. 3. Наказанный сатана.

Было ли это вдохновенное описание написано Кэдмоном и принадлежит ли оно его веку, вопросы, не имеющие значения для настоящего исследования. Поэма представляет средневековое представление, которое долгое время преобладало и которое характеризовало Мистерии, о том, что сатана и его товарищи были низведены с высшего ангельского ранга в ад, уже подготовленный и населенный дьяволами, и были там, и этими дьяволами, сурово наказаны. На одной из иллюстраций к рукописи Кэдмона, хранящейся в Бодлианской библиотеке, изображен сатана, претерпевающий свои мучения (рис. 3). Он привязан к чему-то вроде решетки, и четыре дьявола пытаются его, самый крупный использует бич с шестью зубцами. На его лице отражается сильное страдание. Его форма в основном человеческая, но его пушистый хвост и звериные лапы указывают на то, что он превратился в дьявола, подобного тем, кто его наказывает.

На фундаменте Кэдмона Милтон построил свое великолепное здание. Его сатана - амбициозный и очень английский лорд, в котором отражается вся аристократия Англии в их ненависти и презрении к святому пуританскому Содружеству, Церкви Христа, какой он ее считал. Века привели к ситуации, аналогичной той, с которой столкнулись евреи в Вавилоне, ранние христиане Рима и их миссионеры среди гордых языческих князей севера. Церковь долгое время была в союзе с более ранними Люциферами севера и теперь представляла гордую империю сатанинской аристократии, а преследуемые неконформисты представляли власть Царя царей. В английском дворце и на троне Кентерберийском Мильтон увидел своего Вельзевула и своего сатану.

Адский змей; это был он, чье коварство,

Возбужденный завистью и местью, обманутый
Мать человечества, в какое время его гордость
Низвергли его с небес вместе со всем его воинством
О мятежных ангелах, с помощью которых стремящиеся
Возвыситься над своими сверстниками
Он верил, что сравнялся со Всевышним,
Если бы он был против; и с честолюбивой целью
Против трона и монархии Божьей
Поднял нечестивую войну на небесах, и сражайся гордо,
С тщетной попыткой. Его всемогущая Сила
Стремглав бросился, пылая, с бесплотного неба,
С отвратительными руинами и гарью, дотла
К бездонной гибели, чтобы обитать там
В адамантовых цепях и карательном огне,
Кто осмелился бросить вызов Всемогущему с оружием в руках.⁶¹

Эта адаптация образов Исайи о Люцифере содержит в себе все громы, обрушенные Кромвелем на Чарльза. Даже поэт-пуританин не мог бы полностью подавить восхищение стремительностью и отвагой принца Руперта, которым даже его прозаические единоверцы делали комплимент, приписывая им дьявольский источник.⁶² Не среди конфликтов, бушевавших в древней Сирии, вспыхнули такие строки, как...

Лучше царствовать в аду, чем служить на небесах.
С опущенными руками, чтобы попробовать то, что еще может быть
Обрети себя на небесах, или что еще потеряно в аду.

Красавцем, которого видел Мильтон, был Кромвель, а Драконом - тот змей английского угнетения, которого попирает Диктатор на хорошо известной гравюре своего времени. В истории Реформации старая легенда снова сыграла свою роль, как на рисунке (рис. 13) друга Лютера Лукаса Кранаха.

Казалось бы, со временем Бел и Дракон стали достаточно близкими союзниками, чтобы их поклонники могли кормить и защищать их обоих с равной преданностью, а Даниил мог взорвать их обоих, продолжая борьбу своего божества против богов Вавилона. Эта история о Беле апокрифична с точки зрения канона, но весьма значима с точки зрения истории, которую мы сейчас рассматриваем. Хотя евреи продолжали свою борьбу против 'княжеств и держав' еще долго после того, как это стало безнадежной надеждой, и никогда не сдавались и не заключали союза с Драконом, этого нельзя сказать о тех, кто присвоил себе титул 'избранных Божьих',

подделал их завет и извратил их традиции. Союз христианства и Дракона был не номинальным, а пугающе реальным. Выполняя свою миссию "наследования земли", "кроткие" призывали к себе на службу агентов и оружие более дьявольское, чем любое другое, которым восточное воображение населило обитель дьяволов на севере.

На ярмарке в Туре (август 1878 г.) я увидел две выставки, которые произвели достаточно сильное впечатление в том свете, который они пролили на историю. Одна из них представляла собой уменьшенную и достаточно гротескную постановку марионеток средневековой 'Мистерии' Ада. На сцене были представлены почти все старые схемы и видения подземного мира. Трое судей заседали, чтобы рассмотреть каждое дело. Дьявол звонил в колокольчик всякий раз, когда какой-либо преступник появлялся у ворот. Обвиняемого вводил крылатый дьявол — Сатана, Обвинитель, — который устами артистки озвучивал обвинения против каждого с горячим желанием выставить его или ее как можно более злым. Дьявол с вилами принимал приговоренных и запихивал их в печь. Вокруг было множество блестящих драконов, но им, казалось, нечего было делать, кроме как наслаждаться зрелищем. Но эта выставка, получившая название 'Двадцать минут в аду', была бедной и блеклой по сравнению с соседней выставкой настоящего Ада, в котором Европа подвергалась пыткам в течение пятнадцати веков. Какие-то трудолюбивые немцы собрали в одной большой комнате несколько сотен орудий пыток, с помощью которых народы Запада убеждали принять христианство. Каждая конечность, сухожилие, черта, кость и нерв человеческого тела подсказали Кристиану изобретательность в создании какого-нибудь хитроумного устройства, с помощью которого его можно было бы пытать. Колеса, о которые можно ломать кости, кресла для мучений, винты для больших пальцев, железная Дева, чьи объятия пронзали каждую жизненно важную часть; маска голода, которая, ради Христа, в точности воспроизвела муки Танталя; даже машина, носившая имя поверженного врага — Голова Дракона! С помощью таких инструментов произошли те квазичудесные 'Триумфы Креста', о которых так много говорилось и пелось! Наиболее заметным явлением христианской истории является неуклонная победа Дракона. Вводящий в заблуждение и лжец до последнего, он вполне готов окропить свои вилки и решетку святой водой, перекреститься, надписать на своих котлах 'божественное правосудие', написать ХРИСТА у себя на лбу; поступая так, он смог запустить свою адскую машину в лучших нациях и запугать самые сильные сердца, пока с их бледных губ не сорвались 'признания веры', или последний крик истины, принесенной в жертву мученичеству. Так он смог еще раз взойти на чистые небеса, погасить звезды человеческой веры и надежды и породить расу вежливых, образованных и цивилизованных лицемеров. Но древние солнечные лучи преследуют его: снова прозвучал наказ "Да будет свет", и Свет, который сейчас разгорается, не того рода, который уважает пределы Тьмы.

Глава 12. Борьба

Древнееврейский бог войны—Самаэль—Благословение и проклятие отца-Исав-Эдом-Иаков и Призрак—Планета Марс-Торговец и Охотник...Сон дьявола".

Кто это, пришедший из Едома,
В крашенных одеждах из Бозры?
Тот, кто славен в своем одеянии,
Путешествует во всем величии своей силы?
Я, обещающий избавление, могучий спасать.
Почему ты красен в своем одеянии,
И одежда твоя подобна тому, кто топчет чан с вином?
Я в одиночку топтал винный пресс;
И из народов не было никого со мною:
И я растопчу их в своем гневе,
И растопчу их в своей ярости;
И их кровь будет окроплена моими одеждами,
И я испачкаю всю свою одежду.
Ибо день отмщения в моем сердце,
И год моего отмщения настал.
И я посмотрел, но помочь было некому;
И я удивлялся, что некого было поддерживать;
Поэтому моя собственная рука принесла мне победу,
И моя собственная ярость, это поддержало меня.
И я буду топтать народы в своем гневе,
И напою их моим гневом,
И низвергнут свою силу на землю.⁶³

Это изображение бога войны. Комментарий к этому в книге "Эмек Хаммелех" таков: "Цвет безбожного Самаэля и всех его принцев и владык имеет аспект красного огня; и все их эманации красные. Самаэль красный, также красны его конь, его меч, его одежда и земля под ним. В будущем Святой Бог будет носить свои одежды".⁶⁴ Самаэль - лидер Оппозиции. Он - Душа огненной планеты Марс. Он - Создатель и вдохновитель всех Змей. Азазель, демон Пустыни, является его Первым Повелителем. Он был Земным Вождем, вокруг которого собирались падшие ангелы, и его великая власть была признана. Все эти символы, по мнению древних раввинов, слились в его имени. Симме (ослепляющий), Соме (ослепляющий), Семол (левая

сторона) и Самхаммавет (смертельный яд) были объединены в ужасное имя Самаэль. Он правил *зловещими* Левыми. Когда Моисей во время войны с амаликитянами поднял свои десять пальцев, это был особый призыв к Десяти сефирот, Божественным эманациям, потому что он знал, что сила, которую амаликитяне получили от Самаэля, может обратить его собственную левую руку против Израиля.⁶⁵ Козлом отпущения была принесена ему в жертву через Азазеля.

Самаэль - мифологическое выражение и воплощение истории Исава, впоследствии Эдома. Иаков и Исав олицетворяли овцу и козла, разделенных в прошлом и подлежащих разлуке навсегда. Когда Иаков, покрыв свое тело козлиными шкурами, получил благословение своего отца благодаря Исаву, израильтяне, блуждающие по пустыне (недалеко от запретных владений Эдома), казалось, верили, что принесение в жертву козла убедит его наместника Азазеля в том, что они ортодоксальные эдомитяне. Краснота Самаэля начинается с красной похлебки, из-за которой Исава называли Эдомом. В английской версии нет того ударения, с которым, как говорят, Исав потребовал похлебку — “красную! красную!” Характеристики, приписываемые Исаву в легенде, - это всего лишь сага, построенная на местных названиях, с которыми он был связан. ‘Эдом’ означает красный, а ‘Сеир’ - волосатый. Вероятно, это означало “Косматые горы”.⁶⁶

Интересно наблюдать за разделением человеческого и теологического мифов в этой истории. Иаков — третье лицо патриархальной троицы: Авраам - Небесный Отец, Исаак-Смехотворец (Солнце) и Иаков - Самозванец или Вытеснитель. Как луна вытесняет солнце, держится за его пята, сияет его светом, так и Иаков вытесняет своего старшего брата; и вся смертоносность, приписываемая Луне и другим Третьим Лицам Троицы, была унаследована Иаковом до тех пор, пока его имя не было изменено эвфемизмом. Поскольку беспристрастное солнце светит для добра и зла, улыбка Смеющегося Исаака обещала великие благословения обоим его сыновьям. Таким образом, человеческий миф представляет их обоих обретающими огромную власть и богатство, и после долгой вражды они мирятся. Эту особенность легенды мы рассмотрим позже. У Иеговы есть еще один интерес, который необходимо обеспечить. Он объявил, что один должен служить другому; что будут прокляты те, кто проклял Иакова; и он сказал: ‘Иакова я любил, Исава я ненавидел’. Яхвистическое богословие имело здесь нечто более важное, чем согласование двух братьев, а именно благословение патриарха и божье проклятие. То, что человек, которого ненавидел Иегова, должен был обладать благословениями жизни, противоречило всей ортодоксальности; столь же неортодоксально было и то, что отцовское благословение не несло с собой всех обещанных преимуществ. Необходимо было записать, что Исав стал могущественным, жил своим мечом и обладал большими владениями.

Также необходимо было записать, что ‘Эдом восстал из-под руки Иуды и поставил себе царя’, и что такая независимость продолжалась ‘до сего дня’ (2 Царств viii. 20, 22). Таким образом, в этом мире не было места для демонстрации превосходства Иакова, то есть приоритета Израиля над Эдомом; и все же не было места для исполнения проклятия Исаака на всех, кто проклял Иакова, и высказывания: ‘Иакова я возлюбил, Исава я возненавидел, и опустошил его горы и его наследие драконам пустыни’ (Мал. i.).

Ответы на подобные проблемы появляются сами собой медленно, но неизбежно. Страдальческий крик бедной девушки в стихотворении Браунинга — “Может быть, есть рай, но должен быть и ад” - указывает направление, в котором необходимость вела человеческие рассуждения за много веков до нее. Нужно было придумать будущее для снятия проклятия с Исава, который на земле должен был исполнить благословение своего отца, наслаждаясь

властью, богатством и независимостью своего брата. В том будущем его величие при жизни было вознаграждено изгнанием в пустыню и на скалу с козлом за поддержку. Считалось, что Исав превратился в ужасного волосатого дьявола.⁶⁷ Но все же за ним в его фантастическом превращении последовало призрачное окружение его былой силы и величия; самые смелые и святые не могли позволить себе презирать или отбрасывать ту "долю", которая была отведена ему в легенде, и не могли быть полностью отброшены в невидимый мир.

Доля Джейкоба началась с хитроумной сделки с его неосмотрительным братом. Иаков своей хитростью в разведении полосатых животных (Быт. xxx.), с помощью которой он перехитрил Лавана и другими маневрами, на самом деле был причиной того, что раса, названная его именем, приобрела репутацию вымогателя, закрепленную за ними такими фигурами, как Шейлок, с которой им было так трудно смириться. Когда они стали великими торговцами на Востоке, им мешали грабители, совершавшие вылазки из горных крепостей или мчавшиеся через пустыню. Это были традиционные потомки Исава, которые постепенно включили в себя измаильтян, а также эдомитян, впоследствии объединившихся в идумеев. Но когда племенные различия были утрачены, древняя вражда сохранилась в абстрактной форме этого сатаны Раздора — Самаэля. Он стал подразумевать дух, который разжигает антагонизм между теми, кто должен быть братьями. В конце концов, он стал (и среди наиболее суеверных евреев остается до сих пор) зачинщиком жестоких преследований, которые так долго преследовали их расу, и предрассудков против них, которые сохраняются даже в странах, чьему богатству, образованию и искусству они в значительной степени способствовали. В еврейских странах Эдом долгое время был названием могущества Рима и романизма, примерно так же, как некоторые христиане называют его 'Вавилоном'. Иаков, когда шел в пустыню Эдом, боролся с невидимой силой Исава, или Самаэля, и не смог одержать верх, за исключением хромого бедра — части, которую у каждого животного Израиль с тех пор считал священной для Противостоящей Силы и воздерживался от употребления в пищу. Раввинская легенда повествует о том, что Иакова укусила змея, когда он задержался на границе Эдома, и еще до того, как его брату были принесены в дар козы и другой крупный рогатый скот. Огненные змеи, поразившие Израиль, повсеместно приписывались Самаэлю, и поднятие Медного Змея в знак почтения народа было примером всеобщего уважения к власти Исава в его собственных владениях, которое долгое время прививалось.

Пока я пишу, огненный Марс, расположенный достаточно близко, чтобы астроном мог обнаружить его спутники, представляет собой удивительное явление на небе. Под ним страшный голод опустошает три обширные страны, бушует война между двумя могущественными нациями, и гражданский конфликт поражает другую, прежде чем она полностью оправится от ран, нанесенных иностранной борьбой. Мрачные условия, по-видимому, так мало связаны с политической необходимостью, что даже сейчас можно было бы почти простить мечтания о том, что какое-то неуловимое влияние пришло к людям с красной планеты, приблизившейся к земле. Как легко, должно быть, было при подобном сочетании земных и небесных явлений вообразить, что Самаэль, планетарный Призрак, работает со своим роковым огнем! Как бы то ни было, красный свет Марса в ранний период навлек на эту планету ненависть ко всем жгучим, опустошающим, порождающим пустыни силам, от которых считалось необходимым избавить обожаемое Солнце. Считалось, что все 'рожденные под' этой планетой были склочными людьми. И это было частью популярной еврейской веры в конечную победу добра над злом, что под Марсом должен был родиться Мессия.

Тогда мы можем рассматривать Исав-Самаэля как Дьявола Раздора. Его традиционный сын Каин, как и он сам, был "убийцей от начала";⁶⁸ но в тот ранний период конфликт происходил между кочевником и охотником, с одной стороны, и земледельцем и скотоводом, с другой стороны, который никогда не считался благородной фигурой среди семитских племен. Со временем некоторые семитские племена стали земледельцами, и среди них, вопреки своему археологическому характеру, Самаэль был обременен злом, которое окружало их. Будучи быком, он приносил чуму крупного рогатого скота. Но внешне он все еще напоминал ворона, дикого осла, свинью, вызывавшую цингу; в то время как в облике собаки он, как считалось, вызывал смертельную болезнь, что могло показаться, будто "гидрофобия" была специально приписана ему.

С течением времени благодетельный Мир все больше и больше воцарялся среди земледельцев, но по-прежнему среди израильтян торговец был "человеком грядущим", и для него мир был необходим. Охотник из клана Исав фигурирует во многих легендах, из которых Лейн перевел с арабского следующую: — Был охотник, который из горной пещеры принес немного меда в своем бурдюке с водой, который он предложил нефтянику; когда нефтяник вскрыл бурдюк, упала капля меда, которую съела птица; кот нефтяника прыгнул на птицу и убил ее; собака охотника убила кошку; нефтяник убил собаку; охотник убил нефтяника; и поскольку двое мужчин принадлежали к разным деревням, их дети были убиты. жители поднялись друг против друга в битве, "и погибло от них великое множество, числа которых никто не знает, кроме Бога, да будет превознесено имя его!"⁶⁹

Характер Исава как дикого охотника упоминается в другой главе. Именно как гений раздора и войны кочевников он более прямолинейно контрастирует со своим "преемником".

Начиная с диких демонов стихий бури самых примитивных времен и заканчивая этим Дьяволом Раздора, человеческий разум ассоциировал зло с беспокойством.

‘Нечестивые подобны беспокойному морю, когда оно не может успокоиться’. Таково бремя японских Они, восседающих на троне в центре урагана, диких охотников, выступающих вперед при первых звуках войны, Эдома, ненавидящего победы мира, живущего мечом. Пророчество о том, что Принц Мира должен родиться под планетой Марс, является странным и мистическим предположением.

В мощном стихотворении Томаса Эйрда "Сон дьявола" последняя страшная участь в видении сатаны — это вечное заточение под озером, Дух Беспокойства навеки обречен на царство абсолютной тишины!

Там все погружено в торжественную праздность: ни музыки, ни кувшинов,

Там, где тишина охраняет побережье, трепещут ее вечные бары.

Здесь солнце не светит на распутные острова, но над горящим листом

Подрагивает ободок беспокойного ореола, обозначающий внутренний жар;

Как в дни прекрасной земли, мы видим ослепленным взором

Красное заходящее солнце струится кольцами разливающегося света.

О! здесь в ужасном бездействии таятся несотворенные вещи
Последнее Озеро Божьего Гнева, куда Он привел Своего первого великого Врага.
Глубоко в недрах пропасти был создан Дьявол, чтобы остаться,
Пока, как ему казалось, не прошло десять тысяч лет;
В мечтах он продлевал жизнь, чтобы нести огненное пространство;
Но в его жилище все было пассивно, уныло и сурово.
О! чтобы взрыв десятикратного гнева вызвал гигантскую волну,
Его из этой плоской неподвижной летаргии безудержно понуждать!
Позволь ему только подняться, но оседлать вздыбленную бурей волну
Огонь бушевал неистово, каждой гневной твари он отваживался!
Удары Гнева, олух, пусть они падут! скорость, столь восхитительная, ужасает
Выдержит его до конца, цепляющая боль снимет с его головы.
Видение этого Последнего Сурового озера, о! как оно терзало его душу,
Тип той унылой вечности, которая скоро должна накатить на него,
Когда все планы и проблемы должны прекратиться, о которых раньше заботились,
И никогда больше эра не станет достопримечательностью дикой природы:
Нет ни неудачи, ни успеха, ни напряженной надежды, ни славы,
Но пассивная фиксированная выносливость, все вечное и одно и то же.

Глава 13. Варварская аристократия

Иаков, "Самозванец"—Меновщик—Исав, "Воин"—Варварские герцоги—Торговля и война—
Примирение Иакова и Исава—Их призраки—Легенда об Иблисе—Языческие воины Европы —
Русская Иерархия Ада.

В предыдущей главе отмечалось, что в истории Иакова и Исава было два мифа: один теологический, другой человеческий. Первое было там обработано, второе может быть рассмотрено здесь. Раввинская теология заставила еврейскую расу принять в качестве своего основателя того хитрого патриарха, которого Шейлок взял за образец; но любое порицание их за это неубедительно со стороны христиан, которые верят, что они все еще наслаждаются

заветом, подтверждением которого были приняты Богом побои и предательства Иакова. Еврейскому народу давно пора отказаться от действий Иакова, и если они не вернут ему его первое имя ('Самозванец'), то, по крайней мере, отнимут у него имя Израиль. Но для человечества еще более важно изучать этапы своей цивилизации, а не приписывать какой-либо конкретной расе дух легенды, которая представляет эпоху общественного развития во всем мире.

Когда Ревекка спросила Иегову, почему ее нерожденные младенцы боролись в ее утробе, он ответил: 'Два народа находятся в твоём чреве. Один народ должен быть сильнее другого; старший должен подчиняться младшему.' Что это были за народы, описано в благословениях Иакова двум представителям, когда они выросли: один рыжий и волосатый, охотник; другой тихий человек, живущий в палатках и строящий загоны для скота.

Джейкоб — хитрый, грабительский, мошеннический по духу, даже когда технически честен, — фигура неприятная в глазах девятнадцатого века. Но он не принадлежит девятнадцатому веку. Его состязание было с Исавом. Сами их имена принадлежат мифологии; это не отдельные люди; это противоречивые тенденции и интересы первобытного периода. Исторически их следует рассматривать как Израиль и Эдом; морально — как принцип Обмена и бандитский принцип.

Высокое начинается с низкого. Астрономия начиналась как астрология; и когда зародилась торговля, в ней, должно быть, было еще больше обмана, чем сейчас. Представьте себе мир, состоящий из кочевых племен, ведущих непрерывную войну. Это торговля убийствами. Если племя желает получить более богатую землю или более обширные владения другого, метод заключается в истреблении этого другого. Но в конце концов восстает племя, либо слишком слабое, либо слишком мирное, чтобы его истреблять, и оно предлагает бартер. Он бросает вызов своим соседям на состязание в остроумии. Они пытаются получить преимущество друг перед другом в сделках; они торгуются и мошенничают; и в этом нет ничего героического, но это начало торговли и мира.

Но герцоги Эдома, как их называют, не будут заключать этот договор. Они к этому не привыкли; их всегда перехитряют по выгодной цене; точно так же, как тех других краснокожих на Западе Америки, чьи земли покупаются за бесценок, а их территориальные права по рождению отнимаются за похлебку. Они предпочитают жить охотой и мечом. Тогда между этими двумя народами вечная вражда, изредка прерываемая перемириями, или, по библейскому выражению, "примирением".

Окруженные коммерческой цивилизацией, с ее прозаическими добродетелями и мелкими пороками, мы не можем не восхищаться герцогом Эдомским, каким бы непроизводителем он ни был. Храбрый, импульсивный, способный как прощать, так и обижаться; щедрый, насколько люди могут себе позволить, когда могут отдать то, чего никогда не зарабатывали; его галантные качества придают определенную подлость его алчному брату, израильтянину. Восхищаться такими качествами в молодости — здоровый признак. Мальчик, восхищающийся Робин Гудом; юноша, испытывающий прилив энтузиазма при чтении "*Разбойников*" Шиллера; *скупающие* члены клубов и "хулиганов" с их нереализованной склонностью к приключениям, восхищающиеся "доблестным турком", — все они остались в эпоху кочевников. Они думают не о вещах, а о людях. На них производит впечатление варварский налет. Великолепие воинов скрывает растоптанное и опустошенное крестьянство; их мужество может украсить зверства. Рядом с такими пленительными качествами и захватывающими сценами

какими бедными и заурядными кажутся бережливая деревенская жизнь и осторожные, эгоистичные, делающие деньги торговцы!

Но каким бы прекрасным и героическим ни казался герцог Эдомский издалека, лучше всего держать его на расстоянии. Когда Робин Гуд недавно снова появился в Блэкхите, его самые горячие поклонники были довольны, узнав, что он надежно заперт в тюрьме. Евреи испытывали точно такие же чувства по поводу герцогов Эдома. Они видели это племя совсем рядом и жили в ежедневном страхе перед ним. Они были волосатыми варварами, обитавшими в горных твердынях и господствовавшими на обширной территории. Не успело слабое племя с равнин собрать несколько стад и немного денег, как эти лихие эдомитяне напали на них и в один день забрали их сбережения и имущество. Этоделало меновое племя еще более зависимым от их хитрости. Им пришлось помериться своим умом с миром; и им приходилось делать то же самое по сей день, когда их бережливость является главным элементом их выживания, имеющим важное значение для бизнеса и финансов Европы. Но в мифе показано, что Торговля, какой бы робкой она ни была в присутствии меча, может иметь свое собственное великодушие. Пришедшего на смену Эдому преследует зло, которое он причинил своему старшему брату, и это привело его к еще большей вражде. Он решает искать его, предлагать ему подарки и жаждать примирения. Легко представить его действия в неблагоприятном свете, но в этом нет необходимости. Пришелец со стадами скота и значительной частью своего имущества направляется к опасному Эдому, безоружный, беззащитный, если не считать его дружеских намерений по отношению к могущественному вождю, которому он причинил зло. На границе враждебного королевства он узнает, что вождь идет ему навстречу с четырьмя сотнями человек. Теперь он охвачен могучим духом Страха. Он посылает пастухов со стадами, а сам остается один. Во время ночных дежурств над ним нависает этот призрак Страха, предвещающий Смерть. Хитрый торговец встретился со своей Совестью, и она объята Ужасом. Но он чувствует, что его более благородное "я" на его стороне и что он победит. Чарльз Уэсли прекрасно рассказал эту историю в своем гимне: —

Приди, о ты, неведомый путник,

Которого я все еще держу в объятиях, но не могу видеть!

Моя прежняя компания исчезла

И я остаюсь наедине с тобой:

Я хочу остаться с тобой на всю ночь

И будем бороться до рассвета.

‘Уверенный в своем отчаянии’, Пришелец побеждает свой Страх; с рассветом он отправляется дальше один, чтобы встретиться с человеком, которого он оскорбил, и его вооруженными людьми, и говорит ему: ‘Я предстал перед тобой, как если бы я предстал перед Богом, чтобы ты был благосклонен ко мне’. Гордый герцог обезоружен. Братья обнимаются и плачут вместе. Вождь отказывается от подарков, и его заставляют принять их только как доказательство его прощения. Торговец навсегда узнает, что одна его сообразительность может привлечь демона на его сторону ночью, и что он никогда не заключал такой выгодной сделки, как тогда, когда возвращал нечестным путем нажитое. Аристократ и воин возвращается на свою гору, осознав теперь, что великодушие и отвага не являются невозможными для успокоения людей, живущих

торговлей. Охотничьи угоды теперь должны уступить место скотоводу. Меч должен уступить перед равновесием.

Какими бы ни были племена, которые в первобытные времена сталкивались подобным образом и преподали друг другу этот урок, они давно примирились. Но призраки Израиля и Эдома, Бартера и Грабежа, продолжали сражаться на протяжении долгих племенных историй. Израиль, представленный архангелом Михаилом, и Эдом, представленный драконом Самаэлем, вели свою войну. Одна характеристика противостоящей силы уже рассматривалась. Самаэль олицетворял Эдом как гения Раздора. Он был главным Обвинителем Израиля, так сказать, их Антихристом, поскольку Михаил был их Защитником. Но само название 'Эдом' было сохранено как своего рода олицетворение варварского военного и властолюбивого дьявола. Разбойник с большой дороги в эполетах, героический грабитель с волосатой рукой, которой сам Израиль много раз подражал в перчатках, были названы 'Эдомом'.

Эта персонификация тем более важна, что она характеризует более серьезное представление о сатане, которое преобладает в мире. Он представляет собой главным образом моральную концепцию и означает гордость и великолепие мира, его естественную дикость и свирепость, а также их величие. Мусульманская басня повествует, что когда Аллах создал человека и поместил его в саду, он призвал всех ангелов поклониться этому главному творению своих рук. Один Иблис отказался поклоняться Адаму. Сама идея сада ненавистна духу кочевничества.⁷⁰

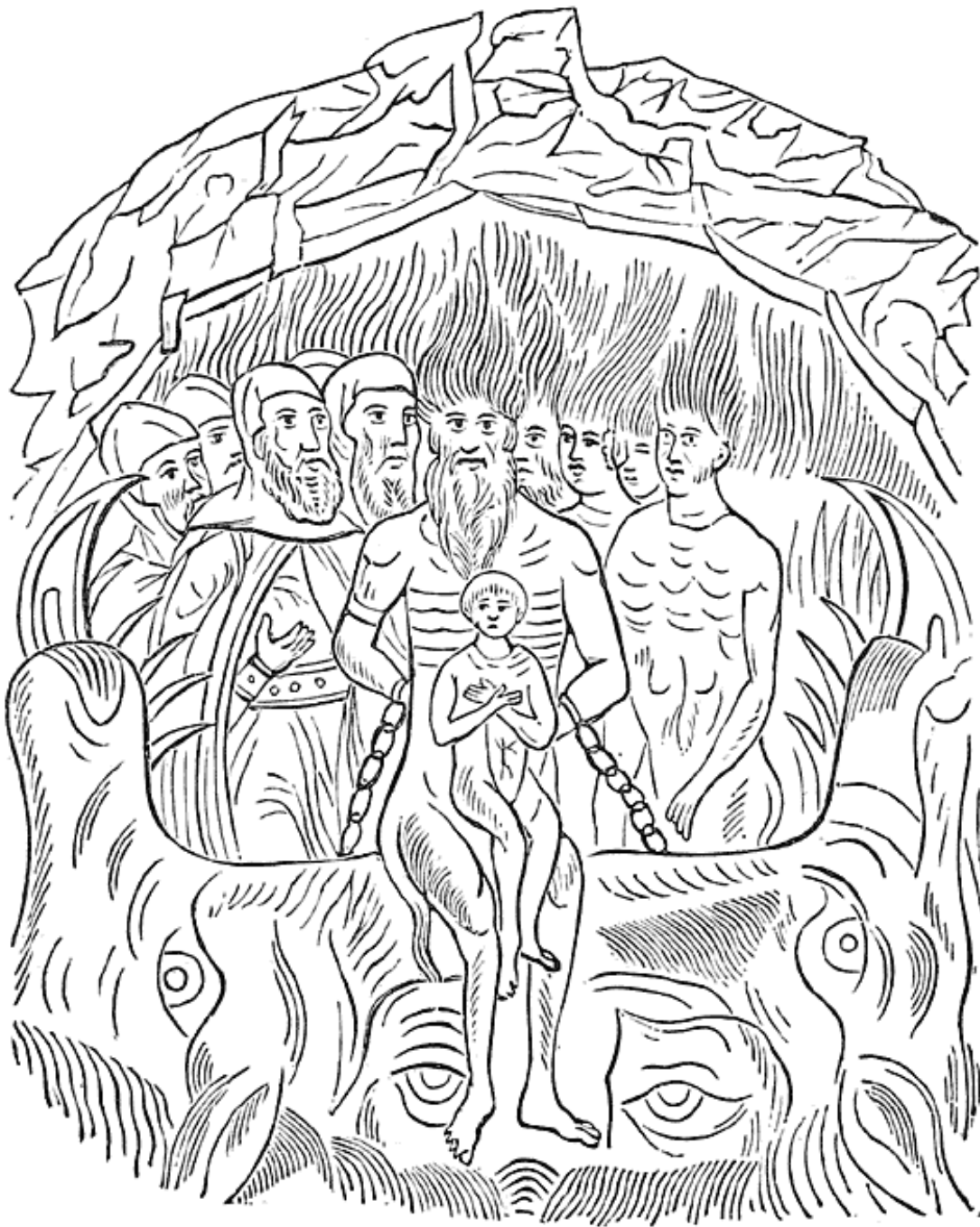

Рис. 4. Иерархия Ада (русский язык, Шестнадцатый век).

Человек-садовник не получает почтения от гордого лидера Серафимов. Бог сказал ему (Иблису): "Что мешало тебе поклоняться Адаму, раз Я повелел тебе?" Он ответил: я превосходнее его: ты сотворил меня из (эфирного) огня, а его сотворил из глины (черной грязи). Бог сказал: "Итак, сойди из рая, ибо не подобает тебе вести себя там гордо".⁷¹

Серьезность и самоотверженность северных язычников в их сопротивлении христианству произвели глубокое впечатление на лучшие умы Церкви. Некоторые Отцы Церкви даже

цитировали энтузиазм тех, кого они считали приверженцами дьявола, чтобы пристыдить апатию христиан. Церковь не могла найти более храброго мученика, чем Рэнд, в горло которого святой Олаф заполз гадюкой, которая прогрызла ему бок; а Рэнд был примером из тысяч. Это дало многим ранним христианам севера очень серьезный взгляд на царство сатаны и на самого Сатану как на великого властелина. Это было усилено их открытием, что языческие короли — подданные сатаны - имели моральные кодексы и суды, и энергично поддерживали справедливость. Таким образом, выросло более достойное представление об Аде. Гротескные бесы отступили перед толпой величественных дьяволов, таких как Сатана и Вельзевул; и они были облечены определенным величием и варварской гордыней. На них смотрели как на соперничающих монархов, отказавшихся подчиниться Иегове, но они считались достойными героического обращения. Следы этого чувства, обнаруженные на древних фресках России, имеют особое значение. Ничто не может сравниться с величием Иерархии Ада, какой они предстают на некоторых из этих великолепных картин. Сатана обычно изображается с достоинством, подобным царю небесному, от которого его отделяет глубина стены, иногда даже похожий на него во всем, кроме цвета лица и волос (которые у сатаны огненные). Есть частые примеры, как на прилагаемом рисунке (4), где, в точном соответствии с позицией Христа на коленях у Отца, сатана поддерживает предателя Христа. Рядом с царем Ада, восседающим в его Пасти, находятся выдающиеся личности, некоторые из которых, вероятно, представляют тех поэтов и мудрецов Греции и Рима, перспектива чьего проклятия приводила в такой восторг некоторых первых христианских отцов.

В Испании, когда епископ собирается крестить одного из европейских герцогов Дьявола, он спрашивает у купели, что стало с его предками, называя их — все язычники. ‘Они все в аду!’ - отвечает Епископ. ‘Тогда я последую за ними’, - отвечает Вождь, и после этого никакими уговорами его нельзя убедить отправиться иначе, чем в Ад. Постепенно Церковь решила вступить в союз с этой упрямой варварской гордыней и честолубием. Оно было готово отказаться от чего угодно ради царства этого мира и поклоняться любому количеству Князей Тьмы, если они дадут Епископам такие царства и славу им. Они побудили Исава креститься, пообещав свою помощь в его притеснениях и бесплатное потворство всем его страстям; и затем, с его помощью, они смогли предложить более слабому Исаву христианскую альтернативу — креститься или сгореть!

Не зная, как одержать бескровные победы над варварскими исааками мира более чистой добродетелью, более терпеливым героизмом, чем у них, и с той ‘сладкой разумностью Христа’, которая является последней эпитафией на его могиле среди богатых; не распознать истинное благородство герцогов и не превратить их гордость в самоуважение, их страсть - в моральное мужество, их отвагу и свободу - в уверенность в себе, одновременно мягкую и мужественную; это, без сомнения, было неизбежным крахом догматической и иррациональной системы. Но именно это сделало христианский Израиль большим самозванцем, чем его прототип, в каждой стране, в которую он приезжал, неуклонно превращаясь в лицемерного подражателя Исаву, право первородства которого он украл путем крещения. Оно быстро утратило его великодушие, но никогда - его меч, который, однако, оно ухитрилось сделать одновременно более подлым и жестоким, скручивая его в винты для больших пальцев и тому подобное. На протяжении многих веков его голос был, в тонком фонографическом смысле, голосом Иисуса, но руки - это руки Исава с добавлением когтей Самаэля.

Глава 14. Иов и Разделитель

Еврейский политеизм—Проблема зла— Неверие Иова в будущую жизнь—Царство Разделяющего—Соленые жертвоприношения—Теория ортодоксии—Рассуждения Иова—Его юмор—Беспристрастность Судьбы между злом и добром—Агностицизм Иова—Эклектизм Элиу—Иегова Вихря—Ереси Иова—Раввинская легенда об Иове—Универсальность легенды.

Израиль - цветущая виноградная лоза,

Который приносит сам себе плод;

По возрастанию плода его

Он умножил жертвенники свои;

По благодати своей земли

Он создал прекрасные образы.

Их сердца разделены: теперь они будут признаны виновными;

Он разрушит их алтари, он испортит их изображения.

Эти слова пророка Осии (х. 1, 2) предвещают дьявола, который, по мнению набожного яхвиста, неуклонно набирал огромную силу на протяжении всей истории Израиля. Зародыш этого врага можно найти в нашей главе о Судьбе; одно из его ранних проявлений указано в уже приведенном рассказе о разделе между Иаковом и Исавом и суеверии, к которому это привело, о призрачном Противнике, которому была необратимо обещана доля. Исходя из принятого таким образом принципа, выросло множество демонов, которых, как считалось, необходимо было умиловить, предлагая им их долю. Разделенная вселенная имела своим двойником разделенную лояльность в сердцах людей. Рост веры в верховенство единого Бога был далек от реального монотеизма; на самом деле ни одна примитивная раса не была монотеистической. Во 2 Царств xvii. утверждается, что евреи верили в то, что некоторые ассирийцы, которые были завезены на их территорию (Самарию), были убиты львами, потому что они не знали "образа Бога этой земли". Спиноза обратил внимание на приведенные в этом и других повествованиях указания на то, что евреи верили, что боги, поклонение которым было невыносимо в пределах их собственных границ, все же приспособились к другим регионам (Трактат, ii.). При таком состоянии ума неудивительно, что, когда евреи оказались в этих чужих регионах, они поняли, что боги этих стран могут также использовать львов против тех, кто знал, что боги этих стран могут также использовать львов для не в их манере, но они слишком строго придерживались поклонения Иегове.

Среди евреев вырос более духовный класс умов, чьим чувством к окружающему их богослужению полукровок было отвращение; но у них была очень трудная причина поддерживать его. Народные суеверия прочно укоренились в том факте, что человечество

постигло ужасное зло, и в том дальнейшем факте, что оно не щадило самых благочестивых. Более того, в течение долгого времени крепло убеждение, что блага и невзгоды природы, вместо того чтобы следовать направлению, обещанному патриархами, — награждать благочестивых, наказывать нечестивых, — распределялись обратным образом. У Дайвса и Лазаря, казалось, были свои жребии еще до того, как для их уравнивания был придуман какой-либо будущий рай - что действительно естественно, поскольку Дайвз занимается своими делами, в то время как Лазарь вкладывает свои силы в лоно Авраама. Из этого опыта в конце концов вытекало требование загробной жизни, без удовлетворения которого благочестивые люди начинали считать себя самыми несчастными из всех людей. Но до того, как это небесное будущее стало предметом общей веры, существовали теории, которые подготовили путь к нему. Набожные люди считали, что зло, постигшее праведников, было испытанием Иеговы на их верность ему, и что в конце концов такие испытания будут вознаграждены. И когда наблюдение, следуя теории, показало, что они не были так вознаграждены, было сказано, что праведность была нереальной, преданный был наказан за скрытое зло. Когда продолжительные наблюдения доказали, что и эта теория ложна и что благочестие не оплачивается внешними благами ни для хорошего человека, ни для его семьи, было принято решение о будущем урегулировании.

Этот простой процесс можно проследить у различных рас и в нескольких его фазах.

Наиболее впечатляющее описание событий, в результате которых погибла примитивная светская теория вознаграждений и наказаний и возникла теория загробного приспособления, содержится в Книге Иова. Достигнутое здесь решение — будущая награда в этой жизни — невозможно ни для чего большего, чем для исключительного случая. Но Книга Иова показывает, насколько прекрасным был бы такой пример, показывая, что страдания были временными и за ними должны последовать компенсации, в значительной степени перевешивающие их. Это была потрясающая постановка вопроса — если человек умрет, будет ли он жить снова? Иегова ответил 'Да' из вихря и поднял Иова из праха. Но для миллионов тех, кто так и не восстал из праха, был услышан этот голос, возвещающий об их воскресении после испытания, которое загнало их даже в могилу. Примечательно, что выражение веры Иова в то, что его Защитник появится на земле, должно было стать единственным текстом Ветхого Завета, который был адаптирован христианами для выражения веры в бессмертие. Иов решительно отвергает эту веру.

Есть надежда на дерево,

Если его срубить, то оно снова прорастет,

И чтобы его нежные ветви не опали;

Хотя его корень, возможно, состарился в земле,

И хотя его мертвый ствол лежит на земле,

При запахе воды он распустится,

И пустил ветви, как молодое растение.

Но человек умирает и уходит навсегда!

И все же я знаю, что мой Защитник жив,

И встанет наконец на землю;

И хотя с моей кожей это тело исчезнет,

И все же во плоти моей я увижу Бога.

Да, я увижу его своим другом;

Мои глаза больше не увидят в нем противника;

К этому стремится моя душа во мне.⁷²

Декорации и детали этой драмы таковы, что, должно быть, произвели на умы древних евреев впечатление, превосходящее то, что сейчас возможно для любого существующего народа. В-первых, этим населенным пунктом была земля Уц, на которую Иеремия (Лам. iv. 21) указывает как на часть Эдома, территории, традиционно управляемой великим невидимым Обвинителем Израиля, который унаследовал долю Исава, противника их основателя Иакова. Работа находилась в пределах возможного. И все же здесь, где козлы отпущения были принесены в жертву, чтобы принизить Самаэля, и где в обычных жертвоприношениях какой-то предмет предназначался на долю дьявола, Иов отказался воздавать должное Силе Этого Места. Он приносил всесожжения только за себя и своих сыновей, которые были посвящены исключительно Иегове.⁷³ Даже после того, как его дети и имущество были уничтожены этим великим врагом, Иов принес свою жертву, даже не опустив соль, которая была восточной печатью нерушимого договора между двумя людьми и которая особенно напоминала и освящала завет с Иеговой.⁷⁴ Среди его двадцати тысяч животных животное Азазеля, козел, даже не названо. Отличительной чертой Иова была абсолютная и беспрецедентная преданность Иегове.

Эта верность ученика даже во вражеской стране становится предметом своего рода хвастовства Иеговы, когда входит Обвинитель. Отложив на время рассмотрение характера и должности этого сатаны, мы можем заметить здесь, что испытание, которому он подвергается, является всего лишь проверкой искренности преданности Иова Иегове. Обвинитель утверждает, что все это отдано за полученную ценность. Это имущество отнято.

Это всего лишь рамки философской поэмы, в которой все теории мира персонифицированы в большом совете.

Прежде всего, Иов (Беспокойный) спрашивает — Почему? Православие отвечает. (Елифаз был сыном Исава (Самаэля), и его имя здесь означает, что он был переодетым Обвинителем. Он, 'Божья сила', олицетворяет Закон. Это подтверждает, что пути Божьи справедливы, и, следовательно, страдания подразумевают предыдущий грех.) Елифаз повторяет вопрос, заданный Обвинителем на небесах — 'Разве страх твой перед Богом не был твоей надеждой?' И он подвергает Иова испытанию молитвой, в которую он так долго верил. Элифаз опирается на откровение; у него было видение; и если его откровение не соответствует действительности, он бросает вызов Иову, чтобы тот проверг его, призвав Бога ответить ему или же заручившись поддержкой кого-либо из небесного воинства. Элифаз говорит, что неприятности не возникают из пыли.

Ответ Иова человеку и Богу — укажи на ошибку! Признай, что мои беды - божественные стрелы, что я сделал тебе, о хранитель людей! Неужели я морское чудовище - и мы представляем себе

Иова, смотрящего на свои исхудавшие конечности, — что Всемогущий должен принять меры предосторожности и послать против меня шпионов?

Затем следует Вилдад Шухит, то есть "спорный", один из потомков Кетуры (наложницы Авраама), традиционно считавшийся враждебным законной линии Авраама и в более поздний период идентифицировавшийся как турки. Вилдад, скорее с бранью, чем аргументируя, обвиняет детей Иова в том, что они были убиты за свои грехи, и в остальном лично применяет теологию Элифаза.

Иов заявляет, что, поскольку Бог настолько совершенен, ни один человек по таким стандартам не может быть признан праведным; что, если бы он мог доказать свою справедливость, спор был бы решен более сильной стороной в его пользу; и поэтому, освобожденный от всякого искушения оправдать себя, он утверждает, что с невиновными и виноватыми поступают примерно одинаково. Если это испытание силы между Богом и им самим, он уступает. Если это вопрос рассуждения, пусть страхи исчезнут, и тогда он сможет спокойно ответить. В настоящее время, даже если бы он был праведен, он не осмеливается поднять голову, чтобы заявить об этом, пока на нем розга.

Говорит Зофар 'дерзкий'. Вероятно, и здесь есть маскировка: он (говорится в LXX.) Царь минеев, то есть кочевников, и его обозначение 'нааматитянин', значение которого неизвестно, подозрительно напоминает Нааму, мифологическую жену Самаэля и мать нескольких дьяволов. Софар циничен. Он смеется над Иовом даже за то, что тот предложил идею спора между ним самим и Богом, чья мудрость и пути непостижимы. Он (Бог) видит беззакония человека, даже когда кажется, что он этого не делает. Он глубже ада. Что может делать человек, кроме как молиться и признавать свою греховность?

Но у Иова, даже в его крайности, достаточно доброе сердце, чтобы тоже смеяться. Он говорит своим трем 'утешителям', что, без сомнения, Мудрость умрет вместе с ними. Тем не менее, он слышал подобные замечания раньше, и он не готов поступить своей совестью и здравым смыслом на таких основаниях. И теперь, действительно, Работа требует более высокого напряжения. Он решил, что после того, что с ним произошло, его не волнует, будет ли добавлено что-то еще, и бросает вызов вселенной, чтобы она назвала его проступок. До тех пор, пока его проступок "запечатан в мешке", он имеет право считать его выдумкой.⁷⁵

Ортодоксальность феманитов шокирована всем этим. Элифаз заявляет, что утверждение Иова о том, что невинные и виновные страдают одинаково, делает страх Божий напрасным и препятствует молитве. 'С нами пожилые и убеленные седины'. (Иов - неолог.) Элифаз рисует человеческую природу в кальвинистских тонах.

Вот, (Бог) не доверяет своим духам-служителям,

И небеса не чисты в его глазах;

Гораздо менее отвратительный и оскверненный человек,

Кто пьет беззаконие, как воду!

Мудрецы рассказывали, и они узнали это от отцов, которым была дана земля, и среди которых никому постороннему не разрешалось распространять свои странные учения, что несчастье - это знак и наказание за нечестие.

Иов просто говорит, что он слышал об этом достаточно и не находит среди них мудреца. Он признает, что такие упреки усугубляют его печали. Он предпочел бы бороться с Богом, чем с ними, если бы мог. Но он видит слабый признак божественной милости в поразительной неразумности своих хулителей и их неспособности доказать свою точку зрения.

Вилдад рисует картину того, что, по его мнению, было бы подходящим окружением для нечестивого человека, и это очень напоминает ситуацию Иова.

Но Иов напоминает ему, что он, Вилдад, не Бог. Это Бог так низко опустил его, но Бог был доволен его плотью. Он еще не высказал ни одной жалобы на свое поведение; и поэтому он, Иов, верит, что его защитник все же появится, чтобы противостоять своим обвинителям — людям, которые так бойки, когда его обидчик молчит.⁷⁶

Софар играет на старой струне. Почти так же, как некоторые проповедники бесконечно продолжают описывать ужасы, которые преследовали смертные одры Вольтера и Пейна, тем более что никто не присутствует, чтобы изложить факты. Софар рассказывает, как люди, которые казались хорошими, но таковыми не были, были настигнуты аспидами, гадюками и огнем с небес.

Но у Иова, с другой стороны, есть любопытный список примеров, когда заведомо порочные люди жили в богатстве и веселье. И если говорят, что Бог вознаграждает за это их детей, Иов отрицает справедливость этого. Это должен чувствовать преступник, а не его ребенок. Преуспевающие и ожесточенные душой люди в конце концов одинаково ложатся в прах, добрые и злые; и Иову вполне достаточно признать, что он этого не понимает. Одно он точно понимает: "Ваши объяснения ложны".

Но Элифаз настаивает на том, чтобы у Иова была догма. Если ортодоксальная догма неверна, замените ее чем-нибудь! Почему вы огорчены? Какова *ваша* теория? Это потому, что Бог испугался вашего величия? Должно быть, все так, как мы говорим, и вы тайно обманывали и причиняли вред людям.

Иов, повторив свое горячее желание встретиться с Богом лицом к лицу относительно своей невиновности, говорит, что он может только заключить, что то, что постигает его и других, - это то, что "предназначено" для них. Его ужас действительно проистекает из этого: добро и зло, кажется, распределяются безотносительно к человеческому поведению. Как тьма сговаривается с убийцей! Если бы Бог был всего лишь человеком, все могло бы быть по-другому; но как бы то ни было, "что он желает, то и делает" и "кто может обратить его?"

Вилдад возвращается к своей догме порочности. Человек - это "червь", "рептилия". Иов обнаруживает, что для червя Вилдад очень хорошо знаком с божественными тайнами. Если человек так слаб морально, он должен быть и смиренным умом. Бог духом своим украсил небеса; его рука сформировала "скрюченного змея" —

Lo! это всего лишь границы его работ;

Какой слабый шепот мы слышали о нем!

Но кто может понять гром его могущества?

Иов занимает позицию агностика, и трое 'Утешителей' замолкают. Спор закончился там, где и должен был закончиться. Затем Иов продолжает с возвышенным красноречием. Человек может потерять все внешние вещи, но ни человек, ни бог не могут заставить его произнести ложь, или отнять у него его целостность, или его осознание этого. Друзья могут упрекать его, но он может видеть, что его собственное сердце этого не делает. Это единственное превосходство над нечестивыми он может сохранить. Анализируя свои аргументы, Иов осторожно указывает, что он не утверждает, что добрые и злые люди равны. Во-первых, когда нечестивый человек попадает в беду, он не может найти утешения в своей невиновности. 'Может ли он радоваться Всемогущему?' Когда такие люди умирают, их вдовы не оплакивают их. Люди не поддерживают угнетателей, когда те испытывают нужду. Люди осмивают их. И с чувством вины в сердце они воспринимают свои печали как стрелы Бога, посланные в гневе. Следовательно, во всех царствах природы, среди ее сил, великолепия и драгоценностей, человек не может найти мудрости, которая возвышает его над несчастьем, но только в своей внутренней преданности высшему и свободе от морального зла.

Затем появляется пятый персонаж, Элиу, чей план состоит в том, чтобы стать посредником между старой догмой и новой агностической философией. Он рационален в ортодоксальности. Имя Элиу наводит на мысль о его двусмысленности; оно, по-видимому, означает того, чей "Бог есть Он", и он происходит из племени Бузов, значение которого на иврите может быть почти полностью передано этим английским словом, которое с добавлением z лучше всего передает ветреность его высказываний. Баз был сыном Милки, Луны, и его потомок, таким образом, получил справедливое признание благодаря своему теологическому 'лунному сиянию' того рода, которое Карлайл так хорошо описал в своем отчете о кольриджевской казуистике. Элиу хочет быть справедливым к обеим сторонам! Элиу видит долю правды в обеих сторонах! Эклектичный Элиу! Иов совершенно прав, думая, что он не сделал ничего, что могло бы заслужить его страдания, но он не знал, какие ловушки были вокруг него и как он мог бы совершить что-то злое, если бы не его несчастье. Более того, Бог время от времени разрушает людей просто для того, чтобы показать, как он может снова поднять их. Иову следовало бы принять это как должное, а затем выразить это в старой презренной фразеологии, сказав: 'Я получил наказание; я больше не буду оскорблять! Чему я не вижу, научи ты меня!' (Поистине элиуический или "презренный" ответ на разумные слова Иова: "Почему свет дан человеку, путь которого сокрыт?" Зачем применять розгу, которая проливает свет на гнев, но не на его причину, или на способ исправления?) Фактически, казуистический Элиу не проливает никакого света на ситуацию. Он просто заваливает его метафорами и общими фразами о божественной справедливости и милосердии, призванными скрыть это новое и опасное решение, которое обнаружил Иов, а именно, что старые догматические теории зла оказались ложными на опыте, и что хороший человек в горе должен признать свое невежество, но никогда не позволять ужасу исторгнуть из него голос вины или попытаться умиливать божественный гнев.

Когда Иегова появляется на сцене, отвечая Иову из вихря, тон его полон гнева, но все высказывание является лишь усилением того, что сказал Иов: то, что мы видим и страдаем, — всего лишь грани Целого, которое мы не можем понять. Великолепие и чудо вселенной, воспетые этим голосом вихря, должны были быть воспеты в неубедительном и бессильном заключении Иова, 'возненавидевшего самого себя' и 'раскаявшегося в прахе и пепле'. У обычного Цербера должна быть своя подачка. Но, тем не менее, великая суть этого стихотворения раскрывает душу, которая не была потрясена или разделена ни процветанием, ни невзгодами. Утешителям Иова было предписано приносить всеожожение в дни его

процветания, символ поклонения, которое отказывалось включать предполагаемую силу зла. Они должны были склоняться перед ним как перед более близким Богом, чем они. И в своей высокой философии Иов нашел то, что символизируется в трех дочерях, рожденных им: Джемайма (Голубка, голос возвращающейся Весны); Кезия (Кассия, сладкое благовоение); Керенхаппуч (рог красивого цвета или украшения).

С еврейской точки зрения этот триумф Иова представлял собой чудовищную ересь. Идея о том, что несчастья могут обрушиться на человека без какой-либо связи с его поведением и, следовательно, не поддаваться влиянию обычных обрядов и жертвоприношений, является фатальной для священнослужителей. Если зло может быть отнесено в одном случае к тому, что происходит далеко среди богов, в темных уголках вселенной, и к какой-то цели, недоступной пониманию всех мудрецов, то это может быть отнесено и во всех случаях, и хотя формально к жертвоприношениям всесожжения можно прибегать, они должны прекратиться, когда будет доказано их бессилие. Поэтому раввины встали на сторону Утешителей Иова. Они придумали легенду о том, что Иов был великим магом в Египте и был одним из тех, чье колдовство так долго препятствовало бегству Израиля. Впоследствии он был обращен, но есть намек на то, что его раннее злодеяние потребовало возмездия, которое он понес. Для них его звали смутянь обеспокоенный.

Еретической также была теория о том, что человек может обойтись без какого-либо ангелопоклонства или демонопоклонства. Иов в своем единственном служении, боящийся одного Бога, бросающий вызов Серафимам и Херувимам, начиная с Самаэля, чтобы те делали самое худшее, был опасной фигурой. Священники не принимали участия ни в каком всесожжении. Жертва за грех имела почти исключительное значение. Отсюда вытекает раввинская теория, о которой мы уже упоминали, что именно из-за пренебрежения этими искуплениями грехов перед Богом нравственно безупречный Иов попал под власть его язв.

Но точно по тем же причинам история Иова стала репрезентативной для более духовного класса умов подлинных в отличие от номинального монотеизма и благочестия чистого, неразделенного сердца. Его значение настолько человечно, что нет необходимости обсуждать вопрос о его связи с историей Харищандры или о том, был ли его акцент заимствован из легенд о Зороастре и Будде, которые невредимыми прошли через испытания Аримана и Мары. Это повторялось во встречах младенца Христа с Иродом и взрослого Христа с сатаной. Это повторялось в непоколебимой верности терпеливой Гризельды своему мужу. Это действительно героическая тема многих рас и эпох, и она повсюду указывает на период, когда такие добродетели, как выносливость и терпение, возросли, чтобы соответствовать мукам, которые страх и слабость пытались умиловить, — когда человек впервые научился страдать и быть сильным.

Глава 15. Сатана

Государственные обвинители—Сатана как обвинитель—Английский дьяволопоклонник—Обращение путем террора—Сатана в Ветхом Завете—Суд над Иисусом Навином—Наслатель чумы—Сатана и Змей—Портрет сатаны—Козел отпущения в христианском мире—Католический "Вид ада" —Союзник духовенства.

В сатане из Книги Иова нет ничего, что указывало бы на него как на дьявольского персонажа. Он предстает как уважаемая и могущественная личность среди сынов Божьих, которые предстают перед Иеговой, и его должность - должность государственного обвинителя. Он ходит взад и вперед по земле, выполняя свои обязанности. Он получил свидетельства о характере от А. Шультенса, Гердера, Эйхорна, Дати, Ильгена, которые предложили новое слово для обозначения сатаны в прологе "Иова", которое сделало бы его верным, но слишком подозрительным слугой Бога.

Таким его действительно считали изначально; но легко понять, с чего, должно быть, началась деградация такой фигуры. В Англии часто раздаются призывы к созданию государственных обвинителей; и все же, без сомнения, есть веские основания для колебаний, которые испытывают руководители судебных органов, рекомендуя такой шаг. Опыт стран, в которых существуют прокуроры, не таков, чтобы доказывать неоспоримое преимущество этого института. Не в природе человека, чтобы должностное лицо не использовало по максимуму возложенные на него обязанности, и тенденция состоит в том, чтобы ставить интересы, которые он конкретно представляет, выше интересов самого правосудия. Потерпевший поражение прокурор чувствует определенное клеймо на своей репутации в той же степени, что и потерпевший поражение адвокат, и сомнительно, безопасно ли, чтобы слава любого человека хотя бы в малейшей степени отождествлялась с личным успехом там, где правосудие пытается установить подлинный баланс. Недавние выступления некоторых адвокатов в Англии и Америке, нанятых Обществами по борьбе с пороком, поразительно иллюстрируют опасности, о которых здесь говорится. Необходимость того, чтобы такие наемные социальные детективы постоянно выставлялись напоказ перед обществом в качестве очистителей общества, побуждает их затевать нереальные дела там, где настоящие не могут быть легко раскрыты. Таким образом, они становятся Обвинителями, а отсюда легко стать Клеветниками; и это не очень трудный шаг, который может сделать их подстрекателями к порокам, которые, по их словам, они пытаются подавить.

Первые изображения сатаны показывают, что он держит в своей руке весы; но последние показывают, что он хитро пытается рукой или ногой надавить на ту сторону весов, на которой злые поступки души противопоставляются добрым. Нам не нужно пытаться проследить археологически это падение Прокурора, возрастающее рвение в его должности, через стадии Обвинителя, Противника, Палача и, наконец, Соперника законной власти и искусителя ее подданных. Этот процесс прост и знаком. Передо мной небольшая двухгрошовая книжечка,⁷⁷ которая, как говорят, имеет огромный тираж, где можно проследить всю ментальную эволюцию сатаны. Древний дьяволопоклонник, который с такой силой появился в Англии, рассказывает нам, что он был известным сыном фермера, которому приходилось содержать жену и одиннадцать детей на 7-9 шекелей в неделю и который на короткое время отправил его в школу. 'Моя школьная учительница упрекнула меня в чем-то неправильном, сказав, что Всемогущий Бог обращает внимание на детские грехи. Это надолго засело в моей совести; и кем мог быть этот Всемогущий Бог, я не мог догадаться; и как он мог знать о моих грехах, не спросив мою мать, я не мог постичь. В то время в городе жил человек по имени Годфри, акцизный инспектор,

человек с суровым лицом, на которого я обратил внимание из-за того, что у него была трость, покрытая цифрами, и чернильница, висевшая в петлице его сюртука. Я вообразил, что этот человек нанят Всемогушим Богом для того, чтобы замечать детские грехи и вести учет; и однажды я зашел на рынок и внимательно понаблюдал за ним и обнаружил, что он всегда куда-то спешит из-за своей быстрой ходьбы; и я подумал, что ему нужно поторопиться, потому что ему, должно быть, нужно многое сделать, чтобы выяснить все детские грехи! Этот ужас заставил маленького Хантингтона произнести свои молитвы. "Наказание за грех, как я обнаружил, должно было быть нанесено после смерти, поэтому я ненавижу церковное кладбище и предпочел бы пройти любое расстояние, лишь бы не тащить свою нечистую совесть в это заколдованное место".

Ребенок - отец мужчине. Когда Хантингтон, С.С., вырос, он должен был записать для тысяч слушавших его как пророка свои многочисленные встречи с дьяволом. Сатана, в которого он верит, является точной копией сурового, непреклонного акцизника, которого он считал служащим Бога. Однажды он пишет: 'Сатана начал яростно искушать меня, утверждая, что Бога нет, но я возражал против этого, исходя из моего собственного опыта его ужасного гнева, говоря: "Как я могу поверить этому предположению, когда (Божий) гнев уже раскрыт в моем сердце, и каждое проклятие в его книге направлено на мою голову'. (Кажется, это его единственное свидетельство существования Бога — его гнев!) 'Дьявол ответил, что Библия фальшива и написана хитрыми людьми только для того, чтобы озадачивать и обманывать людей. 'Бога нет, - сказал противник, 'и Библия не является правдой"... Я спросил: 'Кто же тогда сотворил мир?' Он ответил: 'Я делал это, и я тоже создавал людей'. Сатана, видя, что моя рациональность почти исчезла, последовал за мной с другим искушением; что, поскольку Бога нет, я должен снова вернуться к его работе, иначе, когда он приведет меня в ад, он накажет меня больше, чем всех остальных. Я закричал: 'О, что со мной будет! что со мной будет!' Он ответил, что нет иного спасения, кроме как помолиться ему; и что он проявит ко мне некоторую снисходительность, когда отправит меня в ад. Я пошел и сел в своем сарае для инструментов, колеблясь между двумя мнениями: обратиться ли мне к сатане или продолжать молиться Богу, пока я не смогу убедиться в последствиях. Пока я думал о том, чтобы преклонить колени перед таким проклятым существом, как сатана, необычайный страх перед Богом возник в моем сердце, чтобы удержать меня от этого".

Другими словами, мистер Хантингтон колебался между прошениями: "Боже милостивый! Добрый дьявол!" Вопрос о том, было ли более нравственным, более святым поклоняться одному, чем другому, не приходил ему в голову. Он рассматривает только то, что сильнее, что может причинить ему больше вреда, чего, следовательно, следует опасаться больше всего; и когда сатана почти убедил его в своей благосклонности, он переключается на Бога. Почему? Не из-за какой-либо высшей благодати со стороны Бога. Он говорит: 'Необычный страх Божий возник в моем сердце'. Большой ужас победил в тот день; иными словами, из двух демонов он уступил более сильному. Подобный опыт, хотя и переживаемый человеком, живущим в наше время, представляет собой фазу в развитии отношений между Богом и сатаной, которая две тысячи лет назад показалась бы ассирийцу примитивной. Этический антагонизм этих двоих тогда ощущался гораздо отчетливее. Но этот фрагмент современного суеверия может напомнить нам о периоде, когда сатана из Заклятого Врага или Карающего Агента божественного закона превратился просто в личного соперника своего начальника.

Сатана у евреев поначалу был общим термином, обозначающим противника, затаившегося в засаде. Вероятно, скрытый намек, лежащий в корне этого еврейского слова, помог выбрать его в качестве названия невидимых враждебных сил, когда они были особенно заметны. Но первоначально это слово не обозначало никакого особого персонажа, а тем более какого-либо антагониста Иеговы. Таким образом, мы читаем: 'И возгорелся гнев Божий за то, что он (Валаам) пошел; и ангел Господень встал на пути сатаны, выступившего против него.... И осел увидел ангела Господня, стоящего на пути, и обнаженный меч в руке его'.⁷⁸ Глаза Валаама вскоре открываются, и ангел говорит: "Я вышел, чтобы стать для тебя сатаной, потому что путь мой извращен". Филистимляне боятся брать Давида с собой на битву, чтобы он не оказался для них сатаной, то есть закулисным врагом или предателем.⁷⁹ Давид назвал тех, кто хотел предать Шимея смерти, сатанами;⁸⁰ но в данном случае эпитет был бы более применим к нему самому за то, что он сделал вид, что защищает честного человека, убийство которого он вероломно организовал.⁸¹

То, что это слово обычно использовалось для обозначения противника в отличие от зла, проявляется в словах Соломона: "Нет ни сатаны, ни зла, которое происходит".⁸² Тем не менее, именно в связи с Соломоном мы можем отметить появление некоторых материалов для мифологии, которая впоследствии облекла имя сатаны. Сказано, что в гневе на его идолопоклонство "Господь внушил Соломону сатану, Хадада Эдомитянина: он был из царского рода в Эдоме".⁸³ Хадад, 'Острый', носил имя рядом с именем самого Исава из-за красноты его гнева, и, как мы видели в предыдущей главе, Эдом был для евреев землей 'страшилищ'. "Другим сатаной", которого Господь "возбудил", был Разрушитель, принц Резон, основатель Дамасского королевства, о котором сказано: "он был сатаной для Израиля во все дни Соломона".⁸⁴ Человеческие характеристики предполагаемых 'Бичей Божьих' легко исчезают. Имя, которое традиционно ассоциируется с бедствиями, виновники которых были 'вызваны' Всемогущим, не имеет права прославлять свои опустошения. Слово 'Сатана', дважды употребленное в этой главе о падении Соломона, вероятно, сделало здесь большой шаг к отчетливой персонификации в качестве выдающегося национального врага, хотя здесь нет и намека на силу, осмеливающуюся противостоять воле Иеговы. На самом деле, нигде в 'канонических' книгах Ветхого Завета нет никаких подобных намеков. Автор шестого Псалма, проклиная своих противников, говорит: "Поставь над ним нечестивого человека, и пусть сатана встанет одесную его. Когда его будут судить, пусть он будет осужден; и пусть его молитва станет грехом". В этом есть указание на особого сатану, но предполагается, что он является агентом Иеговы. В перечне проклятий, налагаемых Господом, мы находим зло, которое, как впоследствии предполагалось, исходило только от сатаны. Единственный случай в Ветхом Завете, в котором есть хотя бы слабый намек на враждебность к сатане со стороны Иеговы, - это случай Захарии. Здесь мы находим следующие замечательные слова: 'И он показал мне Иисуса Навина, первосвященника, стоящего перед ангелом Иеговы, и сатану, стоящего по правую руку от него, чтобы противостоять ему. И сказал Иегова сатане: да упрекнет тебя Иегова, о сатана; даже Иегова, избравший Иерусалим, упрекает тебя: разве это не головешка, вырванная из огня? Иисус же был облечен в запачканные одежды и стоял перед ангелом. И он ответил и обратился к тем, кто стоял перед ним, говоря: снимите с него запачканные одежды. И он сказал ему: вот, Я снял с тебя беззаконие твое, и я одену тебя в хорошие одежды'.⁸⁵

Здесь мы имеем очень точное исследование и набросок того судебного процесса над душой, для которого главным образом и был изобретен догмат о воскресении после смерти. Доктрина о будущих наградах и наказаниях - это не та доктрина, которую священнослужители стали бы

изобретать или заботиться о ней, пока они обладают неограниченной властью применять ее в этой жизни. Именно тогда, когда чуждая сила вмешивается, чтобы вытеснить священство — галлионам слишком безразлично, выполняются ли церемониальные законы, позволяющие в полной мере применять земные жестокости, — священнику требуется загробный трибунал для приведения своего приговора в исполнение. На этом изображении Захарии мы видим этот невидимый Небесный Суд. Ангел Суда находится на своем месте. Ангел Обвинения присутствует для судебного преследования. Бедный, грязный негодяй предстает перед судом. Каким адвокатом он может командовать? Где Майкл, специальный адвокат Израиля? Он не узнает ни одного из своих клиентов в этом бедном Джошуа в его лохмотьях. Но вот! внезапно появляется сам Иегова; обличает своего собственного Обвинителя; объявляет Иисуса Навина головней, вынутой из костра (Тофет); приказывает сменить одежду и, оправдывая его проступки, берет его к себе на службу. Но во всем этом нет ничего, что указывало бы на общий антагонизм между Иеговой и сатаной, а наоборот.

Когда мы заглядываем в Книгу Иова, мы обнаруживаем, что сатана достаточно отличается от любого из тех, кто упоминается под этим именем в других частях Ветхого Завета, чтобы оправдать веру в то, что он был в основном заимствован из традиций других регионов. Бедствия, которые в Псалме сix. вызываются Иеговой, даже когда сатана упоминается как близкий, в Книге Иова приписываются самому сатане. Иегова позволяет сатане причинять им вред только с оговоркой о полном уничтожении. Сатана назван здесь как личность способом, неизвестным нигде в Ветхом Завете, за исключением 1 Паралипоменон. xxi. 1, где говорится, что Сатана (артикуль в данном единственном случае отсутствует) 'восстал против Израиля и спровоцировал Давида сосчитать Израиль'. Но в этом случае единообразие отрывка с другими (за исключением тех, что в Книге Иова) сохраняется благодаря тому же инциденту, который описан во 2 Царств. xxiv. 1: "Гнев Иеговы возгорелся против Израиля, и он (Иегова) возбудил против них Давида, сказав: пойди пересчитай Израиль и Иуду".

Ясно, что в Ветхом Завете, только в Книге Иова, мы находим сатану как могущественного князя империи, отличной от империи Иеговы, — империи бури, чумы и огня, — хотя он предстает перед Иеговой и ждет разрешения применить свою власть к верноподданному Иеговы. Формальность судебного разбирательства, столь дорогая семитскому сердцу, в данном случае опущена. И эти обстоятельства подтверждают многие другие факты, которые доказывают, что эта драма в значительной степени имеет несемитское происхождение. Вполне очевидно, что драма Харищандры в Индии и драма Иова были развиты на основе санскритских легенд, упомянутых в нашей главе о Вишвамित्रе; и несомненно, что арийские и семитские элементы представлены в фигуре сатаны, поскольку он вошел в теологию христианского мира.

И в самом деле, сатане с тех пор, как он появился в еврейской литературе в этом новом аспекте, как бы ни относились к нему раввины, никогда не присваивался тот же характер среди этого народа, который был присвоен ему в христианском мире. Он так и не заменил Самаэля в качестве их Заклятого Врага. Раввины, действительно, в более поздние времена связывали его со Змеем, который соблазнил Еву в Эдеме; но отсутствие каких-либо важных ссылок на эту историю в Новом Завете свидетельствует о том незначительном месте, которое она занимала в еврейском сознании долгое время после того, как вера в сатану стала популярной. На самом деле, этот по сути арийский миф мало соответствовал идеям раздора и безнравственности, которые евреи постепенно ассоциировали с Самаэлем. В повествовании, как оно изложено в Книге Бытия, Змей ни в коем случае не выглядит хуже всех. Это Иегова, чье слово о том, что

смерть наступит в тот день, когда яблоко будет съедено, фальсифицировано результатом; и в то время как видно, что Змей говорит правду и ведет человека к знанию, Иегова представлен воодушевленным ревностью или даже страхом перед достижениями человека. Все это достаточно естественно в чрезвычайно примитивном мифе о битве между соперничающими богами, но ни в коем случае не обладает моральным акцентом того времени и условий, в которых, безусловно, зародился яхвизм. Это находится в том же аморальном плане, что и состязание Дэвов и асуров за Амриту в индуистской мифологии, состязание физической силы и ума.

Реальное развитие сатаны среди евреев заключалось в том, что он превратился из обвиняющего в противостоящего духа, а затем в средство наказания — ненавистного палача. Чрезвычайно интересен тот факт, что приведенная здесь фигура (рис. 5) была идентифицирована таким знакомым с семитской демонологией человеком, как Кальмет, как его изображение. Оно было найдено среди изображений херувимов, и на обороте одного, чем-то похожего на него, находится формула заклинания против демонов. Лицо обладает той суровой красотой, которую греки приписывали Немезиде. У ног Немезиды находятся штурвал и руль, символы ее силы настигать злодея на суше или на море; ноги этой фигуры покрыты крыльями для преследования. У него четыре руки. В одном из них он несет светильник, который, подобно Люциферу, проливает свет на деяния тьмы.

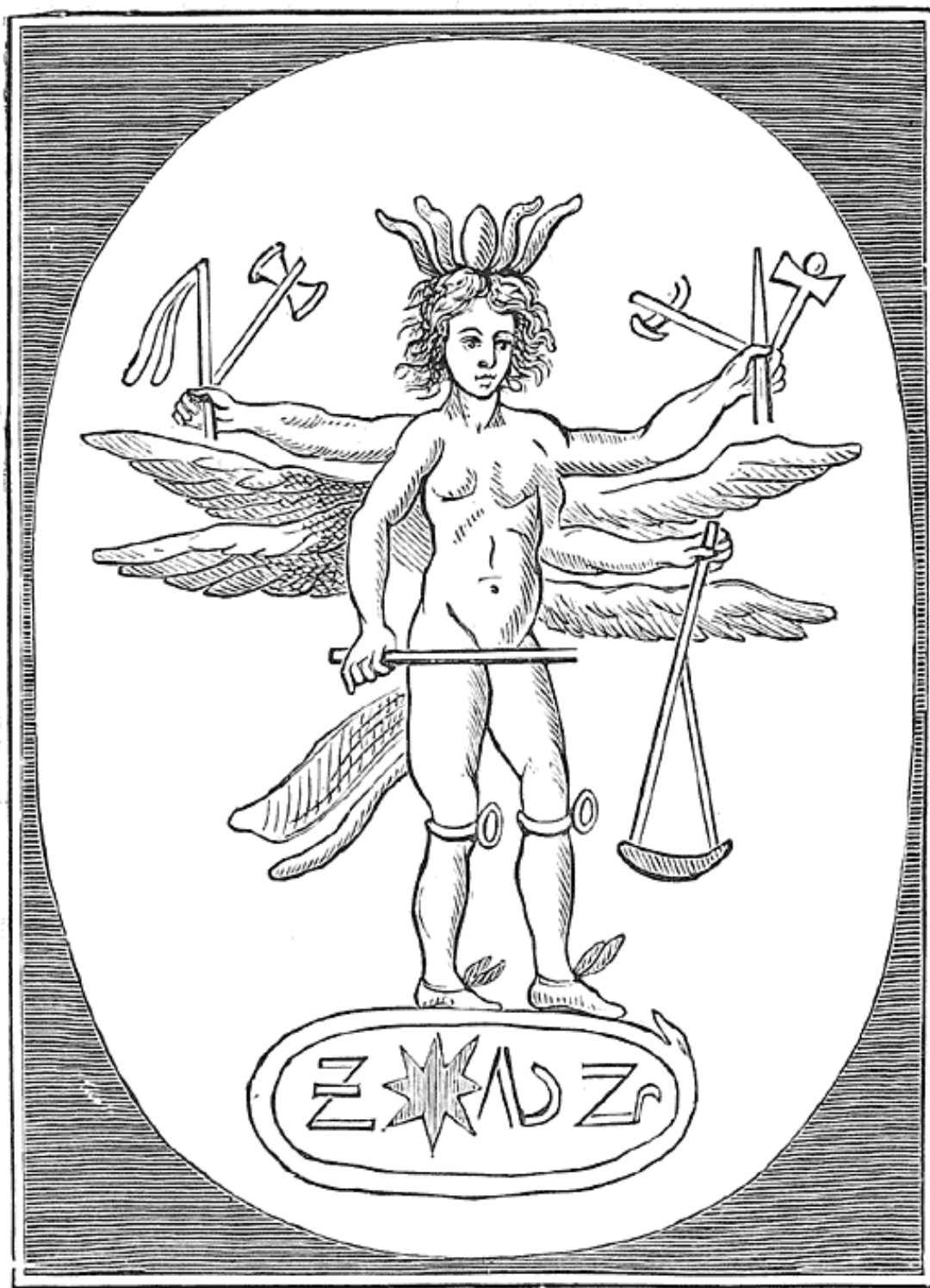

Рис. 5. Гностическая фигура (Ste. Коллекция Женеьевы).

Что касается других, то он соответствует описанию вавилонского бога Барухом (Ер. 13, 14): "У него в руке скипетр, как у человека, как у судьи царства — у него в руке меч и топор". Он носит тщательно подобранные орудия наказания, от плети, которая бичевала, до топора, который

убивал; и его карательная сила дополняется хвостом скорпиона. На коленях у него печати; кого бы он ни запечатал, они запечатаны. У него ужасные глаза, которые, как считалось, способны прочесть на каждом челе список грехов, невидимых смертным, сила, которая заставляла женщин остерегаться своих вуалей и придавала смысл формуле "Отойди от меня!"⁸⁶

Теперь эта фигура, которую Кальмет принял за сатану, изображена на оборотной стороне: 'Вечное Солнце'. Это бог, состоящий из египетских и магических форм, у одного на голове перья, у другого - многочисленные крылья. Материя (*Хист. Крим. de Gnost.*) воспроизводит это и говорит, что "это настолько отличается от всего остального в этом роде, что доказывает, что это работа самозванца". Но у профессора К. У. Кинга в его коллекции есть жемчужина (вероятно, пятого века), очевидно, грубая копия этого (воспроизведена в его 'Гностиках', Стр. xi. 3), на обратной стороне которой написано "Свет огней"; и в записке, которую я получил от него, он говорит, что это достаточно доказывает, что дело обстоит неправильно, и что эта форма была примитивной. В одном драгоценном камне профессора Кинга (Стр. 1) также изображена лампа, что означает 'Свет огней'. Надпись внизу, внутри свернувшейся змеи, сделана искаженными клинописными знаками, которые долгое время сохранялись волхвами, хотя и не понимали их. Следовательно, нет никаких сомнений в том, что инстинкт Кальмета был верен, и что перед нами ранняя форма детективного и карающего магического божества, в конечном счете деградировавшего до обвиняющего духа, или сатаны.

Хотя евреи не отождествляли сатану со своим Козлом Отпущения, все же он действительно был Козлом Отпущения среди дьяволов на протяжении двух тысяч лет. Все кошмары и фантазии, которые когда-либо преследовали человеческое воображение, обрушились на него и по сей день, когда его имя почти так же часто можно услышать в Индии и Китае, как в Европе и Америке. Путешествуя таким образом по миру, он уловил различные черты многих ископаемых демонов: он был рогатым, копытным, рептилией, четвероногим, антропоидом, антропоморфным, красивым, уродливым, мужчиной, женщиной; белые окрашивали его в черный цвет, а черные, с большим основанием, в белый. Так Сатана стал чудом несоответствия. И все же, несмотря на все эти многообразные формы, упомянутая первоначальная характеристика сохранилась. Он обвинитель и палач при божественном правлении, хотя его должность была принижена тем душевным смятением, которое на Востоке вызывает отвращение к сжиганию трупов, а на Западе с презрением относится к публичному палачу; отвращение, в случае с сатаной, усиливается предположением о чрезмерной любви к его работе, доходящей до подстрекательства к преступлениям, которые принесут ему жертвы.

В хорошо известной английской римско-католической книге последнего времени⁸⁷ есть такой отчет о посещении святым Франциском ада в компании Ангела Гавриила: 'Святой Франциск увидел, что по другую сторону (определенной) души был другой дьявол, который насмехался над ней и порицал ее. Он сказал: "Помни, где ты есть и где будешь вечно; насколько коротким был грех, насколько долгим наказание". Это твоя собственная вина; когда ты совершил этот смертный грех, ты знал, как будешь наказан. Какую выгодную сделку ты заключил, приняв муки вечности в обмен на грех одного дня, часа, мгновения. Сейчас ты плачешь о своем грехе, но твой плач приходит слишком поздно. Тебе нравилась плохая компания; здесь ты найдешь достаточно плохой компании. Твой отец был пьяницей, посмотри на него, пьющего раскаленный огонь. Ты был слишком празден, чтобы ходить на мессу по воскресеньям; теперь будь таким праздным, как тебе нравится, потому что мессы, на которую можно пойти, нет. Ты ослушался своего отца, но ты не смеешь ослушаться того, кто является твоим отцом в аду".

Этот дьявол говорит как тот, кто выполняет божественные постановления. Он проповедует. Он произносит из своей огненной ризы проповеди отца Фернисса. И, без сомнения, везде, где вера в сатану носит теологический характер, это в значительной степени та форма, которую он принимает перед разумом (или тем, что такие верующие называли бы своим разумом, хотя на самом деле это разум какого-нибудь сирийца, умершего две тысячи лет назад). Но широко персонифицированный сатана был попыткой человека представить энтузиазм бесчеловечности. Он - необходимый придаток персонифицированного Всемоущества, чьи мысли не похожи на мысли человека, но претендуют на то, чтобы принуждать их. Его деградация отражает бессердечие и изобретательность пыток, которые всегда должны представлять личное правительство с его каталогом вымышленных преступлений. Преступления против простого Величия, против беззаконий, закрепленных в законе, должны быть вдвойне наказаны, а то, что должно быть обеспечено, вдвойне слабо. При любом теократическом правительстве закон и наказание стали бы разновидностями дьявольщины. Таким образом, сатана имеет двойное значение. Он сообщает о том, какие могущественные священнослужители сочли препятствиями для своей власти; и он сообщает о характере жреческого деспотизма, который был направлен на то, чтобы препятствовать развитию человечества.

Глава 16. Религиозный деспотизм

Фараон и Ирод—Мать Зороастра—Эмиссары Аримана—Канса и Кришна—Эмиссары Кансы—Астиаг и Кир—Зохак—Бел и Христианин.

Евреи уже к моменту явления Христа сформировали теорию о том, что ожесточение сердца фараона и его сопротивление уходу Израиля из Египта были вызваны дьявольским колдовством. Впоследствии созрело убеждение, что Эдом (Исав или Самаэль) был зачинщиком римской агрессии, и оно неуклонно формировалось. Таким образом, ментальные условия были благоприятны для роста веры еврейских последователей Христа в то, что враждебность к религиозному движению их времени была еще одной попыткой Самаэля сокрушить царство Божье. Ирода, действительно, не называли сатаной или Самаэлем, как и фараона; но великолепие и величие этого идумеянина (царства Исава), несмотря на его притеснения и преступления, сделало его прекрасным представителем сверхъестественной силы, которой они боялись. В этих обстоятельствах было мощным призывом к сочувствию еврейского народа изобрести в связи с Иродом миф, в точности подобный тому, который ассоциировался с фараоном, а именно, о заговоре с колдунами и последующем массовом убийстве всех новорожденных детей.

Мифы, повествующие о божественных младенцах, сверхъестественным образом спасенных от царской вражды, являются настоящими мифами, даже если они происходят так поздно, что приводятся исторические названия и места; ибо, конечно, невозможно, чтобы каким-либо естественным образом фараон или Ирод знали об особой природе какого-либо конкретного младенца, родившегося в их владениях. Подобные традиции, представленные таким образом в

историческом обличье, могут быть объяснены только ссылкой на соответствующие басни, записанные в более простой мифической форме; при этом особенно необходимо помнить, что такие соответствующие повествования могут иметь независимое этническое происхождение, и что более поздние по времени могут быть более примитивными духовно.

В Легенде о Зороастре⁸⁸ его матери Догдо, незадолго до его рождения, приснился сон, в котором она видит черное облако, которое, подобно крылу какой-то огромной птицы, закрывает солнце и навевает ужасающую тьму. Из этого облака на ее дом обрушиваются страшные звери с острыми зубами, — тигры, львы, волки, носороги, змеи. Одно чудовище особенно яростно нападает на нее, и ее нерожденный младенец говорит ободряющими словами. Восходит великий свет, и звери падают. Появляется прекрасный юноша, швыряет книгу в Дэвов (Дьяволов), и они улетают, за исключением троих — волка, льва и тигра. Однако юноша отгоняет их светящимся рогом. Затем он помещает святого младенца обратно в утробу матери и говорит ей: 'Ничего не бойся! Царь Небесный защищает этого младенца. Земля ждет его. Он - пророк, которого Ормузд посылает к своему народу: его закон наполнит мир радостью: он напоит льва и ягненка в одном месте. Не бойся этих свирепых зверей; почему тот, кого хранит Ормузд, должен бояться вражды всего мира? С этими словами юноша исчез, и Догдо проснулся. Обратившись к переводчику, она узнала, что Рог означает величие Ормузда; Книга - Авеста; три Зверя обозначают трех могущественных врагов.

Зороастр родился смеющимся. Когда об этом чуде заговорили повсюду, Маги встревожились и попытались убить ребенка. Один из них занес меч, чтобы ударить его, но его рука упала на землю. Волшебники отнесли ребенка в пустыню, разожгли костер и бросили его в него, но впоследствии его мать нашла его спокойно спящим и невредимым в пламени. Затем его бросили перед стадом коров и быков, но самый свирепый из быков заботливо встал над ребенком и защитил его. Маги убили всех детенышей волчьей стаи, а затем бросили им младенца Зороастра, чтобы они могли излить на него свою ярость, но пасти волков были закрыты. Они бросили ребенка на одинокой горе, но пришли две овцы и покормили его грудью.

Отец Зороастра уважал служителей Дэвов (магов), но его ребенок упрекал его. Зороастр шел по воде (пересекая великую реку, где не было моста) на своем пути к горе Иран, где он должен был получить Закон. Именно тогда у него было видение битвы между двумя змеиными армиями — белой и черной гадюками, первая из которых пришла с Юга и победила вторую, пришедшую с Севера, чтобы уничтожить его.

Легенда о Младенце Кришне такова: Тиран Канса, выдав свою сестру Деваки замуж за Васудеву, возвращаясь со свадьбы, услышал голос, провозгласивший: 'Восьмому сыну Деваки суждено стать твоим разрушителем'. Встревоженный этим, Канса бросил свою сестру и ее мужа в тюрьму с семью железными дверями, и всякий раз, когда рождался сын, он приказывал немедленно разрушить ее. Когда Деваки забеременела в восьмой раз, появились Брахма и Шива с сопровождающими их Дэвами и запели: 'О избранная среди женщин! при твоём появлении на свет вся природа получит повод для ликования! Как страстно мы жаждем увидеть это лицо, ради которого мы обогнули три мира!' Когда Кришна родился, хор небесных духов приветствовал его; комната была озарена сверхъестественным светом. Пока Деваки плакала из-за рокового указа Кансы о том, что ее сын должен быть уничтожен, Васудева услышал голос, говорящий: 'Сын Яду, отнеси этого ребенка в Гокул, на другой берег реки Джамна, к Науде, жена которого только что родила дочь. Оставь его и приведи сюда девушку. При этих словах семь

дверей распахнулись, стражники погрузились в глубокий сон, и Васудева вышел со святым младенцем на руках. Река Джамна разлилась, но воды, поцеловав стопы Кришны, расступились по обе стороны, открывая путь. Великий змей Вишну накинул свой капюшон на это новое воплощение своего Господа. Рядом со спящими Наутой и его женой дочь заменил сын, которого называли Кришна Темный.

Когда все это произошло, до Кансы донесся голос, говорящий: 'Мальчик, которому суждено уничтожить тебя, родился и теперь живет'. После чего Канса приказал уничтожить всех детей мужского пола в своем королевстве. Поскольку это было безрезультатно, местонахождение Кришны было обнаружено; но посланник, посланный уничтожить ребенка, увидел его изображение в воде и преклонился перед ним. Ракшасы работали в интересах Кансы. Один приблизился к божественному младенцу в образе чудовищного быка, которому он открутил голову; и он так горел в желудке проглотившего его крокодила, что чудовище выбросило его из своей пасти невредимым.

Наконец, в юности Кришна, прожив некоторое время пастухом, напал на тирана Кансу, сорвал корону с его головы и долго таскал его за волосы; любопытный результат заключался в том, что Канса освободился от трех миров, такая добродетель долго думала о воплощенном, даже находясь во вражде!

Божественные существа, представленные в этих легендах, находят свое дополнение в сказочной истории Кира; а враждебные силы, которые стремились к их уничтожению, представлены в демонологии персидским тираном-дьяволом Зохаком. Имя Астиага, деда Кира, было удовлетворительно прослежено до Ашдахака и Аджис Дахака, 'кусающей змеи'. Таким образом, это слово связывает его с ведическим Ахи и иранским Зохаком, тираном, из плеч которого волшебник вызвал двух змей, которые прилипли к нему и сразу стали его приближенными и оружием его жестокости. Как Астиаг, последний царь Мидии, он мечтал, что отпрыск его дочери Манданы будет править Азией. Он выдал ее замуж за Камбиза, а когда она родила ребенка (Кира), передал его своему министру Гарпагу на заклание. Гарпаг, однако, сжалился над ним, отдал его пастуху Астиага, который заменил его мертворожденным ребенком и, удовлетворив таким образом тирана его смертью, воспитал Кира как собственного сына.

Светящийся Рог из зороастрийской легенды и дьявольщина Зохака упоминаются в Книге Даниила (viii) в ужасающей борьбе барана и козла. Козел, древний символ волосатого Исава, долгое время идеализировавшийся как Невидимый Враг Израиля, стал ассоциироваться также с Вавилоном и с Нимродом, его основателем, семитом Зохаком. Но Бел, победитель Дракона, был основателем Вавилона, и в глазах евреев Дракон был его знакомым; для евреев он олицетворял тиранию и идолопоклонство Нимрода, двух змей Зоака. Когда Кир вытеснил Астиага, это был идол, которому, как он обнаружил, поклонялись вавилоняне, пока Даниил не разрушил его. И так, по-видимому, произошел тот факт, что для евреев власть христианского мира стала представляться как царствование Бела. Вряд ли этому можно удивляться. Если когда-либо и существовали жестокость и угнетение, выходящие за пределы простых человеческих возможностей, то это было зафиксировано в трагической истории еврейских страданий. Неверующий в сверхъестественные силы зла может не меньше других распознать в этом 'Бел и христианин', которым евреи заменили 'Бел и Дракон', настоящего архидемона—Суеверия, превращающего человеческие сердца в камень, когда каменным богам они приносят в жертву свою человечность и благополучие человечества.

Глава 17. Князь мира сего

Искушения—Рождение Будды—Мара—Искушение властью—Аскетизм и роскошь—Угрозы Мары—Появление Защитника Будды—Ариман искушает Зороастра—Сатана и Христос—Критика Штрауса—Еврейские традиции—Голод—Варианты.

Дьявол, показав Иисусу все царства этого мира, сказал: 'Всю эту силу Я дам тебе и славу их; ибо это передано мне, и кому бы Я ни пожелал, Я даю это', - Объявленная таким образом теория является обширным образованием, лежащим в основе многих религий. Поскольку каждая религия начинается как идеал, она должна оказаться в антагонизме с миром в целом; и поскольку социальный и политический мир сами по себе, пока они существуют, являются результатом природы, неизбежно, что в первобытные времена землю следовало рассматривать как царство сатаны, а божественный мир изображался в других местах. Законным результатом этого вывода является аскетизм и вера в порочность земных наслаждений. Для людей с большими интеллектуальными способностями, которым обычно сопутствует острая восприимчивость к удовольствиям и сильное сочувствие, отречение от этого мира должно быть подобно погребению заживо. Для людей, которые среди развращенности мира чувствуют в себе силу нанести решающий удар, или которые, видя, 'как мало мудрости в управлении миром', движимы чувством власти, борьба с искушением руководить царствами этого мира неизбежно сурова. Так прост смысл тех искушений, которые составляют почти неизменное испытание для традиционных основателей религий. Подобно тому, как в прежние времена бог завоевывал свои шпоры, так сказать, побеждая какого-нибудь чудовищного зверя, святой или спаситель, должно быть, победил некий могущественный многоглавый мир с драгоценными камнями вместо чешуи и двойным языком, обвивающийся вокруг земли, и оттуда, подобно золотым волосам Лилит, вокруг сердца всех поддался его соблазнам.

Примечательно отметить контраст между видимым и невидимым мирами, который окружал духовное паломничество Сакья Муни к состоянию Будды, или просветлению. При его рождении нет и следа политической вражды: жестокие Канза, Ирод, Маги, стремящиеся уничтожить, сменяются ласковой силой царя, пытающегося удержать своего сына. Вселенские традиции достигают своего счастливого расцвета в экстатических евангелиях сиамцев.⁸⁹ Вселенная озарилась; все драгоценности засверкали непривычным блеском; воздух наполнился музыкой; вся боль прекратилась; слепые увидели, глухие услышали; птицы прекратили свой полет; все деревья и растения расцвели, и цветы лотоса появились повсюду. Этот прекрасный мир не находился под властью Мары⁹⁰ годов. Но, отказавшись от всей своей молодости, здоровья и жизни, чтобы думать только о своей дряхлости, болезнях и смерти, принц Сакья Муни окружил себя другим миром, в котором Мара обладал своей долей власти. Я кратко излагаю здесь рассказы о его встречах с принцем, который собирался стать отшельником.

Когда принц вышел за ворота дворца, царь Мара, зная, что юноша выходит за пределы его злой власти, решил помешать ему. Спустившись из своей обители и паря в воздухе, Мара

воскликнул: "Господи, ты способен на такую огромную выносливость, не отправляйся дальше, чтобы вести религиозную жизнь, но возвращайся в свое царство, и через семь дней ты станешь императором мира, правящим четырьмя великими континентами'. 'Будь осторожен, о Мара!" - ответил принц. "Я также знаю, что за семь дней я мог бы завоевать вселенскую империю, но у меня нет желания обладать такими владениями. Я знаю, что стремление к религии лучше, чем мировая империя. Посмотрите, как тронут мир, и он содрогается от похвалы этому моему вступлению о религиозной жизни! Я достигну великолепного всеведения и научу колесу закона, чтобы все существа, способные к обучению, могли освободиться от переселяющегося существования. Ты, думающий только о похотях плоти, вынудил бы меня оставить все существа блуждать без проводника в твоей власти. Уходи! убирайся подальше от меня!"

Мара удалилась, но только для того, чтобы дожидаться новой возможности. Это произошло, когда принц довел себя до истощения и агонии самыми суровыми аскезами. Тогда появился Мара и, изображая сострадание, сказал: 'Берегись, о великое Существо! На твое состояние жалко смотреть; ты истощен сверх всякой меры, и твоя кожа, которая была золотистого цвета, потемнела и обесцвечена. Ты напрасно практикуешь это умерщвление плоти. Я вижу, что ты этого не переживешь. Тебе, Великому Существу, лучше отказаться от этого курса, ибо будь уверен, ты получишь гораздо больше пользы от жертвоприношений огнем и цветами.' Ему Великое Существо с негодованием ответило: 'Послушай, ты, мерзкий и порочный Мара! Твои слова не ко времени. Не думай обманывать меня, ибо я не прислушиваюсь к тебе. Ты можешь ввести в заблуждение тех, у кого нет понимания, но я, обладающий добродетелью, выносливостью и умом, знающий, что такое добро и что такое зло, не могу быть так введен в заблуждение. Ты, о Мара! имей восемь генералов. Твое первое - наслаждение пятью похотями плоти, которые являются удовольствиями внешнего вида, звука, запаха, вкуса и осязания. Твой второй полководец - гнев, который принимает форму досады, негодования и желания причинить вред. Твой третий - вождление. Твой четвертый - желание. Твой пятый - наглость. Твое шестое - высокомерие. Твое седьмое - сомнение. А твое восьмое - неблагодарность. Это твои генералы, от которых не убежать тем, чьи сердца нацелены на честь и богатство. Но я знаю, что тот, кто сможет сразиться с этими твоими полководцами, избежит всех печалей и насладится величайшим счастьем. Поэтому я не переставал практиковать умерщвление плоти, зная, что даже если бы я умер, занимаясь этим, это было бы в высшей степени замечательно".

Добавляется, что Мара 'убежал в смятении", но следующий инцидент, кажется, показывает, что его предложение не осталось без внимания; ибо 'после того, как он ушел", Великому Существу пришло в голову видение трехструнной гитары — одна струна натянута слишком туго, вторая слишком свободно, третья умеренно, — которая сама по себе, в некотором противоречии с оркестровыми идеями, издавала приятную музыку и научила его, что умеренность лучше избытка или расхлябанности. Наевшись досыта, он обрел ту первоизданную силу и красоту, которые так оскорбили пятерых брахманов, что они покинули его. Третье и последнее усилие Мары непосредственно предшествовало достижению принцем ордена Будды под деревом Бо. Теперь Он послал своих трех дочерей: Рака (Любовь), Аради (Гнев), Танху (Желание). Красиво разодетые, они подошли к нему, и Рака сказал: 'Господи, неужели ты не боишься смерти?' Но он прогнал ее. Двух других он также прогнал, поскольку у них не было заклинания достаточной силы, чтобы соблазнить его. Тогда Мара собрал своих военачальников и сказал: 'Слушайте, вы, мары, не знающие горя! Теперь я пойду войной на принца, этого человека, которому нет равных. Я не осмелюсь напасть на него лицом к лицу, но я обойду его, приблизившись с северной

стороны. Прими же тогда всевозможные обличья и используй свои самые могущественные силы, чтобы он мог в ужасе убежать".

Приняв устрашающие формы, издавая ужасные звуки, во главе с самим Марой, который приобрел огромные размеры и оседлал своего слона Гиримагу высотой в тысячу миль, они двинулись вперед; но они не осмелились войти в тень священного дерева Бо. Однако они спугнули ангелов-хранителей Господа, и он остался один. Затем, увидев приближающуюся с севера армию, он задумался: 'Долгое время я посвящал себя жизни, полной смирения, и теперь я один, без друга, который помог бы мне в этом сражении. И все же я могу спастись от мара, ибо сила моих трансцендентных заслуг будет моей армией'. 'Помогите мне,' закричал он, - вы, тридцать барам! вы, силы накопленных заслуг, вы, силы Милостыни, Нравственности, Самоотречения, Мудрости, Стойкости, Терпения, Правды, Решимости, Милосердия и Невозмутимости, помогите мне в моей борьбе с Марой!' Господь восседал на своем украшенном драгоценными камнями троне (том самом, который был сделан из травы, на которой он восседал), и Мара со своей армией исчерпал все средства устрашения — чудовищных зверей, дождь из метательных снарядов и горящего пепла, штормы, обрушивающие горные вершины, — чтобы внушить ему страх; но все напрасно! Нет, горящий пепел превратился в цветы, когда они упали.

'Сойди со своего трона', - крикнул порожденный злом. - "сойди, или я разрежу твое сердце на атомы!' Господь ответил: 'Этот украшенный драгоценностями трон был создан силой моих заслуг, ибо Я тот, кто научит всех людей лекарству от смерти, кто искупит все существа и освободит их от печалей круговорота существования'".

Затем Мара заявил, что трон принадлежит ему и был создан благодаря его собственным заслугам; и на этом вооружился Чаккрой, непреодолимым оружием Индры и Колесом Закона. И все же Будда ответил: "Благодаря тридцати добродетелям трансцендентных заслуг и пяти подаяниям я обрел трон. Ты, говоря, что этот трон был создан твоими заслугами, говоришь неправду, ибо на самом деле нет трона для такого грешного, ужасного существа, как ты".

Тогда разъяренный Мара швырнул Чаккру, которая прорезала горы на своем пути, но не смогла миновать цветочный покров, возвышавшийся над головой Господа.

И теперь великое Существо попросило Мару привести свидетелей его заслуг, благодаря которым он претендовал на трон. В ответ все генералы Мары привели ему свидетелей. Тогда Мара бросила ему вызов: 'Скажи мне теперь, где человек, который может засвидетельствовать за тебя?' Господь размышлял: "Воистину, здесь нет человека, который засвидетельствовал бы мне, но я призову саму землю, хотя у нее нет ни духа, ни понимания, и она будет моим свидетелем'. Протянув руку, он таким образом воззвал к земле: 'О святая Земля! Я, достигший тридцати сил добродетели и совершивший пять великих подаяний, каждый раз, когда я совершал великое деяние, не преминул излить на тебя воду. Теперь, когда у меня нет другого свидетеля, я призываю тебя дать свои показания!"

Ангел земли явился в образе прекрасной женщины и ответил: 'О Существо, превосходящее ангелов и людей! это правда, что, когда ты совершал свои великие дела, ты всегда лил воду на мои волосы." И с этими словами она отжала свои длинные волосы, и из них хлынул поток, наводнение, в котором Мара и его воинство были опрокинуты, их знаки отличия уничтожены, а король Мара обращен в бегство под громкое ликование ангелов.

Тогда дьявол и его генералы были побеждены не только силой, но и сердцем; и Мара, подняв тысячу своих рук, выразил почтение, сказав: 'Почтение Господу, который подчинил свое тело, подобно тому, как возничий ломает своих лошадей для своего использования! Господь станет всеведущим Буддой, Учителем ангелов, Брахманов, Яккхов (демонов) и людей. Он повергнет в замешательство всех мара и спасет людей от водоворота переселения душ!'

Угрожающие силы, изображаемые как нападающие на Сакья Муни, появляются только в период младенчества Зороастра. Беседу последнего с Ариманом вряд ли можно назвать суровым испытанием, но все же в ней прослеживается главное искушение как Будды, так и Христа, а именно обещание мирской империи. Именно во время одного из таких полуночных путешествий по Небесам и Аду Зороастр увидел Аримана и освободил от его власти "того, кто творил и добро, и зло".⁹¹ Когда Ариман встретился взглядом с Зороастром, он воскликнул: 'Оставь ты чистый закон; брось его на землю; тогда ты получишь в мире все, что только сможешь пожелать. Не беспокойся о своем конце. По крайней мере, не губи моих подданных, о чистый Зороастр, сын Пороскарпа, рожденный от той, кого ты родил!' Зороастр ответил: 'Злое величество! это для тебя и твоих последователей уготован Ад, но по милости Божьей я похороню твою работу со стыдом и позором'.

Рис. 6. Искушение Христа (Лукас ван Лейден).

В рассказе Матфея сатана начинает свое искушение Иисуса таким же образом и при обстоятельствах, сходных с теми, которые мы находим в сямских легендах о Будде. Это происходит в дикой местности, и вызывают к голоду. Искушение Будды, в котором Мара обещает мировую империю, также повторяется в случае с сатаной и Иисусом (рис. 6). Однако угрозы, в

данном случае, относятся к младенчеству, а похотливое искушение вообще отсутствует. У Марка есть намек на его пребывание в пустыне сорок дней 'со зверями', что может означать, что сатана "загнал" его в опасную область, чтобы внушить страх. У Луки мы встречаем замечательное заявление сатаны о том, что власть над миром была передана ему самому, и он передает ее, кому пожелает; Иисус этого не отрицает, как Будда аналогичное заявление Мары. Как и в случае с Буддой, искушение Иисуса заканчивает его пост; ангелы приносят ему пищу (вероятно, это означает διήκόνουσι αὐτῷ), и с тех пор он ест и пьет, к возмущению аскетов.

Существенным дополнением в случае Иисуса является заметное искушение попытаться совершить решающее действие. Сатана цитирует признанное мессианское пророчество и предлагает Иисусу проверить свои притязания на роль предсказанного избавителя, бросившись с вершины Храма и проверив обещание о том, что ангелы должны защищать истинного Сына Божьего.^{92-летний} Штраус, как мне кажется, не учел важности этого в связи с общей ситуацией. 'Канон не может отрицать,' говорит он, 'что для того, чтобы повествование было достоверным, оно не должно приписывать дьяволу ничего, что противоречило бы его общепринятому коварству. Итак, первое искушение, апеллирующее к голоду, мы допускаем, не является непродуманным; если бы оно было безрезультатным, у дьявола, как у искусного тактика, под рукой было бы еще более заманчивое искушение; но вместо этого мы находим его у Матфея, предлагающего Иисусу совершить подвиг, сломавший ему шею, - броситься вниз с вершины Храма — гораздо менее привлекательное чудо, чем метаморфоза камней. Это предложение не находит принятия, и в качестве венца следует предложение, которое, какой бы ни была взятка, каждый истинный израильтянин немедленно отверг бы с отвращением — пасть ниц и поклоняться дьяволу".

Это не так! Козел отпущения был постоянным актом поклонения дьяволу. В этой истории об искушении Христа присутствуют некоторые характерные элементы искушения Иова.⁹³ Уз в одном случае и пустыня в другом означают с моральной точки зрения одно и то же - регион, которым правит Азазель. В обоих случаях испытание проходит под божественным руководством. И испытание в обоих случаях состоит в том, чтобы обеспечить разделение поклонения между силами добра и зла, которое было настолько универсальным на Востоке, что это было испытанием исключительного благочестия, если человек не уклонялся от несмешанного жертвоприношения. Иисус, по-видимому, оставлен Богом, в которого он верил; его 'загнали' в пустыню и там держали со зверями и без пищи. Один Дьявол приходит к нему; проявляет свою собственную чудесную силу, переносит его по воздуху на его собственную гору Сеир и показывая ему весь мир в одно мгновение; и теперь как бы говорит ему: 'Испытай своего Бога! Посмотрим, станет ли он превращать камни в хлеб, чтобы спасти своего собственного сына, которому я предлагаю царства мира!' Затем, ведя его на "священный холм" своего собственного Бога — вершину Храма, — говорит: "Попробуй теперь прыгнуть и посмотри, *спасет* ли он, когда его разбьют вдребезги, даже в его собственных пределах, своего столь доверчивого приверженца, которого я так безопасно поднял вверх! Кто же тогда обладает большей властью защитить, обогатить, продвинуть вас вперед — тот, кто оставил вас здесь умирать с голоду, так что вы не смеете доверить себя ему, или я? Тогда пади ниц и поклоняйся мне как своему Богу, и весь мир будет твоим! Это мир, которым ты должен править: правь им от моего имени!

Когда святого Антония искушает дьявол в образе тощего монаха, легко было увидеть, что отшельник был обеспокоен видением собственного истощения. Когда Дьявол является Лютеру

под видом святого монаха, это очевидное объяснение того, что на него произвела впечатление память о святых братьях, которые все еще оставались в Церкви и которые, умоляя его вернуться, указывали на силу и влияние, которые он потерял из-за раскола. Столь же просты моральные элементы в истории об искушении Христа. Хотя Джон был членом аскетической общины, для которой "хотя он был богат, но стал бедным", голод и такая тревога о пропитании, которые сейчас преследуют многих молодых мыслителей, должно быть, одолевали его. Позже Дьявол встречается его в Храме, цитирует Священное Писание и предупреждает его, что его Бог-провидец не поднимет его так высоко в Церкви, как это может сделать Князь Мира сего.⁹⁴

И, наконец, когда его посетят мечты о более широком союзе, включающем евреев и язычников, власть, которую можно было бы обрести путем попустительства всеобщему идолопоклонству, отразится в предложении царств мира в уплату за чистоту его целей и единственность его поклонения.

Несомненно, что эти испытания правдивости о себе и верности, происходящие на различных этапах жизни, были бы признаны. Юноша, занимавший высокое положение, каким, вероятно, был Христос,⁹⁵ или даже обладавший той огромной властью над людьми, которую все признают, в мирском смысле "отказывался от своих перспектив"; и этот голос, реальный в свое время, естественно, был бы условным.

Он облачился бы в обычную одежду дьяволов и ангелов; и среди иудео-христиан это, естественно, ассоциировалось бы с сорокадневным постом Моисея (Исх. xxxiv. 28; Втор. ix. 9), и о судьбе Илии (1 Царств xix. 8), и о сорокалетнем испытании Израиля в пустыне. Среди греческих христиан могли бы сохраниться некоторые следы легенды о Геракле в его уединении пастуха или на перепутье между Пороком и Добродетелью; и не исключено, что можно было бы добавить некоторые штрихи из восточного мифа, облекшего Будду.

Как бы то ни было, мы можем с уверенностью обратиться к общему источнику всех подобных мифов в высшей природе человека и признать силу чистого гения преодолевать эти искушения, приводя к успеху, недостойному его самого.

Мы можем интерпретировать все подобные легенды с ясностью, соответствующей жертвам, которые мы принесли во имя истины и идеального права; и бесконечные недоумения комментаторов и богословов по поводу невероятных внешних деталей новозаветной истории — это простые признания, которые великий дух, так старавшийся, теперь вынужден называть своим именем своего собственного Искусителя, а именно Церковь, ставшую могущественной и богатой, которая, как Князь Мира сего, подкупает совесть и лишает талантов, необходимых для прогресса человечества.

Глава 18. Испытание Великих

"Мораль" в Туре — "Святой Энтони из Спаньолетто"—"Пилигрим" Баньяна—Мильтон об искушении Христа—Эдинбургский святой и унитарийский дьявол—Преследуемая еврейка—Обращение в лихорадке—Предел мужества—Женщина и колдовство—Лютер и дьявол—Чернильное пятно в Вартбурге-Интерпретация Карлайла—Дьявол в капюшоне—Суд над Карлайлом—На улице Сент—Томас д'Энфер—Вечное отсутствие дьявола в Вовере—Конфликт последних дней—Новые условия-Победа Человека—Ученого и мира.

Представление об искушении святого Антония (марионетки), свидетелем которого я был в Туре (1878), имело несколько важных моментов. Это была средневековая 'Мораль', умаленная веками и оформившаяся среди тех, кого века формируют способами и с неизвестными им целями. Среди декораций с гротескными дьяволами, грубо скопированных с Калло, появился святой Антоний, которого искушали так, что это напомнило старые картины. Там была та же прекрасная Искусительница, в данном случае жена сатаны, которая предупреждает своего господина, что его уродливые дьяволы бесполезны против Энтони и что все дело следует доверить ей. Поскольку она была отвергнута, остальная часть представления состояла в том, что дьяволы непрерывно звонили в колокол эрмитажа и, наконец, подожгли его. Этот пожар был величайшим мучением для Энтони — и, надо сказать, это было довольно комфортное жилище, — который произносит жалобные молитвы, и вскоре ангел утешает его, принося ему венки из вечнозеленых растений.

Предполагалось, что молитвы святого и ответ ангела будут восприняты всерьез, но их пафос обычно встречался простительным смехом толпы в кабинке. И все же во всем этом был какой-то пафос, хотя бы в том, что единственными искушениями для святого были крепкий и тихий дом и любовница. Только звон колокола остался от великой картины Спаньолетто в Сиене, где старик без защиты осуждающе поднимает руку на нарушителя спокойствия, но не отрывает глаз от книги, которую читает. На картине Спаньолетто изображены пять больших книг, перо, чернила и песочные часы; но здесь нет ни отшельничества, которое следовало бы сжечь, ни женских чар, перед которыми следовало бы устоять.

Но Спаньолетто даже в свое время видел образ исключительных людей прошлого, чьим голодом и жаждой были знания, истина и культура, и кто искал их в одиночестве. Французские крестьяне так давно покинули Церковь, что любое изображение их искушений и испытаний было бы неуместно среди марионеток. Колокола, которые сейчас тревожат их, - это те, что звучат со шпилей.

Другая картина возникла у меня перед глазами во время кукольного представления в Туре, того самого, которым Баньян расписал стены Бедфордской тюрьмы. Там тоже древние демоны, великаны и дьяволы приняли серьезные и обширные формы и отразили испытания Великих Сердец, которые противостояли папам и язычникам, вооруженным политическим Аполлионам и Великанам Отчаяния, которые могли превратить тюрьмы в обители людей, рожденных быть спасителями народа.

Таковы были искушения, которые знал Мильтон; краски, которыми он изобразил суд над Христом в пустыне, исходили из его собственного сердца. — Привлекай его внимание женщинами, - сказал Велиал. -

Женщины, когда ничто иное не пленяло сердце

Мудрейшего Соломона и заставил его строить,

И заставила его поклониться богам своих жен.

К которому сатана, таким образом, вернул быстрый ответ.

Велиал, на очень неравных весах ты взвешиваешься

Все остальные - сами по себе....

Но тот, на кого мы покушаемся, намного мудрее

Чем Соломон, обладающий более возвышенным умом,

Сделано и полностью нацелено на достижение цели

О величайших вещах....

Поэтому с более мужественными объектами мы должны попытаться

Его постоянство с такими, кто больше проявляет

Ценности, чести, славы и народного восхваления;

Скалы, о которые чаще всего разбивались величайшие люди.⁹⁶

Прогрессивные идеи, которые Мильтон приписывал сатане, не потерпели неудачи. Небесный Город, добраться до которого Баньяну было так трудно, теперь превратился в столицу богатства и моды, и испытания, которые когда-то выпадали на долю паломников, с трудом добравшихся до него, теперь перенесены на тех, кто хотел бы пройти дальше, в другой город, видимый издалека, с храмами Разума и дворцами Правосудия.

Старые призраки превратились в марионеток. Испытания личными дьяволами отнесены к области безумия и болезней. Повсюду это танец марионеток, хотя и на сцене для разума. Одна леди, хорошо известная в Эдинбурге, рассказала мне об ужасном опыте общения с дьяволом. Она пригласила некоторых своих родственников навестить ее на несколько дней; но эти родственники были унитариями, и после того, как они ушли, войдя в комнату, которую они занимали, она была схвачена дьяволом, брошена на пол, а ее спина так напряглась, что ей пришлось некоторое время оставаться в постели. Это было посвящено ее "унитариянскому дьяволу", о котором так долго воспевался уэслианский сборник гимнов; но даже уэслианцы теперь отказались от знаменитого двустушия, и, должно быть, мало найдется тех, кто не признал бы, что у старой леди из Эдинбурга было просто дряблое тело, олицетворяющее слабеющий разум.

Я только что прочитал книгу, в которой женщина из Америки рассказывает о своем испытании дьяволом. Эта дама в девичестве происходила из христианской семьи, но она вышла замуж за раввина и была крещена в иудаизм. После нескольких лет счастливой жизни ею овладели ужасные угрызения совести; она вообразила, что потеряна навсегда; она заболела. Христианский (баптистский) священник и его жена были злыми звездами в ее деле, и о том, какими ужасами они окружали бедную еврейку, можно узнать из следующего отрывка.

Затем она оставила меня — этот дорогой друг оставил меня наедине с моим Богом, и к нему я несла истерзанное и кровоточащее сердце и положила его к подножию креста, как искупление многочисленных грехов, которые я совершила, будь то по невежеству или умышленно; и как мне

продолжить описывать душевные муки той ночи, предшествовавшей моему освобождению от стрел сатаны? О! этот вес, этот груз греха, это бремя были настолько невыносимы, что пригвоздили меня к земле; ибо это был темный час для меня — самый темный; и я лежал, по всей видимости, спокойный, но холодный пот заливал меня, и я не мог сомкнуть глаз; и эти слова снова поразили мой слух: "Нет искупления, нет искупления"; и пришел искушитель, приглашая меня, со всей своей мягкостью и властью, следовать за ним во двор его удовольствий. Мои глаза были открыты; я определенно видел его, одетого в самый фантастичный облик. Это не было иллюзией, ибо вскоре он принял вид одного из веселой толпы, с которой я смешивался в прежние дни, и поманил меня следовать за собой. Я проснулась и, казалось, лежала на краю пропасти, и духи танцевали вокруг меня, и я издала какой-то легкий крик, и эти милые девочки, наблюдавшие вместе со мной, подошли ко мне и посмотрели на меня. Они сказали, что я смотрел на них, но не мог говорить, и они облизали мои губы и сказали, что я почти ушел; тогда я прошептал, и они подошли и снова посмотрели на меня, но не стали меня беспокоить. Хорошо, что они этого не сделали; ибо сила Божья была надо мной, и ангелы были вокруг меня, и шепчущие духи рядом, и я шептал в сладостном общении с ними, когда они окружали меня и, указывая на престол благодати, говорили: "Узрите!" - и я почувствовал, что слава Божья вот-вот проявит себя; ибо крик, как будто хор ангелов настроил свои золотые арфы, разразился словами 'Слава Богу в вышних' и замер в нежнейших звуках мелодии. Я поднял глаза к небу, и там, так близко, что почти в пределах моей досягаемости, передо мной предстало ярчайшее видение нашего Господа и Спасителя, окутанное легким, эфирным туманом, настолько ярким и в то же время прозрачным, что его божественная фигура была видна отчетливо, и мои глаза были прикованы к нему; ибо это яркое видение, казалось, касалось моего ложа, стоя в ногах, так близко, и он простер ко мне свою левую руку, в то время как правой он указал на престол благодати, и раздался голос, говорящий: "Блаженны те, кто может видеть Бога; встань, возьми свой крест и следуй за мной; ибо, хотя грехи твои будут как багрянец, они станут белыми, как шерсть". И когда мои глаза были прикованы к этому яркому видению, я увидел на руке, протянутой ко мне, большие капли крови, как будто с каждого пальца; ибо его благословенная рука была распростерта, словно в молитве, и эти капли падали отчетливо, как будто на землю; и туманный свет окружил меня, и голос снова сказал: "Возьми свой крест и следуй за мной; ибо, хотя грехи твои будут багряными, они станут белыми, как шерсть". И ангелы были повсюду вокруг меня, и я увидел небесный престол. И, о! сладостное спокойствие, охватившее мои чувства. Должно быть, это было предвкушение небесного блаженства. Не знаю, сколько я пролежал после этого прекрасного видения, но когда я открыл глаза, был ранний рассвет, и я чувствовал себя таким счастливым и выздоровевшим. Мои юные друзья столпились у моей постели, чтобы узнать, что я чувствую, и я сказал: 'Я здоров и так счастлив'. Затем они сказали, что я всю ночь шептался с кем-то во сне. Я сказал им, что со мной ангелы; что я не сплю, и у меня было сладкое общение с ними, и я скоро поправлюсь".⁹⁷

Вот к чему приводит "искушение Иисуса в пустыне", когда его отрывают от своего времени и места и, благодаря накопленным за века легендам, в конце концов превращают в механизм пыток, действующий на нервы набожной женщины. Эта еврейка была разведена со своим мужем из-за своего христианства; ее ребенок умер жертвой не по годам развитого благочестия; но что значили разрушенный дом и привязанность по сравнению со спасением от этого ужасного дьявола, увиденного в ее святом бреду?

История показывает, что человеку всегда требовалось необыкновенное мужество, чтобы противостоять врагу, который считался сверхъестественным. Эта еврейка, вероятно, смогла бы встретиться лицом к лицу с тигром ради своего мужа, но не с этим фантастическим дьяволом. Не так давно английского актера критиковали за то, что, играя Гамлета, он съежился от страха при виде призрака, все его сухожилия и суставы, казалось, подкашивались; но мне он показался тогда совершенным образцом того, чем всегда было человечество, когда верило в присутствие сверхъестественных сил. Предел мужества в человеческой природе был пройден, когда враг оказался таким, до которого не могли дотянуться никакие земные силы или оружие.

В старые времена почти все колдуны и ведьмы были женщинами; и, возможно, отчасти это было связано с тем, что у женщины было больше настоящей храбрости, чем у безоружного мужчины. Колдовство и чародейство были всего лишь так называемыми языческими обрядами в их последней стадии деградации, и женщины были последними, кто отказался от приходящей в упадок религии, точно так же, как они последними расстались с последовавшим за ней суеверием. Их чувства и привязанность были переплетены с этим, и угрозы вечных пыток со стороны дьяволов, которые пугали мужчин переходом от старой веры к новой, были менее сильны, чтобы поколебать веру женщин. Когда языческие священники стали христианами, жрицы остались, чтобы стать колдуньями. Новая вера должна была постепенно завоевать любовь пола, слишком привыкшего к мученичеству на земле, чтобы сильно бояться его в аду. И теперь, опять же, когда знание рассеивает старые ужасы, и многие мужчины становятся безразличными ко всей религии, потому что она их больше не пугает, мы можем ожидать, что церкви будут все чаще поддерживаться одними женщинами, просто потому, что их больше привлекали святые идеалы, чем страх перед дьявольскими угрозами.

Томас Карлайл выбрал смелость Лютера перед лицом того, кого он считал Дьяволом, чтобы проиллюстрировать его доблесть. 'Его вызов "Дьяволам" в Вормсе, - говорит Карлайл, - не был простым хвастовством, как могло бы быть, если бы о нем говорили сейчас. Лютер верил, что существуют дьяволы, духовные обитатели Преисподней, постоянно осаждающие людей. Много раз в его трудах это всплывало; и некоторые высказывали по этому поводу самую незначительную насмешку. В комнате Вартбурга, где он сидел, переводя Библию, вам до сих пор показывают черное пятно на стене - странный памятник одному из таких конфликтов. Лютер сидел, переводя один из Псалмов; он был измотан долгим трудом, болезнью, воздержанием от пищи; перед ним возник какой-то отвратительный, неопределимый Образ, который он принял за Дьявола, чтобы помешать его работе; Лютер вскочил с дьявольским вызовом; швырнул чернильницу в призрак, и тот исчез! Это место до сих пор остается там; любопытный памятник нескольким вещам. Любой ученик аптекаря может теперь сказать нам, что мы должны думать об этом явлении в научном смысле; но сердце человека, осмелившегося восстать с вызовом лицом к лицу с самим Адом, не может дать лучшего доказательства бесстрашия. То, перед чем он будет трепетать, существует не на этой земле и не под ней — достаточно бесстрашно! 'Дьявол знает,' пишет он однажды, - что это происходит во мне не от страха. Я видел бесчисленных дьяволов и бросил им вызов. Герцог Георг из Лейпцига, его злейший враг, — 'Герцогу Георгу не сравниться ни с одним дьяволом', далеко за исключением Дьявола! 'Если бы у меня были дела в Лейпциге, я бы поехал в Лейпциг верхом, хотя девять дней подряд шел дождь "Дюк Георг". В какое скопище герцогов стоит въехать!'"⁹⁸

Хотя в этом, безусловно, проявляется мужество Лютера, ясно, что его дьявол был значительно очеловечен по сравнению со страшными призраками более раннего времени. Никто никогда

бы не попробовал чернильницу на Горгонах, Фуриях, Люциферах древних верований. В Библии Лютера Дьявол изображен как монах — худощавый монах, каким он сам, скорее всего, стал бы, если бы продолжил свое восстание против Церкви (рис. 17). Именно против Дьявола, способного оказать сопротивление физической силой, он швырнул свою чернильницу, и против которого он также швырнул содержимое своей чернильницы в тех словах, которые Рихтер назвал наполовину битвами.

Дьявол Лютера, по сути, представляет собой одну из последних фаз превращения Злой Силы из персонифицированного призрака, с которым ни один человек не мог справиться, в то безличное, но тем более реальное моральное препятствие, с которым может справиться каждый человек — хотя бы с помощью чернильницы. Рогатое чудовище в капюшоне, бусах и кресте - это просто прозрачность, благодаря которой каждое храброе сердце может распознать практическую силу окружающего его зла, укоренившееся заблуждение, замаскированное под религию, способное искушать и угрожать ему.

Описанные опасные искушения — те, которые, воздействуя на слабые нервы женщин, подавляли их разум и сердце; то, что в здоровом мужчине пробуждало отвагу и силу, — могут быть восприняты как побочные эффекты соответствующего опыта из жизни ныне живущего великого человека — самого Карлайла. Это было в период юности, когда среди пустынных холмов Шотландии он вышел из гармонии с миром, в котором жил. Посвященный благочестивыми родителями в служение, он внутренне отрекся от всех догм Церкви. При его гениальности и культуре для высокой работы мир требовал от него низкой работы. Лишенный друзей, одинокий, бедный, он сидел и поедая свое сердце, вероятно, больше ему нечего было есть. Каждый шотландский священник, которого он встречал, бессознательно задавал этому юноше вопрос: сможет ли он превратить свой еретический камень в хлеб или же бросится с вершины Шотландской церкви без синяков? Затем он скитался по своей мистической пустыне, пока не оказался в самой веселой столице мира, которая, однако, мало что могла ему дать, кроме еще большего чувства одиночества.

«Теперь, когда я оглядываюсь назад, это была странная изоляция, в которой я тогда жил. Мужчины и женщины вокруг меня, даже разговаривавшие со мной, были всего лишь Фигурами; я практически забыл, что они живые, что они действуют не просто автоматически. Посреди их многолюдных улиц и соборных площадей я бродил в одиночестве; и (за исключением того, что я продолжал пожирать мое собственное сердце, а не сердце другого человека) я был к тому же диким, как тигр в своих джунглях. Некоторым утешением было бы, если бы я, подобно Фаусту, воображал, что меня искушает и мучает дьявол; ибо Ад, как я себе представляю, без Жизни, хотя бы только дьявольской, был еще страшнее; но в наш век Низвержения и Неверия сам Дьявол низвергнут — вы даже не можете верить в Дьявола. Для меня вся Вселенная была лишена Жизни, Цели, Воли, даже Враждебности: это была одна огромная, мертвая, неизмеримая Паровая машина, катящаяся в своем мертвом безразличии, чтобы перемолоть меня на части. О, огромная мрачная, одинокая Голгофа и Мельница Смерти! Почему Живые были изгнаны туда, без товарищей, сознательные? Зачем, если дьявола нет; нет, если только дьявол не является вашим Богом?»...

"От самоубийства меня удержало некое отблеск христианства"....

Так это продолжалось, как в горькой, затяжной Предсмертной агонии, долгие годы. Сердце внутри меня, не посещенное ни одной небесной каплей росы, тлело в сернистом, медленно

пожирающем огне. Почти с самого раннего детства я не проронил ни слезинки; или только однажды, когда я, бормоча вполголоса, декламировал Предсмертную песню Фауста, этот дикий *Selig der den er im Siegesglanze findet* (Счастлив тот, кого он находит в блеске Битвы), и думал, что даже я не был покинут этим последним Другом, что сама Судьба не могла обречь меня не умереть. Не имея ни надежды, ни какого-либо определенного страха, будь то перед Человеком или Дьяволом; более того, мне часто казалось, что было бы утешением, если бы сам Архидьявол, хотя и охваченный татарским ужасом, поднялся ко мне, чтобы я мог немного поведать ему о том, что у меня на уме. И все же, как ни странно, я жил в постоянном, неопределенном, томительном страхе; трепетный, малодушный, опасаящийся сам не знаю чего; казалось, что все на Небесах вверху и на Земле внизу причинит мне боль; как будто Небеса и Земля были всего лишь безграничной пастью всепожирающего чудовища, в которой я, трепеща, ждал, когда меня сожрут.

Исполненный такого юмора и, возможно, самый несчастный человек во всей французской столице или Пригородах, был я однажды знойным собачьим днем, после долгих блужданий по маленькой грязной улице *Сент-Тома-де-л'Энфер*, среди городского хлама, в тесной атмосфере и по тротуарам, раскаленным, как печь Навуходоносора; отчего, несомненно, мое настроение немного приободрилось; как вдруг во мне возникла Мысль, и я спросил себя: "Чего ты боишься?" Почему, подобно трусу, ты вечно хнычешь и съеживаешься и дрожишь? Презренное двуногое! какова общая сумма худшего, что ждет тебя впереди? Смерть? Что ж, Смерть; и скажи также о муках Тофета и обо всем, что Дьявол или Человек может сделать против тебя! Неужели у тебя нет сердца; неужели ты не можешь страдать, что бы это ни было; и, как Дитя Свободы, хотя и отверженное, топчи сам Тофет своими ногами, пока он поглощает тебя! Тогда пусть это придет; я встречу с этим и брошу ему вызов!' И как только я так подумал, всю мою душу словно пронесло огненным потоком; и я навсегда потряхнул с себя низменный Страх. Я был силен, неведомой силы; дух, почти бог. С тех пор характер моих страданий изменился: это были не Страх и не ноющая Печаль, а Негодование и мрачный вызов с горящими глазами.

Так Вечное "Нет" властно прозвучало во всех уголках моего Существа, моего "Я"; и тогда все мое "Я" восстало в врожденном, созданном Богом величии и подчеркнуто выразило свой Протест. Такой Протест, самое важное действие в Жизни, с психологической точки зрения можно было бы назвать тем же самым Возмущением и Неповиновением. Вечное "Нет" сказала: "Смотри, ты сирота, изгнанник, и Вселенная принадлежит мне (Дьяволу)"; на что все мое "Я" теперь ответило: "Я не твой, но Свободный, и навеки ненавижу тебя!"

"Именно с этого часа я склоняюсь датировать свое духовное Новое Рождение, или крещение Бафомет огнем; возможно, именно после этого я начал становиться Мужчиной".⁹⁹

Возможно, тот, кто так произнес свое *Имя Сатана*, не распознал среди того, что преследовало Эдом, что он боролся со своим Призраком. Людовик Святой, пригласив монахов-картезианцев в Париж, выделил им жилище в предместье Сен-Жак, недалеко от древнего замка Вовер, поместья, построенного Робером (ле Дьяблем), но долгое время необитаемого из-за демонов, которые, возможно, были фальшивыми чеканщиками монет. Там были слышны страшные завывания и замечены призраки, волочащие цепи; и, в частности, здесь часто бывало страшное зеленое чудовище, змея и человек в одном лице, с длинной белой бородой, размахивающее огромной дубиной, которой он угрожал всем, кто проходил тем путем. Этот демон, по общему верованию, проезжал по дороге к замку и обратно в огненной колеснице и

сворачивал шею каждому человеку, встречавшемуся на его пути. Его называли Дьяволом Вовера. Картезианцы не были напуганы этими историями, но попросили Людовика отдать им Поместье, что он и сделал, со всеми его зависимостями. После этого больше ничего не было слышно ни о Дьяволе Вовере, ни о его бесах. Это было справедливо по отношению к Демонам, которые помогли монахам приобрести ценную собственность так дешево, что улица отныне должна носить название Rue d'Enfer, как оно и есть. Но грозные духи этого места по-прежнему преследовали его, и со временем картезианцы доказали, что могут эффективно использовать все ужасы, которые Дьяволы оставили после себя. Они представляли огромный христианский мир, чеканивший деньги, с которым свободомыслящему Михоэлсу приходилось бороться вплоть до того дня, когда, как мы только что прочитали, один из самых храбрых из них столкнулся там со своим дьяволом Вовером и навсегда унизил его.

Я хорошо помню ту несчастную улицу Святого Фомы, ведущую на улицу Ада, как будто парижские власти, помня, что Фома был сомневающимся, хотели напомнить путнику, что тот, кто сомневается, проклят. Неподалеку находится монастырь Святого Михаила, который не ведет войны с соседней улицей Дракона. Все названия — просто досужие названия! Среди тысяч людей, толпящихся вдоль них, многие останавливаются, чтобы обратить внимание на причудливые названия на уличных фонарях, оставшиеся там от ископаемых страхов и призрачных битв, давно превратившихся в сказочные предания. И все же среди них, в тот знойный день, в одном сердце велась и была выиграна битва, которая подытожила все их чувства и ценности. Каждый ад был побежден тогда и там, когда был побежден Страх. Там, когда низшее "Я" было повержено занесенным копьем Свободного Разума, Святой Михаил наконец заковал в цепи своего дракона. Там чернильница Лютера была не только брошена, но и попала в цель; там было сказано: "Отойдидот меня", и этому подчинились; там Будда заставил архидемона Мару преклонить колени у его ног.

И это было сделано исключительно силой Человека. Поэтому можно подчеркнуть это как искушение и триумф, которые имеют для нас сегодня значение всех остальных.

Молодой человек с развитым интеллектом, видящий дальше всех обычных ошибок вокруг себя, без средств, чувствующий, что обычная работа, какой бы почетной она ни была, означала бы для него неудачу в жизни — потому что неспособность донести свою большую истину до человечества — он обнаруживает, что ужасной ценой достижения своей цели являются голод, нужда, жизнь, проведенная среди подозрений и отчуждения, без сочувствия, одинокий, нелюбимый — и, увы! с вероятностью, что все эти потери могут повлечь за собой потерю именно того, ради чего они понесены, — силы отстаивать свою правду. Отказавшись от любви и радости, он, в конце концов, может оказаться неспособным к живому служению своей истине, а только к сокрушенному телу и пролитой крови. С подобными испытаниями во внешней форме сталкивались снова и снова; не только в великих искушениях и триумфах священного предания, но, возможно, даже более подлинно, в неизвестных жизнях многих благочестивых людей по всему миру голод, нужда, страдания были побеждены верой. Но редко среди сомнений. Редко мужчины или женщины, подобно Святому Фоме, не испытывая страха перед адом или дьяволом, не надеясь на награду на небесах или на земле; действительно, редко без какого-либо чувства, что Бог обращает на них внимание, или без веры в ангелов, ожидающих рядом, полностью одерживали победу над собой. Вся история доказывает, чем человек может пожертвовать на земле ради вечной славы на небесах. Мы знаем, как весело мужчины и женщины могут петь у костра, когда они чувствуют, что огонь, пожирающий их, становится колесницей, уносящей их

на небеса. Мы понимаем доблесть Лютера, выступавшего против своих дьяволов с гимном "Эйн фесте Бург ист унсер Готт". Но важно знать, на что способно возвышенное сердце человека без какого-либо из этих поощрений или вспомогательных средств, какова моральная сила человека, когда он чувствует себя одиноким. Ибо это должно становиться все более важным соображением.

Уже образованная молодежь нашего времени последовала за странником шестидесятилетней давности на улицу Сент-Томас д'Энфер, что с моральной точки зрения можно перевести как точку, где человек сомневается во всех адах, которых он не чувствует, и в каждой вере, которую он не может доказать. Старые страхи и надежды быстрее исчезают из умов окружающих нас людей, чем из их профессии. Должно быть, сейчас очень мало здравомыслящих людей, которых сдерживает страх перед адом или обещаниями будущей награды. Что же тогда управляет человеческими страстями и эгоизмом? Для многих - обычай; для других - наследственное добродушие и здравый смысл; для некоторых - чувство чести; для множества - страх закона и наказаний. Действительно, среди этих сложных мотивов очень трудно понять, насколько простая человеческая натура, действующая наилучшим образом, способна на героическую стойкость во имя истины и чистую страсть к правде. Этого нельзя увидеть в тех, кто интеллектуально отвергает кредо большинства, но соответствует его стандартам и стремится к его мирским преимуществам. Это должно быть видно, если вообще видно, в тех, кто радикально оторван от общепринятых целей мира, — кто не стремится ни к его богатству, ни к его почестям, отказывается от его самых гордых титулов, бросает вызов его авторитету, не разделяет его перспектив на время или вечность. Это должны доказать те, величие чьих целей может превратить великолепие Парижа в дикую местность. Они могут показать, на что способен человек как таковой, каким может быть его новое рождение и религия его простой мужественности. То, что они думают, говорят и делают, не предписано ни человеком, ни сверхъестественными силами; в них вы не видите того, что думает общество, или во что верят секты, или чему аплодирует население. Вы видите отдельного человека, строящего свое моральное здание так же искренне, как птицы выют гнезда, по закону своей собственной моральной конституции. Знать, что это за сооружения, — великая вещь, ибо в конце концов каждому человеку придется строить, если он вообще будет строить. И если благородная жизнь не может быть прожита таким образом, мы можем быть уверены, что отныне карьера человеческой расы пойдет под откос. Ибо любой непредвзятый ум может судить, направлена ли мысль и власть в сторону от старых надежд и страхов, на которых был основан режим прошлого, или нет.

Великий и мудрый учитель нашего времени, разделивший с Карлейлем его одинокое паломничество, предостерег свое поколение от соблазнов, которые приносит талант, — эгоистичного использования его в честолюбивых целях, с одной стороны, или ухода в бесплодное одиночество, с другой; и я не могу удержаться, чтобы не завершить эту главу его предостережением своим молодым соотечественникам сорок лет назад.¹⁰⁰

Общественная и частная алчность делает воздух, которым мы дышим, густым. Ученый порядочен, ленив, самодовольен. Уже видите трагические последствия. Разум этой страны, приученный стремиться к низменным целям, питается сам собой. Здесь нет работы ни для кого, кроме благопристойных и самодовольных. Молодые люди с прекраснейшими перспективами, которые начинают жизнь на наших берегах, обдуваемые горными ветрами, освещаемые всеми звездами Божьими, обнаруживают, что земля внизу не соответствует им, — но им мешает

действовать отвращение, которое внушают принципы, на которых строится бизнес, и они становятся тяжелыми трудягами или умирают от отвращения, — некоторые из них совершают самоубийство. Каково это средство? Они еще не видели, и тысячи таких же полных надежд молодых людей, которые сейчас толпятся у барьеров в поисках карьеры, еще не видят, что если одинокий человек неукротимо положится на свои инстинкты и останется там, огромный мир повернется к нему лицом. Терпение — терпение; — с оттенками всего хорошего и замечательного для компании; и для утешения, перспективы вашей собственной бесконечной жизни; и для работы, изучения и распространения принципов, превалирования этих инстинктов, преобразования мира. Разве это не главный позор в мире — не быть единым целым; не считаться единым характером; не приносить тот особый плод, для которого создан каждый человек, — но быть учтенным в целом, в сотне, в тысяче членов партии, секции, к которой мы принадлежим; и наше мнение предсказывается географически, как север или юг? Не так, братья и друзья, — дай Бог, чтобы у нас так не было. Мы будем ходить своими собственными ногами; мы будем работать своими собственными руками; мы будем высказывать свое собственное мнение".

Глава 19. Человек греха

Индуистский миф—Гностические теории—Офитская схема искупления—Раввинские традиции первобытного человека—Пессимизм Полины—Закон смерти—Владение сатаной человеком—Искупление избранных—Современные заявления—Крещение—Экзорцизм—Пища "нового человека"—Евхаристия—Объяснение Герберта Спенсера—Примитивные идеи—Легенды об Адаме и Сифе—Адамиты—Мормонская "Тайна" посвящения.

В индуистском мифе Дхрубо, юный преданный, проводил много времени в джунглях, окруженный свирепыми зверями, занимаясь такими выдающимися религиозными упражнениями, что Вишну воздвиг для него новые небеса в награду за его благочестие. Вишну даже покинул свою собственную счастливую обитель, чтобы руководить строительством этого особого рая. В еврейской мифологии любимый сын, избранный народ, призван из Египта, чтобы поселиться в новом доме, земле обетованной, но не на небесах, а на земле. Идея, общая для этих двух, заключается в противопоставлении естественного и небесного окружения — джунглей и зверей, неволи и страданий; новых небес, земли, текущей молоком и медом, - и соответствия им избранного ребенка, Дхрубо или Израиля.

Склад ума Христа, по-видимому, был скорее в арийском направлении; он указывал своим друзьям на царство не от мира сего и на многочисленные обители своего Отца на небесах. Но еврейская вера в мессианское правление в этом мире была слишком сильна для его мечты; новая земля была присоединена к новому небу и постепенно приобрела первостепенное значение, но эта новая земля была представлена только небольшим обществом верующих, которые составляли тело Христа, членами, в которых текла его кровь.

Тот огромный котел запутанных суеверий и мистицизма, в который превратилась Римская империя после ниспровержения Иерусалима, образовал густую накипь, получившую расплывчатое название гностицизма. Однако в нем содержались примитивные представления всех рас, и во втором и третьем веках они приобрели определенную последовательность в системе офитов. Вначале существовал *Битос* (Глубина); его первая эманация и супруга - *Эннойя* (Мысль); их первая дочь - *Пневма* (Дух), их вторая *София* (Мудрость). Эманаций Софии две — одна совершенная, Христос; другая несовершенная, София-Ахамот, — которые соответственно направляют все, что исходит от Бога, и все, что исходит от Материи. София, неспособная воздействовать непосредственно на что-либо столь грубое, как Материя, или неупорядоченное, как Хаос, использует для этой цели свою несовершенную дочь Софию-Ахамот. Но она, находя удовольствие в том, чтобы наделять жизнью косную Материю, возымела честолюбивое намерение создать в бездне мир для себя. С этой целью она создала Демииурга Ильдабаофа (иначе Иегову) как творца материального мира. После этого София-Ахамот страшнула Материю, в которой она запуталась; но Ильдабаоф ('сын Тьмы') продолжил производить эманации, соответствующие эманациям Битоса в высшей вселенной. Среди его творений был Человек, но его человек был бездушным чудовищем, ползающим по земле. Софии-Ахамот удалось передать Человеку маленький луч божественного света, который Ильдабаоф унаследовал от нее. Таким образом, 'первобытный человек' стал божественным существом. Ильдабаоф, теперь совершенно злой, был взбешен тем, что произвел на свет существо, превзошедшее его самого, и его зависть приняла форму сатаны в облике змея, *Офиоморфоса*. Он - сосредоточие всего самого низменного в Материи, соединенное с духовным разумом. Их антииудаизм привел офитов к отождествлению Ильдабаофа с Иеговой, а его сына-змея с Михаилом; они также называли его Самаэлем. Затем Ильдабаоф также создал животное, растительное и минеральное царства со всем их злом. Решив ограничить человека в его собственных низших сферах, он запретил ему вкушать от Древа Познания. Чтобы разрушить его план, который полностью развился из ее собственного временного падения, София-Ахамот послала своего собственного гения, также в виде змеи, Офис, чтобы побудить Человека нарушить приказ тирана. Ева, предположив, что Офис - это то же самое, что и Офиоморфос, сочла запрет на этот фрукт отмененным и с готовностью съела его. Таким образом, человек стал способен понимать небесные тайны, и Ильдабаоф поспешил заточить его в темницу Материи. Он также наказал Офис, заставив его есть пыль, и этот небесный змей, зараженный Материей, превратился из друга Человека в его врага. София-Ахамот всегда боролась против этих двух Змей, которые привязывают человека к телу порочными желаниями; она снабдила человечество божественным светом, благодаря которому они осознали свою наготу —нищету своего положения. Соблазнительные агенты Ильдабаофа получили контроль над всеми потомками Адама, кроме Сифа, прообраза Духовного Человека. София-Ахамот побудила Тосу ниспослать своего совершенного брата Христоса на помощь Духовной Расе Сета. Христос спустился через семь планетных областей, последовательно принимая формы, относящиеся к каждой из них, и вошел в человека Иисуса в момент его крещения. Ильдабаоф, обнаружив его, подтолкнул евреев предать его смерти; но Христос и София, отказавшись от материального тела Иисуса на кресте, дали ему тело, сделанное из эфира. Поэтому его мать и ученики не могли узнать его. Он вознесся в Срединное Пространство, где восседает по правую руку Ильдабаофа, хотя последний этого и не замечает, и, прилагая усилия для очищения человечества, соответствующие тем, которые прилагает Ильдабаоф ко злу, он собирает все Духовные элементы мира в царство, которое должно свергнуть царство Врага.¹⁰¹

Несмотря на враждебность, проявляемую офитами по отношению к евреям, большинство элементов их системы заимствованы у евреев. Согласно древним раввинским традициям, Адам и Ева, съев плод низшей области, упали через шесть областей в седьмую и низшую; там они оказались под контролем ранее падшего Самаэля, который осквернил их своей слюной. Их нагота заключалась в том, что они потеряли естественную защиту, от которой остались только ногти на наших пальцах; другие говорят, что они потеряли волосной покров.¹⁰² Евреи также издревле утверждали, что Сиф был сыном Адама, в котором вернулась божественная природа, которой изначально был наделен человек. Действительно, нам достаточно отождествить Ильдабаофа с Элохимом, а не с Иеговой, чтобы понять, что офиты следовали еврейским прецедентам, приписывая мир природы дьяволу. Связь между этими двумя концепциями можно обнаружить в писаниях Павла.

Пессимистическая концепция Павла об этом мире и человеческой природе была радикальной, и она в основном сформировала форму, по которой впоследствии оформилось догматическое христианство. Его общая теология - пародия на сотворение мира и человека. Вся эта работа Элохима была, по сути, естественной, то есть дьявольской. Сотворенная тогда земля принадлежала Князю мира сего, который был виновником греха и его следствия - смерти. В Адаме все умирают. Естественный человек - это вражда против Бога; он от земли; его отец - дьявол; он не может знать духовных вещей. Все человечество рождается духовно мертвым. Христос - это новый Демиург-прорицатель, занятый работой по созданию нового творения и нового человека. Для его цели старый закон, обрезание или необрезание, не имеет ни малейшего значения, но является новым творением. Его смерть - символ смерти человека для мира природы, его воскресение - восхождения человека в новый мир, который простая плоть и кровь не могут унаследовать. Подобно тому, как Бог вдохнул в ноздри Адама дыхание жизни, Святой Дух вдыхает в избранных Христа новый разум и новое сердце.

‘Новое существо’ должно вдохнуть совершенно новую физическую атмосферу. Когда Павел говорит о ‘Князе Небесной Силы’, не следует предполагать, что это всего лишь метафора. На этом, однако, мы должны немного остановиться.

‘Воздух,’ пишет Бертон в своей ‘Анатомии Меланхолии’, - летом воздух не так полон мух, как в любое время года невидимых дьяволов. Они подделывают солнца и луны и сидят на корабельных мачтах. Они вызывают внезапные вихри и сильные штормы, которые, хотя наши метеорологи обычно относят к естественным причинам, все же я придерживаюсь мнения Бодина, что они чаще вызываются этими воздушными дьяволами в нескольких местах их расположения. Кардан дает много информации о них. У его отца был один из них, воздушный дьявол, привязанный к нему на двадцать восемь лет; как у собаки Агриппы к ошейнику был привязан дьявол. Некоторые думают, что Парацельс держал один из них в рукояти своего меча. Другие носят их в кольцах”, и старик продолжает рассуждать о таинственной паутине, скопившейся на потолке его мозга.

Атмосфера, которой мысленно дышали Бертон и его авторитеты, действительно была наполнена невидимыми фантазмами; и каждый из них по своей сути был подлинным интеллектуальным усилием интерпретировать явления природы. Неудивительно, что древние приписывали дьявольскому источнику незаметную смерть, обрушивающуюся на них с воздуха. Одно дуновение невидимого яда, содержащегося в воздухе, могло свалить на землю сильнейшего. Даже после того, как человек пришел к пониманию своих видимых врагов,

смертоносных животных или растений, он мог только съеживаться и молиться перед таящейся силой миазмов и инфекции, силой воздуха. В первобытные времена Тиндаллы изучали пыль и болезни и называли крылатые семена разложения и смерти "воздушными дьяволами" и подготовили путь для Мефистофеля (дьяволазапахов), а он, в свою очередь, для *бактериального* демона современной науки.

Не было недостатка в теологических объяснениях, почему эти злобные существа нашли свое пристанище в воздухе. Они были изгнаны с небес. Эфирное царство над воздухом было зарезервировано для добрых. О демонах индусы говорят: 'Их ноги не касаются земли'. "Какой найдется добродетельный человек, — сказал Тит своим солдатам, — который не знал бы, что те души, которые в битвах мечом отделяются от своих плотских тел, принимаются эфиром - этой чистейшей из стихий - и присоединяются к тому обществу, которое находится среди звезд; что они становятся богами, демонами и доброжелательными героями и впоследствии являют себя таковыми своим потомкам?"¹⁰³ Считалось, что злые духи имеют более неоспоримую власть над атмосферой, чем над землей, хотя наша планета была в основном в их власти, а не в их власти. а подданные высшей империи всегда были маленькой колонией.¹⁰⁴ Более того, существовала естественная тенденция демонов, которые первоначально олицетворяли земное зло, когда они были побеждены человеческим разумом, переходить в сферу, наименее доступную науке или контролируемую человеком. Незведанные ветры стали их убежищем.

Эта вера была распространена среди отцов церкви,¹⁰⁵ просуществовала очень долго даже среди образованных людей и до сих пор является учением Римско-католической церкви, в чем любой может убедиться, прочитав авторизованную работу монсеньора Гауме "Святая вода" (стр. 305). До тех пор, пока среди мыслящих людей признавалось, что разум столь же компетентен строить факты на основе теории, как и теории на фактах, многое можно было бы правдоподобно сказать в пользу этой атмосферной дьяволярии. В те дни, когда колдовство впервые было поставлено под сомнение, Гланвил утверждал, "что, поскольку это маленькое местечко так густо заселено во всех его частях, "было бы слабостью думать, что все обширные пространства Наверху и впадины под Землей пустыни и необитаемы", и он предполагал, что, поскольку микроскопическая наука может выявить дальнейшее заселение мест, кажущихся пустыми, потребуется вера в то, что области верхнего воздуха обитаемы.¹⁰⁶ Другие ученые люди пришли к выводу, что духи, обитающие там, засорены земными элементами; низший вид; обитающие в верхних слоях воздуха. в холодном воздухе они хотели бы обитать на более защищенной земле. В благодарность за бульон и различные диетические ужасы, предлагаемые им ведьмами, они позволяют им свободно перемещаться по своему царству — воздуху.

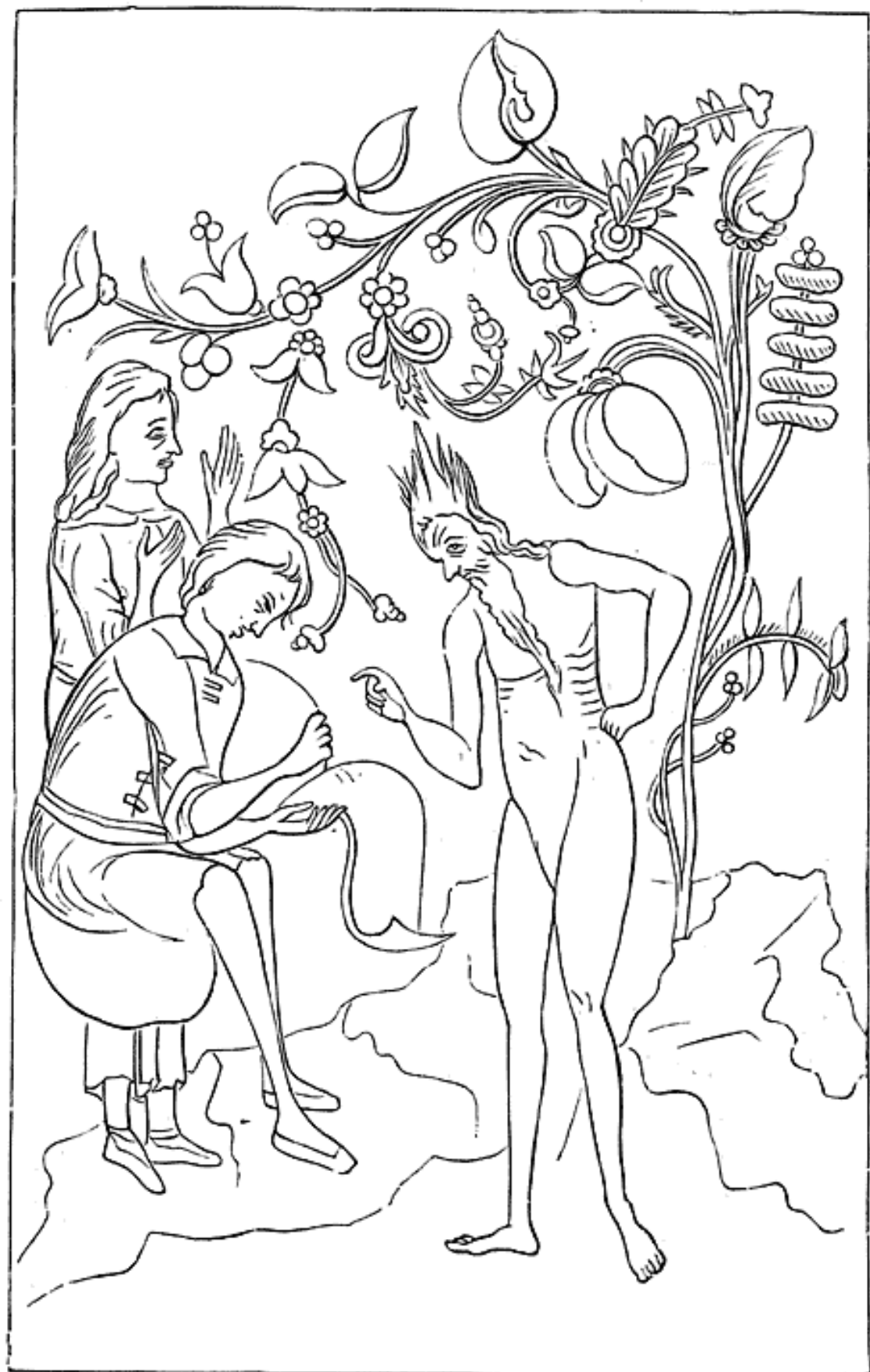

Рис. 7. — Адам подписывает контракт о своем потомстве с сатаной.

Из такой интеллектуальной атмосферы возникла фраза Павла (Еф. ii. 2) о 'Князе Силы Воздушной'. Это было одухотворение существующей воздушной демонологии. Когда Павел и его спутники перенесли свою религиозную агитацию в центры образования и богатства и принесли учение еврея в храмы Греции и Рима, они обнаружили, что не имеют отношения к этому великому миру. У этого были другие привычки ума и чувств, и в нем росла идея, что это духи сатанинского мира противодействуют духу, посланному на землю из божественного мира. Это оживило его моду, философию, науку и литературу. Он предупреждает Церковь в Эфесе, что им понадобятся все доспехи Божьи, потому что они борются не с помощью простой плоти и крови, но против правителей тьмы мира сего, злых духов в поднебесье, то есть в Воздухе.

Как наследники этой новой природы и нового мира с его новой атмосферой, приобретенные и наделенные Христом, теория Павла далее предполагает, что естественный человек, умерев, погребается со Христом в крещении, воскресает вместе с ним и затем запечатывается с ним Святым Духом. Некоторое время такие люди все еще должны носить при себе свои плотские тела, но скоро придет Христос, и эти мерзкие тела будут преобразованы по его подобию; тем временем они должны держать свои тела в подчинении, как это делал Павел, избивая их до синяков (ὑποτινάζω), и ожидать своего освобождения от тела мертвого мира, которое они покинули, но которому пока позволено прилипнуть к ним. Эта концепция должна была воплотиться в мифах и догмах, о которых Павел ничего не знал. 'Если кто придет после меня и не возненавидит своего отца и мать, а также свою собственную (естественную) жизнь, он не может быть моим учеником'. Логично было обнаружить, что новая раса, с которой новое творение находилось в трудных условиях, нуждается в новой Матери так же, как и в новом Отце. Каждая естественная мать была запятнана, чтобы можно было утверждать, что только одна мать была непорочной — та, чье зачатие было сверхъестественным, а не от плоти. Брак стал потворством греху (деньги на покупку которого до сих пор остаются в составе брачного взноса). Монастырь и обительщина олицетворяли это новое аскетическое царство; это опасное слово 'мирскость' считалось источником безумия и лицемерия.

К счастью, здравый смысл и сентиментальность человечества так неуклонно и успешно отвоевывали у объявленных вне закона интересов жизни и мира, что требуется некоторое исследование церковной археологии, чтобы понять первоначальное значение символов, в которых оно сохранилось. Древние раввины ограничили число душ, которые висят на Адаме, 600 000, но христианские теологи расширили эти цифры, включив в них человеческую расу. Вероятно, даже некоторые православные люди были бы шокированы идеей отцов церкви (Ириней, например) о том, что после Грехопадения человеческий род стал законной собственностью сатаны, видели ли они это на картинке, скопированной Буслаевым из древней русской Библии, находящейся во владении графа Уварова. Адам дает сатане письменный контракт для себя и своих потомков (рис. 7). И все же, согласно недавнему заявлению, преподобный мистер Симеон недавно произнес проповедь в церкви Св. Августин, Килберн, Лондон, 'чтобы доказать, что правителем мира является дьявол. Он заявил, что Создатель мира передал управление миром одному из своих главных ангелов, Люциферу, который, однако, впал в отчаяние и сделал все возможное, чтобы разрушить мир. С тех пор Творец и Люцифер постоянно стремились поставить друг другу мат. Поскольку Люцифер все еще является

Князем этого мира, может показаться, что это еще не он потерпел поражение".¹⁰⁷ Популярный проповедник в Америке, преподобный доктор Талмедж, излагает этот случай следующим образом:

Я обращаюсь к той же старой книге и узнаю, что Сын Марии, который был Сыном Божиим, любимцем небес, защитником веков, кем-то названный Господом, кем-то Иисусом, кем-то Христом, но сегодня утром нами, названными тремя благословенными титулами, Господь Иисус Христос, одним великолепным ударом сделал возможным спасение для всех нас. Он не только сказал нам, что ад существует, но и сам вошел в него. Он спустился по огненным кручам. Он сошел с нижней ступеньки длинной лестницы отчаяния. Он спустился в ад. Он поставил босую ногу на самый горячий уголь в самой раскаленной печи.

Он исследовал самое темное логово вечной полуночи, а затем Вышел израненный и изуродованный, истекающий кровью и растерзанный руками адских мучителей, чтобы воззвать ко всем эпохам: 'Я заплатил цену за всех тех, кто хотел заменить меня. Своими нарастающими стонами, своей всемогущей агонией я требую спасения для всех тех, кто оставит грех и доверится мне: 'Пощади! пощади! пощади! Но как мне его достать? Дешево. Это обойдется вам не дороже буханки хлеба. Всего в пенни? Нет, нет. Сбежать из ада, и от всех арф, и от особняков, и от тронов, и от залитых солнцем полей рая, вдобавок в придачу, 'без денег и задаром'.

Эти проповедники лишь констатируют с заслуживающей доверия искренностью первоначальное значение таинств и церемоний, которые были физиономией этой теории "нового творения". Следуя различным древним традициям, согласно которым жизнь зародилась из воды, что вода избежала первичного проклятия природы, что дьяволы ненавидят и боятся ее из-за этого и такой солености, многие религии использовали воду для очищения и изгнания нечистой силы.¹⁰⁸ Крещение основано на представлении о том, что каждый ребенок является отпрыском дьявола и одержим его демоном; Отцы согласились, что все некрещеные младенцы, даже мертворожденные, теряются; и вплоть до 1550 года каждый младенец при крещении подвергался экзорцизму: "Я повелеваю тебе"., нечистый дух, во имя Отца, Сына и Святого Духа, чтобы ты вышел и отошел от этих младенцев, которых Господь наш Иисус Христос сподобился призвать к своему святому крещению, чтобы они стали членами Его тела и Его святого собрания" и т.д.

Священник сообщил мне, что ему известен случай, когда мужчина, получив обратно своего ребенка после крещения, поцеловал его и сказал: 'Я никогда не целовал его раньше, потому что знал, что это не дитя Божье; но теперь, когда это так, я очень люблю его'. Но почему бы и нет? Некоторые даже сейчас учат, что белый ангел следует за крещеным, а черный демон - за некрещеным.

Было широко распространено поверье, что некрещеные дети после смерти превращаются в эльфов. В Исландии до сих пор в фольклоре рассказывается, что, когда Бог посетил Еву, она скрыла от посторонних глаз большое количество своих детей, 'потому что они не были омыты', и эти дети были превращены в эльфов и стали прародителями этой сверхъестественной расы. Греческая церковь придавала крещению такое большое значение, что возникла восточная секта, которая называет Иоанна Крестителя своим основателем, мало значения придавая Христу, который никого не крестил; и по сей день в России крестьянин считает почти необходимым для правильного получения воскресных благословений побывать накануне под водой с предусмотрительно добавленным мылом. Римско-католическая церковь, следуя

положениям Карфагенского собора, по-прежнему придает большое значение экзорцизму при крещении; и Кальвин ссылается на богословские дебаты в Сорбонне в Париже о том, не было бы оправданно для священника бросить ребенка в колодец, а не позволить ему умереть некрещеным. Лютер сохранил католическую форму экзорцизма; и в некоторых районах Германии протестанты до сих пор так верят в это, что при подозрении на одержимость ребенка или домашнего животного они посылают за римским священником для совершения обряда экзорцизма.

Мистер Герберт Спенсер описал класс суеверий, из которых выросло таинство Евхаристии. 'В некоторых случаях,' говорит он, 'части мертвых проглатываются живыми, которые стремятся таким образом внушить себе хорошие качества умерших; и мы видели (§ 133), что предполагается, что этим актом мертвым воздается честь. Предполагалось, что подразумеваемое понятие связано с дальнейшим представлением о том, что природа другого существа, присущая всем фрагментам его тела, присуща также и неиспользованной части всего, что потребляется вместе с его телом; так что операция, произведенная над остатками его пищи, становится операцией, произведенной над проглоченной пищей и, следовательно, над проглатывающим. Еще один вывод состоит в том, что между теми, кто проглатывает разные части одной и той же пищи, устанавливается некая природная общность. Отсюда и такие верования, подобные той, что приписывается Бастианом некоторым неграм, которые думают, что, 'вкусая освященную пищу, они вкушают и пьют самого бога' — таким богом является предок, получивший свою долю. Различные церемонии у дикарей основаны на этой концепции; как, например, выбор тотема. У индейцев москито "способ заполучить этого хранителя состоял в том, чтобы отправиться в какое-нибудь уединенное место и принести жертву: со зверем или птицей, которые появлялись после этого во сне или наяву, заключался пожизненный договор путем забора крови из различных частей тела'. Эта кровь, которую, как предполагалось, должно было взять выбранное животное, соединила их, и жизнь животного настолько переплелась с их собственной, что смерть одного повлекла за собой смерть другого".¹⁰⁹ А теперь отметим, что в тех же регионах эта идея вновь появляется как религиозный обряд. Саагун и Эррера описывают церемонию ацтеков под названием 'поедание бога'. Мендьета, описывая эту церемонию, говорит: 'У них также было что-то вроде евхаристии.... Они делали что-то вроде маленьких идолов из семян ... и ели их как тело или память о своих богах.' Поскольку семена были частично скреплены кровью принесенных в жертву мальчиков; поскольку их боги были богами-каннибалами; поскольку Уицилопочтли, поклонение которому включало этот обряд, был богом, которому человеческие жертвоприношения были наиболее распространенными; ясно, что целью было установить общность с богами путем совместного употребления крови".¹¹⁰

Когда некоторое время назад новозеландский вождь продемонстрировал свою высокую оценку ученого немца, выклевав ему глаза, чтобы улучшить собственное интеллектуальное зрение, некоторым показалось, что дело требует большего числа миссионеров, пользующихся лучшей защитой; но вождь мог бы найти в сакраментальном общении миссионеров истинный принцип своей веры. Празднование 'Вечери Господней', когда рукоположен епископ, стоит только "поцарапать", как гласит пословица, чтобы обнаружить под ним индейцев, выбирающих свой епископский тотем. Когда Израиль праздновал Пасху — совместное вкушение ягненка, чья кровь, окропившая их дверные косяки, отмечала тех, кто был спасен от Ангела—Разрушителя в Египте, - те, кто верил, что Иисус был Мессией, вкусили тело и кровь своей Главы, как указание на избранных из мира, который в противном случае был бы отдан Разрушителю духовно и, наконец, был бы предан ему телесно. 'Тот, кто ест мою плоть и пьет мою кровь, пребывает во

мне, и я в нем'. Они должны были наступать на змей или обращаться с ними невредимыми, как, как сказано, делал Павел. На самом деле они должны были не умереть, а заснуть, чтобы измениться, как семя превращается в цветок, через буквальное воскрешение из земли.

Нам, вероятно, напрасно было бы искать какие-либо удовлетворительные следы распространения суеверия о мистической силе пищи. Это полностью развито в древнем индуистском мифе о борьбе между богами и демонами за Амриту, нектар бессмертия, один украденный глоток которого придал чудовищу Раху нетленную природу, которой не обладает никто другой из его отряда. Это встречается в соответствующих мифах, касающихся богов Асгарда и Олимпа. Падение человека в иранской легенде произошло из-за некоего молока, которое Ариман дал первой паре, Мешии и Мешиане. В буддийской мифологии именно употребление риса испортило природу человека. Это был процесс воплощения в легенде о Гилгите (i. 398). Вся история Персефоны сводится к тому, что она съела зернышко граната в Аиде, которым она была привязана к этой сфере. В Японии существует миф, очень похожий на миф о Персефоне. В шотландском нагорье существует легенда о том, что женщина была перенесена в тайные убежища 'людей мира' — "Даоин ши", эвфемистическое название сверхъестественных существ, которые уводят смертных в свои подземные покои, где прекрасные девицы соблазняют их отведать на великолепных банкетах. Эту женщину по прибытии узнал ее бывший знакомый, который, все еще сохраняя некоторую долю человеческой доброжелательности, предупредил ее, что, если она попробует что-либо вообще в течение определенного промежутка времени, она будет обречена оставаться в этом подземном мире навсегда. Женщина, последовавшая этому совету, в конечном счете была возвращена в общество смертных. Было добавлено, что по истечении срока, указанного ее несчастной подругой, в глазах этой женщины произошло разочарование, и яства, которые раньше казались ей такими соблазнительными, теперь оказались всего лишь отбросами земли.¹¹¹

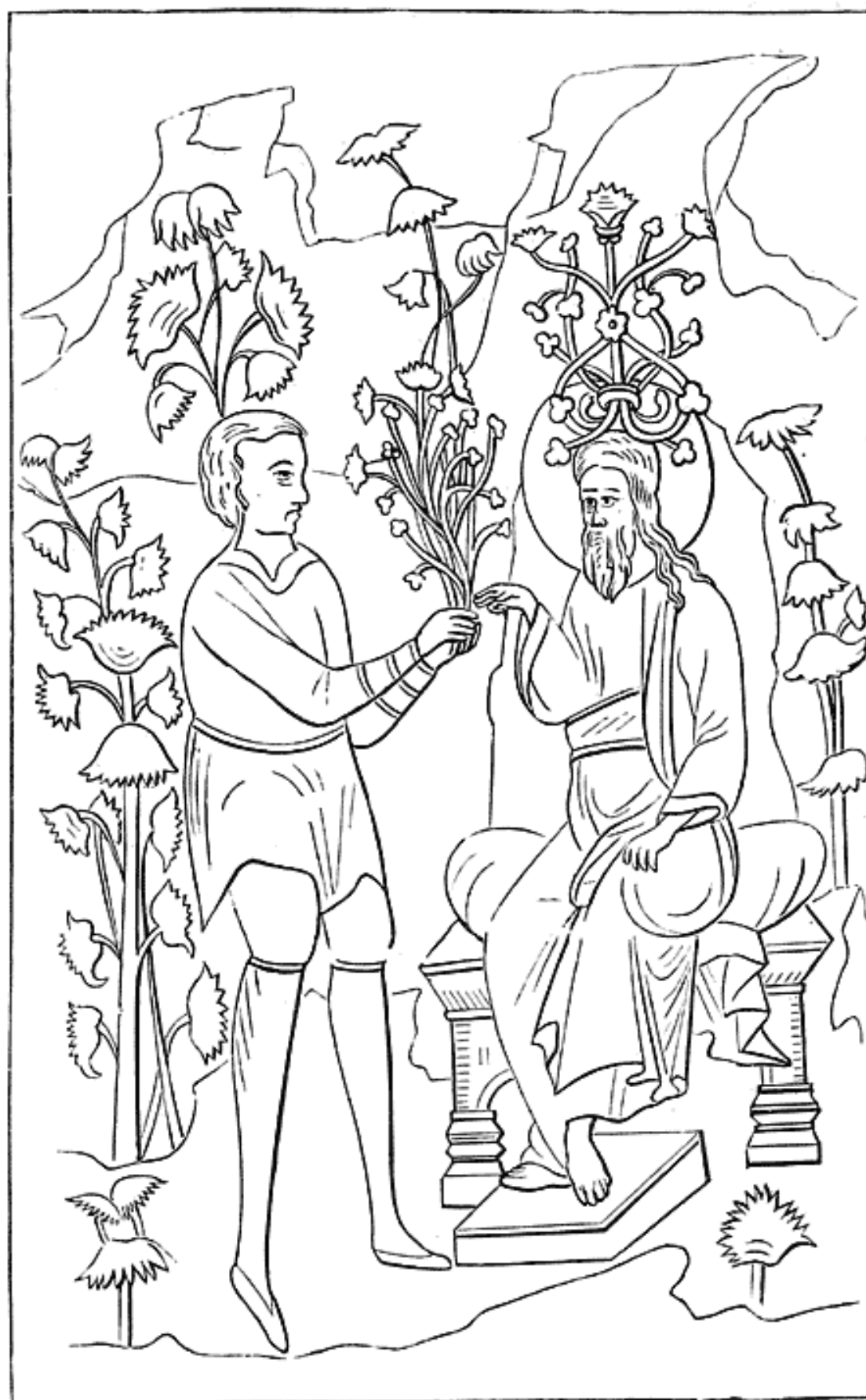

Рис. 8. Сиф, предлагающий ветвь Адаму.

Проследить этническое происхождение подобных легенд гораздо сложнее, чем проследить их общее естественное происхождение. Влияние определенных видов пищи на организм человека очень заметно, даже если не брать в расчет печально известное воздействие напитков, приготовленных из растительного мира. Воздействия мандрагоры, опиума, табака, различных полуживотных грибов, простоты, с которой расовые различия могут быть объяснены их вегетарианскими или плотоядными обычаями, было бы достаточно, чтобы выдвинуть теории о влиянии пищи на тело и душу человека, которые даже сейчас имеют свою ценность в научных спекуляциях.

Еврейское мнение о том, что Сиф был потомком божественной части Адама, было зародышем замечательного христианского мифа. Умирая, Адам пожелал Сифу раздобыть елей милосердия (для своего чрезвычайного помазания) у ангелов, охраняющих Рай. Майкл сообщает Сету, что это может быть получено только по прошествии веков, разделяющих Грехопадение и Искушение. Однако Сет получил небольшую ветку с Древа Познания, и ему сказали, что, когда она принесет плоды, Адам выздоровеет. Вернувшись, Сет нашел Адама мертвым и посадил ветку на его могиле. Оно выросло в дерево, которое Соломон срубил для строительства храма; но рабочие не смогли приспособить его, выбросили в сторону, и его использовали как мост через озеро. Царица Савская, собираясь пересечь это озеро, узрела видение Христа на кресте и сообщила Соломону, что, когда определенный человек будет подвешен на этом дереве, падение еврейского народа будет близким. Соломон в тревоге закопал дерево глубоко в землю, и это место было покрыто прудом Вифезда. Незадолго до распятия дерево плавало по этой воде и в конечном итоге принесло свои плоды в виде креста.¹¹²

На нашем древнерусском рисунке (рис. 8) Сиф изображен предлагающим ветвь Древа Познания своему отцу Адаму. То, что оно должно вырасти и стать Древом Жизни, объясняется просто подчинением магическим и гностическим теориям, которые обычно включают некую схему, с помощью которой Добро обращает против Злого Разума острие своего собственного оружия. Таковы были влияния, которые придали христианским доктринам по этому вопросу их опасную точность. Универсальная традиция заключалась в том, что Адам был первым человеком, освобожденным Христом из ада; и это соответствовало столь же широко распространенной вере в то, что все, кто были спасены смертью Христа и его сошествием в ад, были сразу подняты до морального состояния Адама и Евы до Грехопадения, — чтобы есть пищу и дышать святым воздухом Рая.

Христианские адамиты держали честное зеркало перед этой теологией. Их движение (II и III века) было наиболее законным следствием Евангелий от Павла и Иоанна. Автор этой так называемой 'ереси', Продикус, на самом деле предвосхитил методистскую доктрину "освящения", и он был последователен лишь в том, чтобы увещевать своих последователей, что одежда была в Библии первоначальным знаком плотской вины и стыда и больше не была нужна тем, кого Христос искупил от Грехопадения и возвысил до изначальной невинности Адама и Евы. Эти верующие в подходящем климате Северной Африки без труда осуществляли свое учение на практике и, назвав свои церкви "Райскими кущами", собирались в них совершенно обнаженными. На Востоке до сих пор существует суеверие, что змея никогда не нападет на того, кто обнажен. Та же адамитская доктрина — долапсарианское совершенство, символизируемое

наготой, — проповедовалась Джоном Пикардом в Богемии, и в пятнадцатом веке там возникла процветающая секта ‘адамитов’. Славонские адамиты последнего столетия — а известно, что они до сих пор проводят свои богослужения в тайне - обходятся не только без одежды, но и без таинств и церемоний, которые предназначены для несовершенных, а не для совершенных. Снова и снова появлялся этот логический результат популярной теологии, и со все более грубыми обстоятельствами, когда утонченные и разумные люди отказывались от соответствующих догм, за исключением названия. Впечатляющим фактом является то, что центральная доктрина Павла о ‘новом творении’ теперь принята с наиболее реалистичной ортодоксальностью мормонами Юты, посвящение которых состоит из драматического представления каждому кандидату лепки тела из глины, вдоха в ноздри, представления Евы каждому Адаму в ‘глубоком сне’, искушения, грехопадения и искупления. Созданные таким образом ‘святые’, к сожалению, похоже, имеют столь же реалистичные представления о том, что язычники являются приверженцами Князя мира сего, и их сакраментальные группы продемонстрировали несколько поразительных имитаций тех исторических событий, которые, если их не называть ‘христианскими’, объявляются варварскими. Теперь, когда старая догматическая система все больше и больше предоставляется невежественным и вульгарным людям переделывать ее по своему образу и подобию, можно надеяться, что и в других местах заблуждение, клеветующее на природу, даст всходы; ибо заблуждение, подобно алоэ, имеет свой период, когда оно пускает ростки на высоком стебле и — умирает.

Глава 20. Святой Дух

Ганноверская реликвия — мистер Аткинсон о Голубе—Голубь в Ветхом Завете—Церковный символ—Судебный символ—Видение святого Дунстана—Свидетельство целомудрия—Голубь и Змей—Непростительный грех—Неискупимый грех среди евреев—Разрушительная сила Иеговы—Сила дыхания—Третьи лица Троицы—Пятидесятница—Христианские суеверия—Мистер Муди о грехе против Святого Духа—Таинственный страх—Пещерные идолы.

В старом городе Ганновера, в Германии, есть здание школы, в котором над креслом учителя в древности было изображение голубя, сидящего на железной ветке или пруте; а под надписью — ‘Это приведет вас ко всякой истине’. Со временем голубь упал и был перенесен в музей; но перед детьми все еще оставлена розга с предупреждением, что она приведет их ко всей истине. Это примерно столько же, сколько на долгое время оставалось в сознании среднего христианина символического Голубя, Святого Духа. Половина его примитивного смысла исчезла, и осталась только эмблема таинственного ужаса. Более духовные умы внедрили в современный мир концепцию Святого Духа как животворящего влияния или духа любви, но древний взгляд, который рассматривал его как Железный жезл суда и казни, все еще жив в понятии “греха против Святого Духа”.

Мистер Генри Г. Аткинсон пишет следующее:¹¹³ — ‘Мой старый друг Барри Корнуолл, прекрасный поэт, однажды сказал мне: ‘Мой дорогой Аткинсон, не могли бы вы объяснить мне

значение Святого Духа; что это может означать?' 'Ну, ' сказал я, - я полагаю, это означает голубь. Мы никогда не слышали об этом ни в какой другой форме, кроме как о голубе, спускающемся с небес к Деве Марии. Затем мы имеем прелестную басню о голубе, возвращающемся в ковчег с оливковой ветвью, так что христианскую религию можно назвать Религией Голубя. В греческой церкви голубь почитается священным. Санкт-Петербург кишит голубями, но их никогда не убивают и не тревожат. Я знал женщину, чья жизнь была испорчена верой в то, что она совершила непростительный грех против Святого Духа, и ни священник, ни врач не могли разубедить ее в этом заблуждении, хотя во всех других отношениях она была вполне разумна. Она считала себя такой негодяйкой, что ей было невыносимо видеть себя в зеркале, и все зеркала пришлось убрать, а когда она приехала в отель, ее мужу пришлось пойти первым и закрыть зеркала в апартаментах. Но что такое Святой Дух — в чем заключается его служение? Однажды, когда мы сидели с мисс Мартино в ее доме в Эмблсайде, вошла немецкая леди, говорившая на ломаном английском. Она была соседкой, у нее был большой дом и территория, и она держала домашнюю птицу. 'О!' - сказала она, совершенно взволнованная, 'зверь утащил еще одного цыпленка (имеется в виду ястреба). Я сам это видел. Негодяй! он спустился, точно Святой Дух, и оторвал цыпленка.' Как мисс Мартино смеялась; но я не уверен, что эта история проливает много света на предмет, поскольку она лишь возвращает нас к голубю.

Потребовался бы целый том, чтобы полностью объяснить все проблемы, предложенные в этой короткой заметке, но более важные факты можно сжать.

Трудно показать, насколько естественные характеристики и привычки голубя отражены в его широко распространенной символике. Его жалобная нотка и любовь к уединению обозначены в стремлении псалмопевца: "О, если бы у Меня были крылья голубя, тогда бы я улетел и обрел покой; вот, тогда бы я ушел далеко и остался в пустыне".¹¹⁴ Переход от этой ассоциации с дикой природой к вложению в отношения с демоном дикой природы — Азазелем - несложен. Итак, мы находим это в определенных отрывках из Книги Иеремии, где это слово было исключено из обычной английской версии. 'Земля опустела из-за ярости голубя'. 'Давай снова отправимся к нашему собственному народу, чтобы избежать меча голубя. "Они разбегутся все до единого, опасаясь меча голубя".¹¹⁵ В Индии его блеск — голубой и огненный — возможно, связывали с Шивой с лазурной шеей.

Дальновидный и удивительный характер голубя-перевозчика был хорошо известен древним. На египетских барельефах изображены жрецы, отправляющие им послания. Они появляются на ветвях дубов Додоны, а на древнерусских фресках иногда восседают на Древе Познания в раю. Говорят, что для того, чтобы воспользоваться этим универсальным символизмом, Мухаммед приучил голубя садиться ему на плечо. Как ворон, как говорили, нашептывал секреты Одину, так и голубь часто изображался у уха Бога. В церкви Шартрской Богоматери его клюв находится у уха папы Григория Великого.

Он прошел — и ему не пришлось далеко идти — путь фамильяра королей. Он принес мир с небес при крещении Хлодвиг. Прилетели белые голуби, чтобы унести душу Людовика Тюрингского на небеса. Голубь венчал скипетр Карла Великого. Во время посвящения в короли Франции, после церемонии елеосвящения, в церкви были выпущены белые голуби. При посвящении в монархи в Англии герцог несет перед сувереном скипетр с голубем.

Ассоциируясь как с церковным, так и с политическим суверенитетом, он стал очень похож на древнюю роковую змеиную силу, которая таилась во всех его трансформациях. Когда Святой Дух был представлен в виде коронованного человека, голубь был изображен у него на запястье подобно тому соколу, с которым немецкая леди, упомянутая мистером Аткинсоном, отождествила его. Но в этой связи его символизм более уместен в отрывке из Книги Пророка Исайи:¹¹⁶ 'И произрастет жезл из стебля Иессеева, и ветвь произрастет из корней его; и почиет на нем Дух Господень, дух мудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и страха Господня'. Святость числа семь привела к разделению последнего пункта на три духа, составляющих семерку, которыми были: Мудрость, Понимание, Совет, Сила, Знание, Благодетель, Страх. На некоторых из этих изображений, где каждый из семи Голубей помечен своим именем, "Страх" находится в верхней части их арки, поскольку в Псалме говорится: 'Страх Господень есть начало мудрости'. Когда рыцарский орден Святого Духа был создан в 1352 году, он был аристократическим, а после реорганизации Генрихом III Французским в 1579 году в него входили только высшие и политические деятели. С ними, несомненно, был дух Страха; и Орден ясно показывает, какими долгое время были идеи, связанные со Святым Духом.

Г-н Дидрон находит подтверждение этому в легендах каждой страны, и особенно ссылается на историю святого Дунстана, архиепископа Кентерберийского, жившего в десятом веке. Трое мужчин, осужденных за чеканку фальшивых денег, были приговорены к смертной казни. Непосредственно перед началом мессы в день Пятидесятницы, праздника Святого Духа, святой Дунстан поинтересовался, свершилось ли правосудие над тремя преступниками: в ответ ему сообщили, что казнь отложена из-за торжественного празднования Пятидесятницы. 'Так не должно быть', - воскликнул возмущенный архиепископ и отдал приказ о немедленной казни виновных. Некоторые из присутствовавших протестовали против жестокости этого приказа; тем не менее ему подчинились.

После казни преступников Дунстан умылся и с радостным видом направился к своему ораторскому искусству. "Теперь я надеюсь, - сказал он, - что Богу будет угодно принять жертву, которую я собираюсь принести"; и действительно, во время совершения мессы, в тот момент, когда Святой поднял руки, умоляя Бога Отца даровать мир его Церкви, направлять, охранять и сохранять ее единство во всем мире, "был замечен голубь, белый как снег, который спустился с небес и в течение всей службы оставался с распростертыми крыльями, тихо паря в воздухе над головой архиепископа".¹¹⁷

Страстная сексуальная природа голубя сделала его эмблемой Афродиты, и он стал одухотворенным при посвящении Мадонне. Из-за его связи с ложно обвиненной Марией вокруг Голубя вырос особый класс легенд, которые показывают, что он свидетельствует о женской невинности или мстит за нее. Белый голубь, который, как говорят, вылетел изо рта Жанны д'Арк, - один из многих примеров. Я полагаю, что в семье Литтлтонов до сих пор сохранилась картина, написанная вдовствующей леди Литтлтон в 1780 году в память о предупреждении лорда Литтлтона о смерти, сделанном матерью двух соблазненных им девушек, причем видение сопровождал порхающий голубь. В первоначальном описании его видения или сновидения, приписываемом лорду Литтлтону, упоминается только 'птица'. В следующем рассказе говорится, что он 'услышал шум, напоминающий трепыхание голубя', и, посмотрев в окно, увидел 'несчастную женщину, которую он соблазнил'. Но требования ортодоксальности слишком сильны для оригинальных повествований. Поскольку "птица" подтверждала объявление о том, что на третий день (это тоже постепенно добавлялось) он умрет, это, должно

быть, был голубь; а поскольку голубь посещает только невинных, то, должно быть, появилась мать бедной девушки. Было легко заставить женщину умереть точно в тот час, когда она появилась.¹¹⁸ Находясь в Чикаго в 1875 году, я прочитал в одной из утренних газет весьма подробный отчет о том, как белая голубка залетела в окно комнаты молодой незамужней женщины изсоседней деревни, которая родила ребенка и торжественно заявила, что никогда не теряла девственности.

В этой истории символики Голубя было очерчено богословское развитие Святого Духа. В предыдущей главе мы видели, что Святой Дух противостоит Естественному Воздуху — вместилищу зла. Голубь символизировал этот аспект, паря над миром, выходящим из своего диллювиального крещения, а также над типичным новым Адамом (Иисусом), выходящим из своего крещения. Но в этом он соответствует змее -символу жизни в египетской мифологии, нависающей над первичным мирским яйцом (как на рис. 23, том i). Натаниэль Хоторн нашел мистический смысл в прекрасной группе в Риме, изображающей девушку, прижимающую голубя к груди, в то время как на нее нападает змея. Но в своих богословских аспектах Голубь и Змей сливаются; они одновременно связаны и разделены словами Христа: "Будьте мудры, как змеи, и безвредны, как голуби"; но в служении Святого Духа как представителя божественного Разума и его последующей эволюции как исполнителя божественных судов он выполняет в христианском мире почти ту же роль, что и Змей в более примитивных мифологиях.

"Всякий грех и богохульство будут прощены людям", - сказал легендарный Христос.¹¹⁹ но богохульство против Духа не будет прощено. И всякий, кто скажет слово против Сына человеческого, это будет прощено ему, но всякий, кто скажет слово против Святого Духа, это не будет прощено ему ни в этом мире, ни в грядущем. ' В Евангелии от Марка¹²⁰ сказано: 'Все будет прощено сынам человеческим, грехи и богохульства, которыми они будут богохульствовать; но всякий, кто будет хулить Святого Духа, не получит прощения вовек, но будет виновен в вечном грехе; (потому что они сказали: в Нем нечистый дух)'. Когда Христос произнес эти потрясающие слова, ни один ученик, по-видимому, не был поражен или не поинтересовался природой этого греха, гораздо более страшного, чем любое оскорбление самого себя или Отца, которое с тех пор вызвало столько богословских спекуляций.

На самом деле, они не нуждались в объяснениях: это была старая история; непростительный грех был знакомой чертой древнего еврейского закона. В нем грехом, исключенным из искупления, были любые самонадеянные высказывания или действия против Иеговы. Легко понять, почему это было так. Реальные правонарушения, преступления против человека или общества, подлежали наказанию в силу общих интересов и нужды. Но честь и интересы Иеговы, не будучи очевидными или обоснованными по своей природе, требовали особых и суровых законов. Чем меньше вещь защищена из-за своей внутренней и практической важности, тем больше она должна быть защищена искусственно, если вообще должна быть защищена. Это проиллюстрировано историей Илая и двух его сыновей. Эти юноши были виновны в самых грубых безнравственных поступках, но против них не было сказано ни слова, поскольку они были сыновьями Первосвященника, за исключением мягкого упрека со стороны самого Илия. Но когда однажды эти юноши попробовали часть жертвенного мяса, предложенного Иегове, божественный гнев возгорелся. Илий, гораздо более напуганный этим церемониалом, чем моральным оскорблением, сказал своим сыновьям: 'Если один человек согрешит против другого, судья осудит его, но если человек согрешит против Иеговы, кто будет ходатайствовать за него?' Защищая свои интересы, ангел-разрушитель Иеговы не ссылается ни

на какое другое преступление сыновей Илая, кроме как на него самого. Но когда священнослужители—хранители божественных интересов пришли со своим народом под контроль сменявших друг друга галлиосов — чужеземцев, которые не заботились о своем церемониальном законе и отказывались разрешать применение его наказаний, подобно тому, как Англия теперь запрещает *сумтив* Индии, - священники могли только выносить приговоры; их исполнение пришлось отложить до будущего мира.

Доктрина о будущем состоянии наград и наказаний - это не то, что священнослужители, естественно, предпочли бы или изобрели. До тех пор, пока священнослужители обладают властью над жизнью и смертью человеческого тела, они не будут, предлагая будущие награды, рисковать возможностью возникновения ереси для поддержания *Deorum injuria diis cura*. Но там, где иностранная юрисдикция возложила на местных божеств защиту их собственного величия, должна вырасти теория о том, что такие преступления, которые не могут быть искуплены на земле, непростительны и должны, из-за юридической безнаказанности, с которой они могут быть совершены, быть тем более жестоко отомщены где-то в другом месте.

Также под чуждым влиянием верховная и абсолютная власть Иеговы была разделена, как описано в другом месте. Тот, кто изначально претендовал на империю света и тьмы, добра и зла, когда его соперничество с другими богами было связано с вопросом власти, должен был быть освобожден от ответственности за земное зло, когда моральное чувство требовало дуализма. Так выросло отдельное олицетворение разрушительной силы Иеговы, которое, как предполагалось, заключалось в его дыхании. Очевидно, что последний вздох человека завершает жизнь; нет ничего более простого в своем естественном зародыше, чем связь первого и последнего вздоха с Творческим Духом.¹²¹ Эта мощь дыхания, или духа, обнаруживается во многих древних регионах. Это естественное учение о разрушительном симуме,¹²² или даже о ежегодном дыхании осени, которое поражает листву смертью. Персия особенно изобиловала суевериями такого рода. Дыханием колдуна две змеи были вызваны из груди Зохака. Низами вплеп популярное представление в свою историю о двух врачах, которые пытались уничтожить друг друга; один из которых выжил после отравления своего соперника ядовитым напитком и убил этого соперника, заставив его понюхать цветок, на который он подышал.¹²³ Подобные представления оказали сильное влияние на последующее развитие идеи Иеговы, о котором в древности было сказано: "Дыханием уст Своих он поразит нечестивых"; "дыхание Господа, подобное потоку серы, воспламеняет (Тофет)".

Между тем во всех тринитарных расах, которым предстояло придать форму христианской мифологии, разрушительность обычно (не всегда) становилась традиционной ролью Третьего Лица.¹²⁴ В Египте были Осирис -Творец, Гор -Хранитель, Тифон - Разрушитель; в Вавилонии Ану - Верхний Воздух, Син (Ури) - Луна, Самис - Солнце. В Ассирии Солнце вновь занимает свое место, и смертоносное влияние приписывалось Луне. В Индии Брахма - Отец, Вишну- Спаситель, Шива - Разрушитель; в Персии Зеруане-Акроне Бесконечное Время, Ормузд Добрый, Ариман Злой; в Греции Зевс, Посейдон и Хадес, или Небеса, Океан и Ад, были перворожденными Времени. Троичная форма постепенно проникла в среду евреев, хотя их яхвистское богословие допускало ее применение только к низшим божествам — Каину, Авелю, Сифу; Моисею, Аарону, Гуру; Аврааму, Исааку, Иакову. Со временем они пришли на смену идеям Иеговы, Мессии и Мудрости. Но змей уже был мудрейшим из всех полевых зверей в еврейской мифологии; и олицетворенная Мудрость была полностью готова к отождествлению с

Афиной, Греческой Мудростью, которая, вооруженная, возникла из головы Зевса (Воздуха) и чьим фамильяром был змей.

Однако, с другой стороны, божественное Дыхание имело и свое благотворное значение. Шива ('благоприятный') унаследовал характер Рудры ('ревуший шторм'), но позже его скорее поддержала его жена Кали. Афина, хотя и была вооружена, была богиней земледелия. Дыхание Элохима дало человеку жизнь. "Я сейчас втягиваю, а теперь выпускаю", - говорит Кришна;¹²⁵ "Я есмь зарождение и растворение; я есмь смерть и бессмертие". "Тебе может показаться, что это утренний зефир раннейвесны, - говорит Сада, - но это дыхание Исы, или Иисуса; ибо в этом свежем дыхании и зелени оживает мертвая земля".¹²⁶ "Голос черепахи слышен на земле", - поет Соломон.

Когда было создано Третье Лицо Христианской Троицы, оно унаследовало фатальность всех предыдущих Третьих Лиц — Разрушителей, — хотя и окутало их тайной. Этот рассказ очень важен, когда Святой Дух вдохновил учеников.¹²⁷ 'Внезапно с небес донесся звук, подобный порыву сильного ветра ... и им явились раздвоенные языки, подобные огненным, и они воссели на каждом из них. И все они были наполнены Святым Духом.' Это было в День Пятидесятницы, в праздник сбора урожая, когда первые плоды приносились в жертву животворящему Духу или Дыханию природы; но здесь присутствует и разрушительная черта — языки раздвоены, как у змей. Благотворная сила была проявлена у ворот, называемых Прекрасными, когда сила Петра заставила хромого ходить; но ее роковая сила была у того же апостола, и когда он сказал: "Почему сатана наполнил твое сердце ложью Святому Духу?", Анания немедленно пал ниц и испустил дух.¹²⁸ Говорят, дух носился в дыхании апостолов. Его ужасность имела различные иллюстрации. Мария принесла в жертву двух голубей в знак своего зачатия Святым Духом. Иисус описывается как изгнание из храма тех, кто продавал голубей, и аллегория повторяется в обличении Петром Симона Волхва, который предложил деньги за дар Святого Духа.¹²⁹

В одной из своих проповедей мистер Муди сказал: "Почти каждый день к нам кто-то приходит в комнату для допросов, очень обескураженный и подавленный, потому что они думают, что совершили грех против Святого Духа и что для них нет надежды". Мистер Муди сказал, что считает этот грех почти невозможным, но он добавляет следующее примечательное утверждение: "Я не помню, чтобы когда—либо слышал, чтобы человек клялся Святым Духом, за исключением одного раза, и тогда я посмотрел на него, ожидая, что он упадет замертво, и у меня кровь застыла в жилах, когда я услышал его". Но это почти так же, как если бы я сказал, что он поклялся Святым Духом". редко можно услышать молитвы, обращенные к Святому Духу; и оба явления — поскольку молитва и клятва радикально связаны - без сомнения, являются пережитками древних представлений, которые я описал. Силы природы, из которых вырос символ, жизнь, проистекающая из смерти и растущая в результате распада, по сути, повторяются снова теми, кто придерживается буквы, которая убивает, а также теми, кто возносится с духом, который оживляет. Вероятно, что не сохранилось более ужасной формы веры в дьявола, чем эта догма о Святом Духе, которая, скрываясь в неопределенности и таинственности, подобно змее, от которой она родилась, проходит мимо самодовольных людей и бросает тень на самые чувствительные и смиренные умы, главным образом у непорочных женщин, склонных преувеличивать свои малейшие пороки.

По правде говоря, роковой Святой Дух является прообразом того Страха, с помощью которого священнослужители смогли сохранить свои институты после того, как божества, вокруг которых

они росли, стали непрезентабельными, и который лучше всего можно было бы поддерживать под покровом тайны. Те, кто любит тьму больше, чем свет, потому что их дела не выносят света, скрывают своих богов не для того, чтобы уничтожить их, а для того, чтобы сохранить их. Кальвинизм скрыт, и афанасианство, и романизм; все они - скрытые идолы, чья сила живет, будучи скрытой в массе филологии и казуистики. До тех пор, пока христианство может убеждать Папу Римского и доктора Мартино, декана Стэнли и мистера Муди, квакеров, шейкеров, прыгунов, всех одинаково называть себя 'христианами', его истинная природа будет скрыта, его институты будут загромождать почву и отнимать силу и интеллект, причитающиеся человечеству; неопределимым 'неверным' будет дьявол. Этот процесс продолжается уже долгое время. Бог-змей, проклятый превзошедшим его человеческим разумом, прокрался в свой Ковчег; но его клыки и яд остаются с Епископом, дышащим на священника, священник дышит на больного ребенка, и бок о бок с наукой он создает ту атмосферу тайны, в которой ползают все старые рептилии, которые подавляют здравый смысл и распространяют свой вирус по всем социальным рамкам.

В демонологии Святой Дух - это не Дьявол, но в нем отражается дьяволизация Культуры, Прогресса и Искусства. Именно эти "Дьяволы" заставляли богов скрывать себя на протяжении последующих эпох и одухотворять своих идолов и догмы, чтобы спасти свои институты. Скрытые божества оказались гораздо более могущественными в общественном воображении, чем когда они были видны. Необъяснимая ужасная угроза Святого Духа была совершенным ответом на тот столь же необъяснимый дух отвращения и презрения, который поднимается среди культурных и утонченных людей по отношению к вещам, ставшим нереальными, к их формальностям и косноязычию. Именно эта постоянно повторяющаяся необходимость позволяет священнослужителям осуждать веру в Ад и Дьявола в церквях, которые, несомненно, никогда бы не были построены, если бы не осуждаемое таким образом суеверие. Древние верования и нынешнее их осуждение находятся на одной волне — решимость Церкви выжить и удержать свою власть любой ценой. Иезуитская власть скрывать догму - самый успешный метод противостояния Духу Эпохи, который в глазах разума является единственным святым духом, но который для церковной власти, борющейся с просвещением, является единственным грозным сатаной.

Глава 21. Антихрист

Эпоха Кали—Сатана, просеивающий Саймона—Сатана как Ангел Света—Эпитеты Антихриста—Цезари—Нерон—Таинства, имитируемые язычниками—Сатанинские знамения и чудеса—Иероним об Антихристе—Армилл—Аль—Даджжейл—Лютер о Мухаммеде—"Мавет"—сатана, "Божья обезьяна"—Средневековые представления—Шабаш ведьм—Адская Троица—Змей грехов—Папы—антихристы—Лютер как Антихрист—Современные представления об антихристе .

В 'Падма Пуране' записано, что, когда царь Вена принял еретическую доктрину и отрекся от храмов и жертвоприношений, люди, следовавшие за ним, семь могущественных риши,

верховных жрецов, посетили его и умоляли вернуться к их вере. Они сказали: "Эти действия, о царь, которые ты совершаешь, не относятся к нашим святым традициям и не соответствуют нашей религии, но являются такими, которые должны быть совершены человечеством при наступлении Кали, последнего и греховного века, когда твоя новая вера будет принята всеми и служение богам будет полностью прекращено". Царь Вена, таким образом, опередил свое время, и его сожгли на священной траве, в то время как для него исполнялась мантра.

Эта теория Кали любопытна, поскольку указывает на окончательный триумф врагов богов. В скандинавской теории "Рагнарека", Сумерек богов, также, по-видимому, не было никакой надежды на будущую победу существующих богов. В вере парсов мы впервые встречаемся с верой во всеобщую катастрофу, за которой следует верховенство и всеобщее господство добра. Эта вера характеризовала более поздние еврейские пророчества и является духом смелого высказывания Павла: "Когда все будет подчинено Ему, тогда и сам Сын будет подчинен Тому, кто все подчинил ему, да будет Бог всем во всем".

Однако, когда теология и метафизика продвинулись вперед и придали этой огненной лаве пророческих и апостольских эпох догматические формы, злу была предоставлена равная продолжительность с добром. Конфликт между Христом и его врагами не должен был закончиться обращением или уничтожением его врагов, но его окончательное пришествие в качестве монарха мира должно было стать свидетелем заковывания Архидемона в Яму.

Собственное представление Христа о сатане, предполагающее, что определенные высказывания, о которых сообщается, действительно были им произнесены, должно было заключаться в том, что он рассматривал его как Искуителя зла, целью которого было проверить реальность веры. 'Симон, Симон, вот, сатана просил тебя за себя, чтобы он мог просеять тебя, как пшеницу; но я молился за тебя, чтобы твоя вера не оскудела; и когда однажды ты вернешься, утверди своих братьев. И он сказал ему: Господи, я готов идти с тобою и в темницу, и на смерть. И он сказал: говорю тебе, Петр, петух не пропоет сегодня, пока ты трижды не отрекешься от того, что знаешь меня'.¹³⁰ Такое чувство не могло передать еврейским ушам приниженного представления о сатане, кроме как как о ночном духе, который должен прекратить свою работу при петушином крике. Это адаптация того, что, как было сказано, должен был сделать сам Иегова в пророчестве Амоса. 'Я не уничтожу дом Иакова полностью, - говорит Господь.... Я рассею дом Израилев среди всех народов, подобно тому, как зерно просеивают в решете, но ни малейшее зернышко не упадет на землю'.¹³¹

У Павла, по-видимому, тоже было примерно такое представление о сатане, поскольку он говорит о злодее, преданном сатане "на истребление плоти, дабы дух мог быть спасен".¹³² Однако в другом отрывке есть указание на четкость, с которой Павел и его друзья восприняли новую версию сатаны как препятствия их работе. 'Ибо таковы,' говорит он, 'лжеапостолы, делатели обмана, превращающие себя в апостолов Христа. И неудивительно: ибо сатана превращает себя в ангела света. Поэтому нет ничего великого, если его служители также преобразуют себя как служителей праведности, конец которых будет соответствовать их делам'.¹³³ Здесь можно отметить, что Павел думает не о самом сатане, превращающем себя в служителя праведности, а о служителях сатаны, делающих это. Это одна из нескольких фраз в Новом Завете, которые раскрывают работу нового движения по направлению к собственному выражению. Реальные и далеко идущие религиозные революции в истории отличаются от простых сектантских модификаций, которые они выражают не более чем в своей новой

фразеологии. Когда Иегову, Мессию и сатану постепенно вытесняют Отец, Христос и Антихрист (или Человек Греха, Лжехрист, Хранитель (катέχων), Лжепророк, Сын Погибели, Тайна Беззакония, Беззаконник), становится ясно, что присутствуют новые элементы и новые чрезвычайные ситуации. Эти разнообразные фразы, только что процитированные, действительно, долгое время не могли выкристаллизироваться в какое-либо единое название для нового Препятствия на пути к новой жизни, ибо в то же время сама новая жизнь была слишком живой, слишком разнообразной, чтобы застыть в какой-либо определенной форме или быть отмеченной каким-либо особым названием. Единственный автор Нового Завета, который использует слово "Антихрист", - это так называемый апостол Иоанн; и интересно отметить, что у него оно связано с догматическим утверждением природы Христа и определением ереси. "Всякий дух, исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, от Бога; и всякий дух, не исповедующий Иисуса Христа, не от Бога: а это дух Антихриста, о котором вы слышали, что он приходит; и теперь он уже в мире".¹³⁴ Этот язык, характерный для середины и конца второго века,¹³⁵ сильно контрастирует с высказыванием Павла в первом веке, описывающим Человека Греха (или беззакония, сына погибели) как того, "кто противится и уничтожает". превозносит себя выше всего, что называется Богом или чему поклоняются; так что он восседает в храме Божьем, показывая себе, что он есть Бог".¹³⁶ Христос еще не начал вытеснять Бога; для Павла он Сын Божий, противостоящий Сыну Разрушения, божественный человек, которому противостоит человек греха. Когда природа Христа становится основой догмы, человек греха сразу же определяется как противник этой догмы.

По мере того как эта догма продвигалась к своему завершению и победе, она неизбежно принимала форму триумфа над цезарями, которые провозглашали себя богами и требовали поклонения как такового. Автор второго Послания, носящий имя Петра, видел тех христиан, которые подчинились такой власти, олицетворением которой был Валаам, заблудший пророк, которому противостоял ангел;¹³⁷ автор Евангелия от Иоанна видел в предателе Иуде "сына погибели",¹³⁸ представляя Иисуса молящимся о том, чтобы остальные его ученики были сохранены "от лукавого"; и многие подобные выражения раскрывают тот факт, что к концу второго века и на протяжении всего третьего главным препятствием для тех, кто только начинал называться "христианами". - это было искушение, предложенное Римом самим христианам предать свою секту. По-прежнему было опасно называть тех самых имперских богов, которые последовательно становились объектом поклонения в Риме, но смысл этих фраз безошибочен задолго до того, как последний из языческих императоров протянул стремя первому христианскому понтифику, садившемуся на коня.

Нерон идеально соответствовал портрету 'сына погибели, сидящего в храме Божьем'. Он стремился к титулу 'Царь иудейский'. Он торжественно принял имя Юпитера. У него были свои храмы и свои жрецы, и он разделял божественные почести со своей любовницей Поппеей. И все же, когда Нерон и его слава погибли под напором тех чаш гнева, которые описаны в Апокалипсисе, у Веспасиана появился более точный образ коварного "Лжехриста". Его предполагаемые чудеса ('лживые чудеса') и известное предсказание его величия пророком на горе Кармил, его притеснение евреев, которым приходилось ежегодно вносить двойную драхму на поддержку храмов и богов, восстановленных Веспасианом, в совокупности сделали этого благопристойного и популярного императора более грозным врагом, чем "Зверь" Нерон, которому он наследовал. Добродетели и философия Марка Аврелия все еще увеличивали опасность. Политические условия благоприятствовали всем тем, кто был склонен к компромиссу и сочетанию популярных языческих и еврейских праздников, символов и

церемоний. В апокалиптической метафоре Веспасиан и Аврелий - это два рога Агнца, который говорил подобно Дракону, *то есть* Нерону (Откр. xiii. 11).

Истоки той мешанины суеверий, которая в конце концов получила название христианства, были заложены в освобождении путем разложения на части всех тех систем, которые Юлий Цезарь заключил воедино для взаимного уничтожения. 'С новыми тронами воздвигаются новые алтари', - говорит байроновский Сарданапал; но еще более верно то, что с новыми тронами все алтари понемногу рушатся. В ранний период различия между верующими во Христа и теми, кого они называли идолопоклонниками, были главным образом в названии; а с увеличением числа обращенных язычников принятие символики и практик старых религий стало настолько повсеместным, что спор шел об оригинальности. 'Дьявол,' говорит Тертуллиан, 'в чьи обязанности входит извращать истину, в точности имитирует обстоятельства Божественных Таинств в мистериях идолов. Он сам крестит некоторых, то есть своих верующих и последователей: он обещает прощение грехов *из священного источника* и таким образом посвящает их в религию Митры; таким образом, он отмечает на челе своих солдат: затем он празднует *приношение хлеба*; он приносит символ воскресения и завоевывает корону мечом'.¹³⁹

То, какую массу фантастической чепухи можно было впихнуть в один мозг, было показано во времена Нерона, мозгом которого был мозг Симона Волшебника. В конце концов, Симон был представительным человеком; он вновь появляется в христианском гностицизме, а Петр, который осудил его, вновь появляется также во фризах монтанизма. Возьмем последователей этого Колдуна, поклоняющихся его изображению в виде Юпитера, Луны и Минервы; и Монтана с его дикарками Присциллой и Максимиллой, разгуливающими повсюду, утверждая, что их вдохновил Святой Дух на восстановление сирийской ортодоксальности и аскетизма; и у нас есть прекрасные образцы партий, которые свирепо смотрели друг на друга и обращались друг к другу как к детям Велиала. Они соревновались друг с другом в мнимых чудесах. Они оба утверждали, что носят имя Христа и все одобренные символы и таинства. Триумф одной партии превратил другую в антихриста.

Таким образом, со временем, когда одна голова гидры пала только для того, чтобы за ней последовала другая, был определен Дух, общий для них всех и действующий через них - новый дьявол, особой обязанностью которого была враждебность ко Христу, и чьи действия осуществлялись через тех, кто называл себя христианами, а также через открытых врагов.

Как обычно, когда фразы, рожденные в реальной борьбе, теряли свой смысл, их передавали теологам для превращения в вечные догмы. Из неизмеримой массы теорий и спекуляций мы можем рассматривать следующий отрывок из Иеронима как показывающий то, что стало преобладающим верованием в начале пятого века. 'Давайте скажем то, что передали все церковные писатели, а именно, что в конце света, когда Римская империя будет разрушена, будет десять царей, которые разделят римский мир между собой; и восстанет одиннадцатый маленький царь, который подчинит трех из десяти царей, то есть царя Египта, Африки и Эфиопии; и после того, как они будут убиты, семь других царей подчинятся'. "И вот, — говорит он, — у барана были глаза человека" - это значит, что мы можем считать его не дьяволом или демоном, как думали некоторые, но человеком, в котором сатана будет обитать полностью и телесно - "и устами, говорящими великие вещи"; ибо он - "человек греха, сын погибели, который восседает в храме Божьем, делая себя Богом".¹⁴⁰

‘Маленький рог’ Даниила оказался рогом изобилия для антихристов. Не только христиане, но и евреи и мусульмане имеют определенные убеждения на этот счет. Раввинское имя Антихриста - Армилл, слово, встречающееся в Таргуме (Ис. xi. 4): ‘По слову уст его нечестивый Армилл умрет’. Будет двенадцать знамений пришествия Мессии — появление трех царей-отступников, страшный солнечный жар, кровавая роса, целебная роса, солнце померкло на тридцать дней, вселенская власть Рима, постигшая евреев скорбь, и появление первого Мессии (колена Иосифа), Неемии. Следующим и седьмым знамением будет появление Армилла, рожденного мраморной статуей в церкви Рима. Римляне примут его как своего бога, и весь мир будет подчинен ему. Один только Неемия откажется поклоняться ему, и за это будет убит, а евреи претерпят ужасные страдания. Восьмым знамением будет явление ангела Михаила с тремя звуками его трубы— которые призовут Илию, предтечу, и истинного Мессию (Бен Давида), и положат начало войне с Армиллом, который погибнет, и все христиане вместе с ним. Десять колен будут собраны в Раю. Мессия женится на прекраснейшей дочери своей расы, и когда он умрет, его сыновья унаследуют его и будут править в непрерывной линии над блаженным Израилем.

Мусульманская модификация понятия Антихриста очень примечательна. Они называют его *Аль-Даджжайль*, то есть самозванец. Говорят, что Мухаммед сказал своей последовательнице Тамисри Ад-Дари, что в конце света Антихрист войдет в Иерусалим верхом на осле; но тогда Иисус совершит свое второе пришествие, чтобы встретиться с ним. Зверь Апокалипсиса поможет Антихристу, но к Иисусу присоединится Имам Махади, который никогда не умирал; вместе они победят Антихриста, и после этого мусульмане и христиане навсегда будут объединены в одной религии. Евреи, однако, будут считать Антихриста своим ожидаемым Мессией. Антихрист будет слеп на один глаз и глух на одно ухо. ‘Неверующий’ будет написано у него на лбу. В тот день солнце взойдет на западе.¹⁴¹

Христиане плохо оплатили этой дружественной мусульманской теории, в какой-то период очень широко идентифицировав Мухаммеда как Антихриста. Из того периода пришли английские слова *taumet*(идол) и *umtery*(идолопоклонство), оба из которых, вероятно, происходят от имени Арабского пророка. ‘Маленький рог’ Даниэля обозначает, согласно Мартину Лютеру, Мухаммеда. ‘Но что такое Глаза Маленького Рога? Глаза Маленького Рога, - говорит он, - означают Алькоран Мухаммеда, или Закон, которым он правит. В Законе которого нет ничего, кроме чисто человеческого разума (eitel menschliche Vernunft).’ ... ‘Ибо его Закон,’ повторяет он, - не учит ничему, кроме того, что может понравиться человеческому пониманию и рассудку”... А потому ‘Христос сойдет на него с огнем и серой’. Когда он писал это — в своей ‘армейской проповеди’ против турок — в 1529 году, он никогда не видел Корана. ‘Брата Ричарда” (Predigerordens) “Конфутация Алькорана”, датированная 1300 годом, легла в исключительную основу его аргументации. Но в Великий пост 1540 года, рассказывает он, в его руки попал латинский перевод, хотя и очень неудовлетворительный, и он снова вернулся к брату Ричарду и перевел свое Опровержение на немецкий, дополнив свою версию краткими, но колоритными примечаниями. Этот брат Ричард, согласно его собственному рассказу, отправился в поисках знаний в ‘Вавилон, этот прекрасный город сарацин”, и в Вавилоне он выучил арабский и был приучен к злым обычаям сарацин. Когда он благополучно вернулся на родину, он приступил к борьбе с тем же самым. И вот его изречение: ‘Во времена императора Ираклия восстал человек, да, дьявол, первенец сатаны ... который погряз... и он занимался Черной Магией, и звали его Мачумет. ... Этот труд Лютер сделал известным своим соотечественникам, переведя и прокомментировав, предваряя и завершая его эпилогом.

Правда, его заметки сводятся к немногим большему, чем случайные "О, тьфу, как тебе не стыдно, ты ужасный дьявол, ты проклятый Магомет", или "О сатана, сатана, ты заплатишь за это", или "Вот так, дьяволы, сарацины, турки, все равно", или "Здесь дьявол чувствует неладное", или коротко: "О, черт возьми, Тойфель!", за исключением тех случаев, когда он скромно, с вопросом, предполагают ли те убийцы, которых, согласно его тексту, регулярно обучают выходить в свет? возможно, это не цыгане или "Оборванцы" (татары); или когда он срывается с "Nec nescio quid dicat translator", чтобы убивать и истреблять все Мирские Силы. Однако его эпилог посвящен специальному исследованию того, кто хуже - Мухаммед или Папа Римский. И в двадцать второй главе этого исследования он пришел к окончательному выводу, что, в конце концов, папа хуже, и что он, а не Мухаммед, является настоящим 'эндехристом'. "Волен, - заканчивает он, - даруй нам Бог свою милость и покарай и Папу, и Мухаммеда вместе с их дьяволами. Я внес свой вклад как истинный пророк и учитель. Те, кто не желает слушать, могут оставить это в покое'. Похожим тоном говорит ученый и мягкий Меланхтон. Во вступительном послании к перепечатке того самого латинского Корана, который так не понравился Лютеру, он обвиняет Магомета, или, скорее, используя его собственные слова, он думает, что "Магомет вдохновлен сатаной", потому что он "не объясняет, что такое грех", и далее, поскольку он 'не показывает причину человеческих страданий'. Он согласен с Лютером по поводу Маленького Рога, хотя в другом трактате он скорее склонен видеть в Мухаммеде и Гога, и Магогину. И "секта Мухаммеда, - говорит он, - полностью состоит из (*conflata*) богохульства, грабежа и постыдных похотей'. При этом ни в малейшей степени не имеет значения, о чем вообще идет речь в Коране. 'Даже если бы в книге было что-то менее непристойное, это должно волновать нас не больше, чем предзнаменования египтян, которые вызывали змей и кошек.... Если бы не то, что отчасти эта мусульманская зараза, а отчасти идолопоклонство папы римского уже давно вели нас прямо к краху — да смилуется Бог над некоторыми из нас!"¹⁴²

Слово "Мавет" было использовано Уиклиффом для обозначения идола в его переводе Нового Завета, Деяния vii. 41: 'И сделали в те дни тельца и принесли жертву Мавету' (идолу). Это слово, хотя некоторые и заимствуют его по-другому, вероятно, является искажением имени Мухаммед. В 'Карте мира' тринадцатого века мы находим изображение золотого тельца на Синайском мысе с надписью 'Махум' для обозначения Мухаммеда, чье имя в различных искажениях, таких как Махунд, Мавмет и т.д., стало общим наречием в средневековых языках для обозначения идола. В миссионерском гимне Уэсли Мухаммед апостроф как—

Этот арабский вор, как дерзкий сатана,

Который полностью уничтожил Твою азиатскую паству;

и Всевышний закликает...

Изгнать унитарного дьявола,

И отправит свое учение обратно в Ад.

В наши дни, когда само упоминание о дьяволе вызывает улыбку, мы с трудом можем осознать ту серьезность, с которой когда-то относились к его творчеству. Когда Гете представляет Мефистофеля как человека, берущегося преподавать теологию Фаусту, и останавливается на его ортодоксальности, это является рефреном веры многих поколений. Дьявол не был 'Божьей обезьяной', как комично называл его Тертуллиан; считалось, что не только его церемониал был создан по образцу Божьего, но и его вдохновение для своих последователей было столь же

мощным и искренним. Тертуллиан был вынужден написать в таком тоне: "Краснейте, мои римские соратники, даже если вас будет судить не Христос, а любой солдат Митры, который, когда проходит посвящение в пещере, в самом лагере Сил Тьмы, когда ему предлагают венки (между ними кладут меч, как бы в подобию мученичества), а затем собираются возложить ему на голову, его предупреждают, чтобы он вытянул руку и оттолкнул венок, перекладывая его, возможно, на плечо, говоря в то же время: "Я хочу, чтобы ты был моим другом". — Моя единственная корона - Митра. И с тех пор он никогда не носит венков; и это знак, который у него есть для испытания, когда бы его ни пытались провести в посвящении, ибо он немедленно признается воином Митры, если он сбрасывает предложенный ему венок, говоря, что его корона в его боге. Поэтому давайте признаем коварство дьявола, который подражает некоторым божественным вещам, чтобы он мог сбивать с толку и судить нас по вере своих собственных последователей".

Это было написано до возвышения христианства при Константине. Когда наступила эпоха мученичества так называемых язычников, эти формулы стали реальностью, и христиане были еще более сбиты с толку, обнаружив, что поклонники Дьявола, как они их считали, могли отдать свои жизни во многих частях Европы так же храбро за свою веру, как это когда-либо делал любой христианин. Таким образом, 'Князь мира сего' стал ничего не значащим словосочетанием, за исключением еретиков. Христос стал Князем этого мира, и ему противостояли религиозные приверженцы, столь же ревностные, как и все, кто пострадал при Нероне. Отношение Оппозиции к дьяволу было еще более четко определено, когда она присвоила своему расколу или ереси христианское название и когда она проявила свою лояльность Противнику Церкви вплоть до мученической смерти. 'Скажите мне, святой отец,' обратился Эвервинус к святому Бернару по поводу альбигойцев, 'как это происходит? Они взойшли на костер и переносили мучения огня не только терпеливо, но и с радостью. Я хочу, чтобы вы объяснили, как эти приверженцы дьявола могли упорствовать в своей ереси с мужеством и постоянством, которые едва ли можно найти в самых набожных приверженцах веры Христовой?'

В этих обстоятельствах персонификация Антихриста получила естественное, но все же удивительное развитие. Он должен был родиться от девы в Вавилоне, получить образование в Вифсаиде и Хоразине и совершить триумфальный въезд в Иерусалим, провозгласив себя Сыном Божиим. В беседе в Мессине (1202) между Ричардом I. и аббатом Иоахимом Флорисским король сказал: "Я думал, что Антихрист родится в Антиохии или в Вавилоне, из колена Данова, и будет царствовать в храме Господнем в Иерусалиме, и будет ходить по той земле, по которой ходил Христос, и будет царствовать в ней три с половиной года, и будет спорить с Илией и Енохом, и убьет их, и впоследствии умрет; и что после его смерти Бог даст шестьдесят дней покаяния, в течение которых те смогут покаяться". покайтесь, которые должны были сойти с пути истины и были соблазнены проповедью Антихриста и его лжепророков".

Рис. 9.Шествие Змея Грехов.

Эта вера нашла отражение в Западной Европе в вере в то, что конгрегация ведьм собиралась на свой Шабаш (институт, который затем был включен в число языческих), чтобы отслужить великую мессу дьяволу, и что все примитивные храмы были возведены в честь сатаны. В Русской Церкви соответствие между силами добра и зла, следуя их примитивной вере в конфликт между Белбогом и Чернибогом (белым богом и черным богом), доходило до любопытной степени изображения в аду своего рода адской Троицы. Отцу, восседающему на

Небесном престоле, с Сыном между колен и Голубем рядом или под ним, ответил величественный Сатана в аду, держащий своего Сына (Иуду) на коленях, и Змей, действующий как контрагент Голубя. Это необычное расположение до сих пор можно увидеть на многих картинах, украшающих стены древнейших русских церквей (рис. 9).

Рис. 10. Древнерусская настенная живопись.

Рис. 11.—Александр VI. как Антихрист.

Адский бог не лишен торжественного величия, соответствующего величию его великого противника наверху. Змей Грехов исходит от дьявольских Отца и Сына, выходя из-под их трона через одну из двух пастей Ада, а затем извивается вверх, жадно разевая пасть возле ужасных Весов, на которых взвешиваются души (рис. 10). По всей его отвратительной длине через равные промежутки времени восседают девять крылатых дьяволов, представляющих, вероятно, антагонистов девяти Сефирот или Эонов гностической теологии. Каждый вооружен крюком, с помощью которого можно тащить взвешенные и признанные нуждающимися души. Грехи, которые олицетворяют эти дьяволы, обозначены, как правило, на кольцах вокруг змеи, и их отвратительность возрастает по направлению к голове. Любопытный факт, что ближайший к голове Грех помечен как "Немилосердие". Станный и неосознанный сарказм по отношению к Всемогущему Божеству, под властью которого существует эта разработка схемы грехов и мучений, в точности соответствующей схеме добродетелей и радостей!

Истинно сказано в Послании Иоанна: "Есть много антихристов". Если это было верно до того, как появилось слово "христианство" или система, которую оно называет, что было потом? На протяжении веков мы находим обширные системы, осуждающие друг друга как антихристов. И в конечном счете, когда тонкая, едва осознаваемая ересь распространилась за границу, сам великий отлучитель антихристов, Рим, получил этот титул, от которого с тех пор никогда не избавлялся. Римский престол впервые получил это название не от протестантов, а от своих собственных вождей. Сам Григорий (590 г. н.э.) выдвинул эту идею, заявив, что любой человек, обладающий хотя бы тенью такой власти, какую папы присвоили себе после его правления, будет предтечей Антихриста. Арнульф, епископ Орлеанский, в инвективе против Иоанна XV. в Реймсе (991 г. н.э.) намекнул, что папа, лишенный милосердия, был антихристом. Но клеймо было, наконец, исправлено (двенадцатый век) Амальрихом из Бены ("*Quia Papa esset Antichristus et Roma Babylon et ipse sedit in Monte Oliveti, m. e., в pinguedine potestatis*"); а также аббатом Иоахимом (1202 г. н.э.). Теория Ричарда I., изложенная Иоахиму относительно Антихриста, уже цитировалась. Это было в присутствии архиепископов Руана и Осера, а также епископа Байонны, и представляло их мнение и общепринятые верования того времени. Но Иоахим сказал, что Второй Апокалиптический Зверь олицетворяет какого-то великого прелата, который будет подобен Симону Волхву и, так сказать, вселенскому понтифику, и тому самому Антихристу, о котором говорит святой Павел. Гильдебранд был первым папой, к которому был прикреплен этот уродливый ярлык, но карьера Александра VI. (Родерик Борджиа) навсегда сделала его непоправимым для протестантского сознания. В Британском музее есть сборник карикатур, датированный 1545 годом, в котором остроумно изображен Александр VI. Сначала Папу видят в его церемониальных одеждах; но когда лист поднимается, к нижней части первого присоединяется другая фигура, и появляется папский дьявол, крест в его руке заменяется вилами (рис. 11). К нему прилагается объяснение на немецком языке, излагающее легенду о смерти папы. Он был отравлен (1503) чашей, которую приготовил для другого человека. Впоследствии говорили, что он получил папство с помощью дьявола. На вопрос, как долго он будет править, Дьявол дал двусмысленный ответ; и хотя Александр понимал, что это должно было продлиться пятнадцать лет, оказалось, что всего одиннадцать. Когда в 1520 году папа Лев X издал свою официальную буллу против Лютера, реформатор назвал ее 'отвратительной буллой Антихриста'. Итальянское стихотворение того времени, в котором Лютер изображался как отпрыск Мегеры, немцы вернули инвективу в форме, более способной произвести впечатление на общественное мнение, а именно в карикатуре (рис. 12), изображающей упомянутую Фурию ухаживающей за папой римским. Эта карикатура также датирована 1545

годом, а вместе с ней были и другие, изображающие Алектю и Тисифону, действующих в других качестве папского младенца.

Рис. 12. Папа Римский, за которым ухаживает Мегера.

Лютеране сделали открытие, что число Апокалиптического Зверя, 666, записанное еврейскими буквами-цифрами, содержит слова *Aberin Kadescha Para* (наш святой отец Папа Римский). Падение этого антихриста было излюбленной темой проповедей с кафедр, а также среди художников. Была напечатана очень энергичная брошюра (1521), проиллюстрированная рисунками друга Лютера Лукаса Кранаха. Она называлась "*Страстные христиане и антихристи*". Падение папского антихриста (рис. 13) сопровождается изображением Христа, омывающего ноги своим ученикам.

Рис. 13. Нисхождение Антихриста (Л. Кранах).

Но католики тоже могли совершать открытия; и среди многого другого они обнаружили, что слово 'Лютер' в еврейских цифрах также составляло число Зверя. Вспомнили, что одним из самых ранних предсказаний относительно Антихриста было то, что он будет пародировать

рождение Христа от девственницы, будучи рожденным епископом от монахини. Брак Лютера с монахиней Екатериной фон Бора был достаточно близок к предсказанию, чтобы его враги приветствовали его. Источник его вдохновения в понимании католиков умело указан в карикатуре того периода (рис. 14).

Рис. 14. Дьявол Лютера в представлении католиков.

Теория о том, что папство представляет Антихриста, так долго была свято верующими бунтарями против его власти, что превратилась в вульгаризированный догмат протестантской веры. С другой стороны, католики, по-видимому, придерживаются политического и перспективного взгляда на Антихриста. Кардинал Мэннинг в своем пастырском послании "После избрания Льва XIII" сказал: "Волна революции захлестнула все страны. Каждый народ в Европе внутренне разделен против самого себя, и старое христианское общество с его законами, его святостями и его стабильностью уступает место народной воле, у которой нет закона, или, скорее, которая претендует на то, чтобы быть законом для самой себя. Это, по крайней мере, предвестник Беззаконника, который в свое время откроется".

На протяжении бесконечного обмена эпитетами было ясно, что Антихрист - это *доведение до абсурда* понятия личного Дьявола. С того дня, как это слово было впервые придумано, оно принимало самые разнообразные формы, с одинаковой точностью соответствовало самым противоречивым вещам и личностям; и потребность в такой новой форме на том или ином этапе развития противоречий является сатирой на неадекватность сатаны и его древних служителей. Ушедшие Дьяволы не могут олицетворять новую вражду. Восхождение каждой церковной или теологической системы можно проследить по массовым убийствам и мученичествам; каждое из них, будь то с той или другой стороны, способствует появлению нового дьявола. История Антихриста показывает, что дьяволы находятся в процессе становления. Между тем, для глаз, которые видят, как каждая построенная таким образом система должна жертвовать добродетелью на каждом этапе своего восхождения, будет достаточно ясно, что каждая могущественная Церковь является противником религии, которую она утверждает, что представляет. Буддизм - это антибудда; ислам - это антимохаммед; христианство - это антихрист.

Глава 22. Гордость жизни

Проклятие Иблиса—Самаэль как демократ—Его оправдание Христом и Павлом—Асмодей—История имени—Ашмедай иудейский—Книга Товита—"Триумф христианства" Доре—Окассен и Николетт—Асмодей в монастыре—Асмодей из Шалфа—Мефистофель—"Брак рая и ада" Блейка—Дьявол и художники—Видение сатаны Сада—Искусство дьявола—Подозрение в красоте—Земное и небесное особняки —Дикон против Дьявол.

На парапете внешней галереи Нотр-Дам в Париже находится резная фигура в человеческий рост, представленная на нашем рисунке (15). На лице его появляется замечательное выражение гордости и удовлетворения, когда он смотрит на веселый город и созерцает все его порочность, но это удовлетворение странным образом смешивается с выражением зависти и похоти. Его элегантный головной убор придает ему помпезность, подобающую Асмодею, правящему самой блестящей столицей мира.

Рис. 15. Гордость жизни.

Его место на изящном парапете контрастирует с местом, отведенным ему в восточных традициях — руинами и пустынными местами, — но в остальном он, без сомнения, полностью соответствовал первоначальным идеям при выборе своей штаб-квартиры в Париже. Мусульманская легенда гласит, что когда после грехопадения Человека Аллах смягчал вынесенные им приговоры, Иблис (который, как говорится в Коране, умолял и получил отсрочку своего отправления в Ад до воскресения и неограниченную власть над грешниками, которые не принимают слово Аллаха) попросил —

- Где я буду жить тем временем?

- В руинах, гробницах и всех других нечистых местах, которых избегает человек.

- Что мне приготовить?

"Все умерщвлено во имя идолов.

- Как мне утолить свою жажду?

- С вином и горячительными напитками.

- Чем занять мой досуг?

Музыка, песни, любовная поэзия и танцы.

- Какой у меня лозунг?

Проклятие Аллаха до судного дня.

- Но как мне бороться с человеком, которому ты даровал двух ангелов-хранителей и который получил твое откровение?

"Твое потомство будет многочисленнее его, ибо на каждого рожденного человека придет в мир семь злых духов, но они будут бессильны против верующих".

Говорят также, что войти в Рай Иблису с вином, песнями и танцами — "гордости жизни" — помог павлин, которому он польстил.¹⁴³

Эта басня, хотя и более поздняя по форме, чем эпоха Мухаммеда, по существу столь же древняя, как миф об Эдеме. Зародыш этого уже заложен в вере в то, что Иегова отделил от остальной земли сад, от мира людей - свою собственную семью, а от недели - свой собственный день. Ответом избранных гордой языческой аристократии была аскетическая каста, созданная по завету с Царем царей. Такое отношение благочестивой касты превратило варварских аристократов, в некотором смысле, в демократов. Действительно, Самаэля, в котором идеально были представлены проклятые герцоги Эдома, можно было бы назвать почти Демократическим дьяволом. Согласно ранней еврейской легенде, Иегова, решив отделить "людей" (*то есть*, евреев) от "свиней" (*то есть*, идолопоклонников, язычников), наложил на них печать обрезания как на детей Авраама. Однако, поскольку были евреи, которые по необходимости никогда не подвергались обрезанию, было решено, что их души после смерти должны перейти в облик определенных священных птиц, где они очистятся и, наконец, соединятся с избранными в Раю. Говорят, что Самаэль, или Адам Велиал, как его иногда называли, обратился к Создателю с просьбой о том, чтобы это устройство включало все расы существ. 'Владыка мира!' сказал он. - мы тоже от твоего творения. Ты - наш отец. Как ты спасаешь души Израиля, преображая их, чтобы они могли быть возвращены обратно и стать бессмертными, так поступи и с нами! Почему ты должен смотреть на семя Авраама раньше нас?' Иегова ответил: "Сделал ли ты то же самое, что сделал Авраам, который узнал меня с детства и пошел в халдейский огонь из любви ко мне? Вы видели, что я спас его из ваших рук и из огненной печи, которая не имела над ним власти, и все же вы не любили меня и не поклонялись мне. Отныне не говори больше ни о добре, ни о зле".¹⁴⁴

Старые раввинские книги, в которых записан этот разговор, не сообщают об ответе Самаэля; да в этом и нет необходимости: этот ответ был дан Иисусом и Павлом, разрушившими перегородки

между евреями и язычниками. Однако совсем другое дело - морально относиться к миру. Иисус, по-видимому, тоже стремился к этому; он пришел "есть и пить", и ортодоксальные говорили, что в нем был Самаэль. Лично он отказался заменить дискредитированный национальный обряд обрезания даже космополитическим обрядом крещения. Но Павел был другого мнения. Его фарисейство было одухотворено и усилено в его новой вере, Противником которой был весь великий мир.

Это была огромная уступка, этот отказ от веселого и прекрасного мира с его весельем и забавами, его изящных искусств и романтики — Дьяволу. Непокколебимый Враг следовал этой дикой теореме во многих формах, из которых наиболее значимой является Асмодей.

Асмодей, или Ашма-дава из зендских текстов, современный персидский хасм, этимологически является тем, что Карлайл мог бы назвать "божественным Желанием"; *аша* означает "желать", от санскритского корня *иш*, 'желать'. Почти постоянным эпитетом Ашмы является Хрвидра, что, по-видимому, означает 'обладающий смертоносным оружием или копьем'. Иногда его упоминают сразу после Анро-майнюса (Аримана); иногда прямо называют одним из его самых выдающихся сторонников. В замечательной битве между Ахуро-маздой (Ормуздом) и Анро-майнюсом, описанной в Зам. V. 46, доброе божество призывает к себе на помощь Вохумано, Ашавахишту и Огонь; в то время как Злому помогают Акомано, Ашма и Аджи-Дахака.¹⁴⁵ Следовательно, здесь Ашма предстает как противоположность Ашавахиште, 'высшей чистоте' Владыки Огня. Ашма - это дух низшего или нечистого Огня, Похоти и Гнева. Санскритский текст называет его Косса-дева, 'бог Гнева'. В Ячнах 27, 35 Шраоша, противник Ашмы, призывается защитить верующих 'в обоих мирах от Насильственной Смерти, от Ашмы Жестокой, от воинств Насилия, которые поднимают ужасное знамя — от нападений Ашмы, которые он совершает вместе с Видату ("Разделитель, Разрушитель"), созданным демоном'. Таким образом, он является ведущим представителем распада, фатальной силы Аримана. Говорят, что Ормузд создал Шраошу, чтобы тот стал разрушителем "Ашмы рокового копья". Шраоша ("Слышащий") - моральный победитель Ашмы, в отличие от Хаомы, который является его главным противником в физической сфере.

Таково, вслед за Виндишманом,¹⁴⁶ происхождение дьявола, которого апокрифическая книга Товита сделала известным в Европе как Асмодей. Ашмедай, как называли его евреи, предстает в этой истории именно как дух, описанный в Авесте, — дьявол Насилия и Похоти, чья страсть к Саре заставляет его убить семерых ее мужей в их первую брачную ночь. Дьяволы Похоти рассматриваются в других местах, и Асмодей среди них; есть еще один аспект его личности, который здесь касается нас. Он привередливый дьявол. Он не допустит, чтобы объект его страсти оказался в объятиях кого-либо другого. Он не выносит неприятных запахов, и дым от рыбьих потрохов, сожженных Товитом, приводит его 'в отдаленные уголки Египта, где ангел связал его'. Однако гораздо важнее прочитать эту историю в свете общей репутации Ашмедея среди евреев и арабов. Примечательно, что это был образ дьявола, представленный в мусульманской традиции в начале этой главы. Он - восточный Дон Жуан и Лотарио; он поит Ноя и Соломона вином, соблазняет их жен и всегда ставит перед собой высокие цели своими лихими интригами. Он бы воскликнул "Аминь" в ответ на строки Лютера —

Кто не любит вина, женщин и песен,

Он живет дураком всю свою жизнь.

Помимо того, что он аристократ, он ученый, самый образованный магистр искусств, получивший образование в великом Колледже Ада, основанном Асой и Асаэлем, как рассказывается в других местах. Он любил азартные игры и был настолько моден, что Кальмет считал, что само его имя означает "хорошо одетый".

Итак, моральные размышления в Книге Товита и ее случайные намеки на положение соответствующих лиц показывают, что они были еврейскими пленниками самого скромного рабочего класса, религия которого относится к тому типу, который сейчас встречается в основном среди наиболее невежественных сектантов. Нравственные наставления Товита своему сыну: 'В гордыне - разрушение и много хлопот, а в распутстве - разложение и большая нужда', 'Не пей вина, чтобы опьянеть', и его подробные наставления о том, как обрести богатство в страхе Божьем, - именно такие, которые сформировали бы дьявола в образе Асмодея. Моральные истины Товита искажены его пуританством: "Молитва хороша вместе с постом, милостыней и праведностью"; "но ничего не давай нечестивому"; "Если ты служишь Богу, он оплатит тебе".

'Пирожные и эль' не прекращают своего существования из-за того, что Товиты добродетельны; но, к сожалению, они могут подняться из подчиненного положения до неподчиняемого путем передачи религиозных ограничений в руки Невежества и Косности. Асмодей, настроенный против персидского и еврейского аскетизма и лицемерия, привлекал людей со всего мира. Через него дьявол стал опасно ассоциироваться с остроумием, галантностью и единственным кредо молодежи, которое вовсе не является чахоточным —

Серый - это все Теория,

Дерево Зеленой Жизни с золотыми плодами!

Особенно Асмодей олицетворял подчинение так называемых 'религиозных' и племенных различий светским соображениям. Поскольку Самаэль ходатайствовал о распространении Авраамического Завета на весь мир и не смог добиться этого от Иеговы, Асмодей предложил проигнорировать это различие. В Книге Товита есть многое, что выглядит так, как будто она была написана специально для того, чтобы убедить еврейскую молодежь, соблазняемую вавилонянами вступать в брак, в том, что их возлюбленные могут оказаться суккубами или инкубами. Товит умоляет своего сына жениться в его собственном племени, а не брать 'чужую женщину'. Асмодей был таким же космополитом, как и сам бог Любви, и многие из его самых уродливых ранних черт были скрыты от глаз более поздними событиями.

Гюстав Доре в своей яркой манере изобразил "Триумф христианства". В нем мы видим ангельское воинство с обнаженными мечами, низвергающее формы, которым поклонялось язычество, — швыряющее их очертя голову в пропасть. Что касается битвы и победы, то это всего лишь представление, которое было бы у раннего христианина о том, что произошло с пришествием Христа. Их души наполнились радостью, когда они увидели глазами Фейт этих закутанных ангелов, низвергающих обнаженных богинь; они были бы в восторге представить, как при падении могут переломаться кости этих прекрасных конечностей. Ибо они никогда не думали об этих богах и богинях как о статуях, а как о настоящих дьяволах-обольстителях; и когда эти христиане принесли с собой искусство, они часто представляли черные души, выходящие из этих прекрасных идов, когда они падают.

Возможно, Доре и пытался сделать ангелов такими же прекрасными, как богини, но ему это не удалось. В этом он истолковал сердце, стоящее за каждым уродством, которое когда-либо добавлялось языческому божеству. Ужас монахов заключался в явном почитании. Почему они морили себя голодом, бичовали свои тела и обвивали их терновником? Потому что, даже испортив прекрасные образы, они не смогли изгнать из своего внутреннего поклонения прекрасные идеалы, которые они олицетворяли.

Теперь нетрудно понять, что древние монахи предавали языческие идеалы воображаемому, а себя - реальному аду, в полной надежде таким образом обрести постоянное обладание той же красотой, от которой отказались на земле. Красота мира была преходящей. Они болезненно относились к смерти; под самым розовым обликом они видели скелет. Небесными ангелами, к которым они стремились, были Венус и Аполлос, под их бессмертной плотью не было видно скелетов. Они никогда не приносили жертвы ради бестелесных небес. Сила самораспятия заключалась в символе веры— 'Я верю в воскресение тела и жизнь вечную'.

Мир, как правило, не мог превратиться в черную процессию на собственных похоронах. Пропорционально завоеваниям христианства должна быть его постепенная капитуляция перед непобедимым — перед человеческой природой. Афродита и Эрос, над чьими глубокими могилами были построены женские монастыри, возродились первыми, и история, рассказанная мистером Патером, похожа на романтическую версию сошествия Иштар в Ад и ее воскрешения.¹⁴⁷ В то время как земля еще казалась покрытой инеем, задолго до эпохи Возрождения песня черепахи звучала в балладе об Окассене и Николетте. Рыцарь-христианин женится на прекрасной сарацинке и на все предупреждения священников о том, что он непременно попадет в ад, отвечает: 'Что я мог бы делать в Раю? Я хочу только попасть туда, где я могу быть с Николетт. Кто попадает в Рай? Старые священники, святые калеки, высохшие монахи, которые проводят свою жизнь перед алтарями. Я предпочитаю Ад, куда попадают храбрые, веселые и красивые. Там будут музыканты на арфах, классические поэты и певцы; и там я не расстанусь с Николеттой!'

Вместе с прелестными сарацинскими девушками или воспоминаниями о них в Европу были возвращены легенды об Асмодее. Афродита и Эрос могли бы замаскироваться под его менее известным и менее предаваемым анафеме именем, чтобы он мог петь о своей любви к Саре, о парсе к еврейке, под именами христиана Окассена и сарацинки Николетт. В Восточной Церкви он также появился вновь. Есть прекрасные старые фотографии, на которых слева от юноши изображен элегантный кавалер в шляпе с пером, а справа от него стоит 'серая теория' в виде длиннородного монаха. Такие фотографии, без сомнения, преподали многим урок, отличный от задуманного, а именно, что биение сердца происходит слева.

Где святой Бенедикт утонул в терниях за то, что мечтал освоен(покинутом) 'Николетта', святой Франциск посадил розы, и Латинской церкви пришлось признать эту эволюцию, длившуюся семь веков. Они прятали шипы во дворах монастырей, а розы продавали внешнему миру в качестве индульгенций. Но поскольку Асмодей не уважал грань между евреем и язычником в Ниневи, он обошел грань между священником, монахиней и мирянином на Западе. Во времена колдовства Церковь была шокирована слухами о том, что монахини францисканского монастыря в Лувье в значительной степени увлеклись колдовством и посещали ужасные 'Шабаша ведьм'. Монахиней, наиболее заметной в этом деле, была некая Мадлен Бавент. Жрецы объявили, что она призналась, что демон Асмодей увлек ее на оргии и что он побудил ее

осквернить священное воинство. Оказалось, что монахини были вовлечены в интриги со священниками, которые отвечали за них, особенно с отцами Дэвидом, Пикардом и Буле, но Асмодею приписали это преступление, и монахини были за это наказаны. Мадлен была приговорена к пожизненной епитимье, а Пикард предотвратил пожар самоубийством, в котором, как говорили, ему помог дьявол.

Следуя раввинской традиции, которая представляла его постоянно переходящим из высшей адской коллегии Асы и Асаэля на землю, чтобы применять свое искусство колдовства, Асмодей занял респектабельное положение в европейской литературе благодаря роману "Мудрец" ("Дьявол Бойте"), и его завоеванная таким образом слава во многом способствовала возникновению во Франции того дружеского чувства к дьяволу, которое долгое время было характерной чертой французской литературы. Очень большое количество книг, периодических изданий и журналов во Франции приобрели популярность благодаря имени Дьявола. Асмодей был, по сути, архибогемой. Как таковой, он в значительной степени повлиял на концепцию Мефистофеля в исполнении Гете — самого принца Богемии. Древний ужас Асмодея перед дурными запахами оскорблен именем Мефистофель, и у этого дьявола много общего; тем не менее, во многих отношениях обнаруживается его родство с Асмодеем. Все высохшие, изнемогающие от голода Антони и Бенедикты в культурном смысле присутствуют в теологе и ученом Фаусте; все милые дамы, населявшие их уединение, стали реалистами в Гретхен. Она - Заклятый враг подавленных страстей.

Одна область природы за другой освобождалась от аскетизма. В этом случае Иштар пришлось восстанавливать свою одежду и украшения у последовательных порталов, которые длились столетия, и еще не все они восстановлены. Но мы зашли достаточно далеко, даже в пуританской Англии, чтобы произвести на свет "безумца", достаточно дальновидного, чтобы созерцать *Брак Рая и Ада*. Случай с Асмодеем хорошо, хотя и радикально, изложен Уильямом Блейком в той пословице, которую рассказали ему дьяволы, с которыми он единственный из полуночных путешественников был достаточно проницателен, чтобы посоветоваться: 'Гордость павлина - это слава Божья; похоть козла - это щедрость Божья; гнев льва - это мудрость Божья'. Когда это утверждение будет улучшено, а оно вполне может быть, это произойдет, когда те, кто представляет религию, поймут, что человеческая природа, как и любая другая, требует послушания.

В этой связи можно упомянуть класс легенд, указывающих на чувствительность дьявола к своей внешности. Говорили, что стремление священников и отшельников изобразить его отвратительным вызвало горячее негодование сатаны, одной из самых поразительных была легенда многих версий о ризничем, который также был художником, который украсил аббатство дьяволом, настолько уродливым, что никто не мог смотреть на него без ужаса. Считалось, что он по наитию создал точный портрет архидемона. Дьявол явился Ризничему, упрекнул его в том, что он сделал его таким уродливым, и пригрозил жестоко наказать, если он не сделает его красивее. Хотя эта угроза была повторена трижды, Ризничий отказался подчиниться. Затем дьявол соблазнил его вступить в интригу с дамой по соседству, и они сбежали, ограбив сокровища аббатства. Но они были схвачены, а Ризничий заключен в тюрьму. Затем появляется дьявол и предлагает избавить его от неприятностей, если он только уничтожит уродливое подобие и создаст другое, более красивое. Ризничий согласился и внезапно обнаружил, что лежит в постели как ни в чем не бывало, в то время как Дьявол в его образе лежит в цепях. Дьявол, когда его обнаружили, исчез; ризничий отделался теорией, что преступления и все

остальное были сатанинскими уловками. Но ризничий позаботился о том, чтобы заменить уродливого дьявола красивым. По другой версии, Ризничий остался верен своему первоначальному изображению Дьявола, несмотря на все угрозы последнего, который решил жестоко отомстить. В то время как художник завершал украшение аббатства изображением Пресвятой Богородицы, сделанным настолько прекрасным, насколько дьявол рядом с ним был уродлив, дьявол сломал лестницу, на которой он работал, и фатальное падение было предотвращено только рукой только что созданной им Мадонны, которая была протянута, чтобы поддержать его.

Рис. 16. Спасение художника.

Прилагаемое изображение этой сцены (рис. 16) взято из "Псалтири королевы Марии" в Британском музее.

Вазари рассказывает, что, когда Спинелло из Ареццо на своей знаменитой фреске "Падение мятежных ангелов" изобразил отвратительного дьявола с семью лицами по всему телу, дьявол явился ему в том же облике и спросил художника, где он видел его в таком ужасном виде и почему тот обошелся с ним так позорно. Когда Спинелло в ужасе проснулся, он впал в уныние и вскоре после этого умер.

У персидского поэта Сада есть замечательный отрывок, задуманный в духе этих легенд, но более доброжелательно.

Я видел демона во сне,
Но каким непохожим он казался
Всему ужасному, что нам снится,
И все страшное, что мы видим.
Его фигура была похожа на ветку кипариса,
У него глаза, как у Гурий,
Его лицо было таким прекрасным , как будто
Там были райские лучи.
Я подошел к нему и заговорил: "Это ты",
Я сказал: "Действительно Дьявол?
Ни у одного ангела нет такого светлого чела,
На такое еще ни один глаз не смотрел.
Зачем человечеству выставлять тебя на посмешище,
Когда ты сможешь показать такое лицо?
Прекрасна, как луна в великолепии дрест,
Глаза радости, улыбка блаженства!
Художник рисует тебя мерзкой на вид,
Наши бани являют твой ужасный облик;
Они сказали мне, что ты черен, как ночь,
Смотри, ты прекрасна, как день!"
Гнев прекрасного видения пробудился,
Его голос был громким, а выражение лица гордым:

"Не верь, друг!" - Так он говорил,

"Что ты еще не видел моего подobia:

Карандаш, которым написан мой портрет

Им руководил завистливый враг;

В Раю я человека предал,

И он из ненависти рисует меня такой".

Беме рассказывает, что когда сатану спросили о причине вражды Бога к нему и его последующего падения, он ответил: 'Я хотел быть художником'. В этом причудливом предложении содержится очень верный намек на то очарование, которым в древние времена искусство язычников обладало для евреев и иудействующих христиан. Действительно, подобное чувство по отношению к чувственной привлекательности католических и ритуалистических церквей не является редкостью среди прозаических и пуританских сект, молодые члены которых часто таким образом оказываются очарованными ими. Доктор Донн произнес проповедь перед Оливером Кромвелем в Уайтхолле, в которой он подтвердил, что Музы были проклятыми духами дьяволов; и обсуждение Драмы, произошедшей на Церковном конгрессе в Шеффилде (1878) после вступительной речи доктора Бикерстита о 'Дьяволе и его уловках', показывает, что Низшее крыло Церкви придерживается во многом того же мнения, что и доктор Донн. Боязнь театра среди некоторых сект приравнивается к террору. Писатель вспоминает ужас, охвативший большой круг уэслианцев, с которыми он был связан, когда выдающийся служитель этого органа, только что вернувшийся из Европы, небрежно заметил, что "театр в Риме, похоже, плохо поддерживается'. Страшное признание распространилось по деноминации, и все поняли, что наблюдательный путешественник 'потерпел кораблекрушение в вере'. Методистский инстинкт подсказал правду: проповедник стал настоящим язычником.

Музыка медленно проникала в Церковь, и подозрение к ней все еще сохраняется среди многих сект. Квакеры приняли на себя бремя Епифания, который писал против флейтистов: 'По образцу змеиной формы была изобретена флейта для обмана человечества. Обратите внимание на фигуру, которую делает музыкант, дующий на флейте. Разве он не наклоняется вверх и вниз, вправо и влево, подобно змее? Эти формы использовал дьявол, чтобы проявить свое богохульство против всего небесного, разрушить все земное, охватить мир, захватывая направо и налево тех, кто прислушивается к его соблазнам.' Невозрожденные птицы, которые распевали песни весь день, будь то суббота или Пост, научили композитора тому, что его лучшее вдохновение исходит от Принца Воздуха. Тартини написал более сотни сонат и столько же концертов, но по праву ценил превыше всего свою "Сонату Дьявола'. По этому поводу он написал астроному Лаланду: 'Однажды ночью, в 1713 году, мне приснилось, что я заключил договор с его Сатанинским Величеством, по которому он был принят ко мне на службу. Все соответствовало моим желаниям, и каждое мое желание было предвосхищено моим новым слугой. Я подумал, что, взяв свою скрипку, чтобы попрактиковаться, я в шутку спросил его, умеет ли он играть на этом инструменте. Он ответил, что, по его мнению, ему удалось подобрать мелодию; когда, к моему удивлению, он начал сонату, такую странную и в то же время такую прекрасную, и исполненную так виртуозно, что за всю свою жизнь я никогда не слышал ничего более изысканного. Мое изумление было так велико, что я едва мог дышать. Разбуженный буйством своих чувств, я мгновенно схватил скрипку в надежде уловить какую-нибудь часть восхитительной мелодии,

которую я только что услышал, но все было напрасно. Пьеса, которую я сочинил по моим разрозненным воспоминаниям, действительно, лучшее, что я когда-либо создавал. Я озаглавил ее "Соната Дьявола", но она настолько уступает тому, что произвело на меня такое сильное впечатление, что я бы разбил свою скрипку на тысячу осколков и в отчаянии навсегда бросил музыку, если бы можно было лишить себя удовольствия, которое я получаю от нее".

Огонь и оригинальность великого произведения Тартини — прекрасный пример той силы, которую Тимолеон называл *Автоматизмом*, а Гете - *Демоническим* - "то, что не может быть объяснено разумом или пониманием; это не в моей природе, но я ей подчинен". "Кажется, что она играет по своей воле со всеми элементами нашего существа".

Пуритане навлекли на Англию и Америку тот рецидив древнего аскетизма, который проявился в сожжении великих картин парламентом Кромвеля. Это все еще проявляется в ревности, с которой пуританский ум в обеих странах взирает на все, что направлено на простое украшение жизни и служит чувству красоты. В тот день недели, когда Англия и Новая Англия еврействуют, как говорит Мэтью Арнольд, можно заметить, что субботняя ярость особенно направлена против всего, что пытается доставить простое удовольствие или удовлетворить народную тягу к красоте. Сторонники саббатизма видят, что происходит много тяжелой работы, но их это не сильно беспокоит, пока это уродливая и унылая работа. Он не плачет по поводу тысяч рабочих рук, занятых на воскресных железных дорогах, но приходит в бешенство, если один из поездов везет экскурсантов на побережье, и приходит в неистовство при мысли о том, что в этот день в музеях и художественных галереях занято сравнительно немного людей. Это пережиток старого ощущения, что дьявол скрывается за любой красотой и удовольствием.

Эпоха зарабатывания денег в значительной степени рассеяла суеверия, которые когда-то связывали дьявола со всеми крупными состояниями. В течение долгого времени и во многих регионах мира евреи жестоко страдали из-за того, что предполагалось, что они получили свое богатство с помощью дьявола. Их богатство (в значительной степени результат того, что они не обменивали его на мирские удовольствия) так часто оказывалось их несчастьем, что на их примере было легко проиллюстрировать монашескую теорию о том, что дары дьявола превращаются в пепел. Однако принцы были неутомимы в освобождении евреев от этого пепла. Считалось, что лордов Триара, владевших рудниками Глюксбрунна, привел к ним золотой олень, который часто являлся им — конечно же, Дьявол. Рассказывают, что когда святой Вольфрам отправился обращать фрисландцев, их королю Радботу дьявольский обман помешал принять крещение. Дьявол явился ему в виде ангела, облаченного в одежду, сотканную из золота, с украшенной драгоценными камнями диадемой на голове, и сказал: 'Храбрый из людей! что заставило тебя удалиться от Князя твоих богов? Не делай этого; будь тверд в своей религии, и ты будешь жить в золотом доме, который Я отдам в твоё владение на всю вечность. Иди завтра к Вольфраму, спроси его о тех светлых жилищах, которые он обещает тебе. Если он не может показать им, пусть обе стороны выберут посла; я буду их лидером и покажу им золотой дом, я обещаю тебе'. Святой Вольфрам не смог показать Радботу светлые жилища Рая, один из его дьяконов был отправлен вместе с представителем короля, и Дьявол (переодетый путешественником) отвел их в золотой дом, который был невероятных размеров и великолепия. Дьякон воскликнул: "Если этот дом создан Богом, он будет стоять вечно; если дьяволом, он должен быстро исчезнуть". После чего он перекрестился; дом исчез, и дьякон оказался вместе с фрисландцем в болоте. Им потребовалось три дня, чтобы выбраться и вернуться к королю Радботу, которого они нашли мертвым.

Аскетический принцип, который клеймил мирские искусства, интересы, стремления и удовольствия как принадлежащие владениям сатаны, включал в себя фатальную крайность - включение в число запрещенных сфер всего светского образования. Ученый и человек науки также был объявлен вдохновленным 'гордостью за жизнь'. Но эта часть нашей темы требует отдельной главы.

Глава 23. Проклятие знаний

Епископ об интеллекте—Библия об обучении—Змей и Сиф—Еврейский Ренессанс—Заклинания—Шелли в Оксфорде—Сжигание книг—Японские чернила—дьявол—Книга Киприана—Библия дьявола—Красные буквы—Страх перед наукой—Роджер Бэкон—Дьявол Лютера—Лютеране и наука.

На картине Лукаса ван Лейдена "Сатана, искушающий Христа" (рис. 6) дьявол изображен в одежде университетского служащего того времени. С его головы ниспадает вымпел, который извивается по земле в виде змеи. От этой змеи до ученого-скептика, требующего чуда, эволюция полностью прослеживается. Змей, в древности 'провидец', в своей семитской адаптации был искусителем запретного знания. Это был самый ранний протест священников против "безбожного образования".

Во время празднования трехсотлетия Шекспира в Стратфорде-на-Эйвоне епископ Сент-Эндрюс заявил, что в Библии нет ни слова, оправдывающего уважение к Интеллекту, и такое хвастовство у могилы самого интеллектуального из англичан само по себе является свидетельством того, какое ужасное проклятие наслал ревнивый Иегова на первую попытку человека обрести знания. Тот же самый Змей знания зашел очень далеко, и его проклятие повторялось много раз. В аккадской поэме о роковой семерке, как мы видели, сказано: 'Их обязанностью было наблюдать', а ассирийская версия гласит: 'К небесам они возносили то, чего не видели'. На вавилонских цилиндрах начертано проклятие бога Разума (Неа) над человеком — "Мудрость и знание враждебно могут повредить ему".¹⁴⁸ Та же самая Змея обвинилась вокруг посоха Эскулапа и прошептала те секреты, которые вызвали зависть богов, так что Юпитер убил ученого Врача вспышкой молнии. Его зубы появились, когда Кадм ввез алфавит в Грецию; и когда эти алфавитные зубы дракона превратились в шрифт, древнее проклятие было возобновлено в легендах, которые связывали Фуста с дьяволом.

Евреи - наименьшая из рас, ответственных за легенду, вошедшую в Книгу Бытия. Не соответствовало действительности и хвастовство епископа по поводу их Библии. Почтение, оказанное Соломону, вряд ли было связано с его моральными качествами. "Он говорил о деревьях, от ливанского кедра до иссопа, растущего на стене; он говорил также о зверях, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах".¹⁴⁹ Хотя проклятие, наложенное на человека за то, что он вкушает плод знания, никогда не цитируется в еврейских Писаниях, есть много указаний на их преданность знанию; и их пророки даже слышали, как Иегова говорил: 'Мой народ

уничтожен из-за недостатка знания". Поэтому неудивительно, что мы находим среди евреев постепенное распространение легенды о Сифе, которую можно рассматривать как ответ на проклятие, наложенное на Змея.

Апофеоз Сета в раввинской и мусульманской мифологии представляет собой своего рода семитский Ренессанс. Как мы видели в предыдущей главе, египтяне и греки отождествляли Сета с Тифоном, но в то же время этот демон ассоциировался с наукой. Астрономически он расположен в Козероге, сфере иерофантов египетских мистерий и особняке хранителей науки. Таким образом, он соответствовал бы Змею, который, как адаптировано евреями в мифе об Эдеме, нашепывает Еве божественное знание. Но, будучи отделенным от Тифона, Сет, оставив позади злокачественность, унес с собой репутацию ученого, обычно приписываемую дьяволам. Таким образом, хотя нам пришлось записать так много примеров деградировавших божеств, мы можем отметить в Сете обращенного дьявола. В мусульманских и раввинских традициях Сет - объемистый автор; он получает библиотеку с небес; он является основоположником астрономии и многих искусств; и, как инструктор по земледелию, он восстанавливает многие акры, которые, как Сет, он загубил. В апокрифической Книге Бытия он представлен вознесенным на небеса и показавшим будущую судьбу человечества. Анастасий Синайский говорит, что когда Бог создал Адама по своему образу и подобию, он вдохнул в него благодать и просветление, а также луч Святого Духа. Но когда он согрешил, эта слава покинула его. Затем он стал отцом Каина и Авеля. Но впоследствии сказано, что Адам 'родил сына по своему подобию, по своему образу и нарек ему имя 'Сиф', чего не сказано о Каине и Авеле; и это означает, что Сиф был рожден по подобию непавшего человека в раю — Сиф означает 'Воскресение'. И все жившие тогда, когда они увидели, как лицо Сифа засияло божественным светом, и услышали, как он говорит с божественной мудростью, сказали: он есть Бог; поэтому его сыновей обычно называли сынами Божьими.¹⁵⁰

На то, что это "Воскрешение" ушедшей славы и мудрости на самом деле было, как я уже сказал, Возрождением — восстановлением знаний после проклятия, наложенного на них в истории о Змее, — указывает их эволюция в гностическом мифе, в котором Сет был создан, чтобы отомстить сатане. Он взял под свою особую опеку Древо Познания Добра и Зла и посадил его на могиле своего отца (рис. 8). Раввины преклонялись перед Сетом даже до такой степени, что оправдывали Сатурн, самую печально известную из планет, и говорят, что Авраам и Пророки были вдохновлены этим.¹⁵¹ Собака (Шакал) была в египетских символах эмблемой Писца; Сириус был звездой-Собакой, обитающей с Сатурном; Сет отождествлялся ими с Сириусом как бог оккультных и inferнальных знаний. Он был близким родственником змея Сеши, знакомого Эскулапа, и его так легко связать с тончайшим из эдемских зверей, проникших сюда из иранской мифологии.

Такая реакция была вызвана учеными, которые, можно сказать, в своей неизбежно робкой манере сочинять басни, восстановили Древо Познания под видом почитания Сета. Как мы видели (глава xi), она процветала до такой степени, что в конце концов возвела Змея в ранг бога и низвела проклявшего его Иегову до уровня ревнивого дьявола!

Но ужас, который, как говорят, внушил Иегова, когда он сказал: "Этот человек стал как один из нас, познавший добро и зло", никогда не переставал появляться среди священнослужителей, когда что-либо угрожало вывести средства обучения из-под их контроля. Причин этого слишком много, чтобы полностью рассматривать их здесь; но главной причиной, несомненно, была

тенденция образования освобождать людей от влияния священника. Первобытный человек науки быстро обнаружил бы, как много существовало вещей, о которых его священник ничего не знал, и таким образом был бы посеян зародыш скептицизма. Человек, владевший Священными Книгами, полностью или частично, мог стать мастером 'заклинаний', которые, как предполагалось, содержались в их словах и предложениях, и мог использовать их против священников; или, во всяком случае, он мог чувствовать себя независимым от обычного аппарата спасения.

Стремление священников крепко держать в руках ключи к знанию, чтобы ни один светский сын Адама не стал "как один из них", в сочетании с чудесными способностями, которые, по их утверждению, они могли проявлять, сильно стимулировали любопытство интеллектуальных людей и побуждали их искать этот запретный плод тонкими способами, что легко иллюстрировало историю о Змее. Поэт Шелли, которого подозревали в Оксфорде из-за его пристрастия к химии, признавал свое мифологическое происхождение и часто говорил о 'моем кузене, Змее'. Шутка родилась из обстоятельств, достаточно скандальных для последнего поколения, чтобы заставить покраснеть современного оксфордца; но подобные истории более ранних эпох настолько трагичны, что, будучи полностью известны простым людям, они превратят некоторые привычные значки в клеймо позора. В то время как в песне говорится о том, что Церковь была защитницей образования в темные века, фактом является то, что после сожжения ценных книг в Эфесе христианами фанатиками (Деяния XIX. 19) к настоящему дню Церковь уничтожила в десять раз больше важных произведений, чем когда-либо создавала, и почти задушила интеллектуальную жизнь за тысячу лет. В условиях непрекращающегося жестокого преследования евреев христианами, которое длилось с начала одиннадцатого века в течение пятисот лет, было уничтожено неисчислимое количество рукописей, которые, возможно, сейчас давали миру полное и ясное знание о эпохах, в поисках записей о которых ученые-археологи мучительно исследуют разрушенные руины Востока. Синагоги считались храмами сатаны; они были разграблены и стерты с лица земли, а их драгоценные архивы устилали улицы многих городов. 17 июня 1244 года двадцать четыре повозки с этими древними рукописями были сожжены только в Париже. "И все это благодаря нашему святому "защитнику науки" в Средние века!

У японцев есть фотографии знаменитого фокусника, который вызвал демона — огромного, расплывчатого и ужасного — из своей чернильницы. В последнее время его называют 'эмблемой распушенной прессы', но, без сомнения, первоначально он использовался для запугивания страны в целом в отношении прессы. Этот дьявол также преследовал воображение церковников в Европе. Почти каждая книга, написанная без указания священника, ассоциировалась с дьяволом, и в Европе есть несколько старых книг, написанных старательно и честно, которые по сей день пропитаны популярными суевериями, сообщающими о доносах, с которыми их посещали. На протяжении нескольких веков в Дании и соседних странах верили, что существует странная и грозная книга, с помощью которой можно вызвать или уложить дьявола. В простонародье она известна как *Книга Киприана*. Владелец его не может ни продать, ни закопать, ни сжечь, и если он не может избавиться от него перед своей смертью, он становится добычей дьявола. Единственный способ избавиться от этого - найти кого-то, кто примет это как подарок, хорошо зная, что это такое. Говорят, что Киприан был умным и добродетельным молодым учеником, но он изучал черное искусство в Норвегии и попал под власть дьявола, который вынудил его использовать свои нечестивые знания во зло. Это сильно огорчило его, и он написал книгу, в которой сначала показывает, как должно быть совершенно

зло, а затем как ему противодействовать. Вероятно, эта книга действительно существует или существовала, и утверждалось, что она обучает искусству колдовства, а также чарам против него. Она состоит из трех частей, по отдельности называемых *Киприан*, *Доктор Фауст* и *Якоб Рамель*. Две последние написаны шифром. Она учит всему, что связано с "подписью", колдовством, вторым зрением и всеми чарами, упомянутыми во Второзаконии XVIII. 10–12. Говорят, что человек, владеющий книгой Киприана, никогда не нуждается в деньгах, и никто не может причинить ему вреда. Единственный способ избавиться от него - спрятать в потайном месте в церкви вместе с гонораром служителя в размере четырех шиллингов.

В Стокгольме я увидел в Королевской библиотеке так называемую *Библию дьявола*, самую большую книгу в мире. Это буквально, как они это описывают, "*гигантский вес*": ни один мужчина не может поднять его с пола. Это была часть добычи, унесенной шведами после сдачи Праги в 1648 году нашей эры. Он содержит триста пергаментных листов, каждый из которых сделан из ослиной кожи, а обложка сделана из дубовых досок толщиной в 1½ дюйма. Он содержит Ветхий и Новый Заветы; *Иосиф Флавий изучает иудаизм*; *Isidori Episcopi L. XX. de diversis materiis*; *Confessio peccatorum*; и некоторые другие работы. Последнее название постановки написано на черном и темно-коричневом фоне красными и желтыми буквами. Кое-где предложения помечены как "*hæc sunt suspecta*", "*суеверный*", "*запретный*". Одна рукопись, озаглавленная "*Experimentum de furto et febribus*", представляет собой трактат на монашеской латыни об изгнании привидений и злых духов, чарах от воров и болезней и различных рецептах "*Белой магии*". Возраст книги значительно превышает триста лет. На нем стоит автограф германского императора: "*Ferdinandus Imperator Romanorum, 1577 год нашей эры*". В Швеции этот том известен как *Библия Фана* (Дьявола). Легенда гласит, что монах, подозреваемый в черных искусствах, приговоренный к смерти, умолял сохранить ему жизнь, и его судья насмешливо сказал ему, что он будет помилован только в том случае, если на следующее утро предъявит все найденные здесь книги такого огромного размера. Монах призвал на помощь дьявола, и увесистый том был написан за одну ночь. Этот Дьявол, должно быть, был из тех, кто больше гордился своими литературными способностями, чем своей внешностью; ибо лицо и фигура, которые, как говорят, являются его портретом на фронтисписе книги, изображают самую отвратительную обезьяну, зеленую и волосатую, с ужасными загнутыми бивнями. Это, без сомнения, обезьяна *Анерхана* из легенд Вагнера; "таузи тайк, черный, мрачный и большой" Бернса.¹⁵²

Я особенно обратил внимание на повторяющиеся темно-красные буквы и предложения, похожие на чернила, которые Фуст использовал в конце своих самых ранних печатных томов, чтобы указать свое имя, место и дату печати. С одной стороны, красный цвет является священным, поскольку символизирует кровь Христа, но это также цвет Иуды, который предал эту кровь. Следовательно, хотя красные буквы могут обозначать священные дни и предложения в жреческих календарях, можно предположить, что "Божья обезьяна" имитирует такие святости, если они встречаются в светских произведениях или магических книгах. Говорят, что эти красные буквы были особенно отмечены в Париже как указания на дьявольское происхождение работ, которые так легко создавал Фуст; и, хотя неясно, подвергался ли он тюремному заключению, красные линии с его именем, по-видимому, рассматривались как его подпись кровью.

Долгое время народы, одержимые священниками, верили, что каждое последующее научное открытие, каждое изобретение, приносящее материальную пользу человеку, было обеспечено

договором с дьяволом. Судьба художника Прометея, скованного ревнивым Юпитером, повторялась в каждом, кто стремился принести свет человеку, и некоторые гениальные люди, такие как Корнелий Агриппа и Парацельс, по-видимому, были отпугнуты от законных научных исследований первой связью их имен с колдовством. Перед ними был пример величайшего ученого Средневековья Роджера Бэкона, и они знали, как легко, по шепоту священнослужителей, тигель химика превратился в котел волшебника. Возможно, придет время, когда Оксфордский университет накопит достаточно знаний, чтобы построить настоящий памятник величайшему человеку, который когда-либо писал и преподавал в его стенах. На нем был бы изображен Роджер Бэкон — исправитель Юлианского календаря, аналитик линз, изобретатель очков и ахроматических линз, вероятный конструктор первого телескопа, исследователь химического действия воздуха при горении, изобретатель способа очистки селитры и превращения ее в порох, предтеча философского метода, который приписывают его тезке, — смотрящий на стопку своих книг, за исследования которых он заплатил две тысячи французских ливров, не говоря уже о труде всей жизни, только для того, чтобы увидеть, как их осуждает его Университет, их распространение запрещено; и его печальный взгляд возможно, из тюрьмы, к которой Совет францисканцев в Париже приговорил того, кого Оксфорд с радостью передал в их руки. Он был осужден, говорит их историк Ваддинг, *"propter novitates quasdam suspectas"*. Предполагаемыми новшествами были тигли, реторты илинзы, благодаря которым звезды казались крупнее. Так было и с Оксфордом шестьсот лет назад. Несомненно, некоторый прогресс был достигнут даже в последнем поколении, поскольку Шелли запретили изучать химию и исключили за его метафизику. Но теперь, когда утверждается, что Оксфорд больше не причастен к тем, кто побивал камнями исследователей и мыслителей от Бэкона до Шелли, это было бы сделано для того, чтобы воздвигнуть памятник своему собственному великомученику науки, чтобы суеверие могло взглянуть на того, кого оно пронзило.

Ссылаясь на чернильницу Лютера, брошенную в Дьявола, доктор Зерффии в своей лекции о дьяволе говорит: 'Он (дьявол) ничего так не ненавидит, как письмо или типографские чернила'. Но истинность этого замечания зависит от того, какого из двух дьяволов следует рассматривать. Вряд ли это применимо к Змею, который рекомендовал "плод знания", или к человеку из Университета на картине Лукаса ван Лейдена (рис. 6). Но если мы предположим, что Дьявол из Библии Лютера (рис. 17) - это тот, в кого была брошена чернильница, критика верна. Две упомянутые картинки можно поучительно сравнить. Дьявол Лютера - это ответ Университета Церкви. Это два дьявола — священник и ученый, — которые свирепо смотрели друг на друга в начале шестнадцатого века. "Дьявол почуял запах жареного, - говорит Лютер, - и сказал, что если языки возродятся, в его королевстве возникнет дыра, которую ему будет нелегко снова заделать".

Рис. 17. Дьявол Лютера.

И следует признать, что некоторые монашеские проклятия того времени, да и многих последующих времен, имеют оттенок яхвистской ревности. 'Эти Знающие станут как один из нас'. Следует также признать, что клерикальный инстинкт подсказывал правду: университетский человек таил в себе того дьявола-скептика, который всегда является разрушителем рая священника. Эти два дьявола, которые боролись друг с другом на протяжении шестнадцатого века, все еще ведут свою войну на арене протестантизма. Многие ныне живущие лютеране, возможно, помнят, как они улыбались, когда эксперименты Гофмана по открытию углекислого газа снискали ему репутацию человека, воскресившего Мефосто; но, возможно, они не распознали дьявола Лютера, когда на ежегодной ассамблее лютеранских пасторов в Берлине (сентябрь 1877 г.) он вновь появился как преподобный профессор Грау и сказал: "Немало прислушивается к тем, кто стремится соединить Христа с Велиалом, примирить искупительную истину с современной наукой и культурой". Но хотя те, кто все произносит имя Лютера, могут, таким образом, взяться за руки с Дьяволом, в которого Реформатор швырнул чернильницей, битва все равно будет продолжаться, и Университетский Велиал будет

выполнять отважную работу Бела, пока под его ногами не окажется дракон Тьмы, замаскированный под папу римского или протестанта.

Если Церковь желает точно знать, насколько непростительно сохранилась грубость, простительная в прошлом, пусть ее духовенство внимательно прочтет следующий перевод мистером Лиландом стихотворения Гейне; и осознает, что изображенный в нем дьявол, по милости ее собственных прелатов, в настоящее время является самым почитаемым персонажем при каждом Дворе и в модных гостиных христианского мира.

Я позвал Дьявола, и он пришел:

В полном изумлении я просматриваю его форму.

Он не уродлив, не хромой,

Но утонченный, состоявшийся человек, —

Человек в самом расцвете сил,

Как дома, в каждой кабинетной распре,

Кто, как дипломат, может сказать

Церковные и государственные новости очень хорошие.

Он несколько бледноват — и неудивительно,

С тех пор, как он вместе изучает санскрит и Гегеля.

Его любимым поэтом по-прежнему остается Фонке.

О критике он не упоминает,

Поскольку все подобные вопросы недостойны внимания

Он уходит к своей бабушке Гекате.

Он похвалил мои юридические усилия и сказал

Что он тоже в молодости какой-то закон читал,

Отметить, что такая дружба, как у меня, была бы

Приобретение, и поклонился мне,—

Затем спросил, не встречались ли мы раньше,

На званом вечере у испанского министра?

И, когда я еще раз взгляделась в его лицо,

Я обнаружил, что знаю его уже много дней.

Глава 24. Колдовство

Второстепенные боги—Святой и Сатир—Покровители—Заклинания—Раннее христианство и бедняки—Его доктрина о языческих божествах—Средневековые дьяволы—Дьяволы на сцене—Откровения аббата—Более прекрасные божества—Восточные сны и духи—Призывы Немезиды—Лилит и ее дети—Неоплатонизм—Астрология и алхимия—Колледж дьявола—Шем-хамфора—Аполлоний Тианский—Фауст—Школы черного искусства—Договоры с Дьяволом—Кровавый завет-Дух—сеансы в старые времена-Мания Фэрфакса—Происхождение дьявола—Ведьма, коза и кошка—Признания ведьм—Колдовство в Новой Англии—Суды над ведьмами—Демонология Салема—Тестирование ведьм—Суды над ведьмами в Швеции—Шабаш ведьм—Мифологические элементы—Носители—Шотландские ведьмы—Котел—Вербена—Рута—Призыв Гекаты—Факторы преследования ведьм—Три столетия резни—Ужасы Вюрцбурга—Последние жертвы—Современный спиритизм.

Святой Киприан увидел дьявола в цветке.¹⁵³ Это небольшое видение может рассказать больше, чем многие более известные, о последовательности, с которой первые христиане развивали учение о том, что природа есть воплощение Злого Духа. Это сообщает нам ощущение многих звуков и зрелищ, которые были услышаны и увидены ушами и глазами, натренированными для таких, и ни для каких других, и все это показывает, что гении природы и красоты исчезали с земли. Над Эгейским морем были слышны причитания и голос: 'Великий Пан мертв!' Август обращается к оракулу Аполлона и получает ответ —

Me puer Hebræus, Divos Deus ipse gubernans,

Cedere sede jubet, tristremque redire sub orcum;

Aris ergo dehinc tacitis abscedito nostris.

Но хотя гнев этих Отцов по отношению ко всем великим богам и богиням, которые в их величественных храмах олицетворяли 'гордость жизни', был безжалостным, они были сравнительно безразличны к вере или неверию низших классов в их маленьких божеств-покровителей. Они, по-видимому, почти поощряли веру в них, возможно, ценя преимущества популярного обычая делать щедрые подношения таким личным и домашним покровителям. В очень ранний период, по-видимому, возникла идея превратить этих более плебейских духов в ангелов-хранителей с христианскими именами. Так, Иероним рассказывает в своем Жизнеописании первого отшельника Павла, что, когда святой Антоний направлялся навестить этого святого человека, он встретил Кентавра, который указывал дорогу; а затем человекоподобного карлика с рогами, крючковатыми пальцами и ступнями, как у козла. Святой Антоний, полагая, что это явление дьявола, осенил себя Крестным знаменем; но маленький человечек, ничуть не обеспокоенный этим, почтительно приблизился к монаху и, когда его спросили, кто он такой, ответил: "Я смертный и один из тех обитателей пустыни, которым язычники в своем заблуждении поклоняются под именами фавнов, Сатиров и инкубов: я уполномочен моим народом просить тебя помолиться за нас нашему общему Богу, который, как

мы знаем, сошел для спасения мира и хвала которому звучит во всех уголках земли". земля. ' Услышав это прославление Христа, святой Антоний преисполнился радости и, повернувшись к Александрии, воскликнул: "Горе тебе, прелюбодейный город, почитающий животных как богов!"

Возможно, эволюция этих демонов пустыни в добрых христиан происходила бы быстрее и полнее, если бы первобытные богословы знали об их истории столько, сколько сравнительная мифология открыла современному миру. Святой Антоний, однако, шел по их следу, когда повернул к Александрии. Египет, по-видимому, был особым центром, из которого по всему миру распространялись фетиши-хранители провинций, городов, домашних хозяйств и отдельных лиц. Их Серафимы вновь появляются в Терафимах Лавана, и многие из использованных ими форм вновь появляются в Пенатах, Ларах и гениях латинских стран. Все это в их нескольких странах изначально было связано с их древней религией или мифологией, но до христианской эры они были почти одинаковыми в Египте, Греции и Италии. Они принимали самые разные, но обычно естественные формы, такие как змеи, собаки, мальчики и старики, хотя часто делался некоторый намек на их демонический характер. Они были настолько размножены, что даже у растений и животных были свои хранители. Антропоморфные гении, называемые Патриями, которые, как предполагалось, руководили провинциями, обычно изображались с оружием, с помощью которого они защищали регионы, покровителями которых они были. Это были аверрунчи, или апотропеи.

Есть много интересных разделов этой темы, которые не могут быть рассмотрены здесь, а другие уже рассматривались в предыдущих частях этой работы. Для моей настоящей цели достаточно отметить, что с течением времени во всех семьях мира были традиционные хранители; они обычно изображались в той или иной форме на амулетах и талисманах, на которых обычно были начертаны словесные чары, с помощью которых можно было вызвать покровителя. С течением времени амулеты — особенно те, которые воспроизводились племенами, мигрировавшими из окрестностей хороших гравиров, — могли быть помечены только словесными чарами; они снова, в конце концов, часто представлялись только каким-нибудь словом или именем. Это и было то самое 'заклинание'. Воображение отказывает в попытке представить, сколько слоев вымерших божеств завещали древним египтянам те мистические имена, точное произнесение которых, по их мнению, заставляло каждого бога с таким именем появляться и заставляло его служить целям призывающего, добрым или злым.¹⁵⁴ Эта идея сохранилась среди евреев и сформировала заповедь: "Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе".

Именно в этих уменьшительных формах великие системы сохранились среди простых людей. Среди природных потрясений древние формации веры были разбиты на фрагменты; с течением времени эти фрагменты были как бы сглажены в эти талисманские камешки. И все же каждое из них несло в себе все достоинства, которые были почерпнуты из великой и дорогостоящей церемониальной системы, от которой оно первоначально рухнуло; способность успокаивать разум и нервы страдальцев ощущением того, что, хотя на них могли напасть враждебные силы, у них были и дружественные силы, которые были активны в их интересах — Защитники, если вспомнить фразу Иова, — которые, наконец, будут стоять рядом с ними до конца. При дальнейшем приливе и отливе поколений масса таких амулетов еще больше измельчается в песок или в грязь; но не все из них: среди грязи будет найдено много сохранившихся образцов, и такая грязь накопленных суеверий всегда подвержена переделке по таким застарелым образцам, если того потребует случай.

Эразм в своих 'Пословицах' предполагает, что именно от этих гениев 'язычников' христиане почерпнули свое представление о том, что каждого человека сопровождают два ангела, хороший и плохой. Вероятно, он был прав лишь наполовину. Народы, о которых он упоминает, обычно не верили, что каждого человека сопровождает злой дух, личный враг. Это была честь, предназначенная для людей, особенно опасных для сил зла, — Адама, Иакова, Геркулеса или Зороастра. Единственная сверхъестественная сила, присутствующая в каждом обычном человеке, защищала его от основных сил зла. Но именно христианство, постепенно заменяя языческих гениев собственными святыми-покровителями и ангелами-хранителями, превратило последних из друзей во врагов, а их защиту - в оружие нападения.

Все наследственные домашние боги того, что сейчас называется христианским миром, были обращены в дьявола. Но для того, чтобы массы могли отвернуться от них и призвать христианских хранителей, Пенаты, Ларов и гениев должны были быть принижены, с одной стороны, и продемонстрирована превосходящая сила святых и ангелов. Когда христианство возшло на трон политической власти, было легко показать, что "бесы", как теперь называли старых стражей, больше не могли защищать своих заклинателей от христианского наказания или оказывать равные услуги.

Христианство завоевало Европу с помощью меча, но сначала этот меч был направлен не против смиренных масс. Он был направлен против их гордых угнетателей. Простым людям это принесло радостную весть о новом порядке, при котором под знаменем распятого рабочего и его (предполагаемой) матери-крестьянки должны исчезнуть все касты, кроме касты благочестия и милосердия. Христос, вкушающий с мытарями и грешниками и исцеляющий калек на обочине дороги, вновь появился в Святом Мартине, делящем свой расшитый плащ с нищим — тип новой аристократии. Те, кто поклонялся Распятому Крестьянину в скальной пещере Тура, освященной святым Мартином, или в маленькой церкви Святого Мартина в Кентербери, где была крещена Берта, не могли видеть великолепных соборов, которые теперь видны из них, построенных из их костей и зацементированных их кровью. Король Этельберт передал храм своего идола на освящение Августину, и его крещенные подданные без труда увидели следы выпущенных когтей дьявола на стене, которую он атаковал, когда там служили первую мессу.

Радостными вестями для бедных были те, которые гонимые первые миссионеры приносили в Галлию, Британию и Германию. Но они длились недолго. Христиане и языческие князья, подобные Ироду и Пилату, взялись за руки, чтобы распять европейского крестьянина, и он оказался в худшем рабстве, чем когда-либо прежде. Каждый скромный дом в Европе был втопан в грязь во имя Христа. Жена и ребенок бедняка и все, чем он владел, стали жертвами иерусалимского рабочего, ставшего разрушителем своих братьев. Мишле хорошо проследил путь колдовства до Отчаяния Средневековья.¹⁵⁵ Упадок старых религий, который христианство сделало слишком быстрым, чтобы он мог быть полным, оставил, как мы видели, все пути, подготовленные для этого ужасного взрыва; и теперь его собственная жестокая рука поднесла факел, чтобы поджечь их. Давайте, рискуя немного повториться, рассмотрим некоторые из этих горячих элементов.

Рис. 18. Дьяволы (Старый молитвенник).

Во-первых, Церковь признала существование языческих богов и богинь, не желая прививать массовому сознанию привычку к скептицизму, а также используя их для возбуждения ужаса. Поскольку для этой последней цели они были вырезаны и раскрашены как уродливые и звериные, то стало еще более важным, чтобы они были представлены как глупые и сравнительно бессильные. Крещение могло изгнать из них бесов, а распятие обратило тысячи из них в бегство. Это обучение было несложным. Крестьяне Европы с готовностью были склонены ассоциировать новоявленного (христианского) Дьявола со своими самыми вредными демонами. Но мы уже рассмотрели силы, под властью которых эти демоны пришли в упадок, прежде чем они были связаны с сатаной. Многие преодоленные препятствия сделали Демонов, которые их представляли, смешными. Отсюда 'Dummeteufel' во многих немецких баснях и средневековых пьесах о чудесах. "Ничто не может быть более убедительным доказательством

того, - говорит д-р Дазент, - какой незначительной власти христианский дьявол добился в норвежском сознании, чем языческий облик, в котором он постоянно появляется, и смехотворный способ, которым его всегда перехитряют".¹⁵⁶ Немцам, - говорит Макс Мюллер, - внушили идею реального дьявола, семитского сатаны или Дьяволоса, и они обращались с ним в самой добродушной манере".¹⁵⁷ Четкое представление о ничтожестве, которого достигли он и его ангелы. Это можно понять из прилагаемого рисунка (рис. 18), которым освещен средневековый молитвенник, ныне находящийся у сэра Джозефа Хукера. Нельзя было ожидать, что массы будут бояться существ, которых их священники таким образом выставляли на посмеище. Нетрудно представить процесс эволюции, в результате которого рога таких ничтожных дьяволов превратились в ослиные уши таких дьяволов, как эта резьба по дереву в Корбее, недалеко от Парижа (рис. 19), которая отражает популярное представление о господстве ведьм над дьяволами. Следует также помнить, что эта власть над дьяволами соответствовала традициям, касающимся Соломона, и подчинению восточных демонов лампам или амулетам, к которым они были привязаны.

Рис. 19. Резьба по дереву.

То, каким популярным христианским дьяволом стал дьявол у всех северных народов, достаточно показано в образе, который он представлял в большинстве старых пьес о чудесах и 'Нравоучений'. "Дьявол в своих рваных путах", у ¹⁵⁸были рога, широкая пасть, длинный (иногда вздернутый) нос, рыжая борода, раздвоенная лапа и хвост. Его сопровождал шут по имени Вайс. "И, - говорит Харсенет, - это была прелестная роль в старых церковных пьесах, когда проворный Порок проворно, как Шаканапес, прыгал дьяволу в шею, оседлывал Дьявола и колотил его деревянным кинжалом, пока тот не начинал реветь, после чего люди смеялись, видя Дьявола, одержимого таким Пороком". ¹⁵⁹Эти двое, должно быть, очень напоминали клоуна и его несчастную жертву Панталоне в наших пантомимах, что касается их ужимок. Казалось бы, иногда святых персонажей карикатурировали в гриме сценического дьявола. Таким образом, в "Игле Гаммера Гуртона" мы ведем такой разговор:—

Бабка. Но, Ходж, неужели ему нечего было наставить рога?

Ходж. Столько, сколько хватит двух твоих рук. Я никогда не видел, чтобы ты обжаривал Раша Нарисован на ткани, с боковым длинным рисунком коува

И кривые раздвоенные ступни, и много загнутых ногтей?

Ибо весь мир (если я правильно рассудил) должен считать его своим братом;

Черт возьми, даже то лицо, которое было у фрайера Раше, у дьявола было другое.

В сцене освобождения душ Христом из чистилища дьявол изображен громко трубящим в рог, чтобы встревожить своих товарищей, и кричащим захватчику: 'Вон, вон, аронзт!' Он сражается трехзубой вилкой. Он и его жертвы выкрашены в черный цвет, ¹⁶⁰в отличие от душ спасенных, которые окрашены в белый цвет. Волосы считались очень важными. ¹⁶¹Когда он отправлялся на битву, даже его пылкая натура иногда изображалась таким образом, что, должно быть, была скорее смехотворной, чем впечатляющей. ¹⁶²

Незначительность, до которой священники низводили дьявола в пьесах, где они обычно были действующими лицами, отражала их собственную мелочную рутину жизни. Они не могли представить себе ничего более ужасного, чем их собственные подлые неудачи и местные препятствия. Одно из великих деяний дьявола состояло в том, чтобы заставить какого-нибудь монаха уснуть, когда он должен быть на молитве, ¹⁶³заставить другого выпить слишком много или третьего бросать теплые взгляды на деревенскую красавицу. *Откровения* аббата Ричальма, написанные семьсот лет назад, показывают, что дьявол уже далеко зашел в своем процессе умаления. Дьявол здесь концентрирует энергию, которая когда-то заставляла дрожать землю, на том, чтобы вызвать тошноту у настоятеля и заставить хор кашлять во время его проповеди. 'Когда я сажусь за изучение священного писания, - говорит он, - дьяволы навевают на меня тяжесть сна. Затем я вытягиваю руки из манжет, чтобы дать им остыть. Тотчас же духи покалывают меня под одеждой, как множество блох, что заставляет меня прикасаться к ним руками; и так они снова становятся теплыми, а мое чтение становится небрежным'. 'Ну же, только взгляни на мою губу: двадцать лет бес цеплялся за нее только для того, чтобы она отвисла. Нелепо обнаруживать, что древняя черта богов Смерти, о которой уже упоминалось, — их ненависть к соли, средству сохранения, — превратилась из знака верности Иова Иегове в

простой предмет аппетита Настоятеля. "Когда я обедаю и дьявол лишает меня аппетита, как только я попробую немного соли, он возвращается ко мне; и если вскоре после этого я снова теряю его, я беру еще немного соли и снова испытываю голод".¹⁶⁴

Одним из опасных элементов было презрение, к которому по многим причинам были привлечены адские силы. Но более опасный элемент лежал в другом направлении. Хотя расхожие фразы Нового Завета и Отцов Церкви, объявляющие этот мир, его богатство, любовь и удовольствия царством сатаны, стали банальностью в устах священников, правящих Европой, они никогда не были банальностью для простых крестьян. Хотя они низвели многих дьяволов, завезенных священниками, это было связано с уменьшением ужасов их родной демонологии. Но над этими деградировавшими и ненавидимыми гномами и эльфами, чье отцовство перешло от Сатаны к Сатане, стояло множество прекрасных божеств — нежных богов и богинь, традиционно почитаемых и любимых как защитники дома и семьи, — которые на самом деле никогда не теряли своей власти над простыми людьми. Возможно, они и съезжились перед агрессивными победами Святых, превратившись в маленьких Фей, но их неизменная любовь к бедным и угнетенным была романтикой каждого дома. Что сделали эти добрые феи? Иногда они одаривали бедняков богатством, если их призывали правильным способом; они распевали им секреты с деревьев в виде маленьких птичек, они разглаживали течение любви, одевали пепельных дев в красивые одежды, перевозили людей по воздуху, позволяли им становиться неуязвимыми или невидимыми, выходить из тюрем, побеждать 'сильных мира сего', "предопределенных Богом" или нет. Теперь все это были блага, которые, согласно христианской теории, могли быть дарованы только тем Князем Мира сего, который служил "гордости жизни".

В дома, которых священник и его дворяне лишили счастья и надежды, — чьи любящие невесты предназначались крещеным Синим Бородам, чьи тяжелые заработки считались платой за спасение от дьяволов, чей ужас отступал, — издали приходили слухи о великом богатстве и великолепии, дарованных их почитателям восточными богами и богинями. Священники говорили, что все это дьяволы, которые будут вечно мучить своих приверженцев после смерти; и все же нельзя было отрицать, что мавры владели секретом люстр и украшений, что языческий Восток был великолепен, что весь христианский мир мечтал о богатстве Ормуса и Индии. Допустим, сатана пришел на запад и север, присоединился к цинготной команде Локи и стал неважен; но как быть с Ваалом или Вельзевулом, с Асмодеем, с гениями, построившими храм Соломона, с богатым Плутоном, с августейшим Ариманом? Наряду с историями о восточном великолепии по христианскому миру распространились имена многих божеств и демонов; многие из них тоже были красивыми именами, эвфемизму обычно удавалось наделять мелодичными эпитетами как божеств, которых боялись, так и любимых. В "Чудесном искусстве и книге чудес, или Черном вороне" Фауста (1469) адская иерархия названа так: —*Король, Люцифер; Наместник, Велиал; Губернаторы, сатана, Вельзевул, Астарот, Плутон; Главные принцы, Азиэль, Мефистофель, Марбуэль, Ариэль, Анигуэль, Анизель, Барфаэль.* Соблазнительные значения, также соответствующие этим именам, каким-то образом просочились с высоких постов, которые они когда-то занимали, в умы людей. Люцифер был упавшей звездой, которая могла взойти снова; Велиал и Вельзевул были князьями огня, которые сделали возможными человеческие искусства, и Колокольни никогда не гасли на холодном Севере; Астарта означала красоту, а Плутон — богатство; Азиэль (Азаэль) был президентом великого Колледжа оккультных искусств, от которого Соломон узнал секреты, с помощью которых он сделал джиннов своими рабами; Марбуэль был художником и механиком, иногда считалось, что он помогает ремесленникам, которые выполняли работу, превосходящую

обычные человеческие навыки; Ариэль был прекрасным духом воздуха, чей интеллект соответствовал тому, что требовалось от человека. святого Духа на другой стороне; Анигуил - райский змей, обычно пишущийся как Анизель; Анизазель, вероятно, причудливый родственник Азазеля, "сильного бога"; и Барфаэль, который в более поздней книге о Фаусте - Барбуэль, является ориентализированной формой "демона с длинной бородой", владеющего тайной философского камня.

В более поздней главе рассматривается рост благоприятного отношения к дьяволу. Некоторые из рассказанных в ней легенд могут быть поучительно прочитаны в связи с развитием колдовства. За границей распространилось много слухов о доброй помощи, оказываемой демонами людям, попавшим в беду. Но даже больше, чем пробудившиеся надежды, ведьме помогло горячее желание людей отомстить. Они хотели, чтобы Замиэль (Самаэль) помог им отлить пулю, которая не промахнулась бы мимо цели. Их катехизаторы давно признали дьявола и всех его ангелов используемыми Божеством для свершения своей мести виновным; и для рабов в их агонии дьявол, который не пощадил бы принца или священника, был более желанным, чем даже дарующий милости их изголодавшимся умам и телам.

За долгие века войн в Европе, поглощавших энергию мужчин, женщины стали хранителями писем. Эпоха колдовства в Европе обнаружила, что только секс позволяет читать и писать - искусство, не ценимое мужчинами, по крайней мере, среди крестьянства. К ним обращались мужчины, когда жречество усвоило, что несколько слов сильнее оружия принцев. Кроме того, женщины были главными колдунами, потому что они были главными страдальцами. В Эльзасе (1615) из семидесяти пяти человек, погибших как ведьмы, шестьдесят две были женщинами. Знаменитый *Malleus Maleficorum*, который принес больше зла, чем любая когда-либо опубликованная работа, является производным от *femina* от *fide minus*. Хотя в легенде о Фаусте Мефистофель возражает против брака, многие истории изображают дьявольские свадьбы. Особые подробности сообщались о свадьбе сатаны с дочерью колдуньи в Эгнисчене (1585), по случаю которой, как говорили, были освещены три башни тамошнего замка и устроен великолепный пир, любимым блюдом которого было рагу из летучих мышей. Звучала изысканная музыка, и 'прекрасный мужчина' благословил бракосочетание. Скольким бедным крестьянским девушкам, должно быть, снились подобные мечты, когда они отрывались от своей тяжелой работы и смотрели на блестящие замки?

В иллюстрированной рукописи, известной как 'Псалтирь королевы Марии' (1553), есть картина Грехопадения человека (рис. 20), которая обладает далеко идущим значением. Это модификация той идеи, которая получила такое широкое распространение в Средние века, что именно женщина-змея Лилит соблазнила Адама съесть запретный плод. На этом снимке, хотя и изображено красивое лицо и пышные волосы Лилит, вместо обычного женского бюста у нее тело кошки.

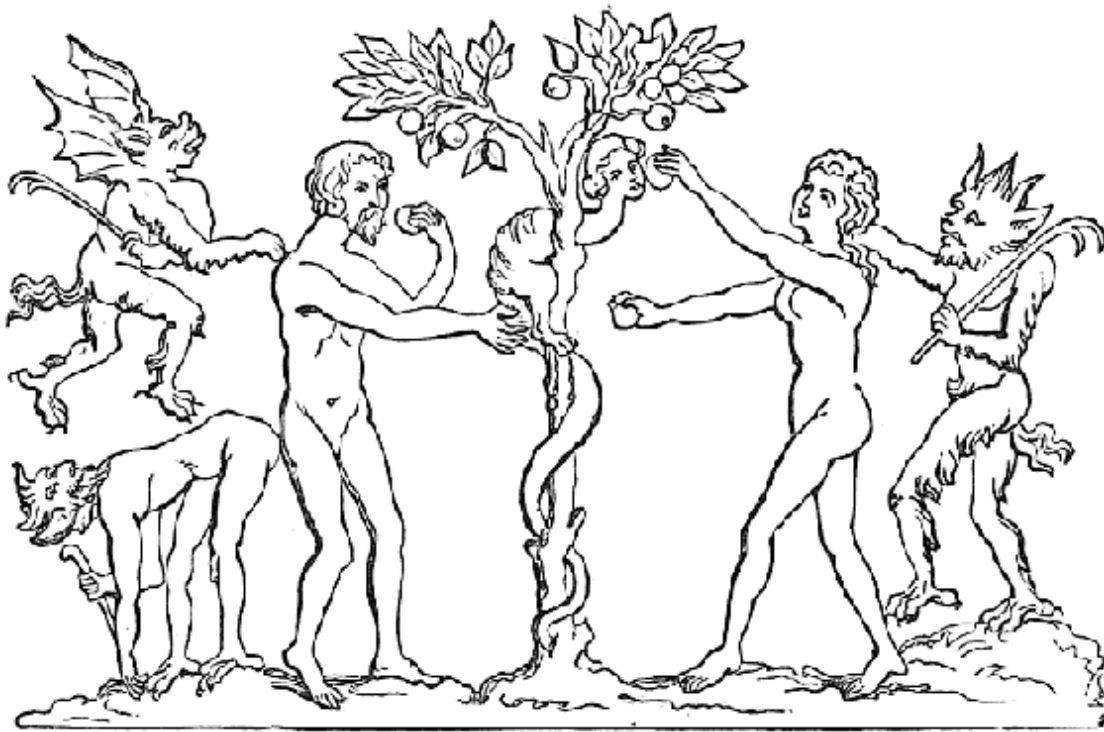

Рис. 20.—Лилит в образе Кошки.

Это ночное животное, уже посвященное Фрейе, тевтонской Венере, чью колесницу оно влекло, получило новую мифологическую карьеру на Севере благодаря большому количеству южных и восточных камней, которые связывали его с лунными и влюбленными демонницами. Когда боги бежали перед Титанами, Диана, как рассказывает Овидий, превратилась в кошку, и как адская Геката это животное все еще было рядом с ней. Если мой читатель обратится к тому i, стр. 130, то сможет найти некоторые из огромного числа мифов, которые подготовили кошку к тому, чтобы занять ее место в качестве фамильяра ведьмы. Независимо от того, имел ли художник в виду Лилит или нет, освещение в 'Псалтири королевы Марии' представляет собой замечательную ассоциацию мифов. Ибо Лилит была предшественницей средневековых матерей, оплакивающих своих детей; ее голос, выражающий вечную скорбь по поводу жестокой судьбы, уготованной ей объединенной тиранией Бога и человека, был слышен при каждом дуновении ветра; и она была богато одетой невестой Князя Дьяволов, всегда стремящейся соблазнить молодежь. Подобные истории всплывали в сознании средневековья, и эта адская мадонна здесь рассматривается в ассоциации с кошкой, под мягким сверкающим мехом которой богиня Любви и Красоты, как предполагалось, все еще скрывается у камина во многих убогих домах. От этой кошачьей красавицы исходил какой-то аромат мистического Востока, и ничто не может быть более разительным, чем контраст, который представляют собой обычные дьяволы рядом с ней. Их необразованное уродство и подлость скрыты от глаз пары, испытывающей искушение вкусить плод запретного знания. Они вдохновляют мужчину и женщину на их явно страстное стремление к плоду, что в данном случае означает консультацию честных гадалок и ведьм для получения того оккультного знания, которое спекулятивные люди ищут в тайных исследованиях и лабораториях.

Тем, кто обращал внимание на тему колдовства, не нужно напоминать, что для удовлетворительного рассмотрения ее сложности и обширности потребовался бы больший том, чем настоящий. Настоящее исследование должно быть ограничено изложением некоторых фактов, которые заставляют автора поверить, что за этими явлениями скрывается глубокое отчуждение от христианства и попытка вспомнить изгнанных богов, которых оно заменило.

Первая христианская церковь была в основном еврейской, и это также означает, что она унаследовала обширное ангелопоклонство и систему заклинаний, которые это племя принесло из Вавилона. Ко всему этому теперь добавилось накопление ассирийских и египетских знаний, которые были переработаны в форме неоплатонизма. Эта разношерстная масса, состоящая из понятий, отколовшихся от многих систем, приобрела определенную последовательность в гностицизме. У древних египтян были колледжи, предназначенные для изучения астрологии и совершенствования искусства исцеления с помощью чар. У каждого месяца, десятилетия, дня года был свой особый хранитель на небесах. Популярные фестивали носили астрономический характер. Жрецам в колледжах было поручено изучение священных книг, в которых содержались астрологические секреты и авторство которых приписывалось богу Тоту, изобретателю письменности, греческому Гермесу, а позже египетскому Гермесу Трисмегисту. Зодиак - это памятник тому влиянию, которое звезды, как предполагалось, оказывали на человеческое тело. Алхимия (слово египетское, *кемио* означает "черная земля") также изучалась в связи с солнечными, лунными и звездными влияниями. Алхимики мечтали открыть философский камень, который превращал бы неблагородные металлы в золото; и Диоклетиан, сжигая книги алхимиков, верил, что, поступая таким образом, он лишит египтян источника их богатства.¹⁶⁵

Импортированные в Грецию, эти представления и их культ имели двоякое развитие. Среди платоников они обратились к натуралистической и аллегорической Демонологии; среди некультурных они образовали Дьяволархию, которая собралась вокруг ужасного лунного призрака — Гекаты.

Астрологический колледж Египта внушил евреям их странное представление о высшей школе, поддерживаемой дьяволами, о которой уже упоминалось в связи с Асмодеем, который был одним из ее ведущих профессоров. Раввинская легенда гласила, что два выдающихся ангела, Аса и Асаэль, упрекали Создателя в том, что он создал человека только для того, чтобы создавать проблемы. Создатель сказал, что они поступили бы так же, как человек, при аналогичных обстоятельствах; после чего Аса и Асаэль предложили провести эксперимент. Они отправились на землю, и предсказание Создателя исполнилось: они были первыми 'сынами Божьими', которые полюбили дочерей человеческих (Быт. vi. 2). Затем они воплотились. На небесах они были ангелами, обладавшими особыми познаниями в божественных искусствах, и теперь использовали свои заклинания для повторного вознесения. Но их грех сделал заклинания бессильными против этого, поэтому они отправились в Темные Горы и там основали великую Коллегию Волшебства. Среди многих выдающихся выпускников этого колледжа были Иов, Иофор и Билеам. Считалось, что эти трое наставляли прорицателей, которые пытались соперничать с чудесами Моисея перед фараоном. Иов и Иофор впоследствии были обращены, но Билеам продолжал проявлять враждебность к Израилу и остается преподавателем в колледже. Благодаря знанию высшего заклинания — *Шем-хамфора*, или настоящего имени Бога, — Соломон смог заковать в цепи профессора Асмодея и вырвать у него секрет червя Шамира, с помощью которого был построен Храм.

Предания об учености египтян и о чудесах, которым Соломон научился у Асы и Асаэля, с помощью которых он заставил демонов служить себе, а также впечатляющая история эндорской ведьмы оказали сильное влияние на пытливые умы Европы. Яростное осуждение всех исследований этих видов колдовства со стороны ранней Церкви само по себе показывает, насколько они были распространены. Чудесная история Аполлония Тианского,¹⁶⁶ рассказанная Филостратом, действительно была своего рода евангелием для более мирских ученых. Некоторые раввины, после возмущения против Иисуса: "Он изгоняет бесов с помощью Вельзевула", довольно рано распространили историю о том, что Иисус черпал свою силу творить чудеса из заклинания *Шем-хамфора*, которое он нашел на одном из камней Храма, где его оставил Соломон. Хотя Евсевий ставил их под сомнение, христиане в целом, по-видимому, не отрицали чудеса Аполлония, которые в точности копируют чудеса Иисуса от чудесного рождения до вознесения, но даже цитировали их как доказательство возможности чудес. Цельс приписал чудеса Иисуса колдовству и сказал, что магия воздействует только на невежественных и безнравственных людей, Ориген отвечает, что для того, чтобы убедить себя в обратном, ему достаточно прочитать "Воспоминания Аполлония" Маргенеса, который говорит о нем как о философе и маге, неоднократно применявшем свои способности к философам. Арнобий и отцы церкви четвертого века в целом верили в аполлоническую тавматургию и приписывали ее магии. Альд Мануций опубликовал книгу Филострата в пятнадцатом веке, и степень, в которой захватывающие и чудесные истории об Аполлонии воспламенили европейское воображение, только что пробудившееся под дуновением Возрождения, можно оценить по ярости, с которой 'волшебник' был предан анафеме Пико делла Мирандолой, Жаном Боденом и Барониусом. Книга и полемика привлекли большое внимание, и хотя священники все еще продолжали обвинять Аполлония в том, что он "маг", они, по-видимому, поняли, что было бы более уместно, поскольку речь шла о реальной опасности, доказать, что он самозванец. В противном случае доктор Фаустус и его коллеги-профессора по "черному искусству" остались хозяевами положения. Людям пришлось переварить признанные факты о том, что язычник путем посвящения в астрологические школы Египта и Индии научился исцелять больных, воскрешать мертвых, летать по воздуху, сбрасывать цепи, открывать замки, становиться невидимым и предвидеть будущее.

Раздался призыв к какому-то Аполлонию, и Фауст восстал. Бок о бок процветали Лютер и Фауст. В глазах римско-католиков они были сыновьями-близнецами дьявола;¹⁶⁷ то, что они были характерными продуктами одной моральной эпохи и силы, кажется мне несомненным, даже если в наши дни отрицание науки и возрождение 'спиритуализма' имеют общий корень в радикальном неверии в наследственные догмы и формы так называемой религии. Однако неудивительно, что протестантизм испытывал такой же ужас перед своим незаконнорожденным братом, как Наука перед спиритическими сеансами. На протяжении всего начала шестнадцатого века мы можем проследить, как этот странный доктор Фаустус ('благоприятный', он выбрал это имя) путешествовал по Германии, не забывая и Эрфурта, и рассказывал в тавернах о своих магических искусствах и силах. Подробнее о нем будет сказано в следующей главе; здесь достаточно заметить, и это заключение профессора Морли, который просеял историю со своей обычной тщательностью, что о нем, как о центре кристаллизации, сами собой выстраивались легенды, приписываемые в первую очередь другим фокусникам, пока он не стал популярным идеалом того, кто стремился проникнуть в глубины знаний и удовольствий этого мира без помощи Церкви или ее Бога. Священники не сомневались, что это возможно сделать, как и протестанты; они в целом соглашались, что это может быть достигнуто

ценой души. Как ангелы благого Бога должны откликаться на формулы призыва к тем, кто заключил сакраментальный договор со своим Вождем, так и можно было разделить таинство сатаны и определенными заклинаниями призвать его адских ангелов для получения удовольствий этого мира, Князем которого он является. Тысячелетний опыт Церкви показал, что бедняки были готовы подписать соглашение, если бы могли обеспечить себе хоть какую-то маленькую земную радость. Что же касается Рая, то, если бы он был хоть чем-то похож на то, что его служители предусмотрели для бедных на земле, Ад, в конце концов, был бы предпочтительнее.

Доктор Вуттке, работая над своей недавней работой о немецких суевериях, был удивлен, узнав, что во Франции и Вюртемберге все еще существуют школы для обучения Черному искусству. Священник из названной страны написал ему, что мальчик признался, что окончил младший класс такой школы, но, напуганный ужасными церемониями, произнес несколько священных слов, которые разрушили эффект нечестивых обычаев и повергли собравшихся дьяволопоклонников в ужас. Мальчик сказал, что ему едва удалось спастись. Я сам провел вечер в школе в Лондоне 'для развития духовных медиумов', и, возможно, корреспондент доктора Вуттке описал бы их также как дьяволопоклонников. Несомненно, археологически все подобные круги можно было бы проследить до того Колледжа магов, который, по словам раввинов, содержали Аса и Асаэль. Но какая моральная сила сохранила их? Они всего лишь представляют собой смену методов, ставших привычными для Церкви, чтобы извлекать пользу из других сверхъестественных сил в надежде, что они будут менее медлительны, чем Троица, в даровании своих даров. В чем разница между Богом Святого Вольфрама и дьяволом короля Радбота? Первый предлагает золотой особняк на земле, гарантированный на вечность, другой - такой же особняк на небесах, который можно получить после смерти. Святой соглашается, что, если дьявол Радбота может построить ему такой дом, король был бы совершенно прав, поклоняясь архитектору. Вопрос о сравнительных моральных достоинствах двух невидимых Сил не упоминается. Эта легенда, рассказанная в предыдущей главе, характерна для мотивов, к которым апеллировало духовенство в Средние века. Неудивительно, что люди начали обращаться к богам своих традиционных Радботов, равно как и то, что они должны были использовать церемониальные и сакраментальные формулы, окружающие их.

Но к ним были добавлены другие формулы, заимствованные из разных источников. "Договор с дьяволом" содержал в себе различные элементы. По-видимому, в единичестической религии существовал обычай, согласно которому мужчины подписывали акты самопожертвования доверенным божествам, что в какой-то степени соответствовало табличкам южной религии. Об Одине ходила легенда, что, умирая, он пометил свою руку наконечником копья, и, возможно, этому подражали. В 'Мистериях' языческих и христианских систем кровь играла важную роль — человеческая кровь прежних времен символизировалась кровью животных, и, в конечном счете, у христиан - в вине Евхаристии. Первоначальная история этого кровавого завета приведена в другой главе. Некоторые астрологические формулы и многие вызываемые божества распространились по Европе вместе с евреями. Действительные и столь же часто сказочные богатства этой антихристианской расы приписывались Антихристу, и в то время как христианские князья считали такое золото законной добычей, честные крестьяне искали у своих астрологов переданный им 'ключ Соломона', благодаря которому демоны служили ему. Таким образом, знаменитый 'Договор' был в значительной степени христианско-иудейского происхождения и означал лишь передачу души в обмен на точно такие же сокровища, которые Церковь обещала всем, чьи имена были записаны в Книге Агнца, — с единственной разницей,

закрывающейся в периоде, когда должен был наступить срок погашения соответствующих долгов священника и астролога. Один выплачивался при этой жизни, другой - после смерти.

Церемониальные представления о колдовстве также всегда существовали в той или иной форме. То, с чем мы в последнее время знакомы как спиритические сеансы, ни в коем случае не ново. Более ста лет назад мистер Уэсли и несколько священнослужителей сидели за столом на Кок-лейн и просили дух 'Фанни' постучать дважды, если она 'находится в состоянии прогрессирующего счастья'. Более того, за сто лет до этого (1661 г.) сэр Томас Чемберлен и другие, сидя в доме с привидениями в Тедворте, Уилтс, попросили "Сатану, если Барабанщик заставит тебя работать, постучи три раза, и не более, что он сделал очень отчетливо и остановился".¹⁶⁸ Мы также узнаем, что в другом городе и случае (1654 г.) "появилась обнаженная рука и колотила по полу". Было бы нетрудно вернуться еще дальше в прошлое и обнаружить, что темный круг наших спиритуалистов с большей частью его аппарата непрерывно существовал на протяжении средневековья. Темный сеанс, описанный Гете в "Фаусте", часть II., на котором вызываются духи Елены и Париса, является очень точной картиной "материализации", демонстрируемой медиумами более чем через сорок лет после его публикации. Это внешнее сходство носит физиогномический характер. Сегодняшний сеанс утратил мрачные черты своего средневекового прототипа, потому что Настоящее имеет не реальное и временное, а лишь умозрительное и сентиментальное отчаяние, и это тот вид отчаяния, который присущ главным образом зажиточным и праздным классам. Нетрудно взглянуть в глаза нашей повседневной человеческой натуре в те безумные периоды, когда целые районы, казалось, были охвачены эпидемическим безумием, и заглянуть в глубину этого взгляда, в бездонное сердце человечества.

В старой приходской книге Фьюстона, Йоркшир, есть следующие записи: '1621 год. Анна, дочь Эдварда Фэрфакса, крещена 12 июня.' '1621 год. Эдвард Фэрфакс, эсквайр, девочку назвали Энн, похоронили 9 октября'. Затем в "Истории Нэрсборо" мы читаем об этом ребенке: "Считалось, что она умерла из-за колдовства". В каких снах этот ребенок, предположительно похищенный дьявольской злобой, вернулся чистым духом, озаренным светом, но омраченным тревогой и болью осиротевшей семьи! Под рукой медиум, тот, в чьем уме и сердце разыгрываются все бурные события того времени. Самый выдающийся представитель семьи Фэрфакс отправился сражаться за парламент против короля. Эдвард Фэрфакс - ревностный церковник. Его старшая дочь Хелен, двадцати одного года от роду, является прихожанкой преподобного мистера Смитсона, однако она попала под сильное влияние проповедника-нонконформиста мистера Кука. Ученый священник и его мирская Церковь, с одной стороны, и невежественный священник со своими скромными последователями - с другой, являются бессознательными олицетворениями Порока и Добродетели, в то время как между ними бедная Елена - не Гераклея.

Через девятнадцать дней после похорон ее младшей сестры Анны, как упоминалось выше, Хелен находят 'в смертельном трансе'. Через некоторое время она начинает говорить, и по ее словам видно, что она воображает себя "в церкви в Лидсе, слушающей проповедь мистера Кука". 3 ноября, лежа на своей кровати, Хелен восклицает: 'Белая кошка долго была рядом со мной и вытягивала мое дыхание, и оставила у меня во рту и глотке такой мерзкий запах, что он отравляет меня!' Далее у нас есть следующая запись в дневнике отца: "Пункт. В среду, 14 ноября, она увидела у своей кровати черную собаку, а после недолгого сна ей привиделся человек, похожий на молодого джентльмена, очень храброго, в одежде, отделанной золотым

кружевом, шляпе с золотой лентой и модными брыжами. Он приветствовал ее тем же комплиментом, который, по ее словам, использует сэр Фернандино Фэрфакс, когда приходит в дом и приветствует ее мать.... Он сказал, что он принц и сделает ее королевой Англии и всего мира, если она поедет с ним. Она отказалась и сказала: 'Во имя Господа, кто ты?' Вскоре он действительно запретил ей называть Бога по имени; на что она ответила: 'Ты не мужчина, если не можешь выносить имя Бога; но если ты мужчина, подойди ближе, дай мне пощупать тебя'; чего он не стал делать, но сказал: 'Это не имеет значения для чувств'. Она продолжила: "Если бы ты был мужчиной, ты бы не отрицал, что тебя чувствуют; но ты дьявол и всего лишь тень".

Возможно, Хелен Фэрфакс прочитала в "Лире" Шекспира, напечатанном двенадцатью годами ранее, что

Князь Тьмы - джентльмен;

Модо его зовут, и Маху.¹⁶⁹

Но читатель заметит, что ее видение предвосхищает видение Фауста, превращение пуделя в изысканно одетого Мефистофеля. В следующее видение вставлен отрывок из Патмоса, где дьявол появляется в виде зверя со множеством рогов; но преобладает фольклор Йоркшира, и "вскоре он был похож на очень маленькую собачку и попросил ее открыть рот и позволить ему войти в ее тело, и тогда он будет править всем миром". Наконец, он "наполнил комнату огнем".

На данный момент у нас есть следующие элементы древней мифологии: 1, Кошка; 2, Собака; 3, Гордость Жизни (Асмодей), представленная в изысканной одежде и манерах дьявола; 4, Князь Мира сего, предлагающий свой трон; 5, египетская вера в могущество Имени; 6, Демон Голода, который не смеет быть ощупанным, потому что его спина полая, и, хотя он сам является тенью, не отбрасывает ее; 7, бестелесный дьявол раввинов, который стремится принять человеческий облик, чтобы насладиться высшими силами, на которые способен человек; 8. демон огня.

Период, в который жила Хелен Фэрфакс, предоставил формы для 'материализации' этих представлений, улетучившихся с древних кладбищ теологии. Веселый и галантный Асмодей превратился в козла под аскетичным взглядом Европы; его любовница - обнаженная ведьма; ее фамилляр и рабыня - кошка. Это традиционная теологическая теория, какую мы находим во многих примерах, один из которых показан здесь (рис. 21), скопированный с каменной панели у входа в Лионский собор. Вот чем заканчиваются видения Хелен. Она, ее семилетняя младшая сестра и молодая соседка, двенадцатилетняя девочка, заразившиеся истерикой Хелен, считают шестерых бедных женщин ведьмами, и Эдвард Фэрфакс добился бы их казни, если бы не священник Смитсон.

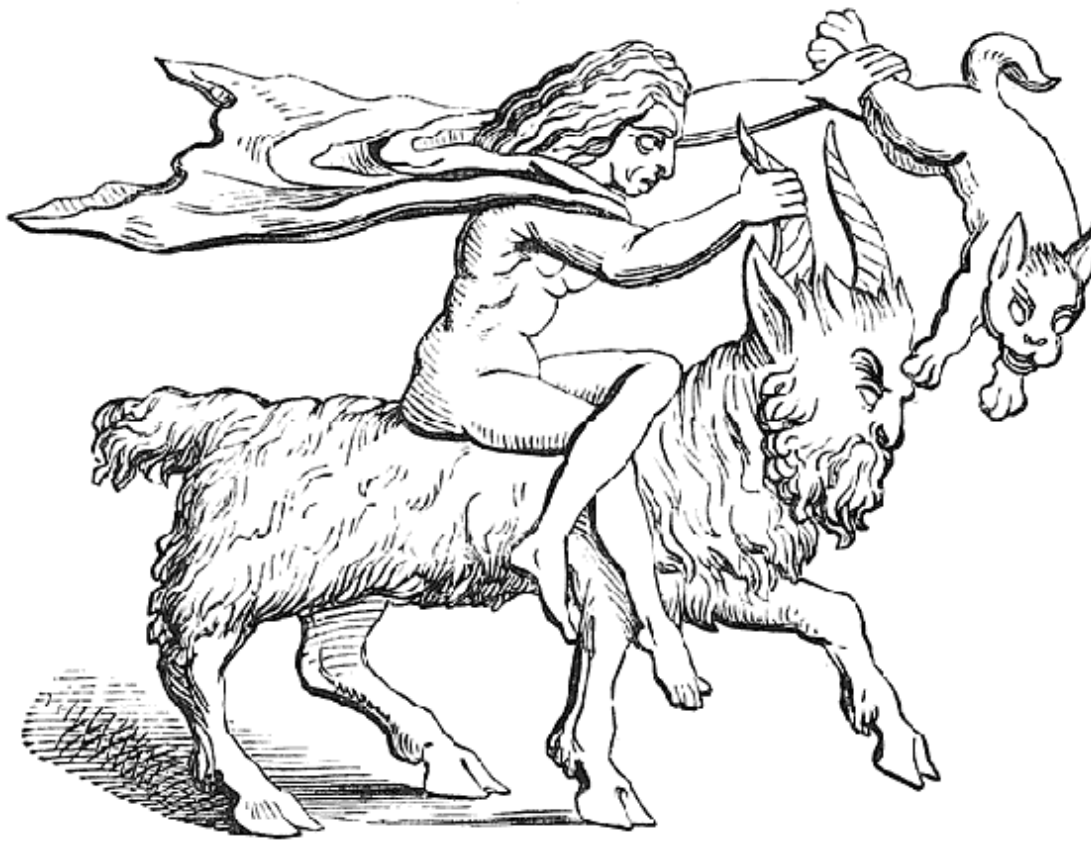

Рис. 21.—Ведьма (Лионский собор).

Кошки сыграли большую роль в этом, как и в других процессах над ведьмами. Они долгое время считались страховкой для скромных семей. Во многих регионах до сих пор можно встретить поверья, что трехцветная кошка защищает от огня; черная кошка лечит эпилепсию, охраняет сады; а в Богемии кошка - любимый подарок невесте для обеспечения счастливой супружеской жизни. Тому, кто убьет кошку, не повезет в течение семи лет. Йоркширские женщины, которых называли ведьмами, запомнили эти пословицы на всю жизнь. Среди кошек, которых Фэрфаксы считают фамильярами обвиняемого, примечательны некоторые имена. Одну зовут Гиббе. ' Это исландская *габба*, что означает "вводить в заблуждение", и наш тарабар; это кошка "Гиб" Райнике Фукса и из "Романа Розы". В "Бабушке Гуртон" мы читаем: "Никто не кастрировал Гиб, ее кошку"; а в "Генрихе IV. i. 2 "Я меланхоличен, как кошка гиб". Другую кошку зовут *Ингес*. То есть, *ignis*, огненный Агни, поддерживающий свое господство террора.

Дьявол Хелен ненавидит инакомыслящего и говорит: 'Кук - лживый злодей', потому что Кук изгоняет его бесов псалмом. С другой стороны, дьявол хвалит священника, но Хелен возмущается: "Он недостойн быть викарием, который терпит ведьм". Посреди религиозных споров, волновавших тогда все семьи, оплакивая своего умершего ребенка, униженный подозрениями своих лучших соседей в том, что его дочь виновна в обмане, Эдвард Фэрфакс, джентльмен, ученый и писатель, прислушался к вульгарным суевериям своего квартала. Если бы он стоял на плечах Гримма, он оставил бы нам совсем иное повествование, чем то, которое сохранило Филобиблиографическое общество.¹⁷⁰

Вряд ли сейчас возможно определить ценность предполагаемых признаний ведьм. Их добивались пытками или обещаниями помилования (последнее редко выполнялось); они были сформированы перекрестными допросами, а не их жертвами; и их ценность еще больше снижается, когда, как это обычно бывает, они не приводятся в деталях, а фиксируются 'по существу', причем фразеология в таком случае отражает предвзятую теорию священника о ведьмах и их оргиях. Следует опасаться, например, того, что 'дьявол' часто пишется вместо какого-нибудь имени, которое сейчас могло бы быть интересным. Тем не менее, по-видимому, есть основания полагать, что во многих случаях проводились спиритические сеансы для вызова сверхъестественных сил.

Среди огромного количества судебных процессов и признаний я не нашел ни одного более важного, чем следующее. В феврале 1691 года дочь и племянница мистера Пэрриса, священника в Салеме (Массачусетс), девочки десяти или одиннадцати лет и несколько других девочек пожаловались на различные телесные боли, и поскольку врачи не могли найти их причины, их объявили околдованными. Преподобный мистер Пэррис когда-то занимался бизнесом на Барбадосе и, вероятно, привез оттуда двух своих рабов, испанских индейцев, мужа и жену. Когда детей объявили заколдованными, индианка Титуба попыталась провести эксперимент, вероятно, с фетишами, известными на Барбадосе, чтобы выявить ведьму. После чего дети закричали на индианку за то, что она явилась к ним и мучила их. Титуба сказала, что ее хозяйка в ее собственной стране научила ее, как найти ведьму, но отрицала, что сама была ведьмой; но впоследствии (по настоянию, как она впоследствии заявила, своего хозяина) она призналась; и следы испанской жестокости на ее теле были приняты за раны дьявола. Преподобный мистер Пэррис в более спокойное время мог бы оправдать бедняжку Титубу, взяв за текст своей проповеди на эту тему слова Христа о доме, разделившемся между собой, и напомнив колонии, которая публично соблюдала пост против сатаны, что дьявол был слишком умен, чтобы покрывать ранами своего агента в Салеме; но вместо этого он проповедовал словами: "Разве Я не избрал вас двенадцать, и один из вас дьявол". Во время этой проповеди из церкви ушла женщина; она была сестрой женщины, которую также обвиняли дети, и, оскорбившись чем-то, мистер Пэррис покинул церковь. Пэррис сказал, что ушел с собрания; конечно, его тоже отправили в тюрьму. С Титубой были связаны еще три женщины, в чьих фетишистских экспериментах, по мнению хорошо информированного автора, зародилась салемская мания.¹⁷¹ Экзамен перед заместителем губернатора (Данфортом) начался в Салеме 11 апреля 1692 года, и в нем есть несколько примечательных моментов. Муж Титубы, индеец Джон, хитро сбежал, притворившись одним из пострадавших. Он набросился на Гуди Проктор и сказал: 'Она принесла мне книгу'. Никто не спросил, какую книгу! Эбигейл Уильямс, также одну из обвинительниц Гуди, спросили: "Она приносила вам книгу?" А. Да. В. Что бы она хотела, чтобы вы с ней сделали? А. Написать в ней, и я буду в порядке'. Относительно этой книги не требуется и не дается никаких описательных слов. Эксперты, очевидно, хорошо знакомы с ней. Предполагаемые признания, сохранившиеся в официальных отчетах, но не со слов обвиняемого, проясняют природу книги. Так, Мэри Осгуд 'признается, что около одиннадцати лет назад, когда она была в меланхолическом состоянии, она гуляла по своему саду и в какой-то момент увидела в дальнем конце дома кошку, которую все же приняла за настоящую кошку. Однако в то время это отвлекло ее от молитвы Богу, и вместо этого она помолилась дьяволу; примерно в это время она заключила завет с Дьяволом, который, будучи чернокожим человеком, пришел к ней и подарил ей книгу, на которую она положила палец, и от этого осталось красное пятно. И что, когда она подписала эту книгу, дьявол сказал ей, что он ее

бог.' Вполне вероятно, что это пересказ какой-то проповеди об адской Книге сатаны, соответствующей Книге Жизни, поскольку теория слишком условна, чтобы суд мог интересоваться таинственным томом. Столь же хорошо известна была теория антихриста, которая долгое время представляла это воплощение сатаны как организовавшее церковь. Итак, мы читаем: "Эбигейл Уильямс, вы видели, как компания в доме мистера Пэрриса ела и пила?" А. Да, сэр, это было их таинство. В. Что это было? А. Они сказали, что это была наша кровь.' - Мэри Уолкот, вы видели белого человека? А. Да, сэр, очень много раз. В. Что это был за человек? А. Прекрасный серьезный человек, и когда он пришел, то заставил трепетать всех ведьм.' Когда вспоминается, что Мэри Осгуд описала дьявола как "черного человека" (все думали об индейцах), этот Античерный Человек предполагает Христа, противостоящего Антихристу. Опять же, хотя, по-видимому, ранее в суде ничего не говорилось о крещении, один из экспертов спрашивает: "Гуди Лакси, сколько лет прошло с тех пор, как они были крещены?" О. Три или четыре года назад, я полагаю. В. Кто крестил их? А. Старый змей. В. Как он это сделал? А. Он окунул их головы в воду, сказав, что они принадлежат ему и что у него есть власть над ними; ... было шестеро (тех, кто) крестился. В. Назовите их. А. Я думаю, что они принадлежали высшим силам.

В ходе судебного разбирательства периодически звучат предложения о помиловании при условии признания, которые, в сочетании с этими теоретическими вопросами, делают очевидным, что опровержения, сделанные так называемыми ведьмами, были правдой, и что, по крайней мере, в Новой Англии для заблуждения было мало оснований, если вообще были какие-либо, кроме эксперимента двух испанских индейцев. Ужасная резня ведьм, произошедшая там, была результатом решения английских судей и богословов о том, что колдовство признано в Библии, и там была назначена смертная казнь.

Здесь следует отметить, что древняя мифология Салима - это в основном библейская мифология, измененная местными условиями. Белый человек и черный человек представляют Христа и Антихриста, и у нас есть одинаковые символы с обеих сторон — евхаристии, крещения и имена, записанные в книгах. Пережитки европейского фольклора, встречающиеся на испытаниях в Новой Англии, — это кошка, лошадь (редко) и собака. В одном случае собака пострадала из-за репутации ведьмы, так что у некоторых, кто встречался с ней, случались припадки; она была предана смерти. Катание по воздуху продолжается, но американские ведьмы ездят верхом на палке или шесте. Редко упоминается старомодная метла, облако-символ Дикого Охотника. Однако, по крайней мере, от Англии сохранилось одно: те же острые разногласия, которые нашли отражение в деле Фэрфакса. Коттон Мэзер обратился к одному из одержимых с Библией, "Катехизисом Ассамблеи", "Молоком для младенцев" своего деда, "Замечательным провидением" своего отца и книгой, доказывающей существование ведьм. ' И когда ей предлагали прочитать что-нибудь из этого, она умирала и билась в конвульсиях. Но когда он испытал ее с папистскими и квакерскими книгами, английским молитвенником и книгой, доказывающей, что ведьм нет, дьявол позволил ей читать их столько, сколько ей заблагорассудится. Теряешься в догадках, чему больше восхищаться: проницательности обвиняемой ведьмы в свидетельствовании пуританской религии или феномену ее выдающегося представителя, ищущего свидетеля в лице Отца лжи.

Если теперь мы отправимся на Восток, то обнаружим, что следы становятся все более отчетливыми, в то время как на Западе они становятся слабыми.

В 1669 году жители деревень Мора и Эльфдейл в Швеции, полагавшие, что их беспокоят ведьмы, были посещены королевской комиссией, результатом расследования которой стала казнь двадцати трех взрослых и пятнадцати детей; бегство через перчатку тридцати шести в возрасте от девяти до шестнадцати лет; избиение за руки двадцати детей в течение трех воскресений у церковных дверей и аналогичное избиение вышеупомянутых тридцати шести раз в неделю в течение года. Ниже приведены фрагменты "признаний ведьм" из Public Register, переведенные Энтони Хорнеком, доктором медицинских наук, и напечатанные в Лондоне в 1700 году. Я добавляю несколько слов в скобках, чтобы указать на пережитки.

"Мы, жители провинции Эльфдейл, признаемся, что ходили в гравийный карьер, который находился недалеко от перекрестка (Геката), и там мы надевали на головы жилеты (Волчий пояс), а затем танцевали вокруг, а после этого бежали к перекрестку и трижды призывали Дьявола, сначала тихим голосом, во второй раз чуть громче, а в третий раз очень громко, со словами *-Предшественник,приди и отнеси нас в Блокулу*. После чего он немедленно появлялся, но в другом обличье; но по большей части мы видели его в сером сюртуке и красно-синих чулках: у него была рыжая борода (Барбаросса), шляпа с высокой тульей (Turn-cap), обернутая льняной тканью разных цветов, и длинные подвязки на чулках.

Затем он спросил нас, будем ли мы служить ему душой и телом. Если мы были довольны этим, он сажал нас на животное, которое у него было наготове, и переносил нас через церкви и высокие стены; и в конце концов мы пришли на зеленый луг, где лежит Блокула. Мы должны раздобыть немного обрезков от алтарей и опилок от церковных часов; и затем он дает нам рог с мазью, которой мы помазываем себя (миро); и седло с молотком (Тора) и деревянным гвоздем, чтобы закрепить седло (Валькира); после чего мы призываем дьявола и отправляемся в путь".

Они сказали, что в своем путешествии использовали всевозможные инструменты, животных, людей, вертела и столбы, в зависимости от того, насколько у них была возможность: если они ездят верхом на козлах (Азазель) и у них много детей, чтобы всем хватило места, они втыкают вертел в зад Козла, а затем смазываются вышеупомянутой мазью. Каков характер их путешествия, одному Богу известно. Было выяснено так много, что, если дети когда-либо называли имена (египетские заклинания) тех, кто их унес, их снова силой тащили либо в Блокулу, либо на перекресток, и там жестоко избивали, так что некоторые из них от этого умирали".

"Маленькая девочка из Элфдейла призналась, что, произнеся имя Иисуса, когда ее уносили, она внезапно упала на землю и получила большую дыру в боку, которую дьявол вскоре снова залечил и унес ее; и по сей день девочка признается, что у нее очень сильно болел бок".

Они единодушно признали, что Блокула расположена на прекрасном большом лугу, которому не видно конца. Место или дом, в котором они встретились, имели перед собой ворота, выкрашенные в разные цвета; через эти ворота они вышли на небольшой луг, отличный от других, где водились животные, на которых они обычно ездили верхом; но люди, которыми они пользовались в своем путешествии, стояли в доме у ворот в дремотной позе, прислонившись к стене (замок Вальдемар). Они сказали, что в огромной комнате этого дома стоял очень длинный стол, за который действительно садились ведьмы; и что рядом с этой комнатой была еще одна комната, где стояли очень красивые и изящные кровати. Первое, что они должны были сделать в Блокуле, это отречься от всего, посвятить себя Дьяволу телом и душой, пообещать верно служить ему и подтвердить все это клятвой (посвящением). После этого они порезали себе

пальцы (одинизм) и своей кровью вписали свое имя в его книгу (Откровения). Они добавили, что он заставил их тоже креститься у таких священников, какие у него там были (Таинства Антихриста)".

‘И он, Дьявол, велит им верить, что судный день наступит быстро, и поэтому заставляет их строить большой каменный дом (Вавилон), обещая, что в этом доме он защитит их от Божьего гнева и даст им возможность наслаждаться величайшими удовольствиями (мусульманскими). Но пока они усердно работают над этим, большая часть стены снова рушится".

Они сказали, что иногда видели очень большого Дьявола, подобного Дракону, окруженного огнем и связанного железной цепью (Апокалиптический), и Дьявол, который разговаривает с ними, говорит им, что если они в чем-нибудь признаются, он выпустит этого великого Дьявола на них, в результате чего вся Свиделандия окажется в большой опасности.

Они добавили, что у дьявола там была церковь, такая же, как в городе Мора. Когда прибыли Уполномоченные, он сказал Ведьмам, что они не должны их бояться, потому что он наверняка убьет их всех. И они признались, что некоторые из них пытались убить членов Комиссии, но не смогли добиться этого.

Некоторые дети много говорили о белом Ангеле (Фригге как христианской опекунше), который запрещал им делать то, что повелел им дьявол, и говорил им, что эти действия не должны длиться долго. То, что было сделано, было разрешено из-за нечестия людей.

Жители Эльфдейла признались, что дьявол имел обыкновение играть перед ними на арфе (Тангейзер), а затем входить с ними в комнату, которая ему больше всего нравилась, когда он совершал с ними благочестивые поступки (Асмодей); и все они действительно признались, что у него было плотское знакомство с ними, и что у дьявола от них были сыновья и дочери, на которых он женился, и они ... произвели на свет жаб и змей (Ехидну).

После этого они сели за стол, и те, кого Дьявол ценил больше всего, были посажены ближе всего к нему; но дети должны были стоять у двери, где он сам угощал их мясом и питьем (Причастие). После еды они отправились танцевать, а тем временем самым ужасным образом ругались и проклинали друг друга, а потом отправились сражаться друг с другом (Валгалла).

Они также признались, что дьявол дает им животное размером и формой с молодую кошку (Гекату), которую они называют носильщицей; и что он дает им птицу размером с ворона (вестницу Одина), но белую;¹⁷² и этих двух существ они могут отправить куда угодно, и куда бы они ни пришли, они забирают все съестные припасы, какие только могут достать, масло, сыр, молоко, бекон и всевозможные семена, все, что найдут, и несут это ведьме. То, что приносит птица, они могут оставить себе, но то, что приносит перевозчик, они должны приберечь для Дьявола, и это доставляется в Блокулу, где он дает им из этого столько, сколько считает нужным. Они также добавили, что эти носильщики иногда наедаются до отвала, так что их заставляют извергать (‘добычу Одина’), кстати, извергать можно в нескольких садах, где растут колокольчики, и недалеко от домов этих ведьм. Оно желтого цвета, как золото, и называется "масло ведьм".

Лорды-комиссары действительно были очень серьезны и приложили немало усилий, чтобы убедить их показать некоторые из своих фокусов, но безрезультатно; ибо все они единодушно признались, что, поскольку они во всем признались, они обнаружили, что все их колдовство

исчезло, и что дьявол в это время показался им очень страшным, с когтями на руках и ногах, с рогами на голове, длинным хвостом сзади, и показал им горящую яму с вытянутой рукой; но Дьявол снова вонзил в человека железную вилку; и предположил ведьмам, что если они продолжая их исповедь, он поступил бы с ними таким же образом".

Министры Эльфдейла и Мора были главными инициаторами этого расследования, и оба показали, что ночью они подверглись многочисленным пыткам от ведьм. Одного взяли за горло и использовали с такой жестокостью, что "в течение нескольких недель он не мог говорить или совершать богослужение".

В этом повествовании мы имеем официальное и канцелярское заявление и никогда не сможем узнать, в чем на самом деле признались жертвы. Блокула, похоже, является шведским изданием Блоксберга, который в старину считался великим прибежищем ведьм. Но мы можем особо отметить эпитет, с помощью которого, как говорят, ведьмы впервые обратились к дьяволу — *Предшественнику*. Доктор Хорнек не дал нам шведского термина, переводом которого это является, но мы можем быть уверены, что это не была фраза, придуманная классом, среди которого были известные ведьмы. По всей вероятности, это была ученая фраза того времени, обозначавшая некую предполагаемую силу, которая предшествовала христианству и была завоевана им; и если бы мы знали ее значение, это могло бы дать ключ к реальности, с которой имели дело Уполномоченные. Представляется весьма вероятным, что и в Швеции, как и везде, произошло возрождение веры в старую религию, варварские обряды которой все еще сохранились в нескольких норах и углах, где их совершали по ночам. Предшественник все еще присутствовал, чтобы давать обещания там, где Преемник нарушил все, что сделали его спонсоры, когда население приняло его крещение. На такую вероятность дополнительно указывает тот факт, что некоторые из этих сверхъестественных событий произошли в Элфдейле, название, которое намекает на регион, пользовавшийся особой святостью при старой религии, а также утверждение, что у дьявола там была церковь, своего рода пародия на деревенскую церковь. Примерно в то же время мы находим Джона Файна, исповедующегося в Шотландии, что дьявол явился ему в "белой одежде", и также засвидетельствовано, что Джон слышал, как "Дьявол проповедовал в церкви за кафедрой ночью при свечах, свеча горела синим".¹⁷³

Имена, используемые шотландскими ведьмами, часто наводят на мысль о пережитках язычества. Так, на судебном процессе в Пейсли в 1678 году по делу о предполагаемом колдовстве сэра Джорджа Максвелла Маргарет Джексон показала, что отдала свою душу, отказавшись от крещения дьяволу по имени Локас (Локи?); другая подняла бурю, чтобы помешать путешествию короля в Данию, бросив в море кошку и закричав Hela (Хела?); а Агнес Сэмпсон призвала к себе дьявола в образе собаки, сказав: "Эльва (эльфийка?), приди и поговори со мной!"

Необходимо пройти мимо многих указаний, содержащихся в процессах над ведьмами, на то, что имели место попытки вернуться к удовольствиям и власти, традиционно ассоциирующимся с языческой эпохой Европы, и подтвержденные самим осуждением современного язычества с его помпезностью и роскошью со стороны духовенства. Обещания, данные "Дьяволом" крестьянам Эльфдейла и пуританке Хелен Фэрфакс, ни с чем не спутаешь. Но необходимо также отметить, что церемонии, с помощью которых, как было ясно доказано в различных случаях, гадалки или "ведьмы" пытались имитировать заклинания доктора Фауста, были археологическими.

Вокруг котла, который использовался в подражание алхимикам, был нанесен грубый Зодиак с добавлением некоторых алхимических знаков; а в котел были помещены ингредиенты, в отношении многих из которых существует путаница. Однако несомненно, что основными ингредиентами были растения, которые, точно так же, как и в древнем Египте, собирали в определенные фазы луны, или в сезоны года, или в каком-нибудь месте, где, как предполагалось, на них не падал солнечный свет. Было ясно доказано также, что растениями, которые в основном использовались колдуньями, были рута и вербена. Вербена была посвящена богу войны в Греции и Риме и служила символом послов, отправляемых для заключения мирных договоров. В Германии он был священен для Тора, и он не стал бы поражать своей молнией дом, защищенный им. Друиды называли это 'священной травой'; они собирали ее, когда восходила собачья звезда, в незасвеченных местах и возмещали земле лишения жертвоприношением меда. Во времена Бена Джонсона его репутации было достаточно, чтобы он написал...

Принесите свои гирлянды и с почтением разместите их

Вербена на алтаре.

Очарование вербены для средневековых крестьян заключалось в том, что считалось, что при первом прикосновении к огню она раскаляет железо; а при кипячении с рутой получалась жидкость, которая, будучи налита на ружейный кремль, придавала выстрелу такой эффект, какого только мог пожелать любой фрейшютц.

Считалось, что рута оказывает мощное воздействие на глаза и дарует второе зрение. Когда-то в Англии она была настолько священной, что миссионеры окропляли ее святой водой из кистей, сделанных из нее, за чего ее называли 'травой благодати'. Мильтон представляет Михаила как человека, промывающего ею глаза Адаму. В Тироле считается, что он дарует прекрасное зрение и используется вместе с репейником (цветы Аргоса, многоглазый); в Познани говорят, что он также лечит укусы змей. Этим путем оно попало в котел волшебника и ведьмы. В заклинании Дрейтона сказано —

Затем сбрызгивает она соком руты,

С девятью каплями полуночной росы

Из лунной дистилляции.

Эта ассоциация лунника, или лунного сусла, когда-то считавшегося средством от безумия, с рутой гармонирует с мифологией обоих. Древний оракул, как говорят, открытый самой Гекатой, гласил так: 'Из корня дикой руты соорудите и отполируйте статую; украсьте ее домашними ящерицами; растолките мирру, камедь и ладан с теми же рептилиями и дайте смеси настояться в воздухе во время убывания луны; затем произнесите свои обеты в следующих выражениях' (формула не сохранилась). "Сколько у меня форм, столько и ящериц пусть будет; делай это в точности; ты построишь мне жилище из лавровых ветвей и, обратившись с горячими молитвами к образу, увидишь меня во сне".¹⁷⁴

Таким образом, Рута была освящена как само вещество Гекаты, матери всех европейских ведьм. М. Мори предполагает, что это произошло потому, что она была наркотиком и вызывала галлюцинации. Галлюцинации, без сомнения, были основой веры в второе зрение. Но какова

бы ни была причина, рута была колдовским растением; и епископ Тейлор говорит о том, что ее использовали экзорцисты, чтобы испытывать дьявола, и отсюда произошло ее название 'травка благодати'. Более вероятно, ее использовали для кропления святой водой из-за традиционной святости. Предполагалось, что все наркотики - дети ночи; и если, вдобавок, они способны вызывать галлюцинации, предполагалось, что они должны находиться под особой опекой луны.

Прочитав большое количество отчетов об испытаниях ведьм, а также многие из их предполагаемых признаний, я пришел к выводу, что собрания, несомненно, проводились в тайных местах; что использовались некоторые из обычных церемоний и молитв Церкви, при этом имена традиционных божеств и восточных демонов заменялись именами Троицы и святых; что к ним примешивались некоторые обряды, которые были сохранены из древнего мира гностиками, астрологами и алхимиками. Вполне вероятно, что на этих собраниях иногда имело место прямое поклонение дьяволу, но чаще всего призывы произносились под другими именами, и 'Дьяволом' так часто называют по большей части репортеры-юристы. Что касается "признаний", многие, без сомнения, признались, что ходили на шабаши ведьм, которые были там только в лихорадочных снах, как, должно быть, было в случае со многими маленькими детьми и болезненными пиетистками, которые были казнены; другие признались в надежде избежать обвинений, на которые они не могли ответить; а другие устали от своей жизни.

Автор этих строк хорошо помнит, как более тридцати лет назад в маленькой виргинской деревушке (Фалмут) ужасным преследованиям подверглась старая белая женщина по имени Нэнси Каламам из-за своей репутации ведьмы. Слухи о ящерицах, которых вырвали ее бедные соседи, навели на нее ужас среди невежественных людей; негры были в ужасе от нее; она едва осмеливалась проходить по улицам, опасаясь, что ее будут улюлюкать мальчишки. Однажды утром она вошла вброд в реку Раппаханнок и утопилась, и многие ее соседи расценили это самоубийство как ее признание. Вероятно, для многих это было своего рода признание, которое мы читаем в отчетах о процессах над ведьмами.

Последовавшее за этим возмездие было более жестоким, чем могли бы быть простые попытки бедных и невежественных людей призвать духов себе на помощь. Время от времени судебные преследования свидетельствуют о хорошо известной враждебности к ереси, преследованиям, а также о ярости магистратов, подозреваемых в заговорах. В Англии, Новой Англии и Франции, в частности, зарождающийся рационализм проявился в партии под названием 'садукеи', которые пытались дискредитировать веру в колдовство. Это было признано сэром Мэтью Хейлом в Англии и Коттоном Мэзером в Новой Англии, а следовательно, и высшими властями церкви и государства в обеих странах, как посягательство на библейскую непогрешимость, поскольку в Библии сказано: 'Не оставляй ведьму в живых'. Ведущие волшебники и ведьмы, вероятно, также были людьми, которые были известны в связи с народным недовольством и революционными чувствами, проявившимися во многих мстительных заклинаниях, которые были обнаружены.

Ужасы, сопровождавшие подавление этого последнего возрождения язычества, напоминают Варфоломеевскую резню и недавнюю резню коммунистов в Париже настолько ярко, что трудно отделаться от подозрения, что во всех них были представлены одна и та же смесь паники и фанатизма. Доктор Ревиль подытожил ужасающую трехсотлетнюю историю следующим образом: 'В одном только 1485 году в одном только районе Вормса восемьдесят пять ведьм были преданы огню. В Женеве, в Базеле, в Гамбурге, в Ратисбоне, в Вене и во множестве других

городов происходили казни такого же рода. В Гамбурге среди других жертв заживо сгорел врач, потому что он спас жизнь женщине, от которой отказалась акушерка. В Италии в течение 1523 года только в епархии Комо было сожжено более двухсот ведьм. Это произошло после новой буллы, направленной против колдовства папой Адрианом VI. В Испании было еще хуже; там в 1527 году две маленькие девочки в возрасте от девяти до одиннадцати лет донесли на множество ведьм, которых они якобы распознали по отметине в левом глазу. В Англии и Шотландии политическое влияние было оказано на колдовство; Мария Стюарт была воодушевлена живым рвением против ведьм. Во Франции парижский парламент с радостью изъяснял дела такого рода из ведения церковных трибуналов; и при Людовике XI, и при Карле VIII, и при Людовике XII. было лишь немного случаев осуждения практики магии; но современ Франциска I, и особенно со времен Генриха II, это бедствие появилось вновь. Жан Боден, человек незаурядных достоинств в других отношениях, но совершенно помешанный на вопросе о колдовстве, передал свою манию всем классам нации. Его современник и ученик Богэ показал, как Франция кишела ведьмами и волшебниками. 'Они растут и размножаются на земле, ' сказал он, - так же, как гусеницы в наших садах. Если бы все они были собраны в кучу, чтобы единый огонь мог сжечь их всех сразу'. В Савойе, Фландрии, горах Юра, Лотарингии, Беарне, Провансе и почти во всех частях Франции были замечены горящие гекатомбы. В семнадцатом веке лихорадка ведьм несколько утихла, хотя и вспыхивала то тут, то там, сосредоточившись главным образом в монастырях истеричных монахинь. Ужасные истории священников Гофриди и Урбана Грандые хорошо известны. В Германии, и особенно в ее южных частях, сжигание ведьм было еще более частым явлением. В одном маленьком княжестве по меньшей мере 242 человека были сожжены в период с 1646 по 1651 год; и, *horribile dictu*, в официальных отчетах об этих казнях мы находим, что среди пострадавших были дети в возрасте от одного до шести лет! В 1657 году судья-колдун Николас Реми хвастался, что за пятнадцать лет сжег 900 человек. Может даже показаться, что именно судебному разбирательству против колдовства Германия обязана введением пыток как обычного способа добиться правды. Г-н Роскофф воспроизводит каталог казней ведьм и волшебников в епископальном городе Вюрцбург в Баварии вплоть до 1629 года. В 1659 году число казненных за колдовство в этой епархии достигло 900 человек. В соседнем епископстве Бамберг было сожжено по меньшей мере 600 человек. Всего он перечисляет тридцать одну казнь, не считая некоторых, которые составители каталога сочли недостаточно важными, чтобы их упоминать. Количество жертв при каждой казни варьируется от двух до семи. Многих отличают такие фамилии, как "Большой горбун, Слостолубец, Смотритель моста, Старая Торговка свининой" и т. Д. Среди них фигурируют люди всех сортов и состояний: актеры, рабочие, жонглеры, городские и деревенские девушки, богатые бюргеры, дворяне, студенты, даже магистраты и изрядное количество священников. Многие из них указаны просто как "иностранец". Кое-где к имени осужденного добавляется его возраст и краткое уведомление. Среди жертв, например, двадцатой казни фигурируют "Маленькая Барбара, самая красивая девушка в Вюрцбурге"; "студентка, говорившая на всех языках, которая была превосходным музыкантом, вокалистом и инструменталистом"; 'хозяин хосписа, очень образованный человек'. В этом мрачном отчете мы также находим жестокий отчет о детях, сожженных за колдовство; здесь маленькая девочка примерно девяти или десяти лет со своей младшей сестрой, младше ее самой (их мать была сожжена вскоре после этого); здесь мальчики десяти или одиннадцати лет; снова молодая девушка пятнадцати лет; двое детей из богадельни; маленький сын члена городского совета. Перо выпадает из рук, когда вспоминаешь такие чудовищные вещи. Разве те, кто хотел бы наделить католицизм догмой папской непогрешимости, не могут прислушаться, прежде чем

отдать свой голос, к воплям, которые возносятся к Богу и которые повторяет история, о тех бедных невинных людях, которых папские буллы бросили в огонь? Семнадцатый век ознаменовался быстрым сокращением судебных процессов и пыток. В один из своих удачных моментов Людовик XIV. значительно смягчил суровость этого специального законодательства. Для этого ему пришлось подвергнуться протестам парламента Руана, который считал, что общество было бы разрушено, если бы те, кто занимался колдовством, были просто приговорены к вечному заключению. Правда в том, что вера в колдовство была настолько широко распространена, что время от времени даже на протяжении семнадцатого века проводились отдельные казни. Одним из последних и наиболее печально известных было убийство Ренаты Заенгер, настоятельницы монастыря Унтерцелль близ Вюрцбурга (1748). В Ландсхуте, в Баварии, в 1756 году тринадцатилетняя девочка была уличена в нечистых сношениях с дьяволом и приговорена к смерти. Севилья в 1781 году и Гларис в 1783 году стали последними известными жертвами этого фатального суеверия".¹⁷⁵

Реформация уничтожила в северных странах для высших классов столько христианских святых и ангелов, сколько жречество ранее превратило во врагов низших. Бедные и невежественные люди просто пытались вызвать тех же идеальных духов-хранителей в языческих формах, легендарно ассоциирующихся с золотым веком. Колдовство было патетическим обращением жестокого настоящего к справедливому, хотя и призрачному прошлому. Но протестантизм вызвал голод другого рода — голод сердца. Святые Церкви последовали примеру языческих; и хотя одним из результатов этого процесса стал огромный рост предприимчивости, науки и богатства, человек не может жить только ими. Современный спиритуализм, к которому столь многие относятся с высокомерием, мало достойным научного века, - это крик истощенных чувств и привязанностей, оставшихся безнадежными под поблекшими небесами, столь же полный патетического смысла, как тот, который был вырван у крепостных, заманенных в храмы только для того, чтобы найти в них притоны воров. Опустошенные сердца берут на себя бремя опустошенных домов и обращаются к невидимым силам за руководством; и за подтверждением надежд, которые разрушила наука, прежде чем поэзия, искусство и филантропия превратили этот пепел в красоту. Поскольку эти так называемые духи, вызываемые медиумами из-за болезненных нервов, на самом деле являются желанными идеалами, о темных чертах колдовства речь не идет. Это пугающее движение было совершено обиженной Медеей, чьи горести сделали Гекату — вспомним ужасную фразу Еврипида — 'избранной помощницей, обитающей в самых сокровенных уголках ее дома'. Современный спиритуализм - это Рахиль, плачущая о своих детях, а не ищущая утешения, если их нет. Но безумие одного должно быть понято по жалобному призыву другого.

Глава 25. Фауст и Мефистофель

Мефисто и Мефитис—Книга Ворона—Папское колдовство—Магические печати—Мефистофель в образе собаки—Джордж Сабелликус, он же Фаустус—Миф о Фаусте—"Фауст Марло"—Добрые

и злые ангелы—Чудо Магии—Киприан и Юстина—"Фауст Клингера"—Проповедь сатаны—"Мефистофель" Гете—Его немецкие персонажи—Моральный скептицизм—Дары дьявола—Елена—Искушение через искусство—Поражение Мефистофеля.

Я думаю, что имя Мефистофель связано с содроганием священника от испарений лаборатории. Данцер¹⁷⁶ считает, что первоначальной формой этого слова было 'мефостофилы', и предполагает, что это была неуклюжая попытка соединить три греческих слова, означающих 'не любящий свет'. В этом его поддерживает Байард Тейлор, который также считает, что так это понимал Гете. Вероятно, трансформация произошла среди ужасных газов, которыми окружал себя первобытный химик. Тот, кто начал с того, что 'не любил свет', стал фамильяром людей, ищущих свет, и любителем их мефитозных газов. У древних римлян было таинственное божество по имени Мефитис, чья роща и храм находились в Эсквилии, недалеко от места, вход в которое считался смертельным. Считается, что ее призвали против мефитических испарений земли в роще Альбуней. Серные источники также издревле считались исчадиями ада, и и Шварц, и Роджер Бэкон особенно разбирались в подобном запахе. Учитывая, насколько Асмодей, как "прекрасный джентльмен", вошел в композицию Мефистофеля и как он улетел из Ниневии в Египет (Товит), чтобы избежать неприятного запаха, кажется иронией мифологии, что он должен появиться в Европе как мефистофелевский дух.

Мефистофель - воплощение всего, о чем говорилось в предыдущих главах, об ужасе аскета перед природой и гордыне жизнью, а также о проклятии средневекового священника всем знаниям, которые он не мог монополизировать. Миф о Фаусте - это всего лишь его тень, отбрасываемая на землю, свидетельство его ужасной силы, поскольку Церковь хотела бы, чтобы люди боялись ее. The early Raven Book at Dresden has the title:— '† † † D. J. Fausti † † † Dreifacher Höllen-Zwang und Magische (Geister-Commando) nebst den schwarzen Raaben. Romæ ad Arcanum Pontificatus unter Papst Alexander VI. gedruckt. Anno (Christi) MDI. В доказательство этого утверждения имеется Предисловие, предположительно являющееся прокламацией, подписанной упомянутым папой и кардиналом Пикколомини, относительно секретов, которые знаменитый доктор Фауст разбросал по всей Германии, повелевая *ut ad Arcanum Pontificatus mandentur et sicut pupilla oculi in arxive Nostro servantur et custodiantur, atque extra Valvas Vaticanas non imprimantur neque inde transportentur. Si vero quisque temere contra agere ausus fuerit, Divinam maledictionem latæ sententiæ ipso facto servatis Nobis Solis reservandis se incursum sciat. Ita mandamus et constituemus Virtute Apostolicæ Ecclesiæ Jesu Christi sub pœna Excommunicationis ut supra. Anno secundo Vicariatus Nostri. Romæ Verbi incarnati Anno M.D.I.*

Это наглая подделка, но это изобретение, которое больше, чем что-либо реально исходящее из Рима, указывает на распространенное понимание того, что позиция Церкви была направлена не против действительности магических искусств, а против их применения лицами, не уполномоченными ею. Действительно, священники не боролись с традицией, согласно которой различные духовные лица обладали такими полномочиями, даже папы, как Иоанн XXII, Григорий VII и Климент V. Говорят, что у первого Сильвестра в подчинении был дракон; Иоанн XXII. обвинял своих врачей и придворных в некромантии; а слухи, связывающие Ватикан с колдовством, ходили достаточно долго, чтобы приписать покойному Пию IX. силу сглаза. Такие ужасные способности Церковь хотела приписать только себе. Фауст - это легенда, придуманная для того, чтобы запечатлеть в массовом сознании судьбу всех, кто искал знания несанкционированными способами и не для церковных целей.

В только что упомянутой Книге Ворона есть положения о вызове духов, которые в своем смешении христианских и языческих формул странно напоминают торжественные процедуры, иногда проводимые нашими духовными медиумами. Магу (*Магистру*) лучше всего быть одному, но если присутствуют другие, их число должно быть нечетным; он должен заранее обдумать, какое дело он хочет заключить с духами; он должен соблюдать Божью заповедь; доверять помощи Всемогущего; продолжать свое заклинание, хотя духи не появляются быстро, с непоколебимой верой; начертите круг на пергаменте голубиной кровью; внутри этого круга напишите латинскими названиями четырех сторон неба; напишите вокруг него еврейские буквы имени Бога, а под ним - *Садан*; и, встав в это место, произнесите: по кругу он должен повторять девяносто первый Псалом. Кроме того, есть печати красного и черного цветов, различные слова на иврите, греческом и латыни, в основном такие, которые содержат буквы Q, W, X, Y, Z, — например, Иширос, Теос, Заваоф, Адонай. Образец (рис. 22), который я скопировал из книги в Дрездене, называется 'Сигиллум Тельшунхаб'. "Черный ворон" изображен в книге и объясняется как форма, в которой ангел Рафаэль научил Товиаса вызывать духов. Сказано также, что Маг должен в определенных случаях писать кровью рыбы (снова Товита) или летучей мыши на "девичьем пергаменте", который объясняется как кожа козла, но неприятно наводит на мысль о другом происхождении.

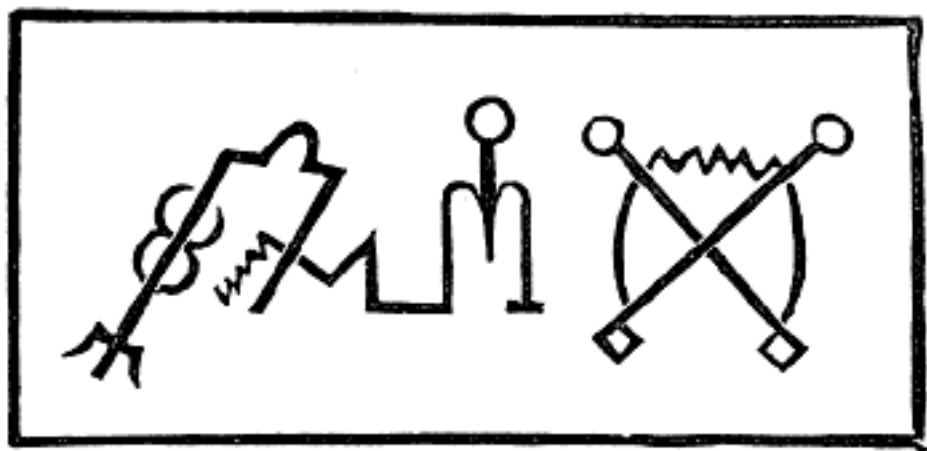

Рис. 22. Печать из Книги Ворона.

В этой книге, плохо напечатанной и, по-видимому, изданной частным издательством, Мефистофель упоминается как один из главных Князей Ада. Его описывают как юношу, искусного во всех искусствах и служениях, который приводит духов-слуг или фамильяров и быстро приносит сокровища с земли и моря. Во Франкфуртской книге "Фауст" (1587) Мефистофель говорит: 'Я дух, и летающий дух, могущественный правитель под небесами.' В древнейших легендах он предстает в образе собаки, которая, как мы видели, является обычной формой божеств-покровителей, символом Писца в Египте, стража Гадеса и психопомпа в различных мифологиях. Собака появляется вслед за семьей Товия. Манлий сообщает, что Меланхтон сказал: 'У него (Фауста) была с собой собака, которая была дьяволом'. Иоганн Гаст ("Праздничные проповеди") говорит, что присутствовал на обеде в Базеле, который давал Фауст, и добавляет: 'С ним также были собака и лошадь, которые, как я полагаю, были дьяволами,

потому что они могли делать все. Некоторые люди рассказывали мне, что собака часто принимала облик слуги и приносила ему еду.’ В старых легендах эта собака носит имя *Претиуар*.¹⁷⁷

Что касается человека по имени Фауст, то он, по-видимому, лично был именно той фигурой, которая требовалась Церкви, и если бы монах, в облике которого появляется Мефистофель, был его настоящим фамильяром, он вряд ли смог бы сделать больше, чтобы опозорить ученость. Родился во второй половине пятнадцатого века в Книтлингене, Вюртемберг, в семье бедных родителей, завещание дяди позволило ему изучать медицину в Краковском университете, и кажется очевидным, что он посвятил свои знания и способности работе по введению в заблуждение общественности. О том, что он зарабатывал деньги своим "медиумизмом", можно заключить только из активности, с которой он разъезжал по Германии и рекламировал свои 'способности'. Это было в то время, когда за амулеты, настойки, манники из мандрагоры платили высокие цены; и ажиотаж вокруг колдовства был еще недостаточно развит, чтобы сделать торговлю подобными вещами опасной. Похоже, католическое духовенство поспешило использовать этого самозванца, чтобы противопоставить свою мораль учености и назвать его первым плодом Реформации; в то время как реформаторы с таким же рвением обвиняли его в папизме как результат их идолопоклонства. Меланхтон называет его 'отвратительным зверем, скопищем множества дьяволов'. Первое упоминание о нем принадлежит Тритемиусу в письме от 20 августа 1507 г., который говорит о нем как о "претенденте на магию" ("Магистр Георгиус Сабелликус, Фаустус младший"), с которым он познакомился в Гельнхаузене; а в другом письме того же года, что и в Кройцнахе, Конрад Мудт, друг Лютера и Меланхтона, упоминает (3 октября 1513 г.) визит в Эрфурт Георгиуса Фауста Хемитеуса Хедебейенсиса, "хвастуна и дурак, увлекающийся магией", разговор которого он "услышал в таверне" и который "поднял против него богословов". В "Анналах Лейпцига" Фогеля (1714), хранящихся в подвале Ауэрбаха, под датой 1525 года записано посещение Подвала доктором Иоганном Фаустом. Таким образом, у него, по-видимому, уже были псевдонимы. Первый ясный отчет о нем содержится в "Санитарном указателе" доктора Филиппа Бегарди (1539), который говорит: 'За несколько лет он объехал все регионы, провинции и королевства, сделал свое имя известным каждому и широко известен своими великими способностями не только в медицине, но и в хиромантии, некромантии, физиогномике, видениях в кристалле и подобных других искусствах. И к тому же не только прославленный, но и записанный и известный как опытный мастер. Он сам признал, но и не отрицал, что это было так, и что его звали Фауст, и он называл себя *philosophum philosophorum*. Но сколько людей жаловались мне, что он их обманул - поистине, великое множество! Но какое это имеет значение?—*hin ist hin*.'

Эти последние слова могут означать, что Фауст только что умер. Должно быть, он умер примерно в то же время и почти незаметно. Скорость, с которой вокруг него начала разрастаться мифология, заслуживает большего внимания, чем было уделено этому предмету. В 1543 году протестантский богослов Иоганн Гаст опубликовал ("Праздничные проповеди") истории о его дьявольских собаке и лошади, а также о том, как дьявол забирает его, когда его тело пять раз переворачивается лицом вниз. В 1587 году Филипп Камерариус говорит о нем как о "хорошо известном маге, жившем во времена наших отцов". 18 апреля 1587 года два студента Тюбингенского университета были заключены в тюрьму за написание комедии о докторе Фаусте: хотя было запрещено легкомысленно относиться к этой истории, ее сочли очень подходящей для использования в благочестивых целях, и осенью того же года (1587) оригинальная форма легенды была опубликована издательством Spiess во Франкфурте. В ней

Фауст описывается как вызывающий дьявола ночью, в лесу близ Виттенберга. Злой дух трижды посещает его в кабинете, где в третий раз он называет себя 'Мефостофилом', и подписывается договор служить ему в течение двадцати четырех лет за его душу. Когда Фауст протыкает себе руку, кровь перетекает в форму слов *O homo fuge!* Сначала Мефистофель служит ему как монах и приносит ему красивые одежды, вино и еду. Многие предметы роскоши привезены из особняков прелатов, что свидетельствует о протестантском уклоне книги; это также проявляется в возражении дьявола против женитьбы Фауста, потому что брак угоден Богу. Мефистофель превращается в крылатого коня, на котором Фауста переносят через многие страны, пока он, наконец, не прибывает в Рим. Фауст проводит три дня невидимым в Ватикане, что дает автору еще одну возможность продемонстрировать папскую роскошь, а также бессилие папы и его кардиналов изгнать злые силы, которые забирают у них еду и кубки, когда они собираются пировать. Во время своих дальнейших воздушных путешествий Фауст мельком видит Эдемский сад; живет во дворце султана в образе Мухаммеда и, наконец, становится фаворитом при дворе Карла V. в Инсбруке. Здесь он вспоминает Александра Македонского и его жену. В "Скитаниях по Германии" Фауст развлекается тем, что глотает охапки сена и лошадей, отрезает головы и кладет их на место, заставляет цветы цвести на Рождество, наливает вино со стола и зовет Елену Троянскую показаться некоторым студентам. Елена становится его любовницей; от нее у него рождается сын, Юстус Фаустус; но они исчезают одновременно с ужасным концом доктора Фаустуса, которого после полуночной бури можно найти только среди обломков, которыми завалена его комната.

Некоторые из этих легенд являются модификациями тех, что существовали до времен Фауста. Книга имела такой огромный успех, что новые тома и версии на ту же тему появились не только в Германии, но и в других частях Европы: рифмованная версия в Англии в 1588 году; перевод с немецкого во Франции в 1589 году; голландский перевод в 1592 году; драма Кристофера Марлоу в 1604 году.

В "Трагической истории доктора Фауста" Марлоу к массе легенд об оккультных искусствах, сформировавшихся вокруг человека, полностью их представляющего, отнеслись с достоинством, подобающим субъекту, среди морального и исторического величия которого Фауст больше не является мелкой личностью, какой он был на самом деле. Это именно тот персонаж, которого Церковь создавала в течение тысячи лет, только внезапно сменивший потусторонние желания и цели на мирские. То, к чему он стремится, - это то, к чему стремится вся энергия цивилизации.

Злой ангел. Вперед, Фауст, в этом знаменитом искусстве

В котором заключены все сокровища Природы:

Будь ты на земле, как Юпитер на небе,

Владыка и повелитель этих стихий.

Фауст. Как меня переполняет самомнение по этому поводу!

Должен ли я заставить духов принести мне то, что я пожелаю,

Разреши мне все двусмысленности,

На какое отчаянное предприятие я пойду?

Я заставлю их слетать в Индию за золотом,
Прочесать океан в поисках восточной жемчужины,
И обыщите все уголки новообретенного мира
Для вкусных фруктов и королевских деликатесов;
Я попрошу их прочитать мне странную философию,
И расскажет секреты всех чужеземных королей;
Я прикажу им обнести всю Германию медью,
И сделать быстрый Рейнский круг справедливым в Вертенберге;
Я заставлю их наполнить государственные школы шелком,
При этом учащиеся должны быть храбро одеты.
За это он готов заплатить своей душой, которую Теология так долго объявляла ценой овладения миром.
Это слово "проклятие" не пугает его,
Ибо он смешивает ад в Элизиуме:
Да пребудет его дух со старыми философами!
"Добрый Ангел" предупреждает его:
О Фауст, отложи эту проклятую книгу в сторону,
И не смотри на это, чтобы оно не искушало твою душу,
И обрушь тяжкий гнев Божий на свою голову!
Читайте, читайте Священное Писание: — это богохульство.

Так, затихая среди раскатов Реформации, были слышны отголоски голосов ранних христиан, которые ликовали при виде вечных мук греческих поэтов и философов: анафемы Роджеру Бэкону, Социнусу, Галилею; вопли, которыми встречалось каждое великое изобретение. Нам нужно лишь подретушировать приведенные выше отрывки кое-где, чтобы сделать устремления Фауста устремлениями святого. Пусть золото ищут в Новом Иерусалиме, жемчужину у его ворот, плоды в раю, философию Афанасия, и никакой эгоистичный голод и жажда всего этого не огорчили бы ни одного "Доброго Ангела", о котором он когда-либо слышал.

‘Добрый Ангел’ еще не обрел своих крыльев, который скажет ему, что все, что он ищет, входит в задачу человечества, но предупредит его, что метод, с помощью которого он добьется этого, точно такой же, каким ему было поручено искать золото и яшму в Новом Иерусалиме, — не путем выполнения их условий, а как объект некоторого фаворитизма. Каждое человеческое существо, которое когда-либо стремилось получить пользу молитвами или восхвалениями, которые могли бы снискать расположение предполагаемого дарителя благ, вместо того, чтобы работать ради них, является всего лишь Фаустом на своей стороне - будь то божественный или

инфернальный. Фокусы-покусы и призывы, договоры крови и таинства - все они одинаковы по происхождению; все они представляют собой подлые попытки получить преимущества по сравнению с другими людьми, не служа им и не заслуживая их. Для Вельзевула Фауст "построит алтарь и церковь"; но он, вероятно, никогда не входил в церковь и не преклонял колени перед алтарем с меньшим эгоизмом.

Сильная Немезида следует за Собой, чтобы следить за тем, чтобы ее границы не были преодолены без возмездия. Ее удовлетворение должно быть взвешено на весах с ее отречениями. И этот непреклонный закон применим к интеллекту и самокультуре в той же степени, что и к любой другой силе человека. Мефистофель - это "ядро животного"; он - интеллект с чисто собачьей жадностью знаний из-за силы, которую они приносят. Или, если говорить о другой части человеческой природы, это гордыня, унижающая себя ради показухи; или это страсть, продающая любовь ради похоти. *Снова входит Мефистофель с Дьяволами, которые дарят Фаусту короны и богатые одежды, танцуют и затем уходят.* Человеку, который получил свою интеллектуальную и моральную свободу только для того, чтобы так ее расходовать, Люцифер вполне может сказать словами Марлоу:

Христос не может спасти твою душу, ибо он праведен:

Нет ни одного, но у меня есть интерес к тому же самому.

Возможно, ему следовало бы еще лучше внушить Фаусту, что его душа не имеет достаточного значения, чтобы заслуживать особого беспокойства.

Кое-что прояснилось, когда в популярных драмах о Фаусте людям показали, как мало дьявола заботил крест, который так долго считался универсальным оружием против него.¹⁷⁸ Фауст и Мефистофель процветают в Ватикане, несмотря на все кресты, воздвигнутые для изгнания бесов из них. Исповедание креста, которое когда-то означало мученическую смерть исповедника, теперь стало означать мученическую смерть отрицателя. Протестантизм полагался на теологию, вероучения и православие. Но Кальдерон де ла Барка смешал легенду о Фаусте с легендарным искушением святого Киприана, и в 'Чудо-магии' мы имеем впечатляющий контраст с бессилием злых сил над сердцем чистой женщины и их легким проникновением в разум, полностью наполненный самыми здоровыми теологическими чувствами. Святой Киприан поклонялся языческим божествам¹⁷⁹ до своего обращения, и даже после этого он однажды спас себя, в то время как другие христиане принимали мученическую смерть. Возможно, из этого выросла легенда о том, что он призвал себе на помощь своих более ранних божеств — теоретически замененных дьяволами; следом от легенды является магическая 'Книга Киприана', упомянутая в другой главе. В своем трактате "О благодати Божией" Киприан говорит о своем духовном состоянии перед обращением: 'Я лежал во тьме и плыл по бушующему морю мира, не имея места для ног, не зная своей истинной жизни и отчужденный от истины и света'. Вот метафорическая 'необъятная бездна', из которой столетия не могли не вызвать духов, одним из которых является дьявол из драмы Кальдерона, который с разбитого корабля, подобно Христу, идет по бушующему морю, чтобы найти Киприана на берегу. Драма начинается сценой, которая напоминает о самом опасном из искушений святого Антония. Согласно Афанасию, дьявол, которому совершенно не удалось покорить добродетель Антония очаровательными образами, явился к нему в своем подобающем черном и уродливом обличье и, откровенно признавшись, что он Дьявол, сказал, что был побежден необычайной святостью святого. Антоний победил пробудившийся таким образом дух гордыни; но Киприан Кальдерона,

хотя он подобным образом не распознает дьявола, становится самодовольным из-за диалектической победы, которую ему уступает искушитель. Киприан доказал существование и верховенство Бога, дьявол говорит: 'Как я могу оспаривать столь очевидное следствие?' 'Ты сожалеешь о моей победе?' 'Кто же не сожалеет о чеке в состязании остроумия?' Он уходит, а Киприан говорит: 'Я никогда не встречал более образованного человека'. Дьявол в равной степени удовлетворен, зная, без сомнения, что боги, созданные только умом, остаются в своей обители абстракции и не вмешиваются в чувственный мир. Кальдерон достаточно искусен, чтобы вернуть суд над Киприаном в его языческий период, но зеркало не менее верно отражает для тех, у кого были глаза, чтобы увидеть в нем слабость теологии.

"Войди к дьяволу как благородный джентльмен" — это первый признак искушения в драме Кальдерона - это снова Асмодей¹⁸⁰, и "гордость жизнью", которую он впервые приносит, - это тщеславие перед умной теологической победой. Дверь настолько велика, что в следующий раз дьяволу не нужно маскироваться, а нужно только предложить ему безболезненную победу над природой и миром, включая Юстину, объект его страсти.

Хочешь ли ты, чтобы я работал

Очарование этого ненужного и дикого дерева,

Этот Вавилон скал и вековых деревьев,

Наполняя его тайники ужасом

Волнующий и странный?..

Я предлагаю тебе плод

О годах тяжелого труда в награду; что еще

Твоя самая смелая мечта, воплощенная в твоей мысли

Как объект желания, будет твоим.¹⁸¹

Юстина меньше знает о философском боге Киприана и больше о могуществе целомудренного сердца. Дьяволу она говорит —

Мысль не в моей власти, но действие - это:

Я не двинусь с места, чтобы последовать за тобой.

Дьявол вынужден, наконец, сказать...

Женщина, ты покорила меня,

Только не признавая себя покоренным.

Он способен только принести подделку Юстины ее любовнику.

Подобно Мефистофелю Гете, дьявол Киприана не в состоянии выполнять свои обязанности в точности и, следовательно, не выигрывает в игре. Он позволяет Киприану двигать горы и побеждать зверей, пока тот не начнет хвастаться, что может превзойти своего адского учителя, но дьявол не может привести Юстину. Она сказала Киприану, что будет любить его после

смерти. Киприан и она вместе отрекаются от своего язычества в Антиохии и встречаются в камере незадолго до своей мученической смерти. Над их телами, лежащими мертвыми на эшафоте, появляется дьявол в виде крылатого змея и говорит, что вынужден объявить, что они оба вознеслись на небеса. Он спускается на землю.

Во что превратилась история Фауста и Мефистофеля в массовом сознании Германии, когда Гете возвысил ее как бессмертный образ условий, при которых только гений и искусство могут выполнить свою задачу, хорошо показано в сенсационной трагедии, написанной его современником, драматургом Клинггером. Следующий отрывок из 'Фауста' Клингера не лишен определенной впечатляющей.

Ночь покрыла землю вороньим крылом. Фауст стоял перед ужасным зрелищем тела своего сына, подвешенного на виселице. Безумие выжгло его мозг, и он воскликнул диким голосом отчаяния:

‘Сатана, позволь мне только похоронить это несчастное существо, и тогда ты сможешь забрать мою жизнь, и я сойду в твою адскую обитель, где я больше не увижу людей во плоти. Я научился узнавать их, и я испытываю отвращение к ним, к их судьбе, к миру и к самой жизни. Мои добрые поступки навлекли невыразимое горе на мою голову; я надеюсь, что мои злые поступки, возможно, принесли добро. Так и должно быть в безумном беспорядке на земле. Забери меня отсюда; я хочу стать обитателем твоей унылой обители; я устал от света, по сравнению с которым тьма в адских краях должна быть яркостью полудня”.

Но сатана ответил: ‘Держись! не так быстро, Фауст; однажды я сказал тебе, что ты один должен быть вершителем своей жизни, что ты один должен обладать властью разбить песочные часы твоего существования; ты сделал это, и настал час моей мести, час, о котором я так долго вздыхал. Вот теперь я вырываю у тебя твой могущественный волшебный жезл и приковываю тебя к узким рамкам, которые я устанавливаю вокруг тебя. Здесь ты будешь стоять, слушать меня и трепетать; Я вызову ужасы темного прошлого и убью тебя медленным отчаянием.

Так я буду ликовать над тобой и радоваться своей победе. Глупец! ты сказал, что научился узнавать человека! Где? Как и когда? Задумывался ли ты когда-нибудь о его природе? Исследовал ли ты ее когда-нибудь и отделял от нее чуждые элементы? Различал ли ты то, что является порождением чистых порывов его сердца, и то, что проистекает из воображения, развращенного искусством? Сравнивал ли ты нужды и пороки его натуры с теми, которыми он обязан обществу и господствующей коррупции? Наблюдал ли ты его в его естественном состоянии, когда каждое из его неприкрытых выражений отражает самую сокровенную суть его души? Нет — ты взглянул на маску, которую носит общество, и ошибочно принял ее за истинные черты человека; ты познакомился только с людьми, которые посвятили свое состояние, богатство, власть и таланты служению разврату; которые принесли свою чистую природу в жертву твоему Идолу—Иллюзии. Когда-то ты осмелился показать мне моральную ценность человека! и как ты взялся за это? Ведя меня по широким дорогам порока, приводя меня ко дворам могущественных оптовых мясников людей, ко дворам трусливого тирана Франции, Узурпатора Англии! Почему мы прошли мимо обителей добрых и справедливых? Неужели я, сатана, которого ты избрал наставником, должен был указать тебе на них? Нет; тебя привела в места, которые ты посещал, слава принцев, твоя гордыня, твоя жажда разгула. И что ты там увидел? Искушенные душой тираны человечества со своими спутниками, порочными

женщинами и корыстолюбивыми священниками, которые превращают религию в инструмент для достижения объекта своих низменных страстей.

‘Снисходил ли ты когда-нибудь взглянуть на угнетенного, который, вздыхая под своим бременем, утешает себя надеждой на будущую жизнь? Искал ли ты когда-нибудь пристанища добродетельного друга человечества, благородного мудреца, деятельного и честного отца семейства?

‘ Но как это могло быть возможно? Как мог ты, самый развращенный представитель своей расы, обнаружить чистого, если у тебя даже не было возможности подозревать о его существовании?

‘Гордо прошел ты мимо хижин чистых и смиренных, которые живут, не зная даже названий твоих искусственных пороков, которые зарабатывают свой хлеб в поте лица и которые радуются в свой последний час, что им позволено обменять смертное на бессмертное. Это правда, если бы ты вошел в их жилище, ты, возможно, не нашел бы своего глупого идеала героической, экстравагантной добродетели, которая является всего лишь причудливым порождением твоих пороков и твоей гордыни; но ты бы увидел человека сдержанной скромности и благородного отречения, который в своей безвестности превосходит добродетелью и истинным величием души твоих хваленых героев на поле боя и в кабинете министров. Ты говоришь, что знаешь человека! Знаешь ли ты себя? Нет, я проникну еще глубже в тайные уголки твоего сердца и яростным ударом раздую пламя, которое ты разжег там для себя.

‘Если бы у меня была тысяча человеческих языков и столько же лет, чтобы говорить с тобой, всех их было бы недостаточно, чтобы осознать последствия твоих поступков и твоего безрассудства. Зародыш нищеты, который ты посеял, продолжит свой рост в грядущих веках; и будущие поколения будут проклинать тебя как виновника своих страданий.

‘ Тогда узри, дерзкий и безрассудный человек, важность действий, которые кажутся ограниченными твоему кротовьему видению! Кто из вас может сказать, что Время сотрет след моего существования? Ты, не знающий, что такое начало, середина и конец, дерзнул схватить дерзкой рукой цепь судьбы и попытался перегрызть ее звенья, несмотря на то, что они были выкованы навечно!

— Но сейчас я сниму пелену с твоих глаз, а затем...вселю призрак отчаяния в твою душу.

Фауст прижал руки к лицу; червь, который никогда не умирает, уже грыз его сердце.

Суть и сумма всех черт - в Мефистофеле Гете. Он и есть культура.

Культура, которую гладко облизывает весь мир,

Тоже к дьяволу пристаёт.

Он олицетворяет интеллект, который усвоил разницу между идеями и словами, знает, что дважды два - четыре, а также насколько удобной может быть ловкость, позволяющая аккуратно сложить их из пяти.

Из Метафизики извлеките пользу и красоту!

Смотрите, чтобы вы получили самую большую выгоду

Что не устраивает человеческий мозг!

Вы найдете замечательное слово для подачи

За то, что приходит — или не приходит — вам в голову.

Сосредоточьте свое внимание на словах!

Тогда ты войдешь через самые безопасные ворота

Залы храма уверенности.¹⁸²

Он также знает, что только существующий момент приносит пользу; что теория серая, а жизнь вечно зеленая; что настоящие плоды приносит только тот, кто доверяет самому себе. Таким образом, он является совершенно развитым интеллектом человека, полностью владеющим всеми его инструментами, отшлифованными до тех пор, пока они не засияют во всем изяществе, тонкости, адекватности. Природа не являет более совершенного символа такой силы, чем украшенный драгоценными камнями змей с его изысканными приспособлениями — освобожденный от громоздких прозаических ног, равный крылатым своим гибким позвоночником, с артистичным каждым зубом.

Из древней тюрьмы этот Ариэль был освобожден своим Просперо, чьей палочкой-выручалочкой была Реформация, духом, тонко разбирающимся в тонких вопросах. Но его крылья не могут взлететь за пределы атмосферы. Древние небеса померкли перед ясным взором, но звездные идеалы стали ближе. Старые преисподние сгорели, но животность человека еще более свободно распространяется по его пути, разорвав все цепи страха. Человек все еще ходит между добром и злом по натянутому на волоске мосту своей нравственной природы. Его способности, кажется, с одинаковой точностью приспособлены к любой стороне его жизни, высшей или низшей, — к Мудрости или Хитрости, Самоуважению или самомнению, Благоразумию или Эгоизму, Похоти или Любви.

Такова кажущаяся ситуация, но так ли это на самом деле? "Фауст" Гете - единственный ясный ответ, который получил этот вопрос.

В каком-то смысле Мефистофеля можно назвать немецким дьяволом. Христианская душа Германии изначально была подменен. Древнее природопоклонничество этой расы могло иметь свое нормальное развитие в науках, и только вместе с этой интеллектуальной эволюцией должна была сформироваться родственная религия, способная сохранить общественный порядок через почитание человека. Но родная душа Германии была вырезана мечом и заменена смешанной еврейско-латинской душой. Метафорические ужасы тропических стран — смертоносные черви, жгучие и удушающие взрывы и вонь, с которыми мог ознакомиться разум тех, кто жил поблизости от них, когда встречался с ними в их священных писаниях, приобретали преувеличенные ужасы, когда их рисовало запуганное воображение рас, не знающих об их происхождении. От Потсдама и Гайд-парка до Захары довольно далеко. Таким образом, христианство осквернило природу севера явлениями, более страшными, чем когда-либо знал южный мир, и еще долго после того, как благочестивые люди там смогли петь и танцевать, пуританский мрак нависал над христианами более высоких широт. Когда прогресс немецкой культуры начал работу по рассеиванию этих праздных страхов, серьезность реакции была пропорциональна интенсивности заблуждений. Давно изголодавшиеся способности

почти безумно устремились в свой прекрасный мир, но без прежнего благоговения, которое когда-то преклоняло колени перед его явлениями. Это может остаться с немногими, но цинизм самых шумных отразится даже на лицах лучших. Впервые внимание Гете к Спинозе привлек его портрет на трактате, на котором его поистине благородное лицо было изображено с дьявольским оттенком. Ортодоксальные сделали это, но они могли сделать это только благодаря карьере Фауста, Парацельса и их племени. Это тоже помогло превратить Вольтера в Мефистофеля.¹⁸³

Гете, вероятно, был первым европейцем, воплотившим этот скептицизм в жизнь в полной мере. Он был первым, кто осознал, что моральное здание, основанное на монашеских теориях, должно следовать за ними; и он уже в своей собственной жизни ставил под сомнение право так называемой морали на ее высшую, если не тираническую власть над человеком. Наследственная совесть, прошедшая через это свирепое горнило, лежала перед Гете наготове, чтобы быть сметенной в мусорную яму или сформованной по образу и подобию разума. Вокруг животной природы свободного человека оставалась только нить, которая казалась такой же тонкой, как та, на которой держалось чудовище Фенрис. Она была соткана только из чувства любви и чести. Но как Фенрис нашел мягкую невидимую нить прочнее цепей, так Фауст доказал, какие огромные санкции окружают тонкие инстинкты человека.

Освобожденный от серой теории, Фауст жадно набрасывается на золотой плод жизни. Истощенные страсти получают свое удовлетворение, чего бы это ни стоило бедняжке Гретхен. Фрукт превращается в пепел у него на губах. Удовольствие доставляет не думающий человек, а опытный пудель, которого он взял себе в проводники. Ни на один момент в этой интриге все его естество не может сказать: 'Останься, ты прекрасен!' Таков пакт — это отличительный лейтмотив "Фауста" Гете.

Можешь ли ты ложью или лестью

Подари мне хоть мгновение покоя наедине с самим собой,

Обмануть меня, чтобы я успокоился?—тогда приходи

И приветствуйте последний день жизни.

Заставь меня умолять об уходящем моменте.

Не улетай, о, останься, ты так прекрасна!

Тогда я с радостью погибну.

Пышность и могущество двора, роскошь и богатство в равной степени не могут примирить ученого с самим собой. Они символизированы в бумажных деньгах, которыми Мефистофель пополнял императорскую казну. Единственный намек на печатный станок, изобретатель которого Фуст был в какой-то степени связан с Фаустом, состоит в том, чтобы показать, что его мощь была обращена к работе по распространению невыполнимых обещаний.

Наконец, одно требование Фауста заставляет Мефистофеля трепетать. В качестве простого придворного развлечения он попросил бы его воскресить Елену Троянскую. Не желая, чтобы Фауст смотрел на тип гармоничного развития человека, но вынужденный повиноваться, Мефистофель отправляет его к Матерям — здоровым первобытным инстинктам и идеалам

человека, выразившимся в прекрасных формах искусства. Развращенные суевериями своих собственных поклонников, проклятые христианством, они 'имеют свой собственный Ад', как говорит Мефистофель, и он не желает вмешиваться в их дела. Появляется образ, и в Фаусте пробуждается чувство Красоты. Но он все еще остается христианином в том, что касается своего метода: его идея состоит в том, что небеса должны быть взяты штурмом, случайно, по желанию, молитвой, любыми средствами, кроме терпеливого выполнения условий, при которых они могут быть достигнуты. Елена - цветок истории и культуры Греции, и Фауст с такой легкостью сорвал бы его и носил!

Когда Елена исчезла, когда он попытался обнять ее, Фауст усвоил свой второй урок. Когда он в следующий раз встречается Хелен, то не для того, чтобы искать интеллектуальную красоту, как в случае с Гретхен, он искал чувственное. Он подпал под обаяние более высокое, чем обаяние Церкви или Мефистофеля; разрыв веков между плотью и духом, главное преступление суеверия, из которого произошли все дьяволы, был окончен для него с того момента, как он увидел воплощенную душу и одухотворенное тело в художественном идеале Греции.

Искушение Фауста через искусство - это евангелие девятнадцатого века. Это ее одеяние, которое Елена оставляет ему, когда исчезает, и которое уносит его, как облако, в страну, которую он должен сделать прекрасной. Чистейшее Искусство — греческое искусство — является выражением Человечности: оно так же мало может быть использовано для удовлетворения негуманной самокультуры, как и состоять из суеверия, оскорбляющего природу. Когда Фаусту удастся встретиться с Еленой и расстаться без дальнейших объятий, его больше не швыряет обратно в его готический кабинет и насмешливого дьявола: его уносит прочь до тех пор, пока он не достигнет страны, где нужны его мысли и работа. На него обрушивается Слепота — или то, что Теология считает таковой: поскольку это метафора — это означает, что он спустился с облаков в мир, и реальная земля затмила возможное бессмертие.

Сфера Земли мне достаточно известна;

Взгляд за пределы бессмертия закрыт:

Дурак, который туда направляет свои моргающие глаза,

И среди его облаков сверстников найдется место!

Только дайте ему встать и хорошенько осмотреться!

Этот Мир что-то значит для способных;

Зачем ему плутать целую Вечность?

Утраченный взгляд на вымышленный мир проясняет видение реальности. В каждом жестком хаотичном объекте Фауст теперь может обнаружить дремлющую красоту. Болота и заводи необузданного моря, угнетенные люди, бесплодие и наводнение — все это пути к Елене - более благородной Елене, чем знала Греция. Когда он сменил одну сцену Хаоса на Порядок и видит свободных людей, возделывающих счастливую землю, тогда, действительно, он осознал тяжесть своей мужественности и удовлетворен. В момент, который Мефистофель так и не подарил ему, он кричит: "Останься, ты прекрасен!"

Мефистофель теперь, как и подобает порождению Теологии получения того, что не заработано, призывает адские войска, чтобы завладеть душой Фауста, но ангелы забрасывают их розами. Розы жалят их хуже пламени. Розы, которые Фауст извлек из шиповника, служат ему защитой: они являются символами человека, дополняющего свою природу самокультурой, которая находит свое удовлетворение в том, чтобы заставить какую-то внешнюю пустыню радоваться и цвести подобно розе.

Глава 26. Дикий охотник

Дикая охота—Эвфемизмы—Шиммельрайтер—Одинвальд—Крысолов—Льеши—Охота Вальдемара—Охотник Пальне—Охота короля Авеля—Повелители Славы—Великий Венер—Роберт Дьявол—Артур—Хьюго—Херн—Тригигл—Дер Фрейшюц—Колесница Илии—Махан Бали—Дехак—Нимрод—Неповиновение Нимрода Иегове—Его башня—Рыцари—разбойники—Дьявол в Лейпциге—Олаф охотится на язычников—Охота —рога—Ворон—Кабан—Гончие—Лошадь—Дапплгримм—Слейпнир—Лошадиная плоть—Кобыла Четия—Олени—Святой Губерт—Белая Леди—Мифы о Матери Розе—Охота Водана на Святую Вальпургу—Монах Экхардт.

Наиболее важным остатком мифа об Одине является универсальная легенда о Диком Охотнике. Вуттке приводит следующие варианты.¹⁸⁴ В Центральной и Южной Германии Дикую охоту обычно называют Wütenden Heere, то есть армией Водана или погоней, называвшейся в Средние века Уотангс Хир. Охотника, который, как обычно предполагается, находится за границей в течение двенадцати ночей после Рождества, по-разному называют Вандом, Ваулом, Водеджагером, Хелльджагером, Найтджагером, Хакельбергом, Хакельберендом (человеком в доспехах), Фрооде, Бандиттерихом, Дженнером. Наиболее распространенное поверье состоит в том, что он - призрак злого лорда или короля, который кощунственно наслаждался охотой по воскресеньям и другим святым дням и который обречен искупать свой грех охотой до судебного дня. Он носит широкополую шляпу; за ним следуют собаки и другие животные, огненные и часто трехногие; и в его призрачном шлейфе находятся души некрещеных детей, охотников, которые топтали зерно, ведьм и других — они верхом на лошадях, козах и петухах, иногда без голов или с волочащимися за ними внутренностями. Они со страшным шумом проносятся по воздуху, который оглашается щелканьем кнутов, ржанием лошадей, лаем собак и криками призрачных охотников. Встреченный невезучий упырь подбрасывается в воздух, где ему сворачивают шею, или его сбрасывают с большой высоты. Говорят, что в некоторых регионах такие животные должны охотиться до тех пор, пока их не сменят, но не убьют. Егерь - это заклятый враг браконьеров или нарушителей границы лесов. Иногда призраки вступают в схватки друг с другом на полях сражений. Их следы отмечены кусками лошадиной плоти, человеческими трупами, ногами в ботинках. Говорят, в некоторых регионах охотники носят боевые топоры и рубят всех, кто встает у них на пути. Когда охота заканчивается, все собаки на

земле замирают. В большинстве регионов есть какое-нибудь ущелье, холм или замок с привидениями, в которых исчезает поезд.

В Тюрингии говорят, что когда пугающие звуки призрачной охоты доносятся совсем близко, они сменяются восхитительной музыкой. В том же эвфемистическом духе некоторые из предсказаний, которые оно приносит, не являются зловещими: как правило, действительно, явление предвещает войну, мор и голод, но часто оно предвещает урожайный год. Если, проезжая мимо дома, кто-нибудь из поезда окунет палец в дрожжи, в этом доме никогда не будет недостатка в посохе жизни. Тот, кто увидит погоню, проживет долго, говорят богемцы; но он не должен приветствовать ее, иначе на него посыплется плоть и кости.

Однако в большинстве регионов считается, что в непосредственной близости от места охоты существует большая опасность. От опасностей можно защититься, простершись на земле лицом вниз, молясь при этом; встав на белую ткань (белье Берты) или обернув ею голову; поместив голову между спицами колеса; положив пальмовые листья на стол. За охотой можно безопасно наблюдать с перекрестка, которого она избегает, или стоя на пне, отмеченном тремя крестами, как это часто делают лесорубы в Южной Германии.

Водан также появляется в "Шиммельрайтере" — всаднике без головы на белом коне, которого в Швабии называют Бахрайтером или юнкером Якеле. Это привидение иногда управляет каретой, запряженной четверкой белых (или черных) лошадей, обычно без голов. Это ужасный лесной призрак Хойманн, великан в широкополой шляпе, с бородой из мха и лишайников; он скачет по воздуху на белом коне без головы, и его жалобный крик 'Хой, хой!' означает, что его правлению пришел конец. Он - пугало для детей.

В Одинвальде находятся *Ризенойлеи* и *Ризеналтарс* мистическими знаками, объявляющими их реликвиями храма Одина. Недалеко от Эрбаха находится замок Роденштайн, та самая крепость Дикого Егеря, к которой он направляется со своей ужасной свитой из руин Шнеллerta. В досье деревни Райхельсхайм хранятся письменные показания людей, которые слышали его незадолго до битв при Лейпциге и Ватерлоо. Их теория состоит в том, что если Егерь быстро вернется в Шнеллерт, все будет хорошо для Германии; но если он задержится в Роденштайне, это дурное предзнаменование. О нем сообщалось близ Франкфурта в 1832 году; но примечательно, что никаких упоминаний о нем не было сделано во время поздней франко-германской войны.

Несколько более поздний и рационализированный вариант гласит, что диким охотником был Хакельберг, лорд Роденштайна, чья гробница — на самом деле друидический камень — показана в замке и, как говорят, охраняется адскими псами. Хакельберг - старинная его брауншвейгская фамилия. Именно Хакельбергский холм открылся для приема детей, которых гамельнский крысолов очаровал своей флейтой из этого старого города, потому что корпорация не заплатила ему того, что они обещали за избавление их от крыс. Легко проследить связь этого Крысолова, ставшего таким известным благодаря очаровательному стихотворению мистера Роберта Браунинга, с Одним более светлой памяти, который говорит в "Хавамале": "Я знаю песню, с помощью которой я смягчаю и очаровываю своих врагов и лишаю их оружия всякого эффекта".

Этот последний аспект Одина, его власть над паразитами, связывает его со славянским Лешим, или лесным демоном Руси. Древний бог-громовержец России Перун, который разъезжает по небу на своей грозовой колеснице, в более христианизированных районах набросил свою

мантию на Илью (Элиаса); в то время как в большем количестве славянских районов он сохранил свои первоначальные физические черты настолько примечательно, что было необходимо отнести его к демонам. В славянском фольклоре распространен знакомый миф о диком охотнике — Владимир Великий выполняет одну его часть, все еще устраивая пирушки в залах Киева, но он не охотник; Перун шумно носится по воздуху, но он скорее доброжелателен, чем что-либо другое; дьявольские черты суеверия перешли к злым охотникам (Леши), которые держат диких зверей как свои стада, точно так же, как пастухи свои стада, и которых каждый охотник должен умиловить. Леший огромен, одет в овечью шкуру, у него один глаз без брови или ресницы, рога, ноги козла, покрыт зеленой шерстью, а ногти на его пальцах - когти. Он является особым защитником медведей и волков.

В Дании тот же миф фигурирует как Охота короля Фольмера. Вальдемар так страстно любил охоту, что сказал, что если бы Господь только позволил ему вечно охотиться близ Гурре (его замка на севере Зееланда), он бы не позавидовал его раю. За это богохульное желание он обречен вечно охотиться между Бурре и Гурре. Его кавалькада во многом похожа на уже описанную. Волмер едет верхом на белоснежном скакуне, перед ним свора угольно-черных гончих, и он держит голову под левой рукой. На острове Святого Иоанна женщины открывают перед ним ворота. Считается, что ему позволено ненадолго отдыхать то в одном, то в другом из его старых мест, и говорят, что призрачных слуг иногда можно увидеть готовящими для него разрушенный замок в Вордингборге или башню Вальдемара. Один скептически настроенный крестьянин решил провести ночь в этой башне. В полночь вошел король и, поблагодарив его за то, что он присматривал за его башней, дал ему золотую монету, которая проглотила ему руку и упала на землю, как уголь. С другой стороны, Вальдемар иногда заставляет крестьян держать его собак, а потом бросает им угли, которые оказываются золотыми монетами.

Охотник пальнатоке или Пальне встречается в основном на острове Фуэн. Каждую новогоднюю ночь он покупает себе три подковы из какой-нибудь кузницы, и кузнец заботится о том, чтобы он мог найти их готовыми к использованию на своей наковальне, поскольку он всегда оставляет вместо них три золотые монеты. Если обувь для него не готова, он уносит наковальню. В одном случае он оставил наковальню на вершине церковной башни, и кузнецу стоило больших трудов снова снять ее.

Король Авель был похоронен после своей смерти в церкви Святого Петра в Шлезвиге, но братоубийца не мог найти покоя в его могиле. Его призрак разгуливал по ночам и мешал монахам совершать богослужения. В конце концов тело вынесли из церкви и утопили в грязном болоте недалеко от Готторпа. Чтобы эффективно прижать его к земле, в его тело воткнули заостренный кол. Это место до сих пор называется Кенигсграбе. Несмотря на это, он появляется восседающим на угольно-черном скакуне, за которым следует свора черных гончих с глазами и языками пламени. Слышно, как хлопают и открываются ворота, а визг и вопли таковы, что приводят в ужас самые отважные сердца.

В древней столице Фуэн, Оденсе, которая, как говорят, была построена Одним, миф был сведен к призрачному экипажу в рождественскую ночь, который выезжает из церкви Святого Канута и направляется к старинному поместью Глоруп. Это великолепная карета, запряженная шестеркой вороных лошадей с огненными языками, и в ней сидят лорды Глорапа, известные своей жестокостью к крестьянам и теперь не имеющие возможности отдохнуть в церкви, где

они были похоронены. Быть свидетелем этого зрелища - дурное предзнаменование: человек, наблюдавший за ним, ослеп.

Во Франции *Великий Венер* носит разные имена; он король Артур, Святой Губерт, Гуго. Его предполагаемые появления в исторические времена были настолько убедительно подтверждены, что предпринимались различные попытки дать им рациональные объяснения. Так, Карл VI Французский, отправляясь на войну в Бретань, как говорят, был встречен таким призраком в лесу Ман и сошел с ума; он считал себя жертвой колдовства, как и многие из его подданных. Было сказано, что короля встретил переодетый посланник герцога Бретонского. Приводятся более подробные сведения о явлении Дикого Охотника Генриху IV. когда он охотился с графом де Суассоном в лесу Фонтенбло, событие, отмеченное "Крестом Великого Почитания". Согласно Матье,¹⁸⁵ и король, и граф слышали охотничьи крики, и когда граф отправился выяснить, откуда они исходят, ужасная темная фигура выступила вперед и закричала: 'Ты хочешь видеть меня, тогда смотри!' Этот инцидент объяснялся по-разному, то как план покушения, то как шутка двух парней, которые в 1596 году развлекали Париж своим мастерством имитировать все звуки охоты. Но такие фантомы слишком долго бродили в воображении французского крестьянства, чтобы требовалось какое-либо объяснение. Роберт ле Диабль, скитавшийся по Нормандии до судного дня, и король Артур, рано прирученный во Франции в качестве призрачного охотника (фигуру, наиболее популярную в то время, отождествляли с призраком, который видел Генрих IV), являются достаточными объяснениями. Долгое время считалось, что руины замка Артура близ Уэльгоута, Финистер, скрывают огромные сокровища, охраняемые демонами, которые иногда появляются в виде огненных огней (*ignes fatuu*), сов, канюков и воронов — в одном из последних обликов Артура прибывает из своей счастливой долины Аваллон, когда он хочет разнообразить ее отдых охотой.¹⁸⁶

Достаточно любопытный обмен подобными суевериями представлен в следующем отрывке из Сертиса: 'Сэр Антон Бек, автобусный мастер из Дурема во времена короля Эдуарда, сына короля Генриха, был самым доблестным автобусным мастером во всей Англии, и обычно говорили, что он был доблестнейшим лордом Христиании. Поговаривали, что среди других распутных личностей этот сэр Энтон принимал при своем дворе некоего Хью де Поунчардона, который за свои злодеяния и многочисленные грабежи был изгнан из английского двора и приехал с юга в поисках немного хлеба и жить за счет стейлинджа. И этому Хью, которого он также привлек к благой цели в войне за Шотландию, автобусная мастерская отдала землю Тикли, поскольку его звали Тикли-Пунчардон, а также сделала его своим главным егерем. И после этого этот блейк Хью умер перед автобусной остановкой; и после того, как автобусная остановка поймала дикого оленя в Галтресском лесу, и так неожиданно они встретились с ним, Хью де Пончардоном, который был до смерти, на белой лошади; и упомянутый Хью серьезно посмотрел на автобусную остановку, и автобусная остановка спросила его: "Хью, что привело тебя сюда?" и он не сказал ни слова, но поднял свой клок, а затем показал сэру Антону свои ребра, усаженные костями. и больше ничего; и никто из слуг не видел его, кроме автобусной лавки; и ты^есказал, что Хью пошел своей дорогой, а сэр Энтон убил кораджа и подбодрил собак; и вскоре после этого его сделали патриархом Иерусалима, и он больше ничего не изменил; и этот Хью - тот, кого глупые люди в Галтр-доу называют *le Gros Veneur*, и после этого простые люди видели его дважды, прежде чем^елесу, вырубленном в тайм Генриха, отца короля Генриха у,^енастоящее время умершего.

На этого сверхъестественного человека упала призрачная мантия Гуго Капета; вероятно, в других местах ее носили на ночных собраниях протестантов—гугенотов.

Легенда о Диком Охотнике перекликается со многими древнеанглийскими историями. Херн, Охотник, может быть отождествлен с ним, а демоны с призрачными и безголовыми исполнителями желаний, которые все еще охотятся за злодеями в Дартмуре ненастными ночами, являются его родственниками. Иссохший вид лошадей, пасущихся на Пензанс-Коммон, когда-то объясняли тем, что на них ездили демоны, а огнедышащий конь многими причудливыми путями попал на службу к Акцизному инспектору в "Легендах Инголдсби" или к графу Гарретту, который объезжает окрестности Килдэра на скакуне, чьи серебряные подковы толщиной в дюйм должны быть тонкими, как кошачье ухо, прежде чем он сразится с англичанами и воцарится в Ирландии. Тевтонский миф очень ясно проявляется в истории о Тригигле. Говорят, что этот человек, происходящий из старинной корнуолльской семьи, был одним из самых порочных людей, когда-либо живших; но хотя он отдал свою душу дьяволу, сила святого Петро остановила злодея. Это, однако, было сделано при условии, что Тригигл выполнит невыполнимую задачу по очистке бухты Порткарноу от песка, и во время этой работы до сих пор можно услышать, как он стонет при сильном ветре и волнении. Всякий раз, когда он пытается улучшить минутку отдыха, демон волен преследовать его, и в ненастные ночи можно услышать, как они преследуют беднягу по горячим следам, чей бычий рев вошел в корнуоллскую пословицу "реветь, как Трехглавая птица".

Приятным воскресным вечером в июле 1868 года я смотрел "Фрейшютца" в недавно открывшемся оперном театре в Лейпциге. Никогда больше я не видел такой полноты и великолепия в жутких эффектах адской сцены в Волчьей долине. 'Белая леди' появлялась на каждом шагу спуска Родольфа в долину, предупреждая его об опасности. Замиэль, вместо огненного одеяния, которое он когда-то носил как Самаэль, был облачен в одежду, черную как ночь; и когда волшебная пуля была отлита, сцена кишела огромными рептилиями, по земле ползали огненные змеи, по воздуху пронеслась запряженная драконом колесница с огненными колесами, приводимая в движение скелетом; и погоня диких охотников, состоящая из реальных для глаз животных, издающих свои отчетливые крики, пронеслась мимо. Изображенными животными были лошадь, гончая, кабан, олень, серна, ворон, летучая мышь, сова, и они мчались под дикий звук рогов.

Я мог только поражаться еще более странной и сверхъестественной истории человеческого воображения, в которой из различных областей примитивного мира промелькнули формы, объединенные в этом апофеозе диаблерии. Вероятно, если бы Илия в своей огненной колеснице, проповедовавший в то утро в соседней церкви, и этот дикий охотник, мчавшийся в опере, внимательно присмотрелись друг к другу и к своей собственной истории, они могли бы найти общего предка в мифическом индийском Махане Бали, царе, чей аскетизм возрастал до тех пор, пока он не возбудил зависть богов, пока Вишну не втокнул его каблук в адские области, где он до сих пор осуществляет верховную власть, и ему разрешено ежегодно выходить на сцену (на фестивале Онам), как это было в Индии. описанный в "Проклятии Кехамы" Саути. И они, вероятно, оба могли бы претендовать на мифологическое родство с Ями, повелителем смерти, который, будучи Джамии, начал в Персии карьеру всех воинов, которые никогда не умирали, но иногда спали, пока их не разбудит волшебный рог, иногда обитали, подобно самому Джамии и королю Артуру, на счастливых островах, а в других случаях в определенные

периоды отправлялись в погоню или на войну - подобно Одину и Вальдемару — с адским обозом.

Но как эти могущественные принцы и воины стали охотниками на демонов?

В персидском "Десатире" рассказывается, что животные оспаривали превосходство человека, причем два разряда существ были представлены соответствующими мудрецами, и последнее заговорившее животное опровергло утверждение своего оппонента о том, что человек достиг возвышения до природы ангелов, заметив: "В умерщвлении животных и подобных действиях человек напоминает хищных зверей, а не ангелов".

Тогда пророк мира сказал: 'Мы считаем греховным убивать безобидных, но правильным убивать хищных животных. Если бы все хищные животные заключили соглашение не убивать безобидных животных, мы бы воздержались от их убийства и ценили бы их как самих себя'.

После этого волк заключил договор с бараном, и лев стал другом оленя. В мире не осталось тирании, пока человек (Дехак) не нарушил договор и не начал убивать животных. Вследствие этого никто, кроме безобидных животных, не соблюдал договор.¹⁸⁷

Эту басню с арийской стороны можно рассматривать как показывающую причину дурной репутации, которая сложилась вокруг имени Дехак или Зохак. Употребление животной пищи было у наших арийских предков, вероятно, временным комиссариатом народа, мигрирующего из своей первоначальной среды обитания. Животные, убитые для употребления в пищу, были полностью посвящены, и даже самые свирепые испытывали благоговейный трепет. Лесорубы Бенгалии призывают Калрайу — лучника верхом на тигре - защитить их от диких зверей, которых он (форма Шивы), как предполагается, должен истреблять; но в то время как истребитель самых опасных животных может, хотя и без разрешения Шастр, пользоваться уважением в Индии, охотник, как правило, пользуется дурной репутацией. Говорили, что кроткий Кришна был убит стрелой из лука Унгуду, охотника, который оставил тело гнить под деревом, куда оно упало, а кости были священными реликвиями, для которых было создано изображение Джугернатха в Ориссе.¹⁸⁸

Неизвестно, в какой период возникло представление о переселении душ, но это, должно быть, сделало его похожим на каннибала, который первым охотился и пожирал животных. Таким был персидский Зохак (или Дехак). Его вавилонская форма, Нимрод, олицетворяла также характер Исава как охотника; то есть исконного врага земледельца и торговли зерном; защитника дикости и, следовательно, всех тех примитивных идолопоклонств аборигенов, которые сохраняются в пустошах (откуда пришли язычники) и сельских деревнях (откуда пришли язычники) еще долго после того, как они ушли из центров цивилизации. Охота по сути своей варварская. Готовность некоторых охотников даже сейчас, когда это серьезное занятие раннего периода превратилось в спорт, жертвовать не только жизнью животных ради своего удовольствия, но и интересами труда и сельского хозяйства, очень облегчает нам понимание превращения Нимрода в демона. В еврейских и арабских легендах о Нимроде этот 'могучий охотник' показан связанным с дикими стихиями и их почитателем. Когда Авраам, разбивший изображения своего отца, был приведен Тарой к Нимроду, царь сказал: "Давайте поклоняться огню!"

"Скорее вода, которая гасит огонь", - сказал Авраам.

- Ну, вода.

- Скорее облако, несущее воду.

- Ну, облако.

"Скорее ветер, который рассеивает облака".

- Ну, ветер.

"Скорее мужчина, потому что он выдерживает ветер".

«Ты болтун», - сказал Нимрод. "Я поклоняюсь огню и брошу тебя в него".

Когда Нимрод бросил Авраама в огненную печь, а на седьмой день после этого его нашли сидящим среди садовых роз, могущественный охотник— ненавистник садов — решился на дерзкую охоту на самого Бога Авраама. Он построил башню высотой в пять тысяч локтей, но, обнаружив, что до небес еще далеко, он прицепил колесницу к двум полуголодным орлам, и, держа над ними мясо, они летели ввысь, пока Нимрод не услышал голос, говорящий: 'Безбожный человек, куда ты идешь?' Отважный человек пустил стрелу в направлении голоса; стрела вернулась к нему, обагренная кровью, и Нимрод поверил, что ранил Бога Авраама.

Тот, кто охотился на вселенную, был уничтожен одним из самых слабых живых существ — мухой. В назойливой мухе, которая атаковала губу Нимрода, затем нос и, наконец, пожрала его мозг, мусульманские и еврейские врачи увидели наиболее достойный конец того, чей авантюрный дух не останавливался перед нападками на животных, человека, Авраама и самого Аллаха.

Но, хотя в каком-то смысле Нимрод был уничтожен, согласно различным мифам, можно услышать, как он кувыркается и стонет у основания своей Вавилонской башни, где произошло смешение языков; и можно было бы добавить, что они, как и стон, имеют значение независимо от расы или языка. У Дехака и Нимрода были свои братья в каждой расе, которая когда-либо достигла того, что можно назвать цивилизацией. Именно барон-варвар и рыцарь-разбойник средневековья, жившие охотой, до обращения в христианство создавали для Верующих Экхардтов Церкви главное препятствие; тогда они могли бы сразить монаха, чье появление всегда было легендарным предупреждением о приближении Демона. Когда Экхардты крестили этих рыцарей, они уже превратились в Дьяволов, которые населяют леса Германии, Франции и Англии своими ужасными призраками. Дикие восточные басни, повествующие о свирепых Демонах, носящихся в воздухе, нашептывались людям в одно ухо, а в другое - о столь же диких подвигах рыцарей-разбойников. Церковь дала народу одно название для всех подобных фантазмов — Дьявол, — и это имя отражало чувства как священника, так и крестьянина, пока рыцари-разбойники были их общим врагом. Иисусу пришлось сильно измениться, прежде чем он смог стать образцом для подражания этому тевтонскому Исаву. Именно по традиции его давнего отношения к охотникам Дьявол был так тесно связан в фольклоре с солдатами. В 'Анналах Лейпцига', хранящихся в погребке Ауэрбаха, знаменитом полетом Мефистофеля и Фауста из окна на винной бочке, я нашел еще два случая, когда сообщалось о появлении дьявола в этом городе. В одном случае (1604 г.) дьявол соблазнил некоего Иеремию Страсбургского, стрелка, совершить самоубийство, но, не добившись успеха, попросил его пойти с ним в соседний замок и отведать фруктов. Стрелок был спасен с помощью декана. В 1633 году, в период сильных холодов и снега, дьявол побудил солдата богохульствовать.

Стрелок и солдат действительно были обычными жертвами искушений Диких Охотников; и именно для них были созданы безотказные волшебные пули в обмен на их бесчувственные души.

Как король Олаф, чье имя сохранилось среди нас на "Тули—стрит", столь известной своими Тремя Портными!¹⁸⁹ — хорошо известно, что он распространил Евангелие по Северу после своего крещения в Англии. Какой бы призрачной ни была другая охота, это не была охота Олафа на язычников. Подложить сковороду с раскаленными углями под брюхо одному, загнать гадюку в глотку другому, предложить всем людям выбор между крещением или сожжением - таковы были аргументы, которые этот апостол приводил с такой энергией, что в конце концов — но не раньше, чем многие отважные мученики — вожди народа были убеждены. Олаф столкнулся с Одним так, словно тот был живым врагом, и, более того, поверил в подлинное существование своего бывшего Бога. Однажды, как верили Олаф и его друзья, Один явился этому разрушителю его алтарей в образе одноглазого человека в широкополой шляпе, радуя короля в часы отдыха той очаровательной беседой, которой он был так знаменит. Но он (Один) тайно пытался убедить повара приготовить для его царственного господина немного прекрасного мяса, которое тот отравил. Но Олаф сказал: 'Один не обманет нас', - и приказал выбросить соблазнительное яство. Один был богом варваров-юнкеров, и люди радовались, что его загнали в норы и углы; его обряды оставались в основном среди охотников и должны были храниться в строжайшем секрете. В *Лагере Гулатингс* Норвегии предписано: "Пусть король и епископ со всей возможной тщательностью разыскивают тех, кто совершает языческие обряды, кто использует магические искусства, кто поклоняется духам определенных мест, гробниц или рек, и кто, подобно путешествующим дьяволам, переносится с места на место по воздуху".

Из-за таких очень реальных проклятий, как эти, некогда священные животные Одина и все охотничьи ассоциации были обращены в дьявола. Даже охотничий рог считался обладающим чем-то сверхъестественным. Завывающий звук, когда Один советуется с головой Мимира,¹⁹⁰ снова прозвучал во флейте Крысолова и перелетел на юг, где его звук слился с рогом Роланда в Ронсевалле, который приносил помощь с расстояний, недоступных любому честному рогу, и даже свирели Пана.

Того, что Эдда описала Одина верхом на таинственном коне, что он лелеет двух волков в качестве домашних животных, что у него на столе ежедневно *блюдо из жареного кабана* и что на каждом плече у него сидит ворон, нашептывающий ему тайные дела земли, было достаточно, чтобы утвердить репутацию этих животных в вероучении христианских священников. Ворон действительно издревле был наделен священным ужасом христианского голубя в скандинавской мифологии. По сей день ни один швед не убьет ворона. Суеверие, связанное с ним, было достаточно сильным, чтобы даже Вольтер невольно содрогнулся от его кваканья. Считалось, что Один придал Ворону цвет ночи, чтобы тот мог лучше следить за деяниями тьмы. Его 'естественная теология', без сомнения, правильно изложена Калибаном Роберта Браунинга, который, когда его размышления прерывает гроза, предполагает, что его монолог был передан вороном, которого он видит летящим к его богу Сетебосу. Во многих частях Германии считается, что вороны хранят души проклятых. Если заполучить сердце ворона, то можно безошибочно попасть в цель.

С давних времен Кабан стал символом доблести богов, благодаря чему его голова стала символом многих варварских кланов и древних семей Северного мира. В ведической

мифологии мы находим Индру, принимающего облик дикого вепря, также убивающего демонического Вепря и наделяющего Тритаса силой, с помощью которой убивается подобное чудовище.¹⁹¹ Согласно другой басне, в то время как Брахма и Вишну ссорятся из-за того, кто первенец, вмешивается Шива и кричит: "Я перворожденный; тем не менее, я признаю своим превосходством того, кто способен видеть макушку моей головы или подошвы моих ног". Вишну, превратившись в Вепря, пронзил его насквозь. землю, проник в адские области, а затем увидел стопы Шивы, который по возвращении приветствовал его как первенца богов. Де Губернатис считает, что эта басня делает Кабана эмблемой скрытой Луны.¹⁹² На Него охотится Солнце. Он охраняет сокровище демонов, которое Индра получает, убивая его. В сицилийской истории Зафарана, бросив три свиные щетинки на тлеющие угли, продлевает молодость своего мужа. В эстонской легенде принц, съев свинину, обретает способность понимать язык птиц, что может означать "вести весну" с ее птичьими песнями. Но независимо от того, верны эти конкретные интерпретации или нет, нет сомнений в том, что Кабан в ранний период стал символом диких сил природы, и из объекта охоты короля Одина на земле превратился в его любимую пищу в Валгалле и выдающуюся фигуру в его призрачной охоте.

О Собаке уже было сказано достаточно в нескольких главах этого труда, чтобы сделать вполне естественным то, что это животное заняло свое место в любом дьявольском ряду. Он вошел в призрачную процессию Одина не как "адский пес" или потомок стражей Оркуса, а как первое животное-помощник человека в работе по добыванию пропитания у природы. Это верный друг человека, который деморализован в "Листиге" Вальдемара, гончая-призрак из замка Пил, Манте Дуг с острова Мэн, небесные псы (Cwn wubig или aipwys) из Уэльса и роскошная собака из Ирландии.

О Козле, Собаке и некоторых других дьявольских животных было сказано достаточно на предыдущих страницах. Ночные животные были бы столь же естественны в свите Диких Охотников, как запоздалые крестьяне. Но необходимо немного остановиться на отношении Лошади к этой Дикой Охоте. Именно Лошадь сделала первобытного царя среди людей.

‘Лошадь,’ говорит Дазент, ‘была священным животным у тевтонских племен с первого момента их появления в истории; и Тацит рассказывает, как в тени тех лесов и рощиц, которые служили им храмами, за общественный счет кормили белых лошадей, через спины которых не переступал ни один смертный, за чье ржание и фырканье внимательно следили как за предзнаменованиями и которые, как считалось, были посвящены в божественные тайны. Читатель классической литературы, вероятно, помнит, как и в Персии выбор короны решался конским ржанием. Во всяком случае, здесь, в Англии, нам стоит только вспомнить о Хенгисте и Хорсе, героях-близнецах англосаксонского переселения, как гласила легенда, героях, чье имя означало *лошадь*, и о долине Белой Лошади в Берксе, где священный образ все еще сияет на пуху, чтобы вспомнить о святости лошади для наших предков. Эдды полны имен знаменитых лошадей, а Саги содержат множество историй о хороших скакунах, которым их владельцы доверяли и считали посвященными тому или иному конкретному богу. Таким конем является Дапплгримм из скандинавских сказок, который спасает своего хозяина от всех опасностей и приносит ему удачу, и это еще один пример той таинственной связи с высшими силами, которыми, как предполагалось, обладали животные во все века”.

Считалось, что ни один воин не мог приблизиться к Валгалле иначе, как верхом, и коня обычно хоронили вместе с его хозяином. Скандинавский рыцарь привык клясться ‘плечом коня и

острием меча'. Считалось, что Один (бог) всегда имел рядом с собой восьминогую кобылу Слейпнира, отцом которого был чудесный Свальдильфари, который по ночам таскал огромные камни для крепости, защищающей Валгаллу от ледяных великанов. На Слейпнире божество отправилось в царство Хела, где с помощью рунических заклинаний вызвало дух умершей пророчицы Вала, чтобы узнать судьбу Бальдра. Это тема "Вейтамсвиды", перефразированная Греем в начале его оды —

Король людей быстро поднялся,

И оседлал своего угольно-черного скакуна

Конь, однако, был не черным, а серым. Слейпнир был жеребенком магически созданной кобылы. Кобыла-демон (Мара) занимает видное место в скандинавских суевериях, преследуя спящих. В Саге об инглингах Ванланд просыпается ото сна с криком: 'Мара наступает на меня!' Его люди спешат ему на помощь, но когда они хватают его за голову, Мара наступает ему на ноги, а когда они держат его за ноги, она наступает ему на голову; и так, говорит Тиодольф, —

Затоптанный до смерти, на берегу Скиты

Труп, который несли его верные последователи;

И там они сгорели с тяжелыми сердцами

Добрый вождь, убитый колдовством.

Все это, конечно, является источником распространенного суеверия о кошмарах. Подкова, используемая против ведьм, родом из того же региона. Здесь мы также можем узнать причину, по которой гиппофагия так долго была неизвестна среди нас. Кабан Одина оставил свою голову на наших рождественских столах, но Олафу удалось украсть у нас конину, которую когда-то ели в честь этого бога. В одиннадцатом веке он объявил употребление в пищу конины признаком язычества, поскольку крещение было признаком христианства, и наказывал за это смертью, за исключением Исландии, где это было разрешено прямым условием принятия ими христианства. К этим фактам можно добавить, что первоначально голову лошади поднимали, как сейчас поднимают подкову, для оберега от ведьм. Когда Виттекинд двадцать лет сражался против Карла Великого, знаменем, которое несли его саксонские последователи, была лошадиная голова, поднятая на шесте. Белый конь на желтом фоне является сегодня ганноверским знаменем, его происхождение, несомненно, единичное.

Христианский эдикт против употребления в пищу конины, вероятно, имел более веские мотивы, чем сентиментальное неприятие язычества. Римский император держал стремя для восхождения христианского понтифика, и нечто подобное произошло на Севере. Конь, который при Одине был огнедышащим дьяволом, стал Солнечным конем при крещении дворянина и епископа. Далее мы читаем об угольно-черных и белоснежных лошадях, на которых ездят в интересах старой религии или новой.

Очень любопытно наблюдать, как далеко и широко зашло религиозное соперничество за обладание этой живой опорой силы — Лошадью. На древнем Цейлоне мы находим буддийских иммигрантов, одерживавших верх над конем, на котором укреплялись аборигены. Конечно, символом их триумфа стал белый конь. В старой записи сказано —

‘Некая яккхини (демонесса) по имени Четия, имевшая форму и облик кобылы, жила недалеко от болота Тумбариунгона. Некий человек из свиты принца (Пандукабхайо), увидев это прекрасное (существо), белое с красными ногами, сообщил об этом принцу. Принц отправился с веревкой, чтобы привязать ее. Она, увидев, что он приближается сзади, потеряв присутствие духа от страха, под влиянием его внушительной внешности, убежала, не сумев (будучи в состоянии применить силу, которой обладала) стать невидимой. Он погнался за беглянкой. Она, упорствуя в своем бегстве, семь раз обогнула болото. Она сделала еще три круга по болоту, а затем нырнула в реку у переправы Каччхака. Он сделал то же самое и (в реке) схватил ее за хвост и (в то же время схватил) лист пальмиры, который уносил вниз поток. Благодаря его сверхъестественной удаче этот (лист) превратился в огромный меч. Воскликнув: ‘Я предаю тебя смерти!’ - он занес меч над ней. ‘Господин!’ ответила она ему. ‘Покоряя для тебя это королевство, я вручаю его тебе; сохрани мне жизнь’. Схватив ее за горло и просунув острие меча ей в ноздрю, он связал ее веревкой: она (мгновенно) стала послушной. Отведя ее на гору Дхумаракхо, он обрел великую воинственную мощь, сделав ее своим боевым конем”.¹⁹³ Рассказывается о замечательных победах, одержанных принцем с помощью этой волшебной кобылы, и история заканчивается тем, что он поселил "в самом королевском дворце яккхини с кобылиной мордой" и ежегодно приносил ей "жертвы демонам".

Столь же двусмысленным по отношению к Лошади в этом зоологическом дьяблери является Олень. В гераклейских легендах мы находим сына этого героя Телефона, которого вскормила лань в лесу; а с другой стороны, его третьим ‘подвигом’ была поимка золоторогого оленя Артемиды, что навлекло на него ее гнев (это был ‘любимый олень ее величества’). У нас снова есть история о том, как Актеон слишком далеко преследовал оленя и постигла судьба, которую он ему уготовил; и воспоминание об этом в ‘Пентамероне”, когда демон Хуорео заманивает Каннелоро в лес, приняв облик прекрасной лани. Эти сложные легенды нашли отражение и в северном фольклоре. Граф Отто I. из Альтмарка, находясь на охоте, спал под дубом, и ему приснилось, что на него яростно напал олень, который исчез, когда он воззвал к имени Божьему. Граф построил монастырь, который стоит до сих пор, со встроенным в его алтарь дубовым обрубок. С другой стороны, рядом с алтарем соседней церкви висят два больших рога оленя, который, как говорят, принес домой на своей спине потерявшегося ребенка. Так, в старом городе Штайндаль встречаются эти противоположные персонажи мистического оленя, из которых нетрудно понять, что злой дух является результатом своего несчастья, поскольку является одновременно жертвой охотника и козлом отпущения.¹⁹⁴

В легенде о святом Губерте мы имеем знамение Христа — он восстал из своей могилы среди богатых христиан, чтобы ненадолго разделить распятие своих первых миссионеров на Севере - охотников Европы. Хьюберт преследует оленя до тех пор, пока тот не поворачивается к нему лицом и не видит между его рогами крест! Это басня, задуманная в духе того, кто сказал рыбакам: "Идите за мной, и я сделаю вас ловцами людей". Эффект был практически одинаковым в обоих случаях. Хьюберт преклоняет колени перед оленем и становится святым, подобно тому, как рыбаки бросают свои сети и становятся апостолами. Но, как гласит пословица, когда день святого заканчивается, прощай, святой. Преемники рыбаков ловили людей железными крючьями в челюстях; преемники Хьюберта охотились на мужчин и женщин с таким азартом, что никогда не останавливались достаточно надолго, чтобы посмотреть, нет ли и у них на лбу креста.

Однако было нечто особенное в том, что крест, который Константин мог видеть только в небе, мог быть замечен любым глазом на лбу безобидного животного; и это не только потому, что он знаменовал рост жалости к животным в сердцах христиан, но и потому, что то, что было сделано с летающим оленем, было сделано с крестьянином, который не умел летать, и еще ужаснее. Видение Хьюберта пришло прямо из языческого сердца Западной и Северной Европы. В Библии, от Книги Бытия до Апокалипсиса, нет ни одного слова, четко указывающего на какой-либо долг по отношению к животным. На самом деле, так мало могли христиане истолковать прекрасные фольклорные истории о добрых зверях, из которых возникла легенда о Хьюберте, что Хьюберт стал покровителем охотников; и в то время как в результате популярного развития событий Водан был низведен до дьявола, крещеный спортсмен спас свое главное занятие, приписав его самые смелые легенды святому Мартину, а вдохновение для них - архангелу Михаилу.

Теперь необходимо рассмотреть свет, который немецкое сердце проливали сквозь темные тени Водана. Это можно обнаружить в мифе о Белой Даме. Мы уже видели из признаний ведьм Эльфдейла в Швеции, что, когда они собрались перед своим грозным Дьяволом, некий Белый Дух предостерег их в ответ. Дети сказали, что она пыталась удержать их от посещения Церкви Дьявола в Блокуле. Возможно, это немного стоит как 'признание', но оно в достаточной степени отражает теории, господствовавшие в массовом сознании Элфдейла в то время. Теперь нет сомнений, что эта Белая Леди и тот Дьявол, которому она противостояла, были в дохристианские времена Воданом и его женой Фриггой. Смиранный народ, который с радостью отдал ужасного охотника и воина на превращение в Дьявола, а вместе с ним и варваров-Нимродов, поклонявшихся ему, не согласился на подобную отдачу своей дорогой домашней богини, известной им как Фригга, Хольда, Берта, Мать Роза, — под всеми ее эпитетами Мадонна Севера, заступница между ними и суровым царем Валгаллы, за века до того, как они слышали о ревнивце Иегове и нежной заступнице Марии.

Доктор Вуттке собрал множество вариантов мифов о Фригге, некоторые из которых свидетельствуют об усилиях Церкви превратить и ее в исчадие ада. Ее можно увидеть стирающей белую одежду у фонтанов, доящей коров, прядущей лен с помощью прялки или расчесывающей свои льняные волосы. Считалось, что она была божественной прародительницей рода человеческого; многие древнейшие семьи заявляли о своем происхождении от нее и верили, что эта Аненфраупредвещает им удачу или, своим плачем, любое несчастье, постигающее их семьи. Она причинила зло только тем, кто плохо отзывался о ней. Если кто-нибудь выстрелит в нее, пуля попадет ему в сердце. Она является бедным бродячим людям, особенно детям, и ведет их к местам, где они находят кучи золота, покрытые цветком под названием 'Незабудка', потому что слышен ее нежный голос, требующий в качестве единственной компенсации, чтобы цветы заменили, когда золото уберут. Первоцветы священны для нее и часто являются ключами (отсюда их называют "цветами-ключами"), которые открывают ее сокровища. Она отдает самую маленькую дань уважения — даже камешек, посвященный ей. Каждый ребенок, поднимающийся по Буржуазным Альпам, кладет камень на определенную кучу таких камней со словами: 'Это я предлагаю диким девам'. Это добрые феи Берты. (Когда Фредерика Бремер была на пикнике на Гудзоновых высотах, который Вашингтон Ирвинг наполнил спиртными напитками, привезенными с Рейна, она предпочла разлить свое шампанское в качестве возлияния 'хорошему настроению' Германии и Америки.) Прекрасная Белая Дама носит золотую цепочку и сверкающие ключи на поясе; она появляется в полдень или при ярком лунном свете. В регионах, где сильно влияние жрецов, говорят, что она

наполовину черная, наполовину белая и иногда появляется в виде змеи. Она часто помогает усталым фермерам складывать кукурузу в штабель, а Золушкам - выполнять тяжелую работу.

В дохристианские времена эта дружелюбная богиня, которую чаще всего называли Бертой (сияющей) и Матерью Розой, была связана с Воданом, как весна и лето с зимними бурями, из которых, без сомнения, возникла процессия Диких Охотников. Опыт северян о времени посева и сбора урожая был выражен в мифе об этой сладкой Розе, спрятанной от зимнего фитофтороза, чтобы снова взойти летом. У этого мифа есть много знакомых вариантов, таких как Ашенпуттель и Спящая красавица; но он был более конкретно связан с более поздними легендами о Белой Леди как жертве Дикого Охотника, рассказами о преображенных принцессах, рассказанными юношами. Спасение заколдованной принцессы обычно достигается тремя поцелуями, но она вынуждена предстать перед избавителем в каком-нибудь отвратительном обличье — жабы или змеи; так что он испытывает отвращение или теряет мужество. Это роза, спрятанная под уродством зимы.

Когда бог бури Водан был полностью изгнан из природы и отождествлен с импортированным и, естественно, непостижимым сатаной, его больше считали не суровым повелителем Фригг, а ее безжалостным врагом. В народе ее почитали как Святую Вальпургу, первую королеву мая, и считалось, что счастливые и трудолюбивые дети иногда могут увидеть ее в майский день с длинными распущенными льняными волосами, в изящных туфлях, с прялкой в руке и золотой короной на голове. Но в течение девяти ночей после Первомая ее безжалостно преследовали Дикий Охотник и его конная свита. В лондонском клубе "Космополитен" есть картина Дж. Уоттса "Преследуемая леди" из сказки Бокаччо, которая сейчас находится в лондонском клубе "Космополитен", которая ярко воспроизводит странную впечатляющуюсть этого мифа. Белая Дама пытается спрятаться от своего преследователя в стоячей кукурузе или запутывается в снопе. Гнев Дикого Охотника распространяется на всю ее свиту — лесных дев из мха, или Хольцвайбельн. То же поверье характеризует охоту Вальдемара. В Дании распространена легенда о том, что король Фольмер подъехал к крестьянам, занятым сбором урожая на холме Собьерг, и в ответ на его вопрос, видели ли они какую-нибудь дичь, один из мужчин сказал: "Только что что-то зашуршало вон там, в кукурузе". Король бросился прочь, и вскоре раздался выстрел. Король появился снова с русалкой, лежащей поперек его лошади, и сказал, проезжая мимо: "Я гнался за ней сто лет и наконец добился ее". Затем он въехал на холм. Таким образом, Фригг и ее маленький народ, охотившийся вместе с дикими существами, пробудили к ним симпатию.

Святой монах. Экхардт (которого можно считать мифом и прообразом Церкви *ad hoc*) приобрел свою легендарную известность тем, что, как предполагалось, шел впереди Дикого Охотника и предупреждал жителей деревни о его приближении; но время шло и между баронами-охотниками и Церковью был достигнут компромисс на основании того, что спорт и жестокость должны оплачиваться индульгенциями, Экхардту пришлось обратить свое внимание скорее на Белую Леди. Ее объявили Дикой Охотницей, но этот эпитет перешел на другие плечи. Священники в конечном счете отождествили ее с Фрейей, или фрау Венерой; а Экхардт была святой отшельницей, которая предостерегала молодых людей от ее колдовства в Венусберге и других местах. Но Экхардт никогда не боролся с народной любовью матери Розы так, как он боролся с ее преследователем; он только усилил привлекательность 'фрау Венеры' за пределами ее заслуг. В конце концов, Церковь сделала все, что могла, чтобы обеспечить Марии покровительство святости ее старшей сестры. Даже тогда прежняя вера не была искоренена.

После того, как алтари Марии пали, Фригга обрела достаточно жизненных сил, чтобы выстоять в роли Белой Ведьмы, разрушившей чары Темного. Главным образом к этой услужливой богине-Матери взывали несчастные, когда их сжигали за колдовство.

В Урзельберге, Вюртемберг, есть глубокая яма, называемая ‘Пристанищем ночных кошмаров’, в которой сложены бесчисленные камни, брошенные туда людьми, желающими удачи в путешествиях. Эти камни соответствуют костям 11 000 девственниц в церкви Святой Урсулы в Кельне. Белая Леди была причислена к лику святых под своим именем Урсель (сияющая), иначе Хорсель.

Хорзельберг, недалеко от Эйзенаха, стал ее пристанищем в образе Венеры, искусительницы Тангейзеров; Урзельберг стал ее пристанищем в образе доброй матери-феи; но привлекательность ее самой и ее мохнатых дев, которую Церковь хотела позаимствовать, была увезена в долгое путешествие в Рим и там преобразована в святую Урсулу и ее 11 000 Дев. Эти кельнские святые столкнулись со своими древними мифическими преследователями — свитой Диких Охотников - в лице гуннов-варваров, которые, как говорят, перебили их всех за то, что они не захотели нарушить свой обет целомудрия. Легенда - всего лишь вариант охоты Водана на Белую Леди и ее служанок. Если вспомнить, что до своего обращения в христианство Урсула была женой Охотника, Фриггой, во время последней встречи между ними возникает странный инцидент.

Говорят, что после того, как Водан превратился в дьявола, он составил архитектурный план Кельнского собора и предложил его архитектору в обмен на залог за его душу; но, неохотно позволив ему завладеть документом до подписания залога, архитектор вытащил из-под своего одеяния кость святой Урсулы, от которой дьявол в великом ужасе убежал. Это была кость от кости; но после стольких мифологических перипетий вряд ли можно было ожидать, что Водан и его Лошадь узнают друг друга при этой случайной встрече в Кельне.

Глава 27. Le Bon Diable

Перекрашенный дьявол—Сатана, божественный агент—St. Епись Орайна—Примитивный универсализм—Отец Синистрари—Спасение демонов—Средневековые секты—Аквинат—Его молитва за сатану—Народные антипатии—Благодарность дьявола—Дьявол защищает невинность—Дьявол против праздных лордов—Злая эль-жена—Наказаны благочестивые преступники—Анахроничные дьяволы—Дьяволы обращаются к стихам—Добрый совет дьявола—Дьявол придерживается своего слова—Его любовь к справедливости—Карл Великий и Змей—Мерлин—Его воздушная тюрьма—Мефистофель на Небесах.

Фраза, которой озаглавлена эта глава, является излюбленной во Франции. Возможно, оно имело эвфемистическое происхождение, поскольку гиганты, которых боялись первобытные европейцы, были слишком грозны, чтобы о них можно было говорить легкомысленно. Но в

течение большей части периода, о котором у нас есть определенные сведения, такие фразы в более общем смысле выражали бы полупрезрительную жалость, с которой относились к этим огромным существам со слабым интеллектом. Дьявол, импортированный с христианством, был преобразован, как мы видели, в образ Дамметефеля, или глупого добродушного великана, и он представлен во многих легендах, которые показывают, как он раздает свои подарки и услуги, за оплату которых его постоянно обманывают. Le Bon Diable во Франции в некоторой степени носит такой характер и часто воспринимается как знак торговцев, которые хотят представить себя безрассудно расточающими свои товары за неадекватную компенсацию. Но массовое пришествие демонов и дьяволиц с Востока по еврейским и мусульманским каналам, далеко не глупого характера, придало новый смысл этой фразе и соответствующим ей. Нет сомнений в том, что в Европе возникла очень отчетливая реакция в пользу Дьявола, и она отражает очень интересные факты и силы. Приятные имена, данные ему массами бы только указать на это,— господин де Scelestat, Лорд Воланд, Blümlin (цветок), Федершпиль (гей-пернатый), мэтр Бернар, мэтр Парсин (Парижский).

Дьявол не так черен, как его малюют. Эта пословица о давно объявленном вне закона Злодее имеет почтенную древность, и чувство, лежащее в ее основе, ни в коем случае не ограничивалось вульгарностью. Даже набожный Джордж Герберт писал...

Мы красим Дьявола в черный цвет, но он

Все согласны, что в нем есть что-то хорошее.

Роберт Бернс наивно апеллирует к лучшим качествам старины Ника—

Но прощай, старина Ники-бен!

О, у вас есть мысль и "люди"!

Вы, айблины, могли бы ... Я не знаю...

Все еще есть доля;

Я собираюсь подумать о твоём дне,

Это ради тебя!

Трудно разрушить естественные чувства человеческого сердца. Как бы сильно они ни были перекрыты преходящими требованиями вероучения, их нерушимая природа почти наверняка проявит себя. Самые ортодоксальные сторонники божественной жестокости в своей собственной теологии будут кричать против нее в другой. Святой, вполне убежденный в том, что вечные пытки сатаны или Иуды - это справедливость, посмотрит на гибель Прометея как на признак языческого бессердечия; а сожжение одной вдовы на несколько мгновений на костре ее мужа пробудит милосердный миссионерский пыл среди миллионов христиан, чья вера обрекает ту же несчастную жертву на бесконечные пытки, а вместе с ней и половину человечества.

Сомнительно, согласуется ли общая теологическая концепция функций сатаны с верой в то, что он находится в состоянии страдания. Как исполнитель божественного наказания, он является частью божественного правительства; и даже вероятно, что, если бы не необходимость

оставаться на своем посту, само богословие нашло бы какие-то средства освободить его и его подчиненных из ада и, в конечном счете, вернуть их на небеса и к добродетели.¹⁹⁵

На острове Иона существует легенда, согласно которой, когда святой Колумба попытался построить там церковь, дьявол — *то есть* те же самые маги-друиды, которые пытались предотвратить его приземление там с помощью бурь, — сбрасывали камни так часто, как они были сложены. Оракул объявил, что церковь может возникнуть только после того, как какой-нибудь святой человек будет заживо похоронен на этом месте, и друг святого Ораин пожертвовал собой для этой цели. После того как Ораин был похоронен, а стена надежно возведена, святым Колумбой овладело сильное желание еще раз взглянуть в лицо своему бедному другу. Стену снесли, тело выкопали; но вместо того, чтобы Орина нашли мертвым, он сел и рассказал собравшимся вокруг него христианам, что он был в другом мире и обнаружил, что они заблуждались относительно различных вещей, особенно относительно Ада, которого на самом деле вообще не существовало. Возмущенные этой ересью, христиане немедленно снова всерьез прикрыли Ораина.

Воскрешение этого примитивного универсалиста седьмого века и его повторное погребение можно рассматривать как воплощение мечты об окончательном восстановлении вселенной под божественной властью, которая часто подавала признаки жизни на протяжении всей христианской истории, хотя и была много раз похоронена. Зародыш этого кроется даже в надежде Павла, что, наконец, 'Бог может быть всем во всем' (1 Кор. xv. 28). В Евангелии от Луки x. 17 также рассказывается, что семьдесят человек, которых Иисус послал к язычникам-идолопоклонникам, "возвратились с радостью, говоря: Господи! даже бесы повинуются нам именем Твоим". Эти идеи упоминаются в различных легендах, например, в другом месте рассказывается о Сатире, который пришел к святому Антонию, чтобы попросить его молитв о спасении своего демонического племени. На вежливом обращении Антония с этим сатиром знаменитый советник инквизиции отец Синистрари (семнадцатый век) основал большую часть своего аргумента о том, что демоны были включены в искупление, совершенное Христом, и могли достичь окончательного блаженства. Отец подтвердил, что это подразумевалось в словах Христа: "Есть у Меня и другие овцы, которые не из этого стада; и их Я должен привести, и они услышат голос Мой; и будет одно стадо и один пастырь"¹⁹⁶ (Иоанна x. 16). Тот факт, что эти слова, как правило, относились к включению языческого мира, был принят Синистрари не как ослабляющий его аргументацию, а как раз наоборот. Он с большой изобретательностью утверждал, что спасение язычников логически включает в себя спасение вдохновляющих их демонов, и что не было бы ни одного сгиба, если бы эти воздушные существа, существование которых подтверждено всеми авторитетами, были исключены. Он даже намекает, хотя и более робко, что их отец, сам сатана, как участник греха Адама и разделитель его проклятия, может быть включен в общее положение божества о полном и абсолютном снятии проклятия со всей природы.

Книга Синистрари была помещена в "Index Expurgatorius" в Риме в 1709 году, "исправление", через восемь лет после смерти автора; она была переиздана "correctus", 1753. Но был доказан тот факт, что подобные чувства занимали многие благочестивые умы в Церкви и что они достигли достоинства последовательного и научного утверждения в богословии. Это мнение имело более глубокие корни, чем фразы из Нового Завета или басни Антония. Церковь веками была занята огромной задачей обращения языческого мира; в ходе выполнения этой задачи она преуспела только благодаря последовательному отказу от невозможных принципов, с

которых она начинала. Князь Мира сего был заново крещен, когда Церковь взошла на каждый европейский трон. Асмодей восторжествовал, включив брак в таинство; святой Франциск Ассизский, проповедуя животным, олицетворял бесчисленные благочестивые мифы, которые были невозможны при старой вере во всеобщее проклятие, лежащее на природе. Эволюцию этой тенденции можно проследить на протяжении всей истории Церкви в таких сектах, как павликиане, катары, богомилы и другие, которые, хотя они снова и снова заново формулировали принцип вечного дуализма, столь же часто выявляли какую-то дальнейшую стадию в прогрессивном продвижении христианизированного разума к нормальным отношениям с природой. Таким образом, катары утверждали, что только те существа, которые были созданы злым принципом, останутся невозстановленными; те, кто были созданы Богом, но соблазнены Искусителем, будут спасены после достаточного искупления. Они верили, что падшие ангелы проходят через земные, в некоторых случаях животные, тела к истинной Церкви и на небеса. Подобные взгляды принадлежали не ученым, а инакомыслящим сектам, и они подготовили невежественные умы во многих странах к тому возрождению веры в их изгнанных божеств, которое привело к культу колдовства.

Святой Фома Аквинский, "Ангельский врач", в своем знаменитом труде "Сумма теологии" утверждает, что при Воскресении тела искупленных воскреснут со всеми их чувствами и органами, включая половые, активными и утонченными. Подлинное подтверждение этой доктрины в тринадцатом веке имело значение, выходящее далеко за рамки понимания Церкви. Фома Аквинский перепутал границы между плотью и духом, особенно допустив секс на небеса. Дьявол не мог быть далеко позади. Истинное толкование его учения можно найти в легенде о том, что Аквинат провел ночь в молитве о спасении и восстановлении дьявола. Эта легенда легла в основу современной поэмы, настолько проникнутой духом средневекового сердца, томящегося в своей догматической тюрьме, что я не могу удержаться, чтобы не процитировать ее здесь:

Весь день Аквинат сидел один;

Сжатым, он сидел и не произносил ни слова,

Неподвижный, как любой каменный человек,

На улицах, где никогда не слышно голосов;

С массивной передней частью и воздушным декором под старину

Он сидел, не двигаясь и не говоря ни слова,

Для таких мыслей, как у него, слова казались слишком слабыми.

Вокруг него лежали коричневые тени;

От восхода до захода солнца,

Сидел в одиночестве тот человек в сером,

Этот мраморный человек, скованный сомнениями;

Он обнаружил какую-то королевскую проблему,

Какое-то новое убеждение, не совсем обоснованное,
Некоторые надеются, что перескочат все границы.
Весь день Аквинат сидел в одиночестве,
Ответа на его вопрос не последовало,
И теперь он поднялся с глухим стоном,
И глаза, которые казались наполовину любовью, наполовину пламенем.
Он повалил его на голый пол,
Бледно-мраморное лицо, полуулыбка, полухмурый взгляд,
Остальные тени коричневые, средние тени коричневые.
- О Боже, - сказал он, - этого не может быть,
Твоя утренняя звезда, с бесконечным стоном,
Должен был бы поднять к тебе свои гаснущие очи,
И будь счастлив на своем троне.
Это было некрасиво, нет, отец, нет,
Это было не просто, о Боже, говорю я,
Молись о своем Потерянном, Иисус, молись!
"Как может когда-нибудь прийти царствие твое,
Пока прекрасные ангелы воют внизу?
Все святые голоса были бы немые,
Все любящие глаза наполнились бы горем,
Подумать только, самый знатный Пэр Небес,
Звездный лидер Семерки,
Никогда, никогда не будет прощен.
"Молись за своего Погибшего, Иисус, молись!
О Слово, которое заставило заговорить твоего ангела!
Господи! дай волю слезам твоего сострадания;
Боже милостивый! слаб не только человек.
То, что создано, все равно должно пасть,
И прекраснее всего, что мы называем самым хрупким;

Разве кровь Христа не принесет пользы всем?
"Молись за своего Погибшего, Иисус, молись!
О Отец! подумай о своем ребенке;
Отвернись от своего собственного яркого мира,
И смотреть на это подземелье дико.
О Боже! О Jesus! видишь, как темно
Это логово скорби! О Спаситель! отметьте
Как плачут ангелы, как стонут! Слушайте, слушайте!
- Он не будет, не станет больше этого делать,
Снова верните его на трон;
О, открой пошире эту мрачную дверь
Который причиняет боль душам.
Так скажут все люди и ангелы,
'Наш Бог благ'. О, день за днем,
Молись за своего Погибшего, Иисус, молись!"
Всю ночь Аквинат стоял на коленях в одиночестве,
Наедине с черной и ужасной Ночью,
Пока не раздался его умоляющий стон
Тьма рассеялась, уступив место свету.
Тогда поднялся святой, и "Боже", - сказал он,
"Если тьма сменится светом вместе с тобой,
Дьявол все же может быть ангелом".¹⁹⁷

Хотя это могло быть чувством набожных философов, чьи умы начинали формировать концепцию Космоса, в котором идее вечной империи Зла не могло быть места, смиренные и угнетенные массы, как мы видели в главе о колдовстве, знакомили свои умы с силой и славой сатаны, находящегося в антагонизме к божествам и святым Церкви. Они желали не кающегося дьявола, молящего о прощении, а истинного Князя Мира сего, которому, как и им самим, были отвратительны их христианские угнетатели. Они наделили Силы, которые священники называли адскими, теми по-человечески справедливыми и добродушными качествами, которые были отброшены церковными амбициями. Легенд, которые следует интерпретировать в этом смысле, очень много, и здесь нам должно быть достаточно нескольких наиболее характерных. Привычка приписывать каждое несчастье дьяволу осуждалась во многих легендах. В одном из них

рассказывалось, что, когда группа ехала по неровной дороге, повозка сломалась, и кто-то из компании воскликнул: 'Это дело рук дьявола!' Присутствующий джентльмен сказал: 'Это небольшая корпоративная работа. Я не верю в то, что нужно навешивать на дьявола все эти плохие дороги и плохие оси'. Некоторое время спустя, когда этот второй говоривший ехал по той же дороге один, его встретил пожилой джентльмен в черном и, поблагодарив за защиту от дьявола, подарил ему шкатулку с великолепными драгоценностями. Очень многочисленны легенды о появлении дьявола, который помогает бедным архитекторам и механикам, неспособным выполнить свои контракты, даже вырезая для них красивые церковные колонны и тому подобное, и это иногда без получения какого-либо вознаграждения. Явление дьявола в защиту невинности обвиняемого - хорошо известная черта европейского фольклора. Однажды солдат, остановившись в одной гостинице, доверил хозяину немного денег, которые у него были на хранение, и когда он собирался уходить, хозяин гостиницы отрицал, что получал задаток. Солдат выломал дверь, и соседи хозяина гостиницы, известного человека в городе, посадили его в тюрьму, где ему грозила смерть за попытку кражи со взломом. Бедный солдат, будучи чужестранцем без средств, не смог получить адвоката для своей защиты. Когда стороны предстали перед магистратом, франтоватый молодой юрист в синей шляпе с белыми перьями, неизвестный в городе, вызвался защищать солдата и рассказал всю историю с таким эффектом, что трактирщик в волнении воскликнул: "Черт меня побери, если у меня есть деньги!" Ловкий юрист мгновенно расправил крылья и, схватив трактирщика, исчез с ним через крышу зала суда. Жена трактирщика, охваченная ужасом, вернула деньги. В версии этой истории из Альтмарка дьявол посещает заключенного прошлой ночью и просит его душу в качестве платы, но солдат отказывается, говоря, что лучше умрет. Несмотря на это, вмешался дьявол. В Дании издревле существовал обычай, согласно которому суды заседали с открытым окном, чтобы дьяволу было легче улететь вместе с клятвопреступником.

Всегда будучи демократом, Дьявол, как говорится во многих историях, вмешался в пользу крестьянина или крепостного против дворянина. Однажды он освободил определенный район от всех его высокомерных и праздных дворян, собрав их в мешок и улетев с ними; но, к несчастью, когда он проезжал над городом Фрисак, его мешок врезался в церковную колокольню, и через проделанную таким образом дыру большое количество знатных лордов попало в город— от которого и произошло его название, и там они остались покровителями колокольни и бременем легли на плечи людей.

Дьявол повсеместно считался Заклятым Врагом всех трактирщиков и разлившиц пива, которые фальсифицировали пиво, которое они раздавали людям, или давали его короткими дозами. В Реце, в Альтмарке, легенда о возлюбленной, с которой он улетел, связана с камнем, на котором, как говорят, они отдыхали, и жители деревни видят на нем отпечатки копыт Дьявола и женских ступней. Это была излюбленная тема древнеанглийских легенд. Сопровождающий рисунок (23), один из мизереров в приходской церкви Ладлоу, Шропшир, символизирует конец злой пивницы. Дьявол с одной стороны зачитывает длинный список ее недостатков, а с другой стороны адская пасть принимает других грешников. Дьявол с волынкой приветствует ее прибытие. Она носит с собой только свою мошенническую мерку и модный головной убор, оплаченный из ее нечестивых доходов.

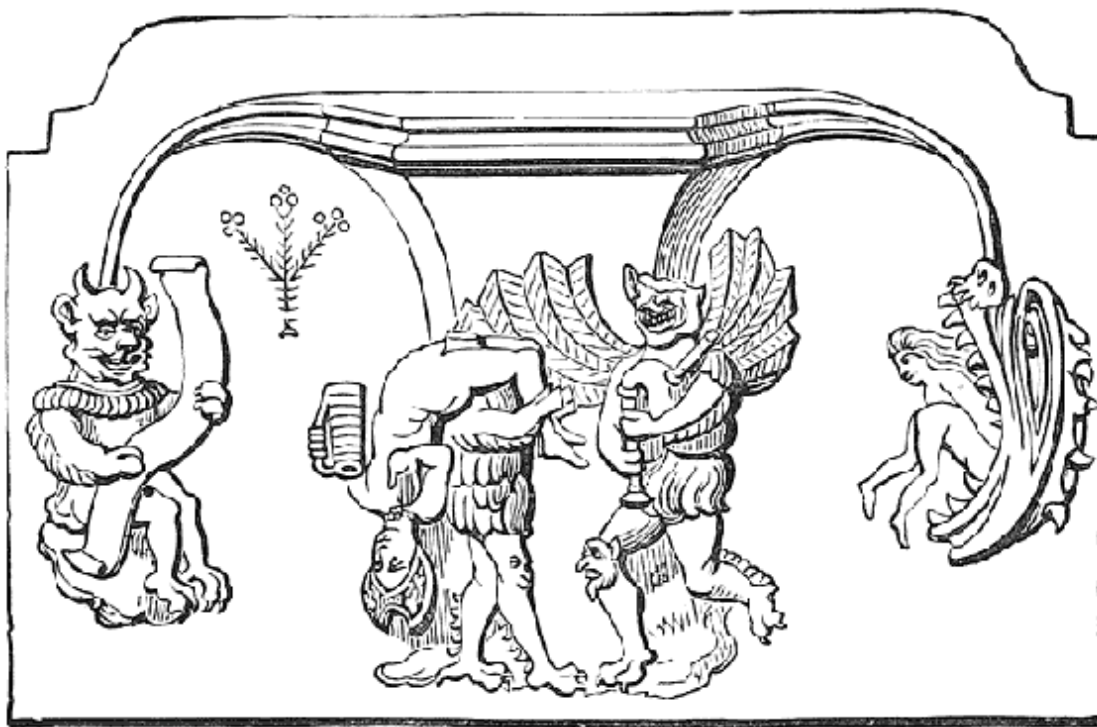

Рис. 23. Злая любительница пива.

В представлении марионеток, свидетелем которого я был в Туре, обвинения, выдвинутые против торговцев, обманывавших людей, были такими, что заставляли желать, чтобы власти всех городов прибегли к услугам какого-нибудь столь же строгого дьявола для выявления фальсификаторов и торговцев фальшивыми мерами веса. То же самое средство возмездия в интересах народа приписывалось дьяволу в его отношении к скупцам. Поскольку не существовало закона, который мог бы коснуться людей, чье накопленное богатство не приносило пользы ни им самим, ни другим, такие случаи считались подходящими для вмешательства дьявола. Существует значительный контраст между легендами, предпочитаемыми Церковью, и легендами народного происхождения. Первые, выделяющиеся на фресках, часто показывают, как при взвешивании душ грешник спасается святым или ангелом, или каким-либо примером служения Церкви, который кладется на весы против более тяжелого списка злодеяний. Характерной легендой является та, которая является сюжетом фресок в портике церкви Святого Лоренцо в Риме (тринадцатый век). Святой Лаврентий видит четырех дьяволов, проходящих мимо его отшельничества, и узнает от них, что они идут за душой Генриха II. В следующей сцене, когда взвешивают злого Графа, список его злых деяний намного перевешивает список его добрых поступков, пока Святой не бросает на весы чашу, которую принц когда-то подарил своей церкви. За одно это действие душа Генри возносится в рай среди умерщвления плоти дьяволами. Хотя Карл Мартелл спас Европу от сарацинского владычества, однажды он использовал доходы епископата для помощи государству; в результате синод объявляет его проклятым, святой видит его в аду, сернистый дракон выходит из его могилы. С другой стороны, популярное представление о судьбе выдающихся грешников можно найти в "мизерерах", где короли иногда появляются в аду, и в ранних книжках с картинками, которые содержали наполовину христианизированный фольклор.

Было замечено, что ранние природные божества, отражавшие зло и добро природы, частично из-за прогресса человеческой мысли и идеализма, а также из-за нового этнического соперничества, были низведены до демонов. Затем они олицетворяли боль, препятствия и страхи в природе. Мы видели, что по мере того, как это очевидное внешнее зло было побеждено или лучше понято, демоны перешли к внутренней природе и представляли собой новую серию страданий, препятствий и страхов. Но они тоже были частично побеждены или лучше поняты. Более того, они настолько изменили свои формы, что древние демоны, превратившиеся в дьяволов, больше не были достаточно выразительными, чтобы представлять их. Таким образом, мы обнаруживаем, что евреи, мусульмане и христиане не находили своих особых антагонистов, впечатляюще представленных ни сатаной, ни Иблисом, ни Вельзевулом. Таким образом, каждый из них олицетворял своего врага в соответствии с более поздним опытом — противника по имени Армилл, Алдаджжайл, Антихрист (все означают одно и то же), в котором слились все остальные дьяволы.

Что касается их духа; но что касается их форм, то они уменьшились в размерах и значимости и выполняли свой долг небольшими способами. Мы видели, как огромные драконы пугали мальчиков, которые ловили рыбу по воскресеньям, или деспотичных оруженосцев; как сатана распоряжался винными бочонками или был приспособлен для наказания за сквернословие; как сонмы некогда ужасных демонов превратились в гротескные маленькие формы, которых Калло, действительно копируя популярные представления вокруг него, изображал в виде пестрых бесов, мешающих монахам молиться. Такое уменьшение дьяволов соответствует параллельному процессу среди богов и богинь, в результате которого они превратились в 'маленьких людей' или фей. В обоих случаях трансформация является выражением массового неверия в их реальность.

Но пробуждения происходили. Факт зла постоянен; и всякий раз, когда старые цепи страха, после долгой ржавчины, наконец рвутся, следует восстание против социального и морального порядка, которое тревожит ученых и благочестивых. Они снова видят происки злых сил, и это обретает форму в воображении Данте, Лютера, Мильтона. Но когда эти новые портреты Дьявола написаны, в них столько современного колорита, что они не соответствуют традиционным образам дьяволов, сохранившимся в фольклоре. Червь Данте не похож на змея из басни, а сатана Мильтона не похож на пернатого клоуна из Пьес о Чудесах. Таким образом, за действительным злом, которое окружает в любое время, стоит множество великих дьявольских имен, оторванных от нынешних опасностей, над которыми народная фантазия может работать, на самом деле вообще не привлекая никакой теории Абсолютного Зла. Если бы звездный Люцифер был возвращен в свою небесную сферу, он был бы одним большим головешкой, вырванным из огня, но горение все еще могло продолжаться. Сама теология наполнила мир другими дьяволами, превратив в дьяволов всех богов и богинь конкурирующих религий, и сострадательное сердце, таким образом, получило свободу выбирать такие формы или прекрасные имена, которые сохранили вокруг них какой-то остаток древнего величия или какой-то луч от их некогда божественного ореола, и молиться или надеяться на их прощение и спасение. Поверженные враги, более не способные причинить вред, вряд ли могут не вызывать жалости и милосердия.

С изображением Дайвса и Лазаря, представленным в другом месте (т. i., стр. 281), поучительно сравнить сопровождающую сцену смертного одра богача (рис. 24), взятую из 'Ars Moriendi', одного из ранних сборников. Эта картина очень примечательна из-за содержащегося в ней

намек на противостояние между дьяволом справа от умирающего и отвратительным драконом слева от него. В то время как дракон держит свиток, призывая его подумать о своем сокровище (*Yntende thesauro*), Дьявол предлагает позаботиться о своих друзьях (*Provideas amicis*). Этот дьявол, по-видимому, является представителем родственников богача, которые стоят рядом, и, по-видимому, его поддерживает его уродливый начальник, который указывает на ад как на наказание за то, что он не обеспечил то, что предлагается. Казалось бы, в этой картине есть смутное различие между простым звероподобным дьяволом, который искушает, и уродливым, но добродушным дьяволом, который наказывает и которого богатые грешники не могут избежать, завещая церкви.

Рис. 24. Средневековое смертное ложе.

Одним из наиболее заметных признаков появления 'доброе Дьявола' была всеобщая вера в то, что он неизменно держал свое слово. Во всем европейском фольклоре нет ни одного случая, когда он нарушил обещание. В этом отношении его репутация намного выше, чем у христиан, поскольку святые хвастались тем, что, следуя примеру своего божества, которое перехитрило

сатану в сделке об искуплении человека, они постоянно обманывали дьявола техническими уловками. Среди прусских и датских крестьян встречается знаменательная поговорка о том, что вы можете получить что-то, обратившись к Иисусу, но если вы хотите быть уверены в этом, вы должны обратиться к дьяволу! Обе стороны были судимы их представителями.

Одним из самых ранних легендарных соглашений с дьяволом было соглашение, заключенное святым Феофилом в шестом веке; когда он встревожился и раскаялся, Деве Марии удалось обманом разорвать роковые узы с сатаной. 'Золотая легенда' Якобуса де Воразина рассказывает, почему сатана был вынужден требовать в каждом случае заключения уз, скрепленных кровью. "Христиане, - сказал сатана, - мошенники; они дают всевозможные обещания, пока я им нужен, а потом бросают меня в беде и примиряются со Христом, как только с моей помощью получают то, что хотят".

Даже помимо рассмотрения вопроса об обладании душой, древняя должность сатаны как законного обвинителя душ передала новейшим формам, в которые он был видоизменен, этот характер правосудия. Многие средневековые истории сообщают о его благодарности всякий раз, когда с ним обращаются справедливо, хотя некоторые из них замаскированы связью с другими демоническими формами. Так обстоит дело со следующим романом о Карле Великом.

Когда Карл Великий жил в Цюрихе, в доме, обычно называемом "Zum Loch", он приказал установить колонну, к которой веревкой был прикреплен колокол. Любой, кто требовал справедливости, мог позвонить в этот колокольчик, когда король был за трапезой. Однажды зазвонил колокольчик, но когда слуги пошли посмотреть, там никого не было. Он продолжал звенеть, поэтому император приказал им пойти снова и выяснить причину. Теперь они заметили, что огромная змея приблизилась к веревке и потянула за нее. Охваченные ужасом, они донесли эту новость императору, который немедленно восстал, чтобы вершить правосудие как над животными, так и над людьми. После того как рептилия почтительно склонилась перед императором, она привела его на берег реки и показала ему огромную жабу, сидящую на своем гнезде и яйцах. Карл Великий, рассмотрев дело, постановил так: —Жаба была приговорена к сожжению, а змея - к правосудию. Приговор был вынесен не раньше, чем он был приведен в исполнение. Через несколько дней змея вернулась ко двору, низко поклонилась королю, заползла на стол, сняла крышку со стоявшего там золотого кубка, уронила в него драгоценный камень, снова поклонилась и уползла. На том месте, где было змеиное гнездо, Карл Великий построил церковь под названием "Вассеркельх". Камень он подарил своей горячо любимой супруге. Этот камень обладал способностью вызывать особую любовь императора к своему владельцу, так что в разлуке со своей королевой он скорбел и тосковал по ней. Она, прекрасно понимая, что если оно попадет в другие руки, император вскоре забудет ее, положила его себе под язык в смертный час. Королева была похоронена вместе с камнем, но Карл Великий не мог отделить себя от тела, поэтому эксгумировал его и в течение восемнадцати лет носил с собой, куда бы ни пошел. Тем временем придворный, прослышавший о тайной силе камня, обыскал труп и, наконец, нашел камень, спрятанный под языком, забрал его и спрятал при себе. Любовь императора к своей жене немедленно обратилась к придворному, которого он теперь почти не выпускал из виду. В Кельне придворный в порыве гнева бросил камень в горячий источник, и с тех пор никому не удалось его найти. Любовь императора к рыцарю прекратилась, но он чувствовал, что его чудесным образом влечет к тому месту, где был спрятан камень. На этом месте он основал Экс-ла-Шапель, свое последующее любимое место жительства.

Неудивительно, что в Эксе, основанном героем-человеком этого романа, возникло предание о том, что план его собора был предложен дьяволом; но характерно, что с этой легендой должен быть связан пример того, как тот, кто в образе змея был удостоен правосудия Карла Великого, был обманут священниками Экса. Дьявол дал проект при условии, что он должен был первым войти в заверченный собор, и во исполнение контракта в сооружение был загнан волк!

В древнем мифе и романе о 'Мерлине' можно найти средневекового свидетеля дьявольской религии Британии. Выхолощенные святые Юго-востока не могли удовлетворить энергичную расу на Северо-западе, и когда ее боги были объявлены вне закона как дьяволы, они, так сказать, вернулись своего вождя обратно, должным образом крестили его и принялись за его старое дело в образе Мерлина! Здесь, бок о бок с аскетом Иисусом, приведенным Гатьеном и Августинем, был северный Христос, сын архинкуба, рожденный от Девственницы, крещенный в иссохшей иорданской купели, творящий чудеса, призывающий драконов к себе на помощь, преодолевающий Смерть и Ад на своем пути, предстающий перед своим Пилатом, но приводящий его в замешательство, возводящий на престол и низвергающий королей и ведущий вперед в День Пятидесятницы армию, рыцарей которой вдохновляют поцелуи Гиневры вместо пылающих языков. Как Мерлин "продолжал творить добро", следуя идеалу северянина о такой работе; как он спас жизнь своей незамужней матери, доказав, что ее ребенок (он сам) был зачат дьяволом без ее ведома; как, будучи ребенком, он сразу разоблачил притязания магистрата на высокое происхождение и распущенность своей супруги и своего священника; как он унизил жрецов—астрологов Вортигерна и предсказал уничтожение этого узурпатора, когда это произошло; как он служил Утеру в течение его семилетнего правления. , и позволив ему принять облик герцога Корнуолла и таким образом насладиться объятиями герцогини Игерны, обеспечил рождение Артура и надежду Сангреаля;¹⁹⁸ как он защищал законность рождения Артура и помогал ему вызывать незаконнорожденных детей; и как, наконец, он был связан своими собственными чарами, наложенными Вивьен, в воздушной тюрьме, где он сейчас и пребывает; - это было великое средневековое евангелие крещеного христианина-антихриста, которое заменило импортированное королевство не от мира сего.

Мерлин был Добрым Дьяволом, но крещение стало для него роковым заклинанием Вивьен. Он все еще обитает в воздухе, которым дышат англосаксонские мужчины, — постоянно расширяющаяся тюрьма! Независимо от того, переселился ли британец в Америку, Индию или Африку, он по-прежнему носит с собой Нагорную проповедь, вдохновленную его крещеным Князем Воздуха, и его евангелие дня звучит так: 'Если твой враг алчет, умори его голодом; если он жаждет, дай ему огня; если он ненавидит тебя, обрушь ему на голову расплавленный свинец!' Такой остается душа величайшей расы, находящаяся под роковыми чарами вероучения, согласно которому ее варварству нужно только крещение, чтобы стать святостью и добродетелью.

Во времена правления Георга II, когда лорд Бьют и принцесса легкого поведения грабили Англию, а фанатичные проповедники направляли своих ослов к небесам рядом с горящим домом Джона Булля, по крайней мере, глаз Хогарта (как показано на нашем рисунке 25 из его "Шоу Рэри") смог увидеть, во что превратился крещеный Мерлин в своем Воздушном царстве. Потусторонний Дьявол - это змеиноное Лицемерие. Деятнадцатый век заменил Мерлина Мефистофелем, Дьяволом, который, несмотря на раздвоенную ногу, твердо ступает по земле и означает силу, которую остроумие и культура могут противопоставить крещеной гигантской Силе.

Рис. 25. — Из "Шоу Рэри".

Его боги не боятся, даже смотрят на него с удовлетворением. В 'Небесном прологе' к "Фаусту" Гете Господь еще более милостив к Мефистофелю, чем Иегова Иова был к сатане. "Такие, как ты, никогда не возбуждали моей ненависти", — говорит он -

Активная натура человека, ослабевающая, слишком рано стремится к уровню;

Безусловного покоя он учится жаждать;

Откуда, по доброй воле, товарищ, которого я ему дал,

Который работает, возбуждает и должен созидать, как Дьявол.

Это всего лишь более современное выражение уже упоминавшейся раввинской басни о том, что, когда был создан первый человек, рядом с ним были два Духа: один справа, который оставался неподвижным, другой слева, который постоянно беспокойно двигался вверх и вниз. Когда был совершен первый грех, тот, кто был левым, превратился в дьявола. Но он по-прежнему имел в виду прогрессивную, пытлиую природу человека. 'Дух Я, который вечно отрицает', - говорит Мефистофель Гете. Как человек познает истину, если он не знает Духа, который отрицает? Как ему продвинуться, если он не знает Духа недовольства? Этот беспокойный дух из—за своего невежества обретает раздвоенное копыто - разделенное движение, иногда правильное, иногда неправильное. Из-за своего эгоизма он приобретает двуязычие. Но и копыто, и змеиный язык неподвластны эволюционной силе опыта; они будут очеловечены до ступни, твердо ступающей по земле, и языка, говорящего правду; и, когда чары крещения будут разрушены, Мерлин спустится, приведя на помощь человеку всех своих остроглазых драконов, преобразованных в прекрасные Искусства.

Глава 28. Анимализм

Цельс о сатане—Внутренняя свирепость—Дьявол похоти—Безбрачие—Синие бороды—Шудендозы—Дама в беде—Бахирава—Черный принц—Мадана Яксенье—Очарователи красавиц—Дьявол ревности—Ревность Евы—Жена Ноя—Как сатана проник в Ковчег—Панихида корабелов—Второе падение—Проклятие пьяницы—Падение Соломона—Дьяволы из подвалов—Обжорство—Призраки Ватикана—Алчность—Дьяволы в животных—Животные в форме человека.

'Христиане,' сказал Цельс, 'мечтают о некоем противнике Бога — дьяволе, которого они называют сатаной, который препятствовал Богу, когда он хотел принести пользу человечеству. Сын Божий претерпел смерть от сатаны, но они говорят нам, что мы должны бросить вызов ему и вынести худшее, что он может сделать; Сатана придет снова и будет творить чудеса, и

притворяться Богом, но мы не должны верить ему. Греки рассказывают о войне между богами; армия против армии, одну возглавляет Сатурн, а другую - Офинк; о вызовах и битвах; побежденные падают в океан, победители царят на небесах. В Мистериях мы встречаем восстание титанов и басни о Тифоне, Горе и Осирисе. История о дьяволе, замышляющем заговор против человека, более странная, чем любая из этих. Сын Божий ранен дьяволом и обвиняет нас в борьбе с ним на свой страх и риск. Почему бы не наказать дьявола вместо того, чтобы угрожать беднякам, которых он обманывает?"¹⁹⁹

Христиане так же мало, как и их критик, понимали ту историю, которую они привели, более странную, чем все легенды об осажденных божествах, о дьявольском заговоре против человека. Однако небольшая историческая перспектива упрощает ситуацию: боги нашли убежище в человеке, поэтому атака была перенесена на человека.

Жреческие легенды могли описывать богов как одержавших победу над Титанами, дикими силами природы, но люди, к их сожалению, знали лучше; жрецы, общаясь с людьми, показывали, что они также знали, что победа на другой стороне. Внимательный автор замечает: 'Когда к этим (греческим) божествам в любом случае обращаются с необычной серьезностью, их природный характер проявляется вновь.... Когда Посейдон не решается подчиниться позитивным приказам Зевса (Ил. хіх. 259), Ирис напоминает ему, что с Эринниями нужно считаться (Ил. хv. 204), и он сразу сдается.'²⁰⁰ Эриннии олицетворяют устойчивое превосходство законов и сил природы над всеми их олицетворениями. На основе единообразного опыта человек пришел к признанию своей собственной моральной автократии в своем мире. Он искал воплощения, и это была надежда, рожденная атеистическим взглядом на внешнюю природу. Так было не только с эволюцией греческой религии, но и с эволюцией каждой религии.

Когда надежда человека, таким образом, была обращена к человеку, он обнаружил, что все Титаны последовали за ним. Офинкус (Офион) прошел через Офиоморфуса, чтобы стать Человеком Греха; и это не в одной, а в соответствующих формах на каждой линии религиозного развития. Свирепость внешней природы проявилась в человеке со всей своей силой и обновила свое могущество благодаря прекрасному вооружению его интеллекта. Здесь он должен бороться с бурями страсти, каменным эгоизмом и всем животным творением, гнездящимся в сердце и мозгу, все еще крадущимся, хотя и на двух ногах. Теории эволюции едва ли сто лет как науке, но это древняя религиозная доктрина. Басни Пилпея и Эзопа представляют собой раннее признание "пережитков". Возвращение к первоначальным типам было признано мистическим явлением в легендах о бандите, превратившемся в волка, и других превращениях. Одна из древнейших доктрин эсхатологии представлена на прилагаемой картине (рис. 26) из Фив, изображающей двух собакоголовых обезьян, перевозящих в Аид прожорливую душу, которую взвесили перед Осирисом и присвоили ей соответствующую форму.

Дьяволы Похоти настолько бесчисленны, что потребовалось бы несколько томов, чтобы перечислить легенды и суеверия, связанные с ними. Но, к счастью для моего читателя и для меня самого, они в большей степени, чем любой другой класс фантомов, представляют собой очень незначительные модификации одной и той же формы. Бесчисленные фаллические божества, инкубы и суккубы, однообразны, как волны океана, что вполне могло бы символизировать обширные, беспокойные и бурные просторы сексуальной природы, к которым они принадлежат.

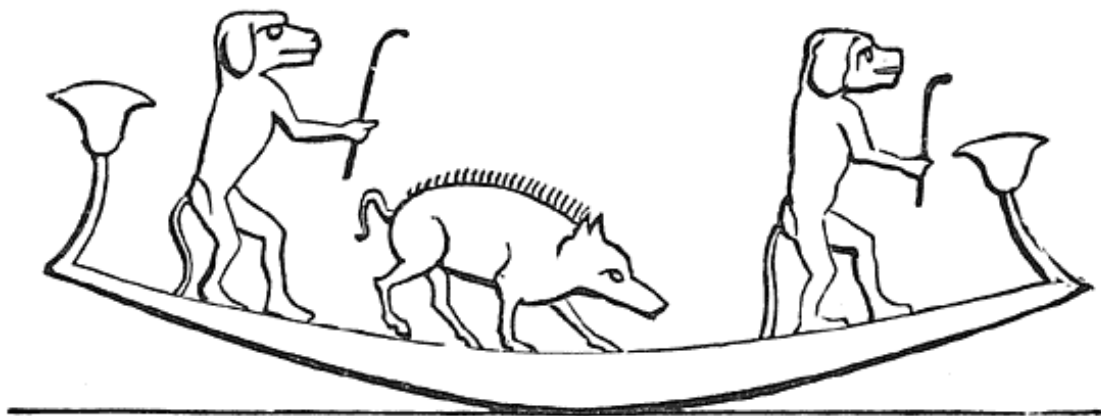

Рис. 26. Судьба души (Уилкинсон).

В 'Золотой легенде' есть приятная история об одном джентльмене, который, обнищав, удалился в уединение, и там к нему приблизился кавалер в черном верхом на прекрасном коне. Этот рыцарь, осведомившись о причине печали другого, пообещал ему, что, если он вернется домой, то найдет в определенном месте огромное количество золота; но это было при условии, что он привезет свою прекрасную жену в это уединенное место ровно через год. Джентльмен, проживший в течение года более роскошно, чем когда-либо, попросил свою жену выехать с ним верхом в назначенный день. Она была очень набожна и, помолившись Пресвятой Деве, проводила своего мужа до места. Там их встретил джентльмен в черном, но только для того, чтобы содрогнуться. 'Вероломный человек!' воскликнул он. - Неужели ты так расплачиваешься за мои благодеяния? Я просил тебя привести свою жену, а ты привел мне Матерь Божью, которая отправит меня обратно в ад!' Когда дьявол исчез, джентльмен упал на колени перед Пресвятой Девой. Он вернулся домой и обнаружил, что его жена спокойно спит.

Если бы мы последовали за этим прекрасно сидящим джентльменом в черном, мы безошибочно вернулись бы к тем сынам Божиим, которые брали себе в жены дочерей человеческих, как сказано в Книге Бытия; и если бы мы последовали за Девой, мы бы, менее определенными, но все же вероятными шагами, обнаружили ее прототип в Еве до ее грехопадения, девственной, какой она должна была оставаться, насколько это касалось человека. В главах, посвященных эдемскому мифу и его персонажам, я полностью изложил свои основания полагать, что история Евы, естественная бездетность Сарры и непорочное зачатие Марии обозначают, подобно тому как морские скалы иногда обозначают прежние очертания побережья, примитивную теорию безбрачия, связанную с теорией божественного или Святого семейства. Здесь нужно только добавить, что этот невозможный идеал в своем практическом развитии был эффективен в сдерживании сексуальных страстей человечества. Хотя безрассудное провозглашение богов дикой природы (Элохим) 'Плодитесь и размножайтесь' было принято христианскими библиологами как повеление Иеговы, а филантропов даже наказывают за то, что они предлагают способы противостоять последствиям брачной распущенности, все же они дальше даже от буквы Библии, чем те протестанты, соблюдающие целибат, американские шейкеры, которые полностью отвергают сексуальные отношения. Теория Шейкеров о том, что сексуальные функции "принадлежат естественному

состоянию и несовместимы с состоянием благодати", как сказал мне один из их членов в Огайо, тесно совпадает с раввинской теорией о том, что Адам и Ева из-за своего греха пали в низшую из семи земных сфер и, таким образом, попали под влияние инкубов и суккубов, благодаря союзу с которыми мир наполнился демоническими расами, или язычниками.

Вероятно, что огораживание Эдема, основание авраамического дома и семьи, а также предписание против прелюбодеяния были противопоставлены той системе насилия — или брака путем захвата в плен, — которая преобладала среди "сынов Элохима", которые видели, что "дочери человеческие прекрасны", и следовали закону своих глаз. Старшие раввины старались сохранить различие между *Бене Элохими* и *шимами*, и в конечном итоге оно сводилось к различию между евреями и язычниками.

Таким образом, возникает подозрение, что за женской красотой скрывается дьявол. Дьяволы любят красоту, а красавицы любят восхищение. Это риски в устройстве семьи. Но есть и другие легенды, которые сообщают о том, как часто женщины становились невольной жертвой похотливых Анахимов или других могущественных лордов. По всему миру ходят легенды о прекрасных девственницах, приносимых в жертву могущественным демонам или божествам. Иногда они настолько реалистичны, что наводят на мысль о возможности того, что прекрасные пленницы диких вождей, возможно, действительно иногда становились жертвами ненасытности своего Людоеда, а также его похоти. В любом случае, жестокость и похоть тесно связаны. Миф о Синей бороде открывает ужасные возможности.

Одной из самых известных легенд в Японии является легенда о дьяволе Судэндози, который получил свое имя из-за двух характеристик: обладания лицом ребенка и того, что он сильно пьет. Детское личико настолько подчеркнуто в историях, что можно заподозрить либо то, что его прекрасные жертвы были привлечены в его крепость его невинным видом, либо то, что в басне есть какой-то намек на материнские желания.

Рис. 27. Жестокость и похоть (японский).

В начале одиннадцатого века, когда Итидзе II. был императором, жил герой Еrimiца. В те дни жители Кийото были обеспокоены злым духом, обитавшим у ворот Рашо. Однажды ночью, когда они веселились со своими товарищами, Итидзе сказал: 'Кто осмелится пойти и бросить вызов демону Врат Рашо и установить знак, что он был там?' - На это я осмелюсь, ' ответил Цума, который, надев кольчугу, выехал в суровую ночь к воротам Рашо. Написав свое имя на воротах, возвращаясь, его конь дрожит от страха, а огромная рука, вышедшая из ворот, схватила рыцаря за шлем. Он тщетно боролся. Затем он отрубает демону руку, и демон с воем улетает. Цума забирает руку демона домой и запирает ее в коробке. Однажды ночью демон, принявший облик тети Цумы, пришел и сказал: "Я прошу тебя, покажи мне руку дьявола". 'Я никому не покажу это, и все же я покажу это тебе", - ответил он. Когда шкатулка открыта, тетушку окутывает черное облако, и демон исчезает вместе с рукой. После этого он доставляет больше хлопот, чем когда-либо. Демон похитил прекраснейших дев Кието, изнасиловал и съел их, в городе не осталось ни одной красавицы. Император приказывает Йоримитсе уничтожить его. Герой с четырьмя верными рыцарями и великим капитаном отправился в потаенные места в горах. Они встретились со стариком, который пригласил их в свое жилище и угостил их вином; и когда они уходили, он угостил их вином. Этот старик был богом горы. По пути они встретили в долине прекрасную женщину, которая смывала кровь с одежды и горько плакала. В ответ на их

расспросы она сказала, что демон утащил ее и оставил стирать свою одежду, имея в виду, что когда она ему надоеет, он съест ее. 'Я молю ваши светлости помочь мне!' Шестеро героев попросили ее отвести их к пещере людоеда. Сто дьяволов стояли на страже перед ней. Женщина вошла первой и сказала ему, что они пришли. Людоед позвал их, намереваясь съесть. Затем они увидели Шудендози, чудовище с лицом маленького ребенка. Они предложили ему вина, которое ударило ему в голову: он развеселился и заснул, и ему отрубили голову. Голова вскакивает и пытается укунить Йоримитсу, но на нем было два шлема. Когда все дьяволы убиты, он приносит голову Шудэндози императору. В похожей истории той же страны похотливый людоед ни в коем случае не обладает обликом победителя Шудэндози, как это видно из популярного представления о нем (рис. 27), когда рука рыцаря сжимает его горло.

Сингальским демоном аналогичного класса является Бахирава, который получил свое имя от одноименного холма, возвышающегося над Канди, в котором он, как предполагается, обитает. Легенда гласит, что астрологи сказали королю, чья королева страдала от череды выкидышей, что у нее никогда не родится здоровый ребенок, если ежегодно на вершине этого холма не приносить в жертву девственницу. Когда это было сделано, у него родилось несколько детей. Когда его королева достигла преклонных лет, король прекратил это празднование, и, следовательно, многие болезни поразили королевскую семью и город, после чего ежегодное жертвоприношение было возобновлено и продолжалось до 1815 года, когда англичане оккупировали Канди. Метод жертвоприношения состоял в том, чтобы привязать молодую девушку к столбу на вершине холма с помощью лиан джунглей. Рядом с ней, на алтарь, клали вареный рис и цветы; произносились заклинания, и девушка уходила, чтобы утром ее обычно находили мертвой от страха. Пожилая женщина, которая в ранние годы подверглась этому испытанию, выжила, и ее безопасность, без сомнения, способствовала сотрудничеству с английскими властями, чтобы уменьшить страх населения перед Бахировой, но все же мало у кого из туземцев хватило бы смелости подняться на холм ночью.

Одним из похотливых демонов Цейлона является Калу Кумара, то есть Черный Принц. Предполагается, что у него семь различных обликов — принца огня, цветов, рощ, могил, глазных мазей, гладкого тела и сексуальности. В Саге говорится, что он был буддийским священником, который благодаря чрезмерному аскетизму и накопленным заслугам обрел способность летать, но страсть к красивой женщине привела его к падению. Разочаровавшись в любви, ради которой он так со многим расстался, его сердце было разбито, и он превратился в демона. В этом состоянии его вечно мучает страсть похотливого желания, единственное удовлетворение, которое он может получить, - это поражать болезнью молодых и красивых женщин. Это очень деликатный демон, и его можно успокоить, если с особой тщательностью подходить к подношениям ему, которые состоят из риса высшего качества, бананов, сахарного тростника, апельсинов, какао-орехов и пирожных. У него темно-синий цвет лица и черная одежда.

В сингальской демонологии есть семь женских демонов похоти, в народе называемых Мадана Яксенье. Эти сестры — Кама (похоть); Чини (огонь); Мохани (невежество); Рутти (удовольствие); Кала (зрелость); Мал (цветы); Пушпа (благовония). Они являются пособниками обольщения и используются при приготовлении напитков.²⁰¹

"Было бы хорошо, — сказал Ясон Медее, - если бы не существовало женского рода; тогда не было бы никакого зла среди мужчин".²⁰² То же самое высказывание есть у Мильтона-

О, зачем Бог это сделал,
Мудрый Творец, населивший высочайшие небеса
С мужскими духами творите, наконец,
Эта новинка на земле, этот справедливый недостаток
Природы, а не заполнять мир сразу
С мужчинами, как ангелы, без женского начала?²⁰³

Этому негалантному вероучению предшествовало множество традиций, некоторые из которых упоминались в наших главах о Лилит и Еве. Им соответствуют рассказанные Геродотом истории о падении царства Гераклидов и свободе греков в результате мести царицы, "прекраснейшей из женщин", своему мужу Кандавлу за то, что тот подстроил, чтобы Гигес увидел ее обнаженной. Кандавл был убит Гигесом по наущению королевы и женился на ней, судьба распорядилась так, что их преступление должно быть наказано их пятым потомком. Свержение было совершено Киром, и это было связано с другой женщиной, Манданой, дочерью тирана Астиага, матерью Кира, которая, таким образом, как Мадонна, должна была сокрушить голову змея, прокрадывшегося в Греческий рай.²⁰⁴ Понтийские греки также приписывали происхождение скифской расы, бича всех народов, женщине-змее, которая, украв кобыл, захваченных Гераклом у Гергона, отказалась вернуть их, кроме как при условии рождения от него детей. От союза Геракла с этой "наполовину девственницей, наполовину гадюкой" произошло трое сыновей, из которых младшим был Скиф.

Рис. 28.—Ревность (японский).

В легендах о женщинах-демонах и дьяволицах представлены не только женская соблазнительность и склонность к соблазнению, но и в не меньшей степени ревность представителей этого пола. Если первые были слабостями, которые могли свергнуть королевства, то вторые были разновидностью анимализма, который мог опустошить дом и общество. Хотя ревность иногда считается простительной, если на самом деле это не признак истинной любви, это результат животной природы. Японцы продемонстрировали истинное наблюдение за природой, изобразив свою женщину-Они (дьявола) ревности (рис. 28) с острыми торчащими рогами и щетинистой шерстью. Приподнимание "декоративных перьев у многих птиц во время ухаживания", упомянутое м-ром Дарвином, является более приятным аспектом той эмоции, которая, смешиваясь со страхом и яростью, раздувает горло ящерицы, ерошит шею петуха и встает дыбом у душевнобольных.²⁰⁵

Древняя легенда на каждом шагу смешивает ревность с мифом об Эдеме. Рабби Ярчи говорит, что змей завидовал супружескому счастью Адама, и отрывок из книги Иосифа Флавия показывает, что это было древнее мнение. Многие считали ревность второй жены Адама, которую испытывала его первая (Лилит), причиной ее заговора со змеем. Самое красивое средневековое изображение Лилит, которое я когда-либо видел, было в иллюстрированной Библии в Страсбурге, на котором она, со всем своим богатством золотых волос и своей красотой, подставляет Адаму рот с маленьким розовым яблоком внутри. Ева, кажется, хватается за это. Затем есть старая история о том, что, когда Ева съела яблоко, она увидела ангела смерти и убедила Адама тоже съесть этот плод, чтобы он не стал вдовцом.

Примечательно, что должна была возникнуть легенда о том, что сатана совершил свое второе нападение на расу, созданную Иеговой, и его план увековечения ее на земле посредством флирта с женой Ноя, а также пробуждения ее ревности. Более старая легенда о жене Ноя - это легенда, упомянутая Табари, в которой просто говорится, что она высмеяла предсказания своего мужа о потопе. На это могло бы натолкнуть молчание Библии о ней. Мусульманское предание о том, что дьяволу удалось проникнуть в ковчег, также древнее. Он схватил осла за хвост как раз в тот момент, когда тот собирался войти. Осел приближался медленно, и Ной, потеряв терпение, воскликнул: 'Ты, проклятый, заходи скорее!' Когда Ной, увидев Дьявола в ковчеге, спросил, по какому праву он там находится, тот ответил: 'По твоему приказу; ты сказал: "Проклятый, войди"; "Я проклятый!" Эта история, которая, кажется, придумана для того, чтобы показать, что человек может быть не таким ослом, каким кажется, была вытеснена легендой, которая представляет сатану как принесенного в ковчег, скрытого под платьем Нории (или Нораиты).

Рис. 29.—Сатана и Нораита.

Наиболее примечательной легендой такого рода является легенда, найденная в Восточной Церкви и изображенная на различных средневековых рисунках в России. На картине начала шестнадцатого века, принадлежащей графу Уварову (рис. 29), изображен сатана, предлагающий жене Ноя пучок хмеля, из которого можно варить кваси опьянять Ноя; по легенде, Ной не сказал своей жене о надвигающемся потопе, зная, что она не сможет сохранить тайну. В старой версии легенды, приведенной Буслаевым, "в соответствии с апокрифической традицией, используемой еретиками", сатана всегда обращается к жене Ноя как *Ева*, что указывает на теорию. Предполагалось, что это будет второе издание атаки на божественный план, начатой в Эдеме и возрожденной в "Искушении Сары". Сатана не только научил эту новую Еву готовить квас, но и водку (бренди); и когда он пробудил в ней ревность по поводу частых отлучек Ноя, он велел ей заменить пиво бренди, когда ее муж, как обычно, попросил последнее. Когда Ной был пьян, она спросила его, куда он пошел и почему задержался допоздна. Он раскрыл свою тайну своей Еве, которая раскрыла ее сатане. Искуситель, по-видимому, соблазнил ее у Ноя и убедил не торопиться при входе в ковчег. Когда все животные ушли в дом и все остальные члены ее семьи, Ева сказала: 'Я забыла свои кастрюли и сковородки', - и пошла за ними; затем она сказала: 'Я забыла свои ложки и вилки', - и вернулась за ними. Все это было подстроено сатаной для того, чтобы заставить Ноя проклясть; и он как раз проскользнул под юбку Евы, когда имел удовольствие услышать, как предполагаемый Адам крещеного мира кричит своей жене: 'Проклятая, входи!' Поскольку сам Иегова не мог предотвратить исполнение проклятия патриарха, сатана, таким образом, получил возможность войти в ковчег, спастись от утопления и снова принести зло в человеческий мир.

По сути, это та же легенда, что и легенда о средневековой морали под названием 'Ноев ковчег, или Древняя пьеса корабельщика, или панихида'. Дьявол говорит жене Ноя:—

Да, держи себя в руках, милая леди,

И я расскажу тебе, как это сделать;

Клянусь тебе своей кривой мордой,

Все, чем занимается твой муж

Это мало для твоей пользы.

Но должен ли я сказать тебе, как

Ты исполнишь всю его волю;

Делай, как я тебе сейчас прикажу,

Ты исполнишь все условия сделки.

Выпейте чего-нибудь хорошего

Это сделано из мощного материала,

Будь он хоть немного здешним напитком,

Он больше не узнает:

Верь, верь, моя дорогая леди,

Я больше не могу ждать;

Отправлю, когда ты скажешь "да",

Я буду рядом с тобой.

В славянской версии есть некоторые намеки, которые выглядят так, как будто она могла принадлежать какой-то павлицианской или другой полугностической теории о том, что искушение Нораиты (Евы II) и ее отчуждение от мужа были призваны предотвратить повторное заселение Земли.²⁰⁶

Следующая попытка дьявола, как агента элохистического творения, уничтожить человеческую расу, знакомит нас с другой формой анимализма, получившей широкое распространение в преданиях о дьяволе. В раввинской мифологии рассказывается, что когда, как записано в Быт. ix. 20, Ной сажал виноградник, пришел дьявол (Асмодей) и предложил присоединиться к нему в работе. Когда об этом договорились, этот злой партнер привел последовательно овцу, льва и свинью и принес их в жертву на месте. В результате выпитое вино сначала придавало пьющему качества овцы, затем льва и, наконец, свиньи.²⁰⁷ Именно таким образом Ной был доведен до свинского опьянения. Последовали проклятия на окружающих, которые, какими бы пьяными они ни были, были проклятиями отца и воспроизвели в очищенном мире все приговоры, которые были произнесены в Эдеме.

Если бы датировку этой легенды можно было установить достаточно рано, это выглядело бы своего рода мстостью за искушение Ноя к пьянству, которое, как показывает талмудическая басня, Асмодей попал в рабство к Соломону и был вынужден работать в Храме с помощью вина. Асмодей выкопал для себя колодец и посадил рядом с ним дерево, создав таким образом для себя приятное место для отдыха во время своих скитаний туда-сюда по земле. Но посланник Соломона Бенаджа сумел прикрыть это сосудом, который он наполнил вином. Асмодей, вернувшись, повторил про себя пословицу: "Вино - насмешник, крепкий напиток бушует, и всякий, кто этим обманывается, не мудр" (Притч. хх. 1); однако, испытывая сильную жажду, он выпил, заснул, а когда проснулся, обнаружил, что закован в цепи.

Однако, проработав некоторое время на Соломона, он обнаружил слабости этого царя и сыграл на них. Соломон был настолько раздут от осознания своей силы, что принял вызов от своего раба (Асмодея), чтобы показать свое превосходство без помощи своего волшебного кольца и без того, чтобы держать своего конкурента в оковах. Как только Асмодей оказался на свободе и завладел кольцом, он увез Соломона за четыреста миль, где тот долгое время оставался среди соблазнительных красавиц при дворах Наамы, Раав и других дьяволиц. Тем временем Дьявол, приняв облик Соломона, воссел на свой трон и стал любимцем своей царицы и наложниц.

Дьявол вина и крепких напитков обычно широко представлен в фольклоре. Мы находим его в японском нагрудном Змее, который сначала теряет свои восемь голов метафорически, а затем буквально от первого из людей с Мечами. Представления Мефистофеля в Подвале Ауэрбаха увековечены на его старых фресках и в его девизе: 'Живи, пей, кутежничай, вспоминая Фауста и его наказание: это происходило медленно, но в достаточной мере'. Тюрингские легенды

повествуют, что дьявол пытается остановить строительство церквей, сбрасывая камни, но это может быть остановлено строителями, обещающими построить винный дом в том же районе. Старая английская легенда гласит, что в погребе одного великого человека обитали дьяволы, которые выпивали его вино. Однажды бочка была помечена святой водой, и дьявол был найден намертво застрявшим в ней.

Чревоугодие, как в еде, так и в питье, имело множество своих олицетворений. Характеристики Голодных демонов пародируются в таких дьяволах, как эти, только дьявольское, в отличие от демонического элемента, проявляется в чертах роскоши. Контраст между умирающими от голода святыми ранней Церкви и сытыми монахами более поздних времен был частым предметом карикатур, как в прилагаемом примере (рис. 30) из Британского музея, четырнадцатый век (ср. Арундел), где тощий дьявол удовлетворяет себя через откормленного монаха. Одной из наиболее значимых черт старой легенды о Фаусте является сохранение животного образа, в котором предстает Мефистофель. Он уродливый пес — подходящая эмблема возвращения ученого к собачьему темпераменту, который набрасывается на мир, как на кость, которую он собирается разгрызть. Фаусту не нравится эта подлинная форма, и он просит дьявола изменить ее. Затем Мефистофель принимает облик монаха-францисканца; но "зерно зверя" в нем все еще есть, и он сразу же нагружает стол Фауста роскошью и винами из погребов архиепископа Зальцбургского и других богатых священников. Прелаты тоже любят свои кости. Когда Мефистофель и Фауст попадают в Ватикан, они становятся свидетелями кутежей папы римского и его кардиналов. Они выхватывают у них предметы роскоши и кубки с вином, когда те собираются ими насладиться. Против этих невидимых захватчиков святые люди используют свои распятия и другие средства экзорцизма; и все это — рычание - собачий священник против щенка-астролога. Не было особой разницы и в истории долгого соперничества между этими двумя за главную кость христианского мира.

Рис. 30. Монашеское обжорство.

У жажды золота были свои дьяволы, и они ничем не отличались от других видов анимализма. Особенно это касалось тех, которые представляли собой деньги, вымогаемые у народа для обогащения распутных принцев и прелатов. Гиганты Антверпена олицетворяют власть языческих монархов, взимавших дань; но их заменили такие хранители дани-денег, как Сатир с нашей картины (рис. 31), которого Эдуард Исповедник видел сидящим на бочке с Данегельдом,

Vit un déable saer desus

Le tresor, noir et hidus.

В европейском фольклоре есть много хороших басен о золоте скупца и вообще о "дьявольских деньгах", которые демонстрируют тонкий инстинкт. Мужчина несет домой сверток с таким золотом, и, открыв его, вместо денег оттуда выпадают лапы и когти кошек, лягушек и медведей — последнее является почти личным намеком на Обмен. Когда сейф французского скряги открыли, там были найдены только две лягушки. Дьявол не мог заполучить никакой другой души, кроме золота, и хладнокровные рептилии были оставлены как знак прожитой жизни.

Рис. 31.—Дьявол из сокровищ Данегельда (CP. Trin. Coll. Cantab. В. х. 2).

В легендах о полчищах дьяволов, окружавших святого Антония, мы находим, что они представлены как настоящие животные. Однако наши англосаксонские отцы были совершенно неспособны оценить серьезность конфликта, который человеку приходилось вести с животным миром в южных странах и в более ранние времена. Их благоговение перед природой и ее формами также не было подавлено пессимистической теорией земли, поддерживаемой христианством. Постепенно представление о животных-искусителях было изменено, и вместо реальных животных форм появились сообщения о бородатых звероподобных существах, окружавших святого Гутлака и Святого Годрика. Прилагаемая картина (рис. 32) представляет

собой группу из Брейгеля (1565), изображающую дьяволов, призванных вокруг Сент-Джеймсафокусником. Эти гротескные формы пригодятся для изучения. Если бы мы сделали набросок такого же рода, только окружив святого настоящими формами животных, наиболее похожими на эти неопишуемые изображения, это перестало бы быть дьявольской сценой.

Рис. 32. — Святой Иаков и дьяволы.

Ибо зверство присуще не животным; это арест человека. Смешон не живописный осел на лугу, а двуногий; морально оскорбителен не медведь из зоологических садов, а грубый человек, которого не всегда можно посадить в клетку; именно двуногий теленок, змея, притворяющаяся человеком, обезьяна в вечернем костюме когда-либо вообще делали проблему зла трудноразрешимой. Это было неразрешимо до тех пор, пока люди не открыли в качестве Науки тот закон Эволюции, который древний мир знал как Этику.

В индуистской басне рассказывается, что животные во время своего переселения подошли к пропасти, которую они не могли пересечь, и что боги создали человека в качестве моста через нее. Наука и разум подтверждают эти древние инстинкты нашей расы. Человек - это мост, соединяющий животное с идеальной средой обитания, по которому, если развитие нормальное, все страсти переходят наверх, в образованные силы. Любая пауза или препятствие на этом мосту объединяет всех животных, чтобы растерзать человека, который не может перенести их через пропасть. Даже самая незначительная остановка может показать человеку, что он является носителем усиленного анимализма. Похоть козла, гордость павлина, гнев льва, прекрасные в своих соответствующих формах, в облике человека, неподвластного разуму, становятся пороками, которые раньше назывались одержимостью, а на самом деле являются безумием.

Глава 29. Мысли и интерпретации

Недавно я услышал историю о набожной негритянке, чья вера в ад подверглась жестокому испытанию со стороны скептика, который спросил ее, как можно найти достаточно серы, чтобы сжечь всех нечестивых людей в мире. Потратив несколько дней на размышления, пожилая женщина, когда скептик в следующий раз бросил ей вызов, ответила, что пришла к выводу, что 'каждый человек принимает свою собственную серу'. Эта скромная святая не сознавала, что ее инстинкт уловил тончайшую мысль Мильтона, чей сатана говорит: "Я - ад". "Мефистофель" Марло также говорит: "Там, где мы находимся, - ад". И еще в далеком 633 году святой человек Ферси, который верил, что его вел ангел недалеко от области проклятых, рассказал о видении, очень похожем на видение африканской женщины. Было четыре огня — Ложь, Алчность, Раздор, Несправедливость, — которые соединились в одно великое пламя. Когда это приблизилось, Ферси в страхе сказал: "Господи, смотри, огонь приближается ко мне". Ангел ответил: "То, что ты не разжигал, не сожжет тебя".

Подобное сочетание любого принципа справедливости, даже в столь грубой форме, стало достаточно редким явлением в христианском мире, чтобы вызывать аплодисменты при его появлении, хотя в аплодисментах есть тот налет гротеска, который ощущаешь, когда боги на галерее подбадривают актера, героически заявляющего, что мужчине не следует бить женщину. Когда мы возвращаемся в атмосферу язычества, мы обнаруживаем, что возмездие имело у них реальное значение. Ничто не может быть более разительным контрастом, чем беспорядочный, лишенный характера ад христианского мира, в котором убийца и человек,

смешивающий Личности Божества, одинаково вечно горят в самых неподходящих кострах, и Ад Египта, Греции и Рима, где каждое наказание соотносится с преступлением и ограничено по продолжительности степенью преступления.

‘Египтяне,’ говорит Геродот (ii. 123), - были первыми, кто утверждал, что душа человека бессмертна, и что когда тело погибает, оно переходит в какое-нибудь другое животное, постоянно появляющееся на свет; и когда оно прошло через различные виды наземных, морских и воздушных существ, оно снова входит в тело родившегося человека, и что этот оборот совершается за три тысячи лет’. Вероятно, Платон перенес из Египта свою фантазию о возвращении одного мертвеца, чтобы описать сцены рая и ада, например, армянскую (Республика, х. 614), предполагающую эволюцию Рампсинита (Ирод. ii. 122), который живым спустился в Аид, сыграл в кости с Церерой и принес золото. Видение Скорой помощи действительно представляет собой ужасный ад, но наказанные были в основном убийцами и тиранами. Они понесли десятикратное наказание за каждое совершенное ими зло. Но когда это наказание закончится, каждая душа должна вернуться на землю в такой животной форме, какую она выберет. У животных тоже был свой выбор. Я видел, что выбор обычно определялся предыдущей земной жизнью — многие становились животными из-за какой-то злобы, вытекающей из их опыта. ‘И не только люди превратились в животных, но я должен также упомянуть, что были животные ручные и дикие, которые превращались друг в друга и в соответствующие человеческие натуры, добрые в кроткие, злые в дикие, во всевозможных сочетаниях’. Хитрый Платон! Такова его оценка того, чего стоят избранные мужчинами райские кущи!

Орфей предпочел быть лебедем, ненавидя рождение от женщины, потому что женщины убили его; Аякс стал львом, а Агамемнон орлом, потому что они пострадали от несправедливости со стороны мужчин; Аталанта должна была стать спортсменкой, а шут Терсит - обезьяной; а Одиссей отправился на поиски жизни частного джентльмена, которому нечего было делать. Если бы друг Плутарха Теспезиус хорошо обдумал эту иронию Платона, он вряд ли привез бы из своего визита в Аид модификацию, которую демоны использовали для придания животным форм, в которых души должны были заново родиться на земле. Вряд ли они могли сделать для нечестивых что-то худшее, чем, как показывает Платон, они делали для себя. Но смысл у Плутарха тот же. Теспезиус видит, как демоны готовят тело гадюки для рождения Нерона, поскольку, как говорили, детеныши этой рептилии уничтожают свою мать при рождении.

У персов представление о будущих наградах и наказаниях превосходит точность Корана— ‘Тот, кто совершил крупницу справедливости, увидит это, а тот, кто совершил крупницу несправедливости, увидит это’. Персидские суфии скорее разделят душу, чем допустят, чтобы любое доброе деяние сопровождалось большим количеством зла. Сада рассказывает о видении, в котором в аду был замечен человек, весь, кроме одной ступни, увитой цветами. Со всей своей злобой этот человек этой ногой толкнул охапку сена так, чтобы усталый бык мог дотянуться до нее.

Но в то время как персидские поэты—суфии, облагораживающие старое название софистов, — сохранили таким образом значительную часть универсализма парсаизма, мусульманство, твердое, как принесшие его скифы, превратило сердца людей в этой стране в камень. В Дрезденской библиотеке есть иллюстрированная персидская рукопись, которой, как считается,

семьсот лет, на которой изображено то, что можно рассматривать как портрет Аримана и Иблиса вместе взятых. Он рыжий, у него густая борода и усы, а на голове длинный драконий гребень и грива. На чреслах у него зелено-синяя юбка. Его язык жадно перекачивается между жестокими зубами. Он руководит множеством рыбоподобных дьяволов, которые плавают в огненном озере и глотают проклятых. Над этой сценой изображены прославленные души, включая шаха, сидящего, скрестив ноги, на своем ковре, который с явным удовлетворением взирает на пытки внизу. По-видимому, это единственное развлечение, которое развеивает скуку их рая.

Если бы что-нибудь могло заставить рационального человека поверить в дьявольский принцип во вселенной, то это было бы предположение о том, что существовали люди, которые могли представить себе счастье, испытываемое при виде таких пыток, как эти. Это и некоторые подобные изображения на Востоке — например, в Храме ужасов в Учане, Китай, — абсолютно лишены лучей в том, что касается какого-либо прикосновения к человечеству. Действительно ли шах и его счастливые коллеги-инспекторы пыток - изверги? В свете наших нынешних разведанных они могут показаться таковыми. Конечно, ни один человек с утонченными чувствами не мог теперь рассчитывать достичь каких-либо небес, в то время как другие были в аду. Но *это было бы возможно*, если бы люди могли поверить, что многие из тех, кто их окружает, вовсе не мужчины и женщины, а дьяволы в человеческом обличье. Эти свирепые Преисподние относятся к периоду, когда все, кто понес приговоры князей или священников, считались всего лишь масками дьяволов; им приписывали только человеческую плоть, чтобы они могли страдать. Догма Ада была обречена с того момента, как проклятые должны были быть действительно людьми.

Если бы те, кто убивал мучеников ереси, например, вернулись в мир и посмотрели на тех, кого они пронзили, они никогда не смогли бы узнать их. Если бы они увидели статуи Бруно, Гуса, Кранмера, Сервета, имена и формы не напомнили бы им людей, которых они убили. Они были бы шокированы, если бы им сказали, что они сожгли великих людей, и наверняка ответили бы: 'Людей? Мы не сжигали людей. Дьявол появился среди нас, называя себя Гуссом, и мы быстро расправились с ним; он снова появлялся под несколькими *псевдонимами* - Бруно, Сервет, Спиноза, Вольтер: иногда мы сжигали его, иногда удавалось сделать несчастным, слава Богу! Но мы не причиняли вреда настоящим мужчинам, мы спасали их'.

Вокруг таких идей выросли наши, пока еще нецивилизованные Кодексы законов. В Англии в 1878 году мужчинам отказывают в качестве присяжных, если они не скажут: "Да поможет мне Бог!" - на том основании, что у атеиста не может быть совести. Только пусть он действительно будет без совести и назовет себя христианином, когда это не так, и суды примут эгоистичного лжеца с уважением. Старый пункт смертного приговора — "подстрекаемый к нему дьяволом" - был снят в случае с убийцами, однако; и это определенный выигрыш. Пытка огнем самого страшного убийцы в течение одного дня была бы запрещена в христианском мире. Вера в адский огонь ненадолго переживает его среди невежд. Но что сказать об образованных людях, которые заявляют, что верят в это?

Достопочтенный Беда рассказывает, что в 696 году один нортумбрийский джентльмен, умерший в начале ночи, утром ожил и выздоровел и рассказал о том, что он видел ночью. Он был свидетелем обычных пыток проклятых, но добавляет: "Будучи таким образом со всех сторон

окруженным врагами и тьмой, и оглядываясь по сторонам в поисках помощи, на пути, которым я шел, мне явилась, так сказать, яркость звезды, сияющей среди тьмы, которая постепенно увеличивалась", — но нам не нужно переходить к кульминации этого видения.

Эта звезда, восходящая над всеми подобными видениями, принадлежит своду человеческой Любви, и она видна сквозь все Века Тьмы. Его невозможно погасить, и его огненные лучи сожгли горы беззакония.

‘В 1322 году,’ пишет Флегель после ‘Хроник Сампетринум Эрфуртенсе’, - в Эйзенахе была показана пьеса, имевшая достаточно трагический эффект. Маркграф Фридрих Misnia, Ландграф Тюрингии и, собрав свою нудную войну до конца, и в стране начал возрождаться в мире, его подданные были заняты погашения себя за прошлое расстройств со всякими диверсиями; для чего, по-видимому, Государев заказ, драматическим представлением *одесяти девах* был заговор, и в Айзенахе, и в его присутствии, надлежащим образом оформлено. Это произошло через пятнадцать дней после Пасхи, с позволения монахов-проповедников. В "Хронике Сампетринум" записано, что пьеса была разыграна в Медвежьем саду (*в хорто фераруме*) духовенством и их учеными. Но теперь, когда случилось так, что Мудрые Девы не дали глупым масла, и эти последние были изгнаны из Жениха, они начали горько плакать и призвали Святых заступиться за них; которые, однако, даже с Марией во главе, ничего не могли добиться от Бога; но все Неразумные Девы были приговорены к проклятию. Увидев и услышав все это, ландграф впал в сомнение и очень рассердился; и сказал: "Что же тогда такое христианская вера, если Бог не сжалится над нами ради заступничества Марии и всех Святых?" В таком гневе он пребывал пять дней, и ученые люди едва ли могли просветить его, чтобы он понял Евангелие. После этого его поразил апоплексический удар, и он потерял дар речи и бессилие; в таком печальном состоянии он оставался прикованным к постели два года и семь месяцев, и так умер, когда ему было тогда пятьдесят пять.

Рассказывая эту историю, Карлайл замечает, что эти ‘Десять дев в Эйзенахе более губительны для воинственных мужчин, чем афинские фурии Эсхила для слабых женщин’. Тем не менее, до тех пор, пока великодушные люди не восстали в Эйзенахе и в других местах, чтобы начать работу, которой суждено было оказаться роковой как для бессердечных Дев, так и для Фурий. Эта звезда Сострадания воина, парящая над глупыми Монахами и их полуночным Евангелием, сияет далеко. Эта история напоминает мне случай, связанный с шахтерским районом в Калифорнии, где был возведен грубый театр, и труп дала в качестве своего первого представления "Отелло". Когда приближалась сцена удушения Дездемоны, дюжий шахтер вскочил на сцену и, вытащив свой шестизарядный револьвер, сказал мавру: ‘Ты проклятый ниггер! если ты тронешь эту женщину, я снесу тебе макушку! Дюжина хулиганов, карабкавшихся по рампе, кричали: ‘Правильно, Джо! мы будем рядом с тобой!’ Менеджер отреагировал на чрезвычайную ситуацию криком: ‘Не стреляйте, ребята! Эту пьесу написал Билл Шекспир; он старый калифорниец, и все это в шутку!’ Если бы этот мавр продолжил поджаривать Дездемону на огне с каким-либо правдоподобием, сомнительно, что управляющий смог бы спасти его, приведя аргумент, напоминающий шахтерам, что таков божественный путь с грешниками в регионе, куда направлялось большинство из них. Вершина этого теологического ада не очень безопасна в наши дни, когда человеческая природа раскрепощена со всеми ее шестизарядниками, каждый из которых может быть поражен огнем Звезды, вращающейся в сфере Сострадания.

День за днем я смотрел "Страшный суд" Микеланджело в Сикстинской капелле. Художнику шел шестидесятый год, когда папа Климент VII предложил ему покрыть стену высотой в шестьдесят футов и почти такой же шириной изображением Дня гнева. За семь лет он закончил ее. Климент был мертв. Папа Павел IV. посмотрел на нее, и она ему не понравилась: все, что он мог видеть, - это огромное количество обнаженных фигур; поэтому он сказал, что она не подходит для Сикстинской капеллы и должна быть уничтожена. Один из учеников Микеланджело спас его, задрапировав некоторые фигуры. Время шло, и пришел другой папа, который настоял на большем количестве драпировок, так что работа снова была изуродована. Однако народные насмешки не позволили этому зайти слишком далеко, и поэтому остается потрясающая сцена. Но папам и кардиналам это всегда не нравилось. Первое впечатление, которое я получил от этого, было полное изображение всех физических сил, принадлежащих организованной жизни; хотя формы человеческие, здесь присутствуют все животные силы, прыгающие, приседающие, ползающие, — каждое сухожилие, сустав, мышца изображены в предельном напряжении и действии. Затем взгляд переходит от лица к лицу, и рисуются все страсти, которые когда-либо ползали или рыскали по джунглям или болотам. Самыми неприятными мне показались выражения мучеников. Они восстали из своих могил, каждый принес оружие, которым он пострадал, и предложил его в качестве свидетельства против несчастных, пришедших на суд; и на их лицах было выражение самодовольного удовлетворения, когда они стали свидетелями преследования своих преследователей. Что же касается Христа, то он был подобен фурии, с поднятой рукой против обреченных, его волосы дико развевались. Замученные люди внизу не контрастируют с благословенными наверху; те, кто на небесах, выглядят несколько глупее остальных и скорее довольны страданиями, свидетелями которых они являются, но не более святыми. Но постепенно взгляд, блуждая по обширному полотну, от измученного кардинала внизу до разъяренного Судьи, останавливается на лице, которое, однажды увидев, уже никогда не забудется. Она прекрасна, эта Мэри рядом с Судьей, и еще красивее из-за боли, которая написана на ее лице. Она опустила свою драпировку, чтобы скрыть от глаз страдание внизу; она отвернула лицо от Судьи — не видит в нем своего сына; она не смотрит на благословенного, — ибо она, кроткая мать, не на небесах; она не может испытывать радость, видя страдание. В это единственное лицо, исполненное чистого женского сочувствия, в эту красоту, преображенную в своем сострадании, художник вложил свою душу, свою религию. Лицо Мэри гасит все нарисованное пламя. Они сразу становятся невозможными. Одна и та же вселенная не могла бы породить одновременно ад и весь этот ужас. Разъяренный Иисус превращается в призрак; он никогда не мог родиться от такой матери. Если бы папы хотели только скрыть наготу своих собственных догм, им следовало бы стереть лицо Марии; ибо в нынешнем виде остальные формы — это всего лишь формы, показывающие, как все дикие формы и страсти человеческого анимализма собираются в рамку вокруг того, что является их непревзойденным цветком, - духа любви, воплощенного в его совершенном человеческом выражении.

Так получилось, что Микеланджело не мог служить двум господам. Папы могли нанимать его, но он не мог выполнять работу, которая им нравилась. 'Пассивный мастер протянул руку помощи огромной душе, которую он задумал'. Он ничего не мог с этим поделать. Ценитель красоты не смог бы нарисовать "День гнева", не поместив над ним это лицо, подобное звезде, которая сияет сквозь его нереальность, сжигает его уродство и делает картину великолепной интерпретацией форм природы и надежд мира — кардинальный лицемер внизу, идеальная женщина наверху.

Измученный чрезмерным великолепием видений Рая, которые он видел, Данте подошел к порогу, открывающемуся в мир человеческой жизни, с которым он на некоторое время расстался, и там опустился. Пока он лежал там, ангелы заставили лилии вырасти под ним и вокруг него, а мирты подняться и сплестись, чтобы укрыть его, и их счастливые голоса, доносившиеся низкими гимнами, навевали мягкий сон на его измученные чувства. Он долго спал, прежде чем свет знакомого дня снова прокрался в эти глубокие глаза. Ангелы улетели. Поэт проснулся, обнаружив себя в одиночестве, и со вздохом сказал себе: 'Значит, все это всего лишь сон'. Когда он поднялся, то увидел перед собой человека благородного вида и сияющего лица, одетого в восточную одежду, который ответил на его взгляд с таким же интересом, как и он сам. Данте быстро обшарил глазами землю рядом с незнакомцем, чтобы убедиться, что тот лишен тени; убедившись таким образом, что он из плоти и крови, флорентиец обратился к нему так: —

‘Пилигрим, если ты кажешься таким, можем ли мы встретиться в простом человеческом братстве? Если, как предполагает твой наряд, ты пришел издалека, возможно, дружеское приветствие даже того, кто в своем родном городе все еще сам является паломником, не будет нежелательным.

Да будет наш поцелуй от сердца к сердцу, брат мой; и все же я должен без промедления отправиться к тем, кто наблюдает и ждет чудесных вестей, которые я несу.

‘ Друг! Я слышу смысл, более глубокий, чем в твоих словах. Если это всего лишь удовлетворение естественного любопытства, не отвечай; но если ты несешь бремя вести, радостной для всего рода человеческого, говори! Кто ты? откуда прибыл и с каким посланием отправлен?

"Арда Вираф - имя, которое я ношу; я пришел из Персии; но какими странными путями достиг этого места, я не знаю, за исключением того, что я путешествовал по великолепию миров, невидимых для чувств смертных, и не встречал человеческого облика, пока не нашел тебя, дремлющего на этом месте.

‘ Значит, ты втрое не мой брат! Я тоже только сейчас, судя по моему смутному ощущению, вышел из этого обширного путешествия. Ты избавляешь меня от накопившихся сомнений в том, что эти видения были иллюзорными. И все же, поскольку даже то, что мы действительно видим, часто заслоняется образами, которые таятся в глазах, я прошу тебя, расскажи мне что-нибудь из того, что ты видел, чтобы, возможно, мы могли расстаться, взаимно подтвердив наше видение.

‘ Я с радостью это сделаю. Когда Авеста была уничтожена, и мудрецы Ирана разошлись во мнениях относительно истинной религии, они согласились, что человек должен быть выбран по жребию, чтобы выпить священный напиток Виштаспа, чтобы он мог перейти в невидимый мир и принести оттуда разум. На меня пал жребий. У огня, который никогда не гаснет, в окружении святых женщин, которые распевали наши гимны, я выпил три кубка — Хорошо подумал, Хорошо сказал, Хорошо сделал. Затем, пока я спал, передо мной выросла высокая лестница из трех ступеней; на первой было написано "Хорошо продумано", на второй - "Хорошо сказано", на третьей - "Хорошо сделано". Первым шагом я достиг царства, где почитаются добрые мысли: там были мыслители, чье звездное сияние всегда возрастало. Они не возносили молитв, они не пели литургий. Превыше всего была сфера либералов. Следующий шаг привел меня в круг

великих и правдивых ораторов: они ходили в высоком великолепии. Третий шаг привел меня на небеса добрых дел. Я видел души земледельцев, окруженные духами воды и земли, деревьев и скота. Ремесленники сидели на украшенных тронах. Возвышенными были места для учителей, ходатаев, миротворцев; и религиозные люди ходили в свете и радости, которыми никто не пресыщается.

"Видел ли ты прекраснейшую из земных леди - Беатриче?"

«Я действительно видел прекрасную даму. В приятной роще лежал мужчина, который только что расстался с землей. Когда он проснулся, он шел через рощу и там встретил эту самую прекрасную девушку. Ей он сказал: 'Кто ты, прекраснее всех, кого я видел в стране живых?' Она ответила ему: 'О юноша, я - твои поступки'. Может ли это быть твоя леди Беатриче?"

«Но разве ты не видел ада? никаких страшных наказаний?"

Увы! я был свидетелем печальных сцен, страдальцев, чей ад заключался в том, что их тьма была среди обитателей великолепия. Среди всего этого сияния, дрожа от холода, ходил человек, только что поднявшийся с земли, а рядом с ним всегда ходила отвратительная ведьма. Он повернулся к ней и сказал: 'Кто ты, что всегда идешь рядом со мной, ты, чудовищнее всего, что я видел на земле?' Ей она ответила: 'Мужчина, я - твои поступки'.

- Но кто были те славные существа, которых ты видел в Раю?"

— Некоторые из их имен я действительно выучил - Зороастр, Сократ, Платон, Будда, Конфуций, Христос.

«Что я слышу? знаешь ли ты, что никто из них, кроме того последнего святого, которого, как мне кажется, ты называешь слишком легкомысленно среди людей, не был крещен? Эти глаза печально смотрят на боль благодаря таинственной справедливости Божьей.

«Значит, ты считаешь свое собственное сострадание более глубоким, чем милосердие Ормузда? Но, ах! теперь я действительно вспомнил. Когда я беседовал с названными мною мудрецами, они рассказали мне об этом странном событии. По указанию одного из них, Вергилия по имени, среди них с земли появился самый могущественный маг. Он носил имя Данте. Могущественными заклинаниями это существо загнало их всех в печальный круг, который оно назвало Лимбо, над воротами которого оно написало, хотя и с глазами, полными слез: 'Оставь всякую надежду, тот, кто входит сюда!' Таким образом, они были в великой печали и смятении. Но вскоре, когда этот странный Данте собирался уйти, как они рассказывали, он увидел лицо одного из них, настолько чистое и благородное, что, хотя он назвал его "язычником", он не смог оставить его там. Это был Катон из Утики. Его Данте подвел к двери и дал ему свободу при условии, что он будет охранять своих некрещеных братьев и ни в коем случае не позволит никому из них сбежать. Однако, как только это было сделано, этот маг увидел других, которые вызывали его почтение, — среди них Траяна и Рифея, — и, охваченный порывом любви, он открыл окно в стороне от Лимбо, приказав им выйти на свет. Затем он взмахнул своим христианским жезлом, чтобы закрыть это отверстие, и скончался, полагая, что ему это удалось; но предел силы этого волшебника был достигнут, окно было всего лишь завешено, и после того, как он ушел, все эти некрещеные прошли тем же путем и вновь вознеслись к славе, которой они наслаждались до этого, Данте на короткое время применил к ним свое чуждое колдовство.

‘Может ли это быть правдой? Действительно ли это так, что все мудрецы и поэты мира теперь находятся в равном положении, независимо от того, были они запечатаны как члены Христа или нет?

‘Брат, твое чело омрачено. Что? может ли такая чистая и возвышенная натура, как ты, желать, чтобы кроткий Христос, которого я видел обнимающим мудрецов и пророков других эпох, обратился к ним с ненавистью и поверг их во мрак и боль, как этот Данте?’

После этого Данте, залившись слезами, пал к ногам Арды Вирафа и поцеловал подол его юбки. ‘Твое видение чище, о пилигрим, чем мое’, - сказал он. ‘Боюсь, что я всего лишь унес с собой в невидимый мир мелкие предрассудки моей маленькой Церкви, которые научили меня ограничивать Любовь, которая, как я теперь вижу, безгранична. Ты, узнавший от своего Зороастра, что смысл Бога — это конец всего зла, вселенная, поднимающаяся к своему цветку в радости, благоволи взять за руку своего слугу и сделать его достойным быть твоим другом, - отныне вместе с тобой отказаться от убогих формул, которыми невежество заменяет добродетель, и подняться к прекрасным вершинам, которых ты достиг, по лестнице добрых мыслей, добрых слов, добрых дел’.

В 1745 году Сведенборг изучал натурфилософию в Лондоне. В апреле того же года среди дыма и тяжелого труда великой столицы начались его "откровения". ‘Я был голоден и ел с большим аппетитом. Ближе к концу трапезы я заметил, что перед моими глазами рассеялся какой-то туман, и я увидел, что пол моей комнаты покрыт отвратительными рептилиями, такими как змеи, жабы и тому подобное. Я был поражен, собрав все свои силы, находясь в полном сознании. Темнота достигла своего пика, а затем рассеялась. Теперь я увидел Человека, сидящего в углу комнаты. Поскольку я думал, что я один, я был очень напуган, когда он сказал мне: "Ешь не так много".

В дневнике Сведенборга этот инцидент описан более подробно. ‘В середине дня, за ужином, Ангел заговорил со мной и сказал, чтобы я не переедал за столом. Пока он был со мной, мне ясно показалось, что из пор моего тела выходит какой-то пар. Это был наиболее заметный водянистый пар, который падал на пол, на ковер, где скапливался и превращался в различных паразитов, которые собирались вместе под столом и через мгновение разлетались с хлопком или шумом. Внутри них появился огненный свет, и послышался звук, возвещающий, что все паразиты, которые могли быть порождены неподобающим аппетитом, были таким образом изгнаны из моего тела и сожжены, и что теперь я очищен от них. Следовательно, мы можем знать, что такое роскошь и тому подобное в их недрах’.

Продолжая первый рассказ, Сведенборг сказал: ‘На следующую ночь мне снова явился тот же Человек. На этот раз я несколько не встревожился. Человек сказал: ‘Я Бог, Господь, Создатель и Искупитель мира. Я избрал тебя, чтобы ты раскрыл людям духовный смысл Священного Писания. Я сам продиктую тебе, что ты должен написать’. В ту же ночь мне убедительно открылся мир духов, ад и небеса, где я нашел многих моих знакомых во всех состояниях. С того дня я отказался от всякой мирской учености и трудился только в духовных областях, согласно тому, что Господь повелел мне написать’.

Он 'отказался от всех мирских знаний', закрыл свои интеллектуальные глаза и погрузился во все кошмары, которые в его первом видении были сожжены как паразиты. После пятидесятилетия, говорит Эмерсон, он начинает ревновать к своему интеллекту, объявляет ему войну, и насилие немедленно отмщается. Но портрет ослепленного мистика, нарисованный ясновидящим, - слишком впечатляющая иллюстрация, чтобы ее здесь опустить.

'Вампир восседает на троне пророка и с мрачным аппетитом обращается к образам боли. В самом деле, птице не легче сплести свое гнездо или кроту вырыть гнездо в земле, чем этому провидцу душ возводить новый ад и яму, каждая более отвратительная, чем предыдущая, вокруг каждой новой шайки преступников. Его спустили по колонне, которая казалась медной, но была сделана из ангельских духов, чтобы он мог безопасно спуститься к несчастным и стать свидетелем опустошения душ; и долго слышал там их стенания; он видел их мучителей, которые увеличивали и растягивали муки до бесконечности; он видел ад фокусников, ад ассасинов, ад похотливых; ад разбойников, которые убивали и варили людей; адскую бочку лживых; нечистоплотных людей. ад; ад мстителей, чьи лица напоминали круглый, широкий пирог, а руки вращались, как колесо.... Вселенная в его стихотворении погружена в магнетический сон и отражает только разум магнетизера.... Сведенборг и Бехмон оба потерпели неудачу, привязавшись к христианскому символу, а не к моральному чувству, которое несет в себе бесчисленные христианские, гуманитарные и божественные ценности.... Другой догмой, вырастающей из этого пагубного теологического ограничения, является Ад. У Сведенборга есть дьяволы. Зло, согласно старым философам, это добро в процессе становления. То, что может существовать чистая злоба, является крайним утверждением неверия.... До какого болезненного извращения дошла готическая теология, что Сведенборг не допускал обращения злых духов! Но божественное усилие никогда не ослабевает; падаль на солнце превратится в траву и цветы; и человек, хотя и в публичных домах, тюрьмах или на виселицах, находится на пути ко всему хорошему и истинному".

Но даже Ад Сведенборга не свободен от мягкой энергии нашей звезды. Действительно, почти болезненно видеть, как его духовный луч смешивается с огненными лихорадочными формами, которые Сведенборг встречает на своем пути через медную колонну, созданную, если бы он знал это, не ангелами, а дикарскими писаниями. 'Я отказался от всех мирских знаний', — говорит он: но это не бросило его всего сразу. 'Они (проклятые) испытывают невыразимые муки; но им было позволено облегчить или утешить их определенной долей надежды, чтобы они не совсем отчаялись. Ибо они сказали, что верят, что мучения будут вечными. Они испытывали облегчение или утешались, говоря, что Бог Мессия милостив и что в Его Слове мы читаем, что 'узники будут выпущены из ямы' (Зах. ix. 2). Сведенборг сообщает, что Бог Мессия явился этим духам и даже обнял и поцеловал того, кто был воскрешен после 'величайших мучений'. Он говорит: 'Наказание ради наказания - это наказание дьявола', и утверждает, что всякое наказание заключается в том, "чтобы устранить зло или развить способность творить добро'. Эти высказывания есть в его Дневнике и были написаны до того, как он добрался до конца своей кальвинистской колонки; но даже в "Arcana Celestia" есть проблеск: "Таково равновесие всех вещей в другой жизни, что зло наказывает само себя, и, если оно не было устранено наказаниями, злые духи обязательно должны оставаться в каком—нибудь аду до вечности".

Доведение до абсурда! И все же сведенборгианцы настаивают на догме вечных наказаний, к подтверждению которой они апеллируют от Сведенборга наполовину трезвого к Сведенборгу психически пьяному.

В библиотеке Дрездена есть серия старых картин, которые, как говорят, мексиканские и которые, как мне сказали, были куплены у еврея в Вене, на которых изображены дьяволы, в основном змеиные, смешанные с человеческими персонажами. Один был фантастическим змеем с человеческой головой, острым носом, множеством глаз, небольшими крыльями и высунутым языком. У другого была человеческая голова и хвост рептилии. Третий - человек, за исключением высунутого двойного языка. У четвертого из затылка выходит змея, чья большая драконья голова заглатывает человеческий эмбрион. Какое бы племя ни создало эти изображения, оно, должно быть, произвело очень сильное впечатление на некоторых людей, живших со змеей.

Мне вспомнилась картина со змеей, заглатывающей человеческий эмбрион, когда я рассматривал настенные росписи в русских церквях, изображающие обычного змея с дьяволами, гнездящимися через равные промежутки вдоль его тела, как показано на нашем рисунке (10). Профессор Буслаев, без сомнения, дал мне правильную археологию этого, но сами дьяволы, на мой взгляд, своими прекрасными формами, казалось, внушали другую теорию. Они могли бы быть крылатыми ангелами, если бы не ихогненные волосы и жестокие крючья. Казалось, они говорили: 'Мы были древними богами-зародышами человеческого воображения, но змей проглотил нас. Он поглощал нас последовательно, когда одного за другим мы пользовались его хитростью в нашем духовенстве; когда мы использовали его жестокие кольца, чтобы сокрушать тех, кто осмеливался перерастить наш культ; когда мы подражали его клякам в смертоносности, с которой мы кусали за пятку каждого продвигающегося мыслителя; когда, потерпев поражение в нашей борьбе против разума, мы переходили на двойной язык, восхваляя одной вилкой добродетели, которые мы отравляли другой. Теперь мы деградировали вместе с ним навсегда, связанные с ним этими кольцами, отмеченные совершенными нами грехами'.

Именно благодаря реальному опыту древние так часто считали ночных животных разновидностями дьяволизма. Им соответствует бессонная деятельность морально не пробужденных людей. Животное - это спящий человек. Его страсти и инстинкты проявляются в том, что для рационального человека было бы снами. Во сне, особенно под влиянием болезни, человек может психически зайти очень далеко и пройти через псарни и ячменя, которые являются таковыми даже тогда, когда несколько украшены обрывками знакомого человеческого окружения. Ночная форма интеллекта - это хитрость; затемнение религии - это суеверие; темная тень, падающая на любовь, превращает ее в похоть. Эти волки и летучие мыши, у которых нет идеала, не рыщут и не порхают по человеку в своих естественных формах: в полусонном сознании, чей звездный свет сопровождает человека среди его тьмы, их туманные очертания расплываются, а в лихорадочном непросветленном сознании они становятся фантазмами его анимализма — оборотнями, вампирами. Пробуждение разума в любом животном происходит на всех этапах мозговой и социальной эволюции. Мудрый человек сказал своему сыну, который боялся входить в темноту: 'Иди дальше, дитя; ты никогда не увидишь ничего хуже себя'.

Заячья губа, которую мы иногда видим на человеческом лице, имеет задержку развития. Каждая губа на каком-то эмбриональном этапе является заячьей губой. Развитие видимой части человека продолжалось гораздо дольше, чем его интеллектуальная и моральная эволюция, и отклонения в ней редки по сравнению с количеством пережитков животного мира в его характере, вере и манерах. Преступники - это люди, живущие за счет своего приостановленного морального развития. Те, кто считает, что их подстрекает дьявол, - это те, чей арест носит ментальный характер. Око разума справится и с тем, и с другим более эффективно, потому что с таким же небольшим гневом, какой хирург испытывает к заячьей губе, он старается очеловечить ее.

Впечатляющим фактом является то, что великий и благоговейный ум Спинозы, размышляя над проблемой Зла и теологией, которая приписывала его дьяволу, был бессознательно вынужден более чем на столетие предвосхитить первые (современные) научные предположения о принципе Эволюции. В его раннем трактате "О боге и человеке" есть такая короткая, но важная глава —

‘De Diabolis. Если Дьявол - Существо, во всех отношениях противоположное Богу, не имеющее ничего от Бога в своей природе, то у него не может быть ничего общего с Богом.

"Если бы он считался мыслящим Существом, как это хотят представить некоторые, которое никогда не желает и не совершает ничего доброго и которое во всех случаях противопоставляет себя Богу, он, несомненно, был бы очень несчастным существом, и, если бы молитвы могли что-то для него сделать, его поправку можно было бы очень просить.

Но давайте спросим, мог ли столь жалкий объект существовать хотя бы мгновение; и, задав вопрос, мы сразу увидим, что это невозможно; ибо от совершенства вещи проистекает ее способность к продолжению: чем большим количеством Существенного и Божественного обладает вещь, тем она долговечнее. Но как вообще мог существовать Дьявол, в котором не было и следа совершенства? Добавьте к этому, что стабильность или продолжительность мыслящего существа полностью зависит от его любви к Богу и союза с Ним, и что противоположность этому состоянию в каждом конкретном существе предполагается в Дьяволе, очевидно, что такое существо вообще не может существовать.

"И тогда действительно нет необходимости предполагать существование дьявола; ибо причины ненависти, зависти, гнева и всех подобных страстей достаточно легко обнаружить; и нет никакого повода прибегать к вымыслу, чтобы объяснить зло, которое они порождают".

В ходе своей переписки с самыми учеными людьми своего времени Спиноза подвергался суровым расспросам относительно его взглядов на человеческую порочность, непослушание Адама и так далее. Он сказал — чтобы сократить свои ответы, — что если в людях есть какое-то существенное или позитивное зло, то Бог является автором и продолжателем этого зла. Но то, что в них называется злом, - это степень их несовершенства по сравнению с более совершенными. Абстрактно, Адам - это человек, поедающий яблоко. Само по себе это не является злым действием. Поступки, осуждаемые в человеке, часто вызывают восхищение у животных, как ревность голубей, и рассматриваются как свидетельство их совершенства. Хотя человек должен обуздывать силы природы и направлять их в своих целях, было бы суеверием

предполагать, что Бог разгневан на такие силы. Ошибочно со стороны человека считать свои маленькие неудобства препятствиями на пути к Богу. Позвольте ему отстраниться от рассмотрения, и ничто не будет сочтено дурным. Все, что существует, существует в силу своего совершенства для своих собственных целей, которые могут быть целями людей, а могут и не быть ими.

Афоризм Спинозы 'От совершенства вещи проистекает ее способность к продолжению' - это самое раннее современное изложение доктрины, которая сейчас называется "выживает наиболее приспособленный". Понятие дьявола предполагает солицизм существа, выживающего из-за своей непригодности к выживанию.

Спиноза был Коперником морального Космоса. Великий немец, который открыл людям, что их маленькая планета не является единственным центром и единственной заботой природы, вывел человеческий разум из замкнутого пространства и дал ему вселенную. Но догма все еще цеплялась за тайник; где, на самом деле, каждая секта все еще остается, считая свой небольшой интерес целью солнечной системы, а все, что находится за ее пределами, - частью бесчисленного воинства, возглавляемого Князем Зла, чья вечная война ведется против того грозного проповедника, чья проповедь сеет ужас по всему пандемониуму. Но для рациональных людей все это закончилось, и его упадок начался, когда Спиноза предостерег людей от того, чтобы смотреть на моральную вселенную с точки зрения их эгоизма. То создание шкафа, законы которого, как считалось, то действовали, то приостанавливались в соответствии с делами людей, исчезло, и человек был приведен к обожанию Всего.

Ничтожно мало того, что человек может поранить голову змеи, если ее клык все еще хранит свой яд так глубоко в его разуме, что очерняет всю природу чувством торжествующей злобы. На взглядсудебного человека, которому поручено решать каждое дело без подкупа в своих собственных интересах как конкурирующему животному, змеиный клык является одним из наиболее совершенных приспособлений средств для достижения целей в природе. Если бы в каждом человеческом разуме было соответствующее совершенство, мир осуществил бы мистическую мечту Востока, который дал одно имя змеям, кусающим их в пустыне, и серафимам, поющим вокруг вечного престола.

'Проклят тот еврей, который либо будет есть свинину, либо позволит своему сыну обучаться греческой учености'. Так говорит Талмуд голосом, переданным из 'царства священников' (Исход. хіх. 6). С алтаря 'неотесанного камня' обрушилось проклятие на Искусство и на расу, которая олицетворяла культуру, возводящую свой инструмент на грубость природы. Это проклятие Талмуда в ужасе отшатнулось. Еврейское духовенство имело своего сына в лице Петра с его видением чистых и нечистых животных и повелением: 'Убей и ешь!' Этот наследник священнического иудаизма необразован "в учености греков", следовательно, его способ обращения язычников — *гоев* — состоит в том, чтобы обратить их в христианскую протоплазму. "Убивай и ешь", - таков был клич избранных, и их первой жертвой стал еврей по отцовской линии, который научил их, что свинина и греческий относятся к одной категории.

Но был еще один еврейский народ, не состоявший из священников. В то время как священническое царство олицетворяется в Ионе, объявляющем о разрушении Ниневии, который, поскольку великий город все еще существует, упрекает Иегову, у нации поэтов теперь есть свой Иегова II. который видит унижение племенного духовенства как засохшую тыкву по сравнению с искусством, богатством и человеческими интересами языческого города. 'Господь покался'. Первое Евангелие язычникам заключается в этой кроткой мысли о необрезанных ниневитянах. Но до него дошло слишком поздно. Когда это нашло выражение во Христе, приветствовавшем греков и видевшем в камнях возможных "детей Авраама"; в Павле, признавшем долг перед варварами и взявшем свои тексты с греческих алтарей или поэтов, эволюция идеального элемента в еврейской религии значительно продвинулась вперед. Но исторические комбинации возвели иудействующих на трон, и вся ограниченность их священства была воссоздана как христианство.

Медная колонна, в полый середине которой был заключен тонкий мозг Сведенборга, является подходящим подобием христианской формулы. Все моральное отношение христианства к природе представлено в его первом видении. О начале его духовного пути возвещает испарение его животной природы в виде паразитов. Присутствует христианский ад, и эти части тела животных сожжены. Среди этих сожженных сил Сведенборга одной из змей, должно быть, был его интеллект. "С того дня я отказался от всех мирских знаний".

Здесь мы имеем идеального христианина, попавшего в свой рай, даже когда виден его внешний облик. Но что, если бы мы все стали такими? Предположим, что все животные силы и желания испарились бы из человечества и были бы сожжены дотла! Если бы это произошло сегодня, эффект на следующий день был бы лишь слабо выражен в том, что было бы вызвано внезапным испарением пара из всех двигателей мира. Мы можем представить себе группу филантропов, крайне обеспокоенных количеством аварий, связанных с паровозостроением, которые сговорились бы отправиться на рассвете во все паровозостроительные мастерские и станции Англии и, как раз в тот момент, когда паровозы собирались приступить к своей работе, погасить их огонь, выпустить пар и прекратить работу. Это было бы лишь кратковременным параличом работы одной страны; но каков был бы результат, если бы животная природа человека и ее желания, работы и ремесла, которые служат "помпезности и тщеславию", всем мирским целям и радостям, были бы сожжены в огне фанатизма!

Однако христианство поставило перед собой эту роковую цель, столь противоположную тому великому сердцу, в котором отражался прекрасный мир, его лилии и маленькие дети, и где любовь проливали свои лучи на праведных и неправедных! Организующим принципом христианства было то, что распяло Иисуса и сделало его гробницу краеугольным камнем системы, созданной по образцу того, что он ненавидел. Его центральной целью было осуществить разделение между моральной и животной природой человека. Один называется плотью, а другой духом; один был дитя Божье, другой - дитя дьявола. Оно разрывало на части то, что на самом деле было единым целым; вся его история, пока оно было серьезным, была фанатичным усилием насильственно разъединить эти две половины, вечно стремящиеся к гармонии; его история с тех пор, как была разоблачена его ложь, была лицемерием, когда на словах заявлялось о том, что невозможно на деле.

Рядом с христианским видением Сведенборга, в котором проклятие иудейского священника свинской греческой учености нашло апофеоз, давайте поставим видение еврейского провидца, в котором нашла выражение человечность, пощадившая Ниневию. Провидец - Филон, имя, по праву принадлежащее тому чистому разуму, в котором звездные идеалы его семитской расы заключали в себе чувственную красоту, которая одна могла дать им жизнь. Филон (Præm. et Pnis, с. 15-20) описывает как первую радость искупленной земли прекращение войны между человеком и животным. Эта война закончится, говорит он, 'когда дикие звери в душе будут приручены. Тогда самые свирепые животные подчинятся человеку; скорпионы потеряют свои жала, а змеи - свой яд. И, в результате подавления той давней войны между человеком и животным, война между человеком и человечиною также закончится'.

Здесь мы выходим из бронзовой колонны Сведенборга, мы проходим мимо меча Петра под названием "Убей и съешь", мы оставляем позади проклятие Талмуда свиньям и учености: мы поднимаемся к ясному видению еврейского пророчества, в котором лев и ягненок лежали вместе, ребенок вел дикие силы, покоренные культурой.

‘Почему Бог не убил Деббила?’ - спросил Человек Пятница. Это вопрос, на который не ответила даже психология, почему ни одна Теология до сих пор не предположила смерть дьявола в прошлом или не предсказала нечто большее, чем цепи для него в будущем. Без сомнения, необходимость "кнута палача, чтобы привести негодяя в порядок" может частично объяснить это; но с этим, возможно, сочеталась причина, о которой приятнее думать — дьяволы, поскольку животные страсти в избытке, даже аскет отшатывается от их уничтожения, с инстинктом, подобным тому, который удерживает крыс от прогрызания дыр в днище корабля.

In Goethe's 'Faust' we read, *Doch das Antike find' ich zu lebendig*. Это критика наготы греческих форм, которые появляются в классической Вальпургиевой ночи. Но авторитет нехорош: это Мефистофель испытывает отвращение при виде человеческих форм, и он говорит, что их, по современной моде, следовало бы замазать пластырем. Его чувства возобладали в Ватикане, где античные статуи и великие картины Микеланджело свидетельствуют о непомерной чопорности папского ума. "Дьяволы - это наши грехи в перспективе", - говорит Джордж Герберт.

Геродот (ii. 47) говорит: 'Египтяне считают свинью нечистым животным, и поэтому, если человек, проходя мимо свиньи, прикоснется к ней только своей одеждой, он немедленно идет к реке и ныряет в нее; и, во-вторых, свинопасы, хотя и коренные египтяне, являются единственными людьми, которым запрещено входить ни в один из их храмов'. Египтяне, говорит он, не приносят в жертву козла; 'и, действительно, их художники и скульпторы изображают Пана с лицом и ногами козла, как это делают греки; не то чтобы они воображали, что это его настоящий облик, поскольку они думают, что он похож на других богов; но почему они изображают его таким образом, я предпочел бы не упоминать'. Нам не нужно чувствовать такую же чопорность. Египтяне справедливо рассматривали символ сексуального желания, от здорового проявления которого зависело продолжение жизни, как совершенно иной вид

анимализма, чем тот, который символизируется в любви свиньи к отбросам. Их ассоциация козла с Паном — страстной энергией природы — была естественным предисловием к искусству Греции, в котором дикие силы получили свой первый урок — воздержание. Пан становится музыкальным. Энергия и витальность человеческой натуры проявляются в полных, но не чрезмерных пропорциях Аполлона, Афродиты, Артемиды и других ярких фигур, в гармонии, которую Пан исполняет со своей трубкой. Греческая статуя - это воплощенная душа и одушевленное тело.

В юности я имел счастье знать двух людей, в лица которых я взглянул и увидел трон Гения, озаренный Чистотой. Один из них, Ральф Уолдо Эмерсон, писал: 'Если красота, мягкость и вера в женские формы оказывают свое собственное влияние, то считается, что даже пороки, в незначительной степени, улучшают выражение лица'. Другой, Артур Хью Клаф, писал: 'То, что мы все любим, - это добро, смешанное со злом'. Вот два отважных цветка, один из которых вырос из колючего стебля пуританства, другой - из монашеских корней Оксфорда. 'Пороки', которые могли бы улучшить выражение лица даже для чистых глаз Эмерсона, - это те, которые представляют борьбу человеческой природы за существование в истине, хотя и в ложном направлении и противодействии, среди благочестивого лицемерия. Оксоновский ученый достаточно насмотрелся на условное бесхарактерное 'добро', чтобы страстно желать какого-нибудь признака жизни и свободы, даже если это должно быть прикосновением 'зла'. Для художника природа никогда не предстает окаменевшей; это как на самом деле, так и в буквальном смысле *становление*. Зло, которое он видит, - это "добро в процессе становления": то, что другие называют пороками, - это голоса в пустыне, подготавливающие путь к высшему.

'Бог и дьявол составляют всю Религию, — сказал Николи, говоря, возможно, лучше, чем сам знал. Мировая культура показала, что когда-то противоположные сферы человеческих интересов, столь персонифицированные, одинаково важны. Именно благодаря этому опыту дьявол получил такое широкое признание у поэтов — как в 'Люцифере' Раписарди, настоящем 'несущем Свет', и в 'Сатане' Крэнча. Из последнего произведения ("Сатана: либретто". Бостон: Братья Робертс, 1874), которое должно быть более широко известно, я процитирую несколько строк. Сатана говорит —

Я символизирую дикость и глубину

И невозобновляемые отходы жизнедеятельности,

Смуглый , с передающимися расовыми наклонностями

И слепая случайность; все грубые ошибки воли

И тенденция, несбалансированная должным весом

Благоприятствующих обстоятельств; вся страсть улетучена

Блуждающими ветрами; весь избыток силы

Сложен для использования, но соскальзывает со своего основания

Закона и порядка.

Это та самая сфера, в которой поэт и художник находят свои чистые жилы, откуда возникают формы, преображенные в их видении.

Чтобы вызвать Елену, Фауст, как мы видели, должен отправиться к Матерям. Но кто это может быть? Они сияют со страниц Гете такими переливчатыми красками, что невозможно передать их смысл. Только что они казались мне изначальными условиями, выполняя которые можно достичь чего угодно, без которых - ничего. Но сейчас (хотя, возможно, разница невелика) Я вижу, что Матери - это древние здоровые инстинкты и идеалы нашей расы. Они обрели форму в формах искусства, эволюцией которых была гармония человека с самим собой. Христианство, позаимствовав гром одного бога, молот другого, сокрушило их — сокрушило наших Матерей! И теперь ученые путешественники странствуют по многим землям, говоря: 'Видели ли вы моего возлюбленного?' Среди разрушенных и погребенных городов мы пытаемся восстановить их, подбирая конечность к конечности — так тщательно! как будто наполовину осознавая, что мы снова собираем воедино фрагменты нашей собственной человечности.

Дьявол: Существует ли он и что он делает? Так называется недавняя работа отца Делапорта, профессора догматики Бордосского факультета. Он дает конкретные указания по изгнанию бесов с помощью святой воды, крестного знамения и других амулетов. 'Эти меры,' говорит один из его американских критиков, 'могут очень хорошо противостоять французскому дьяволу; но наш американский Вельзевул - властелин, который не поддается ни на какие подобные намеки'. Отец Делапорте вряд ли стал бы утверждать, что использование креста и святой воды в течение тысячи лет эффективно помогало свергнуть европейского Вельзевула.

В целом я склонен предпочесть метод африканцев Гвинейского побережья. Они верят в особенно отвратительного дьявола, но говорят, что единственная защита, которая им нужна от него, - это зеркало. Если кто-нибудь будет держать рядом с собой зеркало, дьявол должен увидеть себя в нем, и он сразу же убегает в ужасе от собственного уродства.

Ни одно чудовище, когда-либо созданное воображением, не является более отвратительным, чем разумное существо, превратившееся в зверя. Именно таково каждое человеческое существо, которое низвело свои более благородные силы, чтобы стать рабом своей животной природы. Ни один глаз не мог равнодушно смотреть на это страшное зрелище. Все, что нужно человеку, - это настоящее зеркало, в котором его собственный анимализм мог бы увидеть себя. Мы не можем заимствовать для этой цели ни искусство Греции, ни сказочные идеалы Германии, ни выхолощенных святых христианского мира. Это были всего лишь фрагменты человека, созданного сочетанием их сил, и их несколько идеалов - это осколки, которые не могут отразить все существо человека в его пропорциях или диспропорциях.

Только высшая природа человека, отшлифованная культурой всех его способностей, может быть верным зеркалом перед его низшей природой. Чистота этого зеркала в сердце человека зависит главным образом от цивилизации и знаний, окружающих его. Открытый закон превращает некогда правдоподобные теории в ложь; благородная литература превращает некогда популярные книги в мусор. Когда искусство интерпретирует реалии природы, когда оно

показывает, на сколько красоты и чистоты способна наша человеческая природа, оно служит зеркалом перед всеми уродствами. В театре лондонского Сити я был свидетелем выступления актера, который во время исполнения своей роли ударил ребенка. В ответ на его похвалу с переполненной галереи раздался ураган шипения. Неужели те 'боги' там, наверху, никогда не били детей? Возможно. Но здесь перед каждым было зеркало, и он отшатнулся от своего худшего "я". Священник рассказывает, что, рассматривая картины в музее Бетнал-Грин, он услышал, как бедная женщина, смотревшая на Мадонну, сказала: 'Если бы у меня был такой ребенок, я думаю, я могла бы стать хорошей женщиной'. Кто может сказать, чего может стоить даже один взгляд на ее жизнь в "идеальном отражателе" для этой странницы среди страданий и соблазнов Лондона!

Тем, кто видел высокое и святое, нелегко отдавать свои сердца тому, что низко и нечестиво. Для человеческой природы так же естественно любить добродетель, как и любую другую красоту. Внешняя красота видна всем, и все желают ее: внутренняя красота не видна поверхностному взгляду, но восхищение, проявляемое даже к ее подделкам, показывает, насколько естественно восхищаться добродетелью. Но для того, чтобы очарование этой нравственной красоты могло быть прочувствовано человеческой природой, оно должно быть соотнесено с этой природой — реальным. Это не должен быть какой-то детский идеал, который не отвечает потребностям современного человека; не что-то импортированное из того времени и места, где оно имело смысл и силу для других, где у него их нет.

Когда догмы, сохранившиеся от первобытного мира, заставляют взглянуть на себя в зеркало, которое держит Наука, они кричат: 'Это не мое лицо! Вы карикатурируете на мои верования!' Это отвращение суеверия от его собственного уродства - победа религии. То, что священники называют неверием, - это бегство веры от своих уродств. Невежественная набожность доказывает свою потребность в Науке страхом перед ней, подобным страху лошади при первом взгляде на своего лучшего друга, носителя ее ноши — локомотив.

Религия, как и любая другая возвышенная черта человеческой природы, имеет своего животного двойника. Анималистическая религия - это суеверие. Оно имеет различные выражения — низость одной формы, свирепость другой, коварство третьей. Оно не осознает ничего более высокого, чем анимализм. Его бог - очень большое животное, охотящееся на других животных, которых кладут на его алтари; или довольное, когда животные поменьше отказываются от своей части земного пиршества, утоляя голодом свои страсти и чувства. С ростом цивилизации и интеллекта этот благочестивый аскетизм раскрывается в своей истинной форме — усиленном анимализме. Аскетизм одной эпохи становится потаканием своим желаниям в другую. Двуногое животное, обнаружив, что его бог не ест мясо, оставленное для него, ест его само. Узнав, что он получает столько же от своего бога с помощью облатки и молитвы, он предлагает их и сохраняет дары, сокровища и удовольствия, замененные таким образом, — которые, однако, выводятся из-под руководства высшей природы тем фактом, что они получены в условиях низшей природы и зависят от их постоянства. С течением времени формы и формулы религии, оторванные от всей реальности — такие, каких не мог пожелать ни один мыслимый монарх, — не только становятся бессмысленными, но и зависят от их бессмысленности в плане продолжения существования. Они вообще отказываются входить в

сферу разума или здравого смысла и доверяют умственному оцепенению масс, силе привычки в совокупности, своекорыстию богатых и могущественных, взяткам мыслителям и ученым.

Анимализм, замаскированный под религию, должен сделать невозможным человеческую религию, способную превратить страсти в божественные атрибуты совершенной мужественности, пока она продолжается. То, что человеческая религия может когда-либо возникнуть в результате какого-либо процесса эволюции из суеверия, которое может существовать только благодаря служению низменным мотивам, является заблуждением. Единственная надежда общества состоит в том, что его независимые умы смогут обрести культуру и настолько окружить это неувядающее чудовище зеркалами, что оно может погибнуть от стыда за свои многочисленные уродства. Они символизируются в многоголовом призраке, который является предметом данной работы. Демон, Дракон и Дьявол долгое время парализовывали лучшие силы человека, населяя природу ужасами, сердце страхами и заставляя само религиозное чувство претворять в жизнь в истории худшие эксцессы, с которыми оно якобы боролось в своих воображаемых противниках. Моя самая большая надежда состоит в том, что из охраняемого драконом колодца, где Истина слишком сильно скрыта, она сможет вынырнуть достаточно далеко, чтобы поднести свое зеркало к этим призракам страха и далеко направленными лучами отправить их обратно в их пещеры, в Хаос и древнюю Ночь.

Зубчатые стены монастырей колледжа Магдалины в Оксфорде увенчаны множеством фигур, олицетворяющих добродетели и пороки, с вырезанными аллегориями учения. Под окном губернатора изображены пеликан, кормящий своих детенышей грудью, и лев, олицетворяющий нежность и силу Повелителя молодежи. Далее следуют профессии — юрист, обнимающий своего клиента, врач со своей бутылкой, богослов, подобный Моисею, со своими скрижалями Закона. Далее идут убийцы Голиафа и других мифических врагов. Мы сталкиваемся с более реальными, хотя и чудовищными врагами; с Обжорством в церковных одеждах, с высунутым языком; и с низко надбровной Роскошью без всяких одеяний, с широко раскрытым звериным лицом на животе, с таким же вывалившимся языком — как в наших фигурах Тифона и Кали. У пьянства три звериные головы — одна у деградировавшего человечества, другая у овцы, третья у гуся. Жестокость — это оборотень; ламия с лягушачьим лицом олицетворяет ее смесь с Похотью; а другие пороки представлены другими чудовищами, главным образом драконами в облике грифонов, пока не будет достигнут последний — Дьявол, который находится прямо напротив символов Губернатора по всему четырехугольнику.

Так представлялся конфликт Ормузда и Аримана несколько столетий назад молодым солдатам, которые записывались в Оксфорд для этой борьбы. Определенная доля фантазии была вложена в исполнение фигур; но, если тщательно отделить это, историю, которую я попытался рассказать в этих томах, можно в общих чертах проследить по статуям Магдалины. Каждый из них представляет собой определенную фазу развития мира, когда в новых чрезвычайных ситуациях более ранние символы были изменены, рекомбинированы и в настоящее время заменены новыми формами. Было сочтено недостаточным заставлять ученого бросать камни в мумию Голиафа, когда рядом с ним находился живой Обжора в религиозном облачении. Символы Священного Писания постепенно смешиваются с символами греческой и немецкой

мифологии, и благодаря такому контакту с природой они способны создавать формы, чьи высунутые языки, широко раскрытые рты и другие выражения лица с некоторой реалистичностью отражают физиономию жестокости, выпущенной на свободу из-за признания человеческого облика и силы.

Возможно, когда они были установлены, молодой оксонианин с содроганием проходил мимо этих ужасных форм, боялся этих оборотней и суккуб и мечтал отправиться пронзять драконов. Но теперь скульптуры вызывают только смех или любопытство, когда мимо них не проходят незамеченными. И все же древний конфликт между Светом и Тьмой не прекратился. Его древние формы исчезают; они становятся гротескными. Таков был неизбежный случай, когда чрезмерные мифологические и причудливые элементы, привнесенные в один период, попадают в другой период, когда они скрывают смысл. Их безвестность даже для антикваров показывает, как далеко ушла от тех холодных полей сражений борьба, которую они символизировали. Но она не прекращается. Некоторые ученые, слушающие сладостную вечерню Магдалины, могут подумать, что конфликт исчерпан; если это так, то даже бедный брат Муди может войти в истинное царство раньше их; ибо, проповедуя в Балтиморе в сентябре прошлого года, он сказал: "Люди одержимы бесами точно так же, как и раньше. Ромовый дьявол так же велик, как любой из когда-либо живших. Почему этот и все остальные не могут быть изгнаны? Потому что в христианском лагере царит грех."

Картина, завершающая этот том, была сделана для меня художником Хеннеси, чтобы запечатлеть инцидент, произошедший прошлым летом у дверей театра Парижской Богоматери. Я рассматривал там уродливого дьявола, топчущего человеческие формы в ад; но мой дорогой друг посмотрел выше и увидел птицу, нависающую над своими детенышами в гнезде, поддерживаемом той же самой ужасной головой.

Итак, над символами гнева в природе Любовь все еще переплетает небесные оттенки с тайной жизни; рядом с рогами боли готовит мелодии.

Точно так же над анимализмом, который уродует человека, возвышается животное совершенство, которое позорит его; оно поднимается над царством насилия силой пера и обеспечивает этому маленькому созданию нежность, которая могла бы лучше всего выразить сердце Христа, когда оно собирало человечество под свои крылья.

Та же самая маленькая сцена у дверей собора снова возникла передо мной, когда я увидел оксоновскую молодежь с их утренними лицами, так беззаботно проходящую мимо древних скульптур в Магдалине. Над каждым счастливым сердцем витала все та же старая любовь, в каждом птенце способности пытались обрести свои крылья. К чему они будут стремиться, эти студенты, с таким беззаботным сердцем движущиеся среди мертвых драконов и сатаны исчезнувшего мира? Они думают, что драконов, которых нужно убивать, больше нет? Знают ли они, что говорится: "Он сошел в ад"; и что от Орфея и Геракла до Магомета и Сведенборга это бремя ощущают те, кто хотел стать спасителями людей?

Не только любящие птицы выют гнезда и воспитывают птенцов на рогах забытых страхов, но, увы! и гарпии тоже! Те, кого Данте видел гнездящимися в неподвижных растениях — когда—то люди, причинившие зло самим себе, - воспитывают преемников выше устремлений, которые

закончились"ничем, кроме листьев'. Скульптуры Магдалины не завершены. В четырехугольнике есть пустая сторона, которая, следует опасаться, ожидает более истинного учения, которое наполнило бы его настоящими драконами, мимо которых ни один юноша не смог бы пройти беспечно. Кто может высечь на них зло, ожидающее своего исправления? Кто может выставить перед ними, со всей его низостью, истинную эмблему благочестивого мошенничества? Когда они увидят в каком-нибудь каменном зеркале истинный облик двуязычной Культуры — один произносит литании вилкой, другой шепчет презрение к ним? Оборотни научного эгоизма, Ламии христианской казуистики, тонкий разум, который питается мудрецами и героями, но превращает их в пыль, нет, в яд, потому что он не смеет быть человеком, все еще ползает — им еще предстоит раскрыться во всех своих ужасах. Тогда древний клич "Sursum Corda" прозвучит над древними символами, на которые ученые тратят свои силы, и которыми они побеждены; и крылья мужества понесут их со стрелами света, чтобы спасти от суеверий святыне места Человечества.

Краткое примечание: Привет! Я Джули, женщина, которая управляет Global Grey - веб-сайтом, на котором эта электронная книга была опубликована бесплатно. Это мои собственные издания, и я надеюсь, что вам понравилось читать именно это. Чтобы поддержать сайт и позволить мне продолжать предлагать эти качественные (и совершенно бесплатные) электронные книги, пожалуйста, подумайте о том, чтобы [пожертвовать небольшую сумму](#) (если вы уже пожертвовали - спасибо!). Это помогает сократить расходы на сайт, и любая сумма приветствуется.

Спасибо, что прочитали это, и я действительно надеюсь, что вы снова посетите [Global Grey](#) - новые книги добавляются регулярно, так что вы всегда найдете что-то интересное :)

Примечания

[←1]

‘Трактат о духах’. Джон Бомонт, джентльмен. Лондон, 1705.

[←2]

От Луки х. 19.

[←3]

Откр. xii.

[←4]

Откр. xii. ср. стихи 4, 9 и 14.

[←5]

Откр. xii. 12.

[←6]

"Зендавеста", Ячна XXX.; Макс Мюллер, "Наука о религии", стр. 238.

[←7]

Ясна xliii.

[←8]

‘Die Christliche Lehre von der Sünde.’ Von Julius Müller, Breslau, 1844, i. 193.

[←9]

‘Ормазд привел ко мне помощь; по милости Ормазда мои войска полностью разгромили армию мятежников, взяли Ситратахмеса и привели его ко мне. Тогда я отрезал ему нос и уши и выпорол его. Его держали прикованным к моей двери. Все королевство смотрело на него. Впоследствии

я распял его в Арбеле'. Так гласит табличка Дария Гистаспа. Но что мог сделать Дарий "милостью Аримана"?

[←10]

Ср. откр. ст. 6 и xii. 15.

[←11]

'Молитва и труд'. Октавиус Б. Фротингем. Нью-Йорк, 1877.

[←12]

'Lucifero, Poema di Mario Rapisardi.' Milano, 1877.

[←13]

E quanto ebbe e mantiene a l'uom soltanto

Il deve, a l'uom che d'oqui sue destino

O prospero, o maligno, arbitro e solo.

"Всем, что у него (Бога) было, он был обязан только человеку, человеку, который, хорошо это или плохо, является единственным вершителем своей судьбы". — *"Люциферо" Рapisарди.*

[←14]

Нижеследующее сокращение в основном соответствует сокращениям Джеймса Фримена Кларка в его "Десяти великих религиях".

[←15]

Белая или Снежная гора. Ср. Альп, Эльф и др.

[←16]

"Сначала придет Илия и все восстановит".

[←17]

То, что этот сатирический гимн был включен в Ригведу, показывает, что эти гимны были собраны, когда они все еще находились в руках древних индуистских семей как *общая* собственность, и еще не были исключительной собственностью брахманов как касты или

ассоциации. Дальнейшее свидетельство того же рода дает гимн, в котором встречается выражение— ‘Не будь таким ленивым, как брахман'. "*Древняя и средневековая Индия*" Мэннинга, i. 77. В той же работе даются некоторые сведения о лицах, упомянутых в этой главе. Сатира на лягушку переведена Максом Мюллером, A. S. L., стр. 494.

[←18]

‘Аричандра, мученик Истины: тамильская драма, переведенная на английский Муту Кумарой Свами, мудляром, членом Законодательного совета Ее Величества Цейлона’ и др. Лондон: Smith, Elder, & Co. 1863. Эта драма, о которой следует постоянно помнить, ни в коем случае не представляет собой ведическую легенду, рассказанную в "Айтерея-Брахмане", vii. 13-18; ни пураническую легенду, рассказанную в "Меркандея-пуране". Я изменил написание имен на санскритские формы, но в остальном следуя переводу сэра М. К. С.

[←19]

Шива; ‘владыка мира’ и богатства. Ср. Плутон, Исчезающий, Ныряющий.

[←20]

Фес. Евр., стр. 94.

[←21]

Неб. Рукопись, стр. 90.

[←22]

Или Яхве. Я предпочитаю использовать наиболее известный термин в случае, когда более точное написание не добавляет значения.

[←23]

Это, самое величественное из всех элоистических имен, стало ближайшим еврейским словом для обозначения дьяволов — *шедим*.

[←24]

Даже его ревнивый приказ против соперников, *то есть* "истуканов", должен был быть принят вместе с историей об истуканах Лавана (Быт. xxxi.), когда, хотя "Бог пришел к Лавану", идолопоклонство не было осуждено.

[←25]

Действительно, нет уверенности в том, что это Сияние не могло быть отдельно персонифицировано в 'Эдут' (в переводе "свидетельство" в английской версии, Исход. xvi. 34), перед которым был поставлен горшок с манной. Это слово означает "сияние", и доктор Уиллис предполагает, что оно может быть связано с Адодом, финикийским богом Солнца (Пятикнижие, стр. 186).

[←26]

Что касается Библии, важно не путать сатану с Дьяволом. Сатана, как будет видно, когда мы перейдем к тому, какое особое отношение к нему требуется, ни в коем случае не является неизменно дьявольским. Например, в Книге Иова он предстает персонажем, далеким от враждебности к Иегове или добродетели.

[←27]

Name ist Schall und Rauch,

Umnebelnd Himmelsgluth.— Гете.

[←28]

'Таргум пророкам', Ионафан Бен Узиил. См. "Литературные останки" Дойча, стр. 379.

[←29]

См. стр. 46 и 255. Этот эпизод приведен в "Махабхарате", I. 15.

[←30]

Связан со славянским *квасом*, с помощью которого в русском фольклоре дьявол пытался обойти Ноя и его жену, как описано в гл. xxvii. часть iv.

[←31]

На санскрите *Адима* означает "первый"; на иврите *Адам* (почти всегда дается с артиклем) означает "красный" и обычно происходит от *адама*, плесень или почва. Но профессор Макс Мюллер (Наука о религии, стр. 320) говорит, что если имя *Адима* (используемое, кстати, в Индии для обозначения первого человека, как *Адам* в Англии) совпадает с именем *Адам*, "мы должны быть вынуждены признать, что Адам был заимствован евреями у индусов". Но даже в этом мягком падеже 'вождение' нет необходимости, поскольку это слово, как напомнил миру Сэйл, используется в персидской легенде. Вполне вероятно, что евреи импортировали это слово, не зная его значения, и поскольку оно напоминало их слово, обозначающее плесень, они

добавили лоска, что первый человек был сделан из праха или плесени земли. Не утверждается, что евреи получили свое слово непосредственно из индуистского или персидского мифа. Мистер Джордж Смит обнаружил, что Адми или Адами было именем первых людей в халдейских фрагментах. Сэр Генри Роулинсон указывает, что древние вавилоняне признавали две основные расы — адаму, или темную, и Сарку, или светлую; вероятно, это различие, о котором говорится во фразе Книги Бытия, между предполагаемыми сыновьями Адама и сынами Бога. Пала темная раса. Мистер Герберт Спенсер (*Принципы социологии*, Приложение) предлагает остроумное предположение, что запрет на определенный священный фрукт, возможно, был предоставлением светлой расе возможности противостоять темной, поскольку в Перу только Юка и его родственникам разрешалось есть стимулирующую куку. Если бы это было верно в данном случае, это все равно лишь отражало бы более раннюю традицию о том, что священный плод был законным достоянием божеств, победивших в борьбе за него.

В истории о Еве также нет недостатка в пережитках индийской традиции. Адам сказал: 'Теперь это кость от моей кости и плоть от моей плоти'. В Кодексе Ману (ix. 22) написано: 'Кость женщины соединена с костью мужчины, и ее плоть с его плотью'. Индийский Адам разделен надвое, став мужчиной и женщиной (Ямой и Ями). Эвальд (Hist. из Израиля, глава 1) поставил вопрос об отношениях между еврейской и индуистской традициями, как мне кажется, вне всяких сомнений. См. также Евр. Гольдциера. Мифол., стр. 326; и "Гностики профессора Кинга", стр. 9, 10, где кратко изложены исторические условия, при которых естественным образом произошел бы ввоз. Профессор Кинг предполагает, что парис и фарисей могут быть одним и тем же словом.

[←32]

Gen. vi. 1, 2, 4.

[←33]

vi.–xi. стр. 3-6. См. "Еврейский мессия" Драммонда, стр. 21.

[←34]

См. том i, стр. 255.

[←35]

Фил. Перевод. Ab. с 1700-1720 гг., часть iv. стр. 173.

[←36]

Gen. xxi. 6, 7. Английская версия разрушила смысл, поставив 'его' после 'рожденного'. Ср. Также стихи 1, 2. Раввины полностью осознавали важность утверждения о том, что именно Иегова "отверз чрево Сарры", и дополнили его различными традициями. Рассказывали, что, когда родился Исаак, цари земные отказались поверить в такое чудо, касающееся даже

девяностолетней красавицы; после чего груди всех их жен чудесным образом высохли, и всем им пришлось приносить своих детей к Саре, чтобы та покормила их грудью.

[←37]

Сороковая Параша, фол. 37, кол. 1. Солнечные — или, правильнее сказать, в том, что касается Сары, лунные — аспекты легенды об Аврааме, Саре и Исааке, какими бы важными они ни были, не влияют на человеческую природу, с которой они связаны; и особое служение, на которое они возлагаются в еврейской теологии, не изменяется теорией (если она окажется верной), выводящей этих персонажей из арийской мифологии. Кажется, есть некоторые основания предполагать, что Сара - это семитизированная форма Саранью. Эти двое находятся в примерно одинаковом типичном положении. Саранью, дочь Тваштара ('модельера'), была матерью первой человеческой пары, Ямы и Ями. Сара - первая мать тех, кто родился в новом (заключенном по завету) творении. Каждая из них на какое-то время скрыта от смертных; каждая оставляет своего мужа незаконным представителем. Саранью дает ей господина Саварну ('замену'), который через него рождает Ману, то есть 'Человека', но не изначального совершенного Человека. Сара заменяет Агарь ("мимолетную"), и рождается Измаил, но не в рамках завета.

[←38]

Gen. iii. 14. Зеров. Юмор, фол. 8, кол. 3. Parascha Bereschith. Сказано, что, согласно Притчу ххv. 21, если твой враг голоден, ты должен накормить его; и, следовательно, для змея нужно насыпать прах, когда его власть над человеком ослабевает из-за обрезания.

[←39]

Параша Берешит, фол. 12, кол. 4. Eisenmenger, *Entdecktes Judenthum*, ii. 409.

[←40]

История. Арабский.

[←41]

Интересуется юриспруденцией.

[←42]

Возможно, эту легенду имел в виду автор Книги Откровений, когда (xii. 14) описывал Женщину, получившую крылья, чтобы спастись от Змея. Крылья Лилит понесли ее к Змею.

[←43]

Инферно, ix. 56-64.

[←44]

Она была ливийской царицей, любимой Зевсом, чьи дети стали жертвами ревности Геры. Она была дочерью Бела, и это примечательное совпадение, если не больше, что в Быт. xxxvi. "Бела" упоминается как царь Эдома, владений Самаэля, который женился на Лилит.

[←45]

Военные и охотничьи обычаи немецких женщин, а также их равенство с мужчинами можно проследить в пережитках их упадка. *Ведьма* (Hexe) происходит от *hag* (лес): жриц, которые несли Метлу Тора, звали Хагдиссен. До семнадцатого века Ведьма называлась Друд или Труд (красный народ, связанный с богом Молнии). Но знаменитые женщины-охотницы и воительницы Водана, Валькирии, тоже назывались так; и сохранение эпитета (Труд) в благородном имени Гертруда является связующим звеном между немецкими амазонками и политической властью, которую так долго поддерживали женщины в той же стране. Их должность жриц, вероятно, знаменует собой шаг вниз по сравнению с их внешним равенством. Этим путем, как жрицы дьявольских божеств, они стали ведьмами; но многие народные легенды делали этих ведьм все еще великими наездницами, и, как говорили, дьявол превращался и ездил на них верхом, как на кобылах дэпплгри. Главное обвинение против ведьм - в плотской связи с дьяволами - также имеет большое значение. Подобно Лилит, женщины становились невестами дьяволов всякий раз, когда им не нравилось сидеть дома с прялкой и ребенком.

[←46]

Мистер У. Б. Скотт нарисовал прекрасную картину, на которой Ева с тоской смотрит на милого младенца на дереве, змея которого, извивающегося под ним, она не видит.

[←47]

"Записи прошлого", iii. стр. 83. См. также i. стр. 135.

[←48]

"Халдейское бытие" Джорджа Смита, стр. 70.

[←49]

Скопировано в 'Chald. Gen.', р. 91. Что касается связи этого рисунка с легендой об Эдеме, см. Главу vii. из этого тома.

[←50]

"Халдейское бытие", стр. 62, 63.

[←51]

Ib., 97.

[←52]

"Записи прошлого", ix. 141.

[←53]

Ану был правителем высших небес. Метеоры и молнии также рассматриваются в еврейской поэзии как посланники Всемогущего. (Псалом сіv. 4, "Который превращает своих служителей в *пылающий огонь*", цитируется в Евр. i. 7.)

[←54]

Им, бог неба, которого иногда называют Риммон (Громовержец). Он отвечает на юпитерианские тонаны латинян.

[←55]

Бездна или океан, где обитал бог Хеа.

[←56]

Покойный мистер Г. Смит говорит, что халдейский дракон был семиглавым. "Халдейское бытие", стр. 100.

[←57]

"Записи прошлого", vii. 123.

[←58]

"Записи прошлого", x. 127.

[←59]

См. i. стр. 46 и 255. О Кетеф см. Айзенменгер, ii. стр. 435.

[←60]

Исайя XIV. Может показаться, что в этом олицетворении упавшей звезды мы вступили в мифологическую область, отличную от той, что представлена ассирийскими табличками; но это не так. Демонические формы Иштар, Астарты, также являются упавшими звездами. Она появляется в Греции как Артемида Астратея, поклонение которой, как упоминает Павсаний, пришло с Востока. Ее развитие происходит через Астерию (греческую форму имени Иштар), в мифе о которой скрыто много ценных вавилонских преданий. Говорили, что Астерия бросилась в море и превратилась в остров, называемый Астерия, потому что он упал, как звезда с небес. Ее самоубийство состояло в том, чтобы вырваться из объятий Зевса, и ее побег от него в виде перепела, а также ее судьбу поучительно сравнить с историей Лилит, которая вылетела из Эдема на крыльях, спасаясь от Адама, и попыталась утопиться в Красном море. Дьяволизация Астерии (падшей звезды) произошла через ее дочь Гекату. Геката была женщиной-титаном, которая была самым могущественным союзником богов. Ее правление было высшим при Зевсе, и считалось, что все дары, ценимые смертными, исходят от нее; но она была суровой судьей и жестко лишала всех благословений тех, кто их не заслуживал. Таким образом, она была, как зоркое око Зевса, звездным шпионом на земле. Такие шпионы, как мы неоднократно имели возможность упоминать в этой работе, обычно развиваются в дьяволов. Из профессиональных детективов они превращаются в обвинителей и подстрекателей. Иштар у вавилонян, Астерия у греков и Дневная звезда у евреев - мужская и женская формы одной и той же персонификации: Геката со своим факелом (ἔκатор, "далеко стреляющий") и Люцифер ("несущий свет" на дела тьмы) одинаковы в своей деградации.

[←61]

"Потерянный рай", i. 40-50.

[←62]

А впереди едет принц Руперт, любимец фортуны и войны, с его красивым и задумчивым лицом двадцати трех лет, суровым и уже загорелым, но безбородым и с ямочками на щеках, с его темными и страстными глазами, с его длинными светлыми локонами, ниспадающими на дорожную вышивку, в его изящном алом плаще, шляпе с белым плюмажем и высокой и статной фигурой. Его высокородная красота навсегда сохранена для нас на полотнах Вандика, и поскольку итальянцы называли художника 'Il Pittore Cavalieresco', этот предмет его мастерства навсегда останется идеалом Il Cavaliere Pittoresco. И сейчас, когда он скачет во главе этого блестящего отряда, его прекрасная белая собака радостно скачет рядом с ним, это четвероногое, прославленное в памфлетах того времени, чья белоснежная шкура была испачкана множеством капель крови во время отчаянных вылазок его хозяина, но которое до сих пор спасалось так благополучно, что пуритане считают его привидением и пытаются уничтожить его "пойсоном и импровизированной молитвой, которая, однако, повредила ему не больше, чем мистеру Пиму чумной пластырь". Потерпев неудачу в этом, они объявляют милое создание "дивеллом"., не совсем откровенная дивелла, но какая-то лапландская леди, когда— то от природы красивая белая леди, а теперь благодаря искусству - красивая белая собачка." - *Обвинение принца Руперта*. Полковник. "Атлантические очерки" Хиггинсона.

[←63]

Иса. lxiii. 1–6.

[←64]

Фол. 84, кол. 1.

[←65]

Маарехет хаэлахут, фол. 257, кол. 1.

[←66]

Гесений, Евр. Словарь.

[←67]

Волосатость была довольно общей характеристикой дьяволов; отсюда, возможно, эпитет "Старый Гарри", *то есть* волосатый, применявшийся к Дьяволу. В 'Старых днях Декана', стр. 50, ракшаса описывается как волосатая: 'Ее волосы свисают вокруг нее густыми черными прядями'. Но борода редко досталась дьяволам.

[←68]

У Буслаефа есть прекрасная средневековая картина, изображающая дьявола, подстрекающего Каина бросать камни в тело его распростертого брата.

[←69]

Сорок одна восточная сказка.

[←70]

Соперничество между земледельцем и (кочевым) пастухом выражено в легенде о том, что Каин и Авель разделили мир между собой, причем один завладел движимым, а другой недвижимым имуществом. Каин сказал своему брату: "Земля, на которой ты стоишь, моя, тогда поднимись в воздух"; но Авель ответил: "Одежды, которые на тебе, мои, сними их". — *Мидраш*.

[←71]

Коран Сале, vii. Al Araf. Иблис, мусульманское имя дьявола, вероятно, является искажением слова *diabolus*.

[←72]

Перевод Нойеса.

[←73]

Айзенменгер, Entd. Jud. i. 836.

[←74]

Иов. i. 22, буквальный перевод которого звучит так: 'Во всем этом Иов не согрешил и не дал Богу несоленого'. Этот перевод я впервые услышал от доктора А. П. Пибоди, бывшего президента Гарвардского университета, от которого у меня есть записка, в которой он говорит: "Слово, которое я передал, "дал" подходит для жертвоприношения. Слово, которое я перевел как "несоленный", означает "настолько буквально"; и в Книге Иова vi. 6 оно переведено как "неприятный". Оно может обозначать глупость с помощью вполне естественной метафоры, и иногда так и делает; но в этом смысле слово — "дал" — слово-предложение - неуместно.' Уолтонус (Bib. Polyg.) переводится как "не нужно посвящать себя Богу"; если бы он перевел С помощью *insalsum* это было бы точно. Замечен ужас, с которым демоны и дьяволы, как предполагается, относятся к соли, i. 288.

[←75]

Гезениус так понимает стих 17 главы xiv.

[←76]

Этот во многом неправильно понятый и неправильно переведенный отрывок, xix. 25-27 (уже цитировавшийся), безусловно, относится к широко распространенному убеждению, что как против каждого человека существовал Дух Обвинения, так и за каждого был Дух Оправдания. Эти двое стояли соответственно справа и слева от весов, на которых добрые и злые поступки каждой души взвешивались друг против друга, каждый старался сделать свою сторону как можно более тяжелой. Но поскольку обвинения против него выдвигаются живыми людьми, причем на земле, Иов не готов считать небесное оправдание за гробом адекватным.

[←77]

'Царствие Небесное, обретенное молитвой'. Уильям Хантингтон, С.С. Это название объясняется как 'Спасенный грешник', иначе можно было бы понять, что буквы обозначают Выжившего сирийца.

[←78]

Число. xxii. 22.

[←79]

1 Цар. xxix. 4.

[←80]

2 Цар. xix. 22.

[←81]

1 Царств ii. 9.

[←82]

1 Царств, ст. 4.

[←83]

1 Царств xi. 14.

[←84]

1 Царств xi. 25.

[←85]

Zech. iii.

[←86]

Ср. откр. vii. 3.

[←87]

"Вид ада", подготовленный как одна из "Серий книг для детей и юношества" преподобным отцом Ферниссом, К.С.С.Р., с разрешения его Начальства.

[←88]

M. Anquetil Du Perron's 'Zendavesta et Vie de Zoroastre.'

[←89]

Как описано в книге мистера Алебастера 'Колесо закона' (Trübner & Co., 1871). В апокрифических Евангелиях о некоторых признаках радости природы, сопровождающих рождение Будды, сообщается при рождении Марии и Христа, например, о приостановке полета птиц и т. Д. Говорят, что Анна зачала Марию под деревом, как Майя под деревом родила Будду.

[←90]

'Мара, или Человек (санскрит Мара, смерть, бог любви; некоторыми авторами переводится как "иллюзия", как будто оно происходит от санскритского Майя), ангелы зла, желания, любви, смерти и т.д. Хотя царь Мара играет роль нашего сатаны-искусителя, он и его воинство некогда были великими раздавателями милостыни, что привело к тому, что они родились на высочайшем из небес Дэва, называемом Паранимит Васаватти, и прожили там более девяти тысяч миллионов лет, окруженные всей роскошью чувственности. С этих небес мерзкий, как его описывают сиамцы, спускается на землю, чтобы искушать и побуждать ко злу". —*Алебастр*.

[←91]

Одни говорят о Джемшиде, другие - о Гюншеспе, воине, отправленном в ад за то, что победил огонь.

[←92]

Жизнь Иисуса, ii. 54. Близкое сходство между испытанием Израиля в пустыне и испытанием Иисуса показано им по-своему виртуозно.

[←93]

Отрывок Песикты (iii. 35) представляет собой разговор между Иеговой и сатаной со ссылкой на Мессию, который имеет сходство с прологом книги Иова. Сатана сказал: Господи, позволь мне искушать Мессию и его поколение. 'Ему Господь сказал: у тебя не может быть власти над ним. Сатана снова сказал: Позволь мне, потому что у меня есть сила. Бог ответил: "Если ты и дальше будешь упорствовать в этом, я скорее уничтожу тебя из мира, чем допущу, чтобы хоть одна душа из поколения Мессий была потеряна'. Хотя раввин мог бы сообщить, что судебное разбирательство было отклонено, христианин заявил бы, что оно было вынесено.

[←94]

На своей фреске "Искушение" в Ватикане Микеланджело изобразил дьявола в одежде священника, стоящего рядом с Иисусом в Храме.

[←95]

‘Идолы и идеалы’. Лондон: Trübner & Co. Нью-Йорк: Henry Holt & Co. В Эссе о христианстве я изложил свои доводы в пользу этой веры.

[←96]

"Возвращенный рай", ii.

[←97]

"Генри Лурия, или маленький новообращенный еврей: содержится в воспоминаниях миссис С. Т. Козн, родственницы преподобного доктора А. Х. Козна, покойного раввина синагоги в Ричмонде, Вирджиния", 1860.

[←98]

"Герои и поклонение героям", iv.

[←99]

‘Сартор воскрешенный’. Лондон: Чепмен и Холл, 1869, стр. 160.

[←100]

‘Американский ученый’. Речь, произнесенная перед Обществом Фи Бета Каппа в Кембридже (Массачусетс), 31 августа 1837 года. Автор: Ральф Уолдо Эмерсон.

[←101]

Связь этой системы с системами различных стран изложена профессором Кингом в его работе "Гностики и их останки".

[←102]

В Архитектурном музее Вестминстера есть старая картина, на которой, возможно, изображен волосатый Адам.

[←103]

Иосиф Флавий; "Иудейские войны", vi. 1.

[←104]

Те, кто желает продолжить изучение этого предмета, могут обратиться к Плутарху, Филону, Иосифу Флавию, Диогену Лаэртскому; также Айзенменгер, Ветштейн, Эльснер, Даутай, Лайтфут, суп. Религ. и др.

[←105]

Смотрите "Сверхъестественная религия", тома i, главы 4 и 5, для получения обширных ссылок, касающихся этих суеверий как среди евреев, так и среди христиан.

[←106]

"Садуцизм", стр. 53.

[←107]

"Восточные утренние новости", цитируется в "Национальном реформаторе", 17 декабря 1877г.

[←108]

Много любопытной информации содержится в уже упоминавшейся работе, 'О пользе нового времени'. Par Monsignor Gaume, Protonotaire Apostolique. Париж, 1866 г.. Там говорится, что вода избежала проклятия; что соль производит плодородие; что дьяволы, временно изгнанные крестом, эффективно изгоняются святой водой; что святой Винсент, прерванный бурей во время проповеди, рассеял ее, плеснув в нее святой водой; и он советует использовать святую воду против новейших приемов дьявольского воздействия на духов. Однако не следует предполагать, что эти представления присущи только католикам. Каждый элемент в исследованиях монсеньора Гома представлен в регионе, где его церковь больше всего ненавидят. Мистер Джеймс Нейпир в своей недавней книге о фольклоре показывает нам, как шотландцы торопят новорожденных младенцев на крещение, чтобы они не стали "подменышами", и истинное значение обряда иллюстрируется воспоминаниями о его собственном детстве. Предполагалось, что он изнывает от Дурного глаза, и вызванная старуха, или 'скилли', тщательно заперла дверь, которую теперь отпирала ее пациентка, и продолжила следующим образом: 'У соседки был взят взаймы шестипенсовик, в камине горел хороший огонь, дверь была заперта, и меня посадили на стул перед камином. Продавщица, пожилая женщина, взяла столовую ложку и налила в нее воды. Затем шестипенсовиком она набрала столько соли, сколько в нее поместилось, и то и другое высыпала в воду в ложке. Затем воду размешивали указательным пальцем до полного растворения соли. Затем подошвы моих ног и ладони моих рук были трижды обмыты этим раствором, и после этих обмываний меня заставили трижды попробовать раствор на вкус. Затем оператор провела своим влажным указательным пальцем по моему лбу — так называемый *подсчет очков при дыхании*. Оставшееся содержимое ложки она затем вылила прямо над огнем, в дальнюю часть костра, сказав при этом: "*Постарайся сохранить это блюдо*'. Это были первые слова, которые было разрешено произнести во время операции. Затем меня уложили в постель, и, в подтверждение чар, я пришел в себя. Насколько мне известно, эта операция проводилась в течение этих сорока лет,

и, вероятно, во многих отдаленных уголках страны она практикуется до сих пор. Происхождение этого суеверия, вероятно, следует искать в древнем поклонении огню. Огромный пылающий костер, очевидно, был важным элементом сделки; и это был не единственный случай, когда внимание уделялось огню. Я помню, как меня учили, что плевать в огонь - плохая примета, и, скорее всего, вскоре после этого с теми, кто это сделал, случится какое-нибудь зло. Крошки, оставшиеся на столе после еды, были тщательно собраны и брошены в огонь. Обрезки ногтей и волос также были брошены в огонь. Эти уроды определенно выглядят как пережитки огнепоклонничества'. Возможно, здесь уместно отсылать читателя к тому, что было сказано в первом томе о Демонах Огня. Страх дьявола перед солью и, следовательно, перед водой подтвердил, возможно, более раннее представление всех огненных призраков о том, что естественным образом гасит пламя.

[←109]

Здесь мы получаем ключ к происхождению различных странных церемоний, с помощью которых люди связывают себя друг с другом. Michelet, in his 'Origines du Droit Français,' writes: 'Boire le sang l'un de l'autre, c'était pour ainsi dire se faire même chair. Ce символ, выражающий душу великого народа;' и он приводит примеры из жизни различных древних рас. Но, как мы здесь видим, эта практика изначально не принята как символ (никакие практики *не начинаются* с символов), а продиктована верой в то, что таким образом устанавливается природное сообщество и общность власти друг над другом.

[←110]

'Принципы социологии', i. глава xix. Ориген говорит, что человек ест и пьет с демонами, когда он ест мясо и пьет вино, приносимое в жертву идолам. (*Наоборот*. viii. 31.)

[←111]

"История высокогорья" доктора Джеймса Брауна, изд. 1855, i. 108.

[←112]

'Aurea Legenda.' История, переплетенная с историей открытия истинного креста императрицей Еленой, была плодотворной темой для художников. В различных вариантах он был написан Анджоло Гадди в Сан-Кроче во Флоренции, Пьетро делла Франческа в Ареццо и в Сан-Кроче в Германии. в Риме есть фрески, прославляющие Елену, в часовне, названной в ее честь, но в которую лица ее пола допускаются только раз в год.

[←113]

Из "Светской хроники", 11 февраля 1877г.

[←114]

Псалом lv.

[←115]

Jer. xxv. 38; xlv. 16; л. 16.

[←116]

Исайя xi. 2, 3.

[←117]

Более фатальный аспект голубя, как правило, связан с голубями, особенно с дикими голубями, которые в Ольденбурге и многих других регионах, как предполагается, предвещают бедствие и смерть, если они летают вокруг дома.

[←118]

Мемуары сэра Натаниэля Рексолла.

[←119]

Матфей. xii. 31.

[←120]

Знак III. 28.

[←121]

Передо мной рассказ матери-христианки о смерти своего ребенка, которого она посвятила Господу еще до его рождения, в котором она говорит: "Из его уст вырвался полный вздох, подобный эфирному пламени, легкое подрагивание губ, и все было кончено".

[←122]

‘Змеиный яд’. По сути, это то же слово, что и демонический Самаэль. Следующее взято из "Путешествий" полковника Кэмпбелла, ii, стр. 130: "В то время все еще было жаркое время года, и нам предстояло путешествовать по той стране, над которой ужасный ветер, о котором я упоминал ранее, проносил свои всепожирающие порывы; турки называют его Самизель, святой Иов упоминается под именем Восточного ветра и распространяет свои опустошительные действия на весь путь от крайнего конца Камбайского залива до Мосула; он несет с собой

хлопья огня, подобные шелковым нитям; мгновенно поражает насмерть тех, кто им дышит, и поглощает все живое". они превращаются изнутри в пепел; плоть вскоре становится черной, как уголь, и отваливается от костей. Философы рассматривают его как своего рода электрический огонь, возникающий из сернистых или азотистых выделений, которые разжигаются при волнении ветров. Единственный возможный способ избежать его фатального воздействия - упасть плашмя на землю и тем самым предотвратить его втягивание; однако для этого необходимо сначала увидеть его, что не всегда практически осуществимо".

[←123]

‘Священная антология’, стр. 425. Низами использует свою басню, чтобы проиллюстрировать действие даже невинного цветка на того, кого совесть сделала трусом.

[←124]

Нет ничего более естественного, чем Триада: области, которые проще всего различить, - это Верхняя, Средняя и Нижняя.

[←125]

Bhàgavat-Gita.

[←126]

Гулистан.

[←127]

Деяния ii.

[←128]

Сравните Бытие vi. 3. Иегова сказал: "Дыхание Мое не всегда будет пребывать в человеке".

[←129]

Среди многих пережитков этих представлений в цивилизованных странах можно отметить веру в то, что для освобождения от заклятия необходимо взять кровь у ведьмы над дыханием, *то есть*ртом и ноздрями; ‘забивать дыхание’ - шотландская фраза. Вероятно, это произошло ‘языческим’ путем; но оно встречается со своими христианскими родственниками в следующей истории, которую я нахожу в Мемориале, отправленном в Палату лордов в 1869 году преподобным Томасом Берни, настоятелем Брейкон—Эша, епархия Норвича: "За мной послали в спешке, чтобы я в частном порядке крестил ребенка, который, как считалось, умирал, и принадлежал родителям, которые жили ‘на пустоши’ в Хокеринге. Он действительно казался

очень больным, и его глаза были неподвижны, удивительно затуманены и тусклы. Приняв крещение, я почувствовала страстное желание получить возможность исцелить ребенка; и я очень искренне молилась Господу Богу Всемогущему, чтобы он дал мне веру и силу, которые позволили бы мне сделать это. И я положил свои руки ему на голову и опустил их на его плечи; а затем трижды подышал ему на голову во имя Господа Иисуса Христа. И пока я держал его на руках и с тревогой смотрел на него, его личико стало чрезвычайно красным и потемнело, и по мере того, как ребенок постепенно приобретал естественный цвет, глаза снова прояснялись; а затем он мягко закрыл глаза во сне. И я сказал матери, *чтобы она больше не прикасалась к нему, пока он не проснется*; но чтобы она носила его в колыбели таким, каким он был. На следующее утро я нашел ребенка совершенно здоровым. Она не прикасалась к нему, за исключением четырех утра, когда нужно было покормить его, когда он, казалось, мертвецки спал, и проснулся только в десять часов.’ Это было написано английским священником и датировано Карлтон-клубом! Курсив выделен в оригинале MS. сейчас передо мной. Важность того, чтобы ни одна земная рука не оскверняла тело, пока в нем работал дух, показывает, насколько полностью систематизировано то безумие, которое состоит в превращении человеческого разума в арену для выживания самых неподходящих.

[←130]

От Луки xxii. 31.

[←131]

Амос ix. 8, 9.

[←132]

1 Кор. 5.

[←133]

2 Кор. xi. 13.

[←134]

1 Иоанна iv. 2, 3.

[←135]

Поликарп, Послание к Филиппийцам, vii.

[←136]

2 Фес. ii.

[←137]

2 Петр ii. 15.

[←138]

Иоанн xvii. 12.

[←139]

‘Но, - говорит профессор Кинг ("Гностики", стр. 52), - беспристрастный исследователь обнаружит, что эти два ревностных Отца несколько искажают вопрос, предполагая, что митраистские обряды были изобретены как подделки под христианские таинства; первые действительно существовали задолго до распространения христианства’. Какими бы ни были случаи из жизни Христа, связанные с подобными вещами, безусловно, верно, как говорит профессор Кинг, что они "впоследствии были наделены мистическими и сверхъестественными добродетелями, на которых в более позднюю эпоху настаивали как на символах веры преуспевающие и недобросовестные миссионеры, стремившиеся превзойти привлекательность более древних церемоний родственного характера’. На паперти церкви *Бокка делла Верита* в Риме есть или была фреска, изображающая Цереру, очищающую кукурузу, и Бахуса, давящего виноград, с которых на стол внизу падают элементы Евхаристии. Это было описано мне моим другом, но когда я пришел посмотреть на это в 1872 году, оно было только что побелено! Я привлек внимание синьора Розы к этому постыдному поступку, и тогда у него появилась некоторая надежда, что эта очень интересная реликвия может быть возвращена.

[←140]

Указ. iv. 511. Кол. Агрип. 1616.

[←141]

Для получения подробной информации обо всех этих суевериях см. Айзенменгера (Entd. *Jud.li.Armillus*); Д'Эрбело (Bib. Ориентироваться. *Дэггил*); Баксторф ("Лексикон", "*Армиллус*"); Кальмет, "*Антихрист*"; и о том же слове Смит; также ценная статья в цикле Мак-Клинтока и Стронга. Букв. (Американский).

[←142]

Deutsch, 'Lit. Останки'. *Ислам*.

[←143]

"Библейские легенды" Вейля.

[←144]

Eisenmenger, ii. 60.

[←145]

См. том i, стр. 58 и 358.

[←146]

‘Zoroastrische Studien,’ pp. 138–147. С которым комп. Шпигель, Перевод. из Авесты, III. xlvii.

[←147]

‘Исследования по истории. эпохи Возрождения’. Макмиллан.

[←148]

‘Халд. Бытие" Джорджа Смита, стр. 84.

[←149]

Этот текст был выгравирован миссис Роуз Мэри Кроушей на могиле, которую она воздвигла в честь своего скромного соседа, мистера Норбери, который искал знания ради них самих. Немногие древние писания могли бы снабдить надпись столь подходящей.

[←150]

Мистер Бэринг-Гулд, цитируя это (из Анастасия Синаиты, Ὁμήρος Грецер, Ингольст. 1606, стр. 269), приписывает это сияющее лицо Сета его предыдущему персонажу как богу Солнца. (‘Старый тест. Легенды”, i. 84.)

[←151]

"Гностики" Кинга, стр. 53, н.

[←152]

Фраза Тертуллиана ‘Дьявол - это Божья обезьяна" в свое время стала популярной, и Обезьяна-дьявол часто изображался в искусстве — как, например, в "Распятии" Гольбейна (1477), ныне в

Аугсбурге, где Дьявол с головой обезьяны, крыльями летучей мыши и пылающими красными ногами уносит душу нераскаявшегося вора. Тот же предмет находится в той же галерее в Альтдорфере, где лицо Дьявола напоминает лицо гориллы.

[←153]

С. Кип. ап. Муратори, *Script. it.* i. 295, 545. Фокусники называли свои зеркала по имени этого цветочного дьявола - *Фиороне*. М. Мори, "Волшебство", 435 н. э.

[←154]

Вся эта тема рассматривается с многочисленными ссылками в книге М. Мори "Магия", стр. 41, *далее*.

[←155]

'La Sorcière.'

[←156]

'Скандинавские сказки' Дасента, вступление. ciii.

[←157]

"Чипсы", ii.

[←158]

"Честерские пьесы", 1600.

[←159]

"Декларация о папском самозванстве", 1603г.

[←160]

Итак, у Шекспира: "Черный дьявол проклянет тебя".

[←161]

В отчете за 1568 год мы находим: "заплатил за iij *лииз* heare ij^{svj}^d".

[←162]

В Указаниях к "Замку Доброй настойчивости" говорится: "И он ꙗвил плей беляль, потому что ꙗкоже в руках^p гунский порошок, когда он едет в батай".

[←163]

Это представление было широко распространено. Я видел старинную русскую картину, на которой дьявол танцует перед священником, который задремал над своим молитвенником. Когда-то в мусульманах разгорелся спор о том, справедливо ли паломникам не спать во время молитвы, жуя кофейные ягоды.

[←164]

‘Liber Revelationum de Insidiis et Versutiis Dæmonum adversus Homines.’ См. Рецензию Ревилла на книгу Роскоффа "Дьявол", стр. 38.

[←165]

Смотрите "Магию" М. Мори, стр. 48.

[←166]

История хорошо описана в небольшой работе доктора Альбера Ревилля ‘Аполлоний Тианский, языческий Христос’. Шатто и Виндус.

[←167]

Синистрари называет Лютера одним из одиннадцати человек, которых он перечисляет как порожденных инкубами, "Enfin, comme l'ecrit Codens, cité para Maluenda, ce damné Herésiarque, под именем Мартин Лютер". — "Признание", 30.

[←168]

"Садуцизм" Гланвиля.

[←169]

Король Лир, iii. 4. Асмодей и Мохаммед, без сомнения, искажены в этих именах, которые даны как имена дьяволов в "Декларации папского самозванства" Харсенета.

[←170]

"Беседа о колдовстве". В том виде, в каком она проводилась в семье мистера Эдварда Фэрфакса из Файстоуна, графство Йорк, в 1621 году. *Sibi parat malum, qui alteri parat.*'

[←171]

У. Ф. Пул, библиотекарь Чикаго, которому я обязан экземпляром отчета губернатора Томаса Хатчинсона о "Колдовском наваждении 1692 года" с его ценными заметками по этому поводу.

[←172]

Деликатность, с которой упоминаются эти животные, а не дают прямых имен, указывает на то, что в Эльфдейле они не настолько утратили свой грозный характер, чтобы о них можно было говорить опрометчиво.

[←173]

Гланвил, "Триумфальный садуцизм", стр. 170.

[←174]

Порфирий, ап. Евсевий. ст. 12. М. Мори предполагает, что формула, не сохранившаяся у Евсевия ("Magie", 56), является формулой, содержащейся в "Philosophumena", приписываемой Оригену: "Приди, адский, земной и небесный Бомбо! богиня дорог, перекрестков, ты, несущая свет, странствующая ночью, враг дня, друг и спутница тьмы; ты, радующаяся собачьему лаю и пролитой крови, блуждающая среди теней и над гробницами; ты, жаждущая крови и наводящая ужас на смертных, - Горго, Мормо, луна тысячи форм, помоги благосклонным взором нашим жертвоприношениям!"

[←175]

"Дьявол" и др., стр. 51.

[←176]

Scheible's 'Kloster,' 5, 116. Zauberbücher.

[←177]

'Фауст' Баярда Тейлора, примечание 45. Смотрите также его Приложение I. превосходное изложение легенды о Фаусте из лучших немецких источников.

[←178]

Тертулл. ad Marcion, iii. 18. S. Ignatii Episc. et Martyr ad Phil. Ep. viii. "Князь мира сего радуется, когда кто-либо отвергает крест, ибо он знает, что исповедание креста - его гибель".

[←179]

Посмотрите его "Акт" Симеона Метафраста.

[←180]

Меня очень поразило сходство между коренастым карликом-монахом на старой настенной картине в подвале Ауэрбаха, предназначавшейся для Мефистофеля, и портретом Асмодея в ранних изданиях "Дьявола Бойте". Но, поскольку дьяволы были в ходу в те дни, они достаточно симпатичны.

[←181]

Перевод Шелли.

[←182]

Перевод Баярда Тейлора. Сцена IV.

[←183]

Смотрите "Физиономию" Лафатера, фотографии XIX. и XX., на которой какой-то художник показал, какие вариации можно сделать на заказ для интеллектуального и доброжелательного лица.

[←184]

‘Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart.’ Von Dr. Adolf Wuttke, Prof. der Theol. в Галле. Berlin: Verlag von Wiegand & Grieben. 1869.

[←185]

‘Histoire de France et des Choses Mémorables,’ &c.

[←186]

Универсальный миф о Спящих, получивший христианизацию в мифе о Святом Иоанне и о Семерых, чей сон прослеживается вплоть до Тура, получил прямое языческое развитие в Джамии, Барбароссе, Артуре и их многочисленных вариантах. Легенда о замке Швейных Щитов в

Нортумберленде гласит, что король Артур, его королева и придворные остаются там в подземном зале, зачарованные, пока кто-нибудь не протрубит в горн у входа в зал, а затем "каменным мечом" срежет подвязку, положенную рядом с ним. Но никто никогда не слышал, где находится вход в этот заколдованный зал, пока пятьдесят лет назад один фермер не сидел с вязанием на развалинах замка, и его клюка не выпала и не побежала вниз через заросли шиповника в глубокий подземный ход. Он очистил портал от сорняков и мусора и, войдя в сводчатый коридор, пошел по тропинке. Пол был кишмя кишит жабами и ящерицами; вокруг него испуганно порхали летучие мыши. Наконец его слабеющее мужество подкрепил тусклый, далекий свет, который по мере того, как он продвигался, становился постепенно ярче, пока вдруг он не вошел в обширный сводчатый зал, в центре которого горел огонь без топлива, исходивший из широкой щели в полу и горевший высоким и переливчатым пламенем, освещавшим все резные стены и резную крышу, а также монарха, его королеву и придворных, отдыхающих в театре с тронами и дорогими ложами. На полу, за камином, лежала верная и крепкая свора из тридцати пар гончих, а на столе перед ней лежали рог, меч и подвязка, разрушающие чары. Пастух крепко сжал меч, и когда он вытащил его из ржавых ножен, глаза монарха и его придворных начали открываться, и они поднялись, пока не сели прямо. Он разрезал подвязку, и по мере того, как меч медленно вкладывался в ножны, заклинание обретало свою древнюю силу, и все они постепенно погрузились в покой; но не раньше, чем монарх поднял глаза и руки и воскликнул:

О горе тому злому дню

На котором родился этот безмозглый упырь,

Кто обнажил меч — перерезал подвязку,

Но так и не протрубил в горн.

Ужас привел к потере памяти, и пастух не смог ни дать сколько-нибудь верный отчет о своем приключении, ни снова найти вход в заколдованный зал.—*"Нортумберленд" Ходжсона.*

[←187]

Эта великая дискуссия между животными и мудрецами приведена в 'Священной антологии' (Лондон: Trübner & Co. Нью-Йорк: Henry Holt & Co.). Это очень древняя история, и, вероятно, она была записана в начале христианской эры.

[←188]

Станным доказательством невежества в отношении индуистской религии является то, что Джагернатх, воспитанный в духе осуждения жестокости по отношению к людям и животным, был превращен миссионерским мифом в западную притчу о человеческих жертвоприношениях!

[←189]

Святой Олаф = Стули = Тули.

[←190]

Хеймдалль превозносит себя

Его поднятый рог;

Один советуется

Голова Мимира;

Старый ясень все еще стоит

Иггдрасиль

До самой вершины своей потрясен,

И гигант вырывается на свободу.—*Волуспа*.

[←191]

"Ригведа", х. 99.

[←192]

‘Зоолог. Миф.’, ii. 8, 10 и др.

[←193]

"Махавансо". Переведено достопочтенным. Джордж Тернур, Цейлон, 1836, стр. 69.

[←194]

Существовал древний обычай приносить оленя на главный алтарь Даремского аббатства, причем жертвоприношение сопровождалось наматыванием рогов, в День Святого Креста, что наводит на мысль о форме умилоствления Дикого Охотника в охотничий сезон. На холмах Чевиот есть пропасть под названием "Куриная нора", "в середине лета в ней часто можно увидеть снежное яйцо, и рассказывают, что группа охотников, преследуя косулю, была заманена в нее феями и никогда больше не могла выбраться’. — ‘Настольная книга пограничника’ Ричардсона, vi 400. Обузданный дьявол Даремского собора может быть намеком на Дикого охотника.

[←195]

В допетровскую эпоху богословия эта надежда, по-видимому, посещала умы некоторых, например Оригена. Но за многие столетия использования Дьявол стал настолько важен для престола христианства, что теологи были более готовы избавить Бога от своей системы, чем

сатану. 'Даже умная мадам де Сталь, - сказал Гете, - была сильно возмущена тем, что я поддерживал Дьявола в таком добродушном расположении духа. В присутствии Бога-Отца, настаивала она, он должен быть более мрачным и злобным. Что она скажет, если увидит, что его повысили на ступеньку выше, — нет, возможно, встретит его на небесах?' Хотя в другом разговоре с Фальком Гете намекает, что он написал отрывок, 'где сам дьявол получает благодать и милосердие от Бога', художественная теория его поэмы не допускает более близкого подхода к этому, чем те заключительные строки ("Фауст", II.), в которых Мефистофель упрекает "закоренелого дьявола" и себя за их неправильное управление. Для изолированного, еще не очеловеченного интеллекта чувственность - зло, когда она бессмысленна, и ее ад - безумие.

[←196]

"Демониалит", 60-62 и др. Мы можем надеяться, что этот ученый человек во время своего пребывания на посту инквизиции проявил некоторое милосердие к беднякам, которых притащили к этому трибуналу.

[←197]

'Реверберации'. У. М. У. Колл, магистр медицины, Кембридж. Второе издание. Trübner & Co., 1876.

[←198]

Считалось, что Святой Грааль был сделан из самого крупного из всех бриллиантов, выпавших из короны сатаны, когда он упал с Небес. Охраняемый ангелами до тех пор, пока его не использовали на Тайной вечере, он в конечном итоге был защищен рыцарем Артура Персивалем и — такова ирония мифологии — косвенно с помощью собственного сына сатаны, Мерлина!

[←199]

См. статью мистера Дж. А. Фруда в "Журнале Фрейзера", февраль 1878 г., "Ориген и Цельс".

[←200]

"Эпоха Перикла" мистера У. У. Ллойда, том ii, стр. 202.

[←201]

Журнал Цейлонского отделения R. A. S., 1865-6: Статья "Демонология и колдовство на Цейлоне" Дандриса де Сильвы Гунератне Модляра.

[←202]

Еврипид, "Медея", 574.

[←203]

"Потерянный рай", х. 860.

[←204]

Геродот, "Клио", 7-14, 91.

[←205]

‘Выражение эмоций’. Чарльз Дарвин. Лондон: Мюррей, 1872. Глава IV.

[←206]

Присвоение имени Евы жене Ноя - не единственная значимая черта в этой русской традиции и ее изображении. Длиннобородые дьяволы нигде не являются нормальными, за исключением представлений Восточной церкви о монархе Ада. Обратившись к стр. 253 этого тома, читатель заметит влияния, которые привели к тому, что адский царь был представлен как двойник Божества. Поскольку это предание о жене Ноя наводит на мысль о гностическом происхождении, оно действительно выглядит так, как будто дьявол в нем должен был играть ту роль, которую гностики приписывали самому Иегове (т. ii, с. 207). В раввинских легендах говорится, что дьявол соблазнил жен сыновей Ноя; эта легенда, кажется, показывает, что его целью было полностью заселить постдилювиальный мир своим собственным потомством, поскольку это был Ильдабаоф, или деградированное издание Иеговы, пытающегося основать свою собственную семью на земле различными способами, описанными в томе i, глава 8.

[←207]

"Нишаматх Хаджим", фол. 139, кол. 2.